

Новое
Литературное
Обозрение

ПОЛИТИКА АПОЛИТИЧНЫХ

Гражданские движения в России 2011—2013 годов

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2014

УДК 323.22
ББК 63.3(2)64-4
П50

Книга написана и составлена на базе
Лаборатории публичной социологии
и Факультета свободных искусств и наук СПбГУ.
Рекомендовано к печати решением Ученого совета
Факультета свободных искусств и наук СПбГУ от 26 июня 2014 года

Рецензенты:

*канд. социол. наук Е.А. Здравомыслова (ЕУ СПб),
канд. филол. наук И.А. Калинин (Факультет свободных искусств и наук СПбГУ)*

П50 Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011—2013 годов / Коллективная монография; Алюков М.А., Ерпылева С.В., Желнина А.А., Журавлев О.М., Завадская М.А., Клеман К., Магун А.В., Матвеев И.А., Невский А.В., Савельева Н.В., Туровец М.В.; редакторы Ерпылева С.В., Магун А.В. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 480 с.

ISBN 978-5-4448-0218-2

Книга написана на основе коллективного эмпирического исследования протестного движения в России, проведенного в 2011—2013 годах. Авторы книги — молодые политические социологи из Петербурга и Москвы — используют глубинные интервью и другие, преимущественно качественные, методы исследования, а также теории политической субъективности и различные подходы к политизации и деполитизации субъекта в современном обществе. В результате удается выявить сложный и парадоксальный характер политической вовлеченности российских граждан, участвовавших в движении «За честные выборы» и других протестных движениях недавнего времени. Их политизация строится на основе прежде выработанной аполитичности и антиполитичности и лишь отчасти преодолевает ее, отчасти же — на нее наслаивается. Это дает возможность диагностировать слабые и сильные стороны движения, а также пути его развития или угасания.

УДК 323.22
ББК 63.3(2)64-4

© Авторы, 2014

© ООО «Новое литературное обозрение». 2014

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	7
----------------	---

Часть 1

ПРОТЕСТНАЯ ПОЛИТИКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

1. <i>Олег Журавлев</i> . Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов.....	27
2. <i>Карин Клеман</i> . К вопросу о локальном и глобальном в низовых социальных движениях России в 2005—2010 годах.....	71
3. <i>Светлана Ерпылева</i> . «На митинги я не ходил, меня родители не отпускали»: взросление, зависимость и самостоятельность в деполитизированном контексте	106

Часть 2

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО 2011—2012 годов: ПРЕДПОСЫЛКИ И СПЕЦИФИКА ПРОТЕСТА

4. <i>Анна Желнина</i> . «Я в это не лезу»: восприятие «личного» и «общественного» среди российской молодежи накануне выборов.....	143
5. <i>Максим Алюков</i> . От публик к движению: контрпубличные сферы в российском интернет-пространстве перед протестом.....	181
6. <i>Маргарита Завадская, Наталья Савельева</i> . «А можно я как-нибудь сам выберу?»: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011—2012 годов	219

Часть 3

СУБЪЕКТ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В ДВИЖЕНИИ «ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ»

7. <i>Светлана Ерпылева, Максим Кулаев</i> . Митинги в России 2011—2012 годов: вернулась ли политика на улицу?	271
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

8. <i>Илья Матвеев</i> . «Две России»: культурная война и конструирование «народа» в ходе протестов 2011—2013 годов	292
9. <i>Артёмий Магун</i> . Протестное движение 2011—2012 годов в России: новый популизм среднего класса	311
10. <i>Олег Журавлев, Наталья Савельева, Максим Алюков</i> . Куда движется движение: идентичность российского протеста	350

Часть 4

ОТ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ К АКТИВИСТАМ

11. <i>Андрей Невский</i> . Крымск 2012: мобилизация волонтеров в контексте политических протестов	391
12. <i>Мария Туровец</i> . Противостояние деполитизации: движение против добычи никеля в Воронежской области.....	408
13. <i>Олег Журавлев, Наталья Савельева, Светлана Ерпылева</i> . Разобщенность и солидарность в новых российских гражданских движениях	445
Сведения об авторах.....	472

ВВЕДЕНИЕ

Ощущение эйфории было всеобщим. И я шла с ксерокопией паспорта, у меня с собой телефоны дежурных адвокатов, в кармане мелочь — несколько купюр, обувь без шнурков — мы шли как на войну. А вокруг такие счастливые люди: смотрите, у нас плакаты, смотрите, сколько нас. Хватит сидеть на кухне, надо выходить.

*Из интервью с активисткой движения
«За честные выборы»*

Сегодня любой из нас с уверенностью определит, о каких именно событиях идет речь в приведенном выше отрывке. Предлагаемая вниманию читателя книга — результат большого политико-социологического исследования этих событий. Оно было проведено в 2011—2013 годах группой исследователей из Лаборатории публичной социологии, Европейского университета в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургского государственного университета, при финансовой и институциональной поддержке Факультета свободных искусств и наук СПбГУ¹. Исследование было посвящено массовому гражданскому движению 2011—2013 годов в России, начавшемуся масштабными акциями протеста против фальсификаций на выборах в Государственную думу России в декабре 2011 года.

Это движение (мы будем условно называть его движением «За честные выборы», кратко — ДЗЧВ) отличает ряд важных особенностей, а именно:

¹ НИР «Политическая субъективизация в России: история и современность», ФСИН СПбГУ, 2012—2013 гг.

Появление в России массовых демонстраций впервые с 2005 года.

Появление в России массовых демонстраций с политическими лозунгами впервые с 1993 года.

Политизация ранее аполитично и даже антиполитично настроенных граждан.

Движение за демократию и честные демократические выборы со стороны многочисленного активного меньшинства общества.

Отказ участников движения от идеологического самоопределения.

Индивидуалистические мотивации участия в сочетании с самоценностью факта коллективного действия.

Все это делает движение «За честные выборы» феноменом не просто интересным, но и полезным для оценки состояния современного российского общества, которое из деполитизированного превращается во все более граждански и политически активное. Авторы настоящей монографии поставили своей целью в первую очередь изучение движения в его субъективном измерении: исследование основных мотивов и самоидентификации участников, осознаваемых ими политических целей, внутренних противоречий и перспектив развития движения в будущем. Для этого в качестве основного метода был избран метод интервью. В частности, мы использовали небольшие полуструктурированные или глубинные интервью с участниками протестных митингов и с представителями активистских групп, выросших из ДЗЧВ. Сознательный выбор в пользу интервью был вызван, в числе прочего, желанием заполнить пробелы, которые остались после массовых опросов, проводившихся на протяжении развития протестного движения крупными опросными центрами. Именно полуструктурированное или глубинное интервью могло позволить нам получить доступ к мотивам участников митингов, вскрыть ряд противоречий движения, порой не замечаемых самими протестующими, обнаружить потенциальные направления его развития.

За последние десятилетия в социологии общественных движений появились фундаментальные работы, авторы которых показали преимущества качественных методов (в первую очередь интервью и включенного наблюдения) перед опросными техниками — там, где ставилась

цель исследовать *субъективный* аспект протестных движений¹. Опросы, редуцируя политическую субъективность до набора статичных «ценностей», «установок» и «предпочтений», не позволяют схватить ее подвижность, изменчивость и внутреннюю противоречивость, зависимость от контекста. Как верно указала американский социолог Нина Элиазоф в своей книге о «работе избегания политики» в США, утверждение Х. Арендт о том, что публичная сфера, где и развиваются протестные движения, находится *между* людьми, заставляет, при планировании эмпирических исследований протестов, принимать в расчет те быстро меняющиеся контексты и ситуации, в которых люди вырабатывают и изменяют свои убеждения, ценности и идентичности². Наши **интервью** на массовых митингах и в штабах локальных активистских групп, выросших из этих митингов, в палаточных лагерях российского «Оккупая» и в кафе с отдельными участниками движения, взятые у одних и тех же людей на взлете протестов и в моменты кризиса, а также включенные **наблюдения** позволили нам рассмотреть многогранную и пеструю картину современной российской протестной политики.

Предметом нашего исследования было прежде всего движение российского общества от деполитизации к политизации, и, таким образом, нашим объектом стала *субъективность* представителей этого общества. Многие исследователи (Э. Баталов, Б. Гладарев, А. Гудков и Б. Дубин, А. Магун, С. Прозоров, А. Смолар, О. Хархордин, М. Ховард) отмечали, что деполитизация 1990-х и 2000-х вызвана не только отсутствием публичных институтов, организационных структур или ресурсов — их было предостаточно в период активности зарубежных фондов и государственной поддержки «гражданского общества», — но и субъективной установкой на отказ от добровольного участия в публичных институтах. В этих условиях новый виток политической активности предполагает

¹ См., напр.: *Baiocchi G., Corder A., Bennett E., Klein P., Savell S.* Disavowing Politics: Civic Engagement in an Era of Political Skepticism // *The American Journal of Sociology*. Fall 2013. № 34; *Eliasoph N.S.* Avoiding Politics: How Americans Produce Apathy in Everyday Life. Cambridge: Cambridge University Press., 1998; *Polletta F.* It Was Like Fever: Storytelling in Protest and Politics. Chicago: University of Chicago Press 2006. 256 p.; *Perrin A.J.* Citizens Speak: The Democratic Imagination in American Life. Chicago: University Of Chicago Press, 2006.

² *Eliasoph N.S.* Avoiding Politics.

трансформацию *прежде деполитизированных* субъективностей, полноценное изучение которых невозможно без опоры на методы интервью и наблюдения.

Все исследования в этой книге посвящены протестным движениям в России, но разные главы рассматривают разные его *случаи* (кейсы). Мы обращаемся к таким эмпирическим объектам изучения, как:

- а) социально ориентированные протесты в регионах России в 2005—2010 годах (глубинные интервью, наблюдения);
- а) массовые митинги в Москве и Санкт-Петербурге в 2011—2012 годах (полуструктурированные интервью, наблюдения);
- б) дискуссии в социальных сетях в Интернете накануне мобилизации и либеральные СМИ, освещавшие события протестов (анализ СМИ);
- в) подростки, принимавшие участие в митингах «За честные выборы» в Москве и Санкт-Петербурге (глубинные интервью);
- г) неполитизированные молодые люди из Санкт-Петербурга и Выборга, их политические взгляды и предпочтения (глубинные интервью, фокус-группы);
- д) новые локальные активистские группы, которые были созданы в районах Москвы и Петербурга участниками ДЗЧВ (глубинные интервью, наблюдения);
- е) мобилизация волонтеров, участников ДЗЧВ, для поездки в Крымск (глубинные интервью, наблюдения);
- ж) протесты против медно-никелевых разработок в Воронежской области, происходившие параллельно с ДЗЧВ (глубинные интервью, наблюдения).

* * *

Основным результатом наших исследований стало понимание парадоксальности политического участия в эпоху деполитизации. Российское общество прошло волну интенсивной политизации в ходе Перестройки 1985—1991 годов, однако непосредственно вслед за этим активно отвергло политику — как сферу и как практику. Вот в этом обществе и произошла в конце 2000-х годов новая политизация. Ее лозунги демократизации и борьбы с коррупцией несли на себе неотъемлемые

наследственные черты установок аполитизма. Участники движения не признавали политических и идеологических различий, зачастую не доверяли ни одной институциональной политической силе, предпочитали говорить на языке морали, а не политики, отказывались делить пространство вокруг себя на своих и чужих (притом что «чужие» могли быть хоть как-то тематизированы — «жулики и воры», «Единая Россия», «чиновники» и т.п., «свои» определялись максимально абстрактными инклюзивными категориями — «граждане», «народ»). Такой особый — и политический, и деполитизированный — протест несет на себе родовые черты постсоветского общества — общества, в котором монополией на публичную политику долгое время обладала партия-государство и, как следствие, не сложилась *культура* гражданского и политического участия. Но только в такой деполитизированной форме протест и был способен привлечь сотни тысяч граждан России, заставить эти сотни тысяч покинуть свою уютные дома и вместе выйти на площадь. Специфическим особенностям протеста и превращению людей «из обывателей в активистов» в особой деполитизированной ситуации и посвящена настоящая монография.

Историческая специфика российского общества, а также междисциплинарная теоретическая рамка (социология общественных движений, политическая теория, политическая история, сравнительная политология) позволили нам в этой книге вступить в продуктивный диалог со многими существующими теориями общественных движений. Разумеется, нельзя приписывать российскому обществу абсолютную уникальность, однако некоторые общие тенденции предстают здесь ярче, и результаты наших исследований российских общественных движений могут быть использованы для анализа взаимодействия политизации и деполитизации в других странах. При этом многие современные теории общественных движений ограничиваются исторической привязкой к *однонаправленным* тенденциям позднего модерна (формирование нового среднего класса, его индивидуализация и персонализация, сетевой характер солидарности, постматериализм и т.д.), не всегда замечая в пейзаже «новых новых социальных движений» *драматическое* столкновение антисоциальных и деполитизирующих тенденций (характерных для неолиберализма) с активным протестом против неолиберальной системы — при наличии в современном обществе неисчерпанного потенциала

широкой горизонтальной солидарности. А если, в связи с этим, ситуация двунаправленна и двулика, то изучать следует не только ее *статiku*, но и историческую *динамiku* в разнообразии ее возможностей. Российское общество, пережившее, в отличие от западного, двадцать пять лет крайне насыщенной и противоречивой истории, обеспечивает нам в этом смысле привилегированную точку зрения.

В названии нашей монографии неслучайна аллюзия на знаменитый манифест Вацлава Гавела «Власть безвластных» (1978). В 1980-х годах весь мир аплодировал мирным революциям в Восточной Европе, а потом и в СССР, которые рассматривались как триумф свободоблюбивого «гражданского общества» над «тоталитарными» государствами. В условиях политической несвободы и идеологического гнета граждане — в основном, хотя и не только, интеллектуалы, вставшие в оппозицию к коммунистической идеологии и к советской гегемонии над Восточной Европой, — сумели самоорганизоваться, построить альтернативные, оппозиционные структуры «гражданского общества» и противопоставить режиму свое моральное превосходство. В СССР то же самое в меньшем масштабе пытались реализовать «диссиденты». Понятие «гражданское общество» стало актуальным для восточноевропейских движений именно потому, что оно означало сферу политической борьбы на уровне идеологии и альтернативной самоорганизации, не предполагающей взятия в руки политической власти. Отсюда же формула Гавела о «власти безвластных» — моральной, идеологической гегемонии, которая сосуществует с монополией на насилие в руках враждебного государства. Вот что, в частности, он писал:

Я считаю, что истоки Хартии 77 [основополагающего документа чехословацких диссидентов] иллюстрируют... тот факт, что в посттоталитарной системе реальная основа движений, приобретающих политическое значение, не состоит из напрямую политических событий или конфронтаций между открыто политическими силами. Эти движения большей частью возникают в другом месте, в широкой сфере «предполитического», в которой сталкиваются жизнь по лжи и жизнь по правде... Этот конфликт приобретает политический характер не в силу политического характера своих целей, но в силу того, что в сложной манипулятивной системе посттоталитаризма любое свободное действие

или высказывание, любая попытка жить по правде представляют угрозу системе и поэтому являются по преимуществу политическими¹.

Среди советских диссидентов преобладала еще более радикальная идея отказа от политики как таковой. Как писал один из первых советских диссидентов В. Турчин еще в 1968 году:

Марксизм-ленинизм проповедует в теории и проводит на практике предельную политизацию всех аспектов общественной жизни. ...Мир нуждается сейчас в противоположной установке на деполитизацию важнейших аспектов жизни... Основная идея Международной Амнистии — деполитизировать представление о гражданских и политических правах личности... Исполнок веков эти вопросы относились к сфере политики. Международная Амнистия переносит их в сферу общечеловеческой нравственности, в сферу духовной культуры².

Выйдя на поверхность в период горбачевской либерализации, диссидентское движение действительно завоевало широкую поддержку разных слоев общества, став, наравне с коммунистами-реформаторами, одной из движущих сил разрушения Советского государства. Однако, разрушив советский режим, демократическое движение оказалось бессильным противопоставить ему какую-либо собственную конструктивную программу. В результате распада государства-партии новыми лидерами были приняты стандартные либерально-демократические конституции (где демократический элемент по определению сведен к партийной политике и выборам представителей) и введена неолиберальная экономическая политика. Одновременно в обществе установилась приветствуемая

¹ *Havel V.* The Power of the Powerless: Citizens against the State in Central-Eastern Europe. London: Hutchinson, 1985. P. 10.

² *Турчин В.* Инерция страха. Социализм и тоталитаризм. Нью-Йорк: Хроника, 1978. 295 р. Благодарим Бена Натанса за привлечение нашего внимания к этому фрагменту и за его замечательную реконструкцию идеологии диссидентов в многочисленных работах на эту тему. См., напр.: *Nathans B.* Soviet Rights-Talk in the Post-Stalin Era // S.-L. Hoffmann (Ed.) Human Rights in the Twentieth Century. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2011. P. 166—190; *Idem.* The Dictatorship of Reason: Aleksandr Vol'pin and the Idea of Rights under «Developed Socialism» // Slavic Review. Vol. 66. № 4 (Winter, 2007). P. 630—663.

государством политическая демобилизация масс. Лишившись массовой поддержки, политическое руководство России совершило авторитарный поворот и фактическую зачистку публичной сферы, место которой заняли политические технологии. В условиях разочарования в итогах демократического движения и экономических реформах, а также в отсутствие внятной политической альтернативы коммунистическому проекту, канувшему в прошлое, общество погрузилось в многолетнюю деполитизацию, которая не позволила осуществиться переходу к столь желаемой еще недавно демократии.

В этом контексте истории позднего СССР и постсоветской России большинство авторов данной монографии и рассматривают особую «аполитичность» ДЗЧВ. В ней — его слабость, то, что привело движение к ряду противоречий и кризисов и в конце концов свело его на нет, но в ней же — и его сила, то, что позволило массе людей почувствовать себя частью — пусть и временной — общности. Некоторые из них смогли впоследствии преодолеть эту «аполитичность» и превратить спонтанный гражданский опыт в более долговременный и регулярный. Одним из важных эффектов движения «За честные выборы» стало возникновение на его волне локальных гражданских инициатив (впрочем, несвободных от тех же противоречий), многие из которых продолжают свою деятельность и по сей день — таким инициативам посвящена последняя часть нашей книги. На этой же волне массовой общественной мобилизации сложилось и плодотворное сотрудничество между авторами данной монографии.

* * *

Впрочем, познакомились мы друг с другом гораздо раньше. Несколько членов Лаборатории публичной социологии (PS Lab), будучи студентами Московского государственного университета, принимали участие в протесте против низкого качества образования на социологическом факультете МГУ¹. Опыт участия студентов-социологов в протестном движении уже тогда подтолкнул их к идее создания независимой исследовательской группы, которая занималась бы проблемами политики и политического вовлечения. Позднее, создав вместе с коллегами

¹ <http://www.od-group.org>.

собственный исследовательский центр на базе Центра независимых социологических исследований, бывшие участники протестного движения в МГУ сделали выбор в пользу публичной социологии, обращаясь в своих исследованиях к общественно и политически значимым темам. С другими авторами данной монографии исследователи из Лаборатории публичной социологии встретились в стенах Европейского университета в Санкт-Петербурге. С осени 2011 года в ЕУ СПб стартовали теоретические семинары, в рамках которых большинство авторов книги совместно обсуждали проблемы вовлечения людей в гражданскую и политическую активность в особой российской ситуации. Во время внезапно вспыхнувших массовых протестов декабря 2011 года теоретический семинар вышел на улицы: сотрудники PS Lab, преподаватели Европейского университета и Факультета свободных наук и искусств СПбГУ, а также другие участники семинара вместе организовали эмпирическое исследование протестного движения. Результаты этого исследования, а также результаты индивидуальных и коллективных проектов мы и представляем читателю.

Несмотря на то что авторы — разные люди, каждый со своими исследовательскими и теоретическими интересами, монография предлагает единую концепцию и обладает ясной внутренней логикой. Первая ее часть посвящена политической *субъективизации и социализации* в современном российском обществе. Глава Олега Журавлева посвящена феномену посткоммунистической деполитизации, являющей собой, как показывает автор, сложный исторический процесс. Этот процесс включает в себя стигматизацию публичного и политического, распад коллективных идентичностей, «коллективную атомизацию» и т.п. Все эти элементы сопровождают главную тенденцию деполитизации: экспансию приватной сферы и демонтаж сферы публичной в позднесоветском и постсоветском обществе. Предмет интереса Карин Клеман — массовые общественные мобилизации в России до 2011 года, в частности протест против монетизации льгот и борьба жителей Калининграда против городского мэра. Исследование Клеман демонстрирует ключевые паттерны широкой общественной мобилизации в России: вторжение власти в частное пространство «обычных» людей, нарушение их повседневности становятся основными условиями для их вовлечения в протест. В этом смысле такие движения следуют обратному ДЗЧВ

пути конкретного и локального протеста, последним этапом которого только в некоторых случаях становятся большие обобщения повестки на уровень страны. Впрочем, по мнению К. Клеман, подобная политизация, при всех ее издержках, даже ближе к подлинной политике, чем абстрактно гражданские движения в духе ДЗЧВ. Светлана Ерпылева, изучая особенности политической социализации по ходу взросления молодых людей в современной России, показывает, насколько сложным остается переход из приватной сферы в публичную во время массовой гражданской мобилизации. Появление политической сознательности не мешает гражданам «оберегать» своих выросших детей от политики, причем и подростки, и взрослые разделяют патерналистскую идеологию, признающую за подростками самую разнообразную самостоятельность, *кроме* политической.

Безусловно, протесты, стартовавшие в России в декабре 2011 года, возникли не на пустом месте. Предпосылкам и специфике первых массовых демонстраций посвящена следующая часть монографии. Анна Желнина анализирует процесс постепенной политизации городской молодежи незадолго до декабрьских выборов. Она приходит к выводу, что симпатия молодежи по отношению к индивидуалистическим ценностям (личное достоинство, свобода, право принимать решения относительно собственной жизни), воспитываемая в современном обществе вообще, стала основой для последующей мобилизации молодых людей — именно эти темы захватили их в политическом протесте. Почву для протестов подготовили также оппозиционные пропагандистские кампании на страницах СМИ вместе со спонтанными обсуждениями политических событий в социальных сетях в интернете. Максим Алюков прослеживает, как в контрпубличном интернет-пространстве постепенно, в течение нескольких предпротестных лет появлялись сообщества, которые учились интерпретировать события и вести политическую дискуссию, а также как формировалась оппозиционная коллективная идентичность, впоследствии проявившаяся во время офлайн-мобилизации. Благодаря этому «подготовительному» процессу формирования протестной идентичности, связанному с усилением влияния оппозиции и развитием электронных медиа, — как показывают Наталья Савельева и Маргарита Завадская в своей главе второй части монографии, — выборы стали восприниматься одновременно как «личное» дело каждого и как «общественная проблема», затрагивающая интересы всех.

Таким образом, выборы превратились в тот «триггер», который и был способен запустить процесс общественной мобилизации в российском обществе — индивидуализированном и одновременно обладающим запросом на солидарность.

Третья часть монографии посвящена субъекту, идентичности и самоопределению в движении «За честные выборы». Светлана Ерпылева и Максим Кулаев в главе «Митинги в России 2011—2012 годов: Вернулась ли политика на улицу?» поднимают проблему невозможности внутреннего самоопределения движения: они связывают ее с отсутствием политического языка у «рядовых» протестующих, с их приверженностью моральной риторике и нежеланием противопоставлять себя некоему внешнему врагу, различать внутренние конфликты и противоречия. Артемий Магун и Илья Матвеев, каждый в своей главе соответственно, говоря о самоидентификации участников протеста, обращают наше внимание на две противоположные тенденции. Магун, опирающийся на интервью с участниками митингов, обнаруживает распространенную тенденцию определять собравшихся как «народ» — в противовес объективным данным, говорящим об их преобладающей принадлежности к «среднему классу»; это позволяет ему определить идеологию движения как парадоксальный *популизм* образованных слоев. Илья Матвеев, со своей стороны, обоснованно указывает на наличие обратной тенденции — к *антипопулизму*. Опираясь в основном на анализе публичного дискурса, Матвеев выделяет линию на противопоставление протестующих как специфической элиты общества — бедному, бескультурному и конформному большинству. В завершающей эту часть главе Олег Журавлев, Наталья Савельева и Максим Алюков задаются общим вопросом о том, почему ДЗЧВ не породило конкретных политических программ и лозунгов, специфических коллективных идентичностей, новых объединяющих идей и идеологий. Авторы приходят к парадоксальному ответу: участники движения сознательно отказывались от артикуляции каких бы то ни было специфических коллективных принадлежностей вследствие двух противоположных причин. С одной стороны, они опасались того, что эти обобщающие конструкции станут угрожать их персональной идентичности и «личной свободе», а с другой — боялись, что эта конкретика расколет «единство» движения.

12 июня 2012 года состоялся последний крупный митинг в рамках движения «За честные выборы». Однако те небольшие гражданские со-

общества, группы и инициативы, которые родились на волне массовой мобилизации, до сих пор продолжают свое существование. Кто-то из них достиг невероятных успехов, а кто-то — испытывает кризисы, вызванные рядом противоречий, «унаследованных» от ДЗЧВ. Последняя часть данной монографии посвящена развитию таких инициатив. В ней авторы пытаются понять, какие условия необходимы для институционализации протеста, трансформации спонтанного акта выхода на площадь в устойчивые структуры гражданского общества. Некоторые упомянутые в этой части сообщества с самого начала создавались для решения некой конкретной проблемы и, добившись реализации своих планов, распадались. Одному из них — волонтерскому движению в помощь пострадавшим в городе Крымске — посвящена глава Андрея Невского. Впрочем, поводом для организации большей части новых гражданских инициатив, в отличие от подобных им групп «допротестного периода», служила не насущная потребность решить какие-то частные проблемы, а «гражданская ответственность», общее благо. Однако, как показывают в своем тексте Олег Журавлев, Наталья Савельева и Светлана Ерпылева, эти инициативы унаследовали ряд противоречий, присущих ДЗЧВ в целом, например противоречие между разобщенностью (индивидуализмом) и желанием сохранить коллективность, обретенную во время массовой гражданской мобилизации. Более успешными в этом смысле оказались инициативы, участники которых до мобилизации обладали сильной локальной коллективной идентичностью и чья деятельность была связана с проблемами местного сообщества. Об одном из таких движений — антиникелевом протесте — рассказывает в своей главе Мария Туровец.

Несмотря на общий диагноз и методологическое единство, некоторые главы зачастую вступают между собой во внутренний диалог и даже спор. Основным теоретическим нервом книги, поскольку она посвящена соотношению политического и аполитичного, является собственно определение политического. Все авторы соглашались относительно того, что российское общество деполитизировано (это своего рода эмпирическая очевидность), но не всегда сходятся в том, что именно означает политизация или деполитизация и как их определить.

Сама проблематизация «политического» как некоторой ценности отсылает к недавним дискуссиям в политической теории. Критики современного западного общества отмечают, что прагматически-эко-

номическое понимание демократии, распад альтернативных идеологий и партий, разрастание частной сферы развлечения и потребления несут в себе риск исчезновения *политики* как сферы, предполагающей коллективное действие во имя универсально формулируемых целей, за которое участники несут личную и коллективную *ответственность* (несводимую к морали и расчету) и которое осуществляется *полемиически* по отношению к другим действиям и ценностям. Исчезновение подобной сферы, как считается, может сделать бессмысленной демократию, ослабить социальные связи, замкнуть человека в его маленьком частном мире, обрекая тем самым на отчаяние, и привести к новому деспотизму, о котором предупреждал еще Токвиль. Разумеется, мы воочию видим множество «новых» и «новых новых» общественных движений, но возможная их критика заключается в том, что они не занимают ответственных, принципиальных позиций по общим вопросам развития общества, не претендуют на выработку государственной политики, а если и делают это, то привлекают лишь небольшую мобилизованную часть общества. Вместе с тем революционные движения 2009—2014 годов в Европе, Америке, Африке, России и Украине, такие как «Индигнадос», «Оссиру Wall Street», волна «Арабской весны», Майдан, показали неоднозначное влияние деполитизирующих тенденций на революционную политику. Несмотря на безусловную прогрессивность идеи прямой демократии, борьбы за демократизацию самих движений и утверждения примата политической власти простых людей, противостоящих коррумпированному государственному и парламентским институтам, отказ от полноценной политической репрезентации, политического лидерства, идеологии, а также от претензии на собственное видение государства сделал движения уязвимыми в борьбе с противником -- капиталом и государственной властью. В этой связи движение «За честные выборы», революционное во многих своих проявлениях, также является случаем, изучение которого должно привести к пониманию поражения современных революций. В России, как уже было указано, общий процесс деполитизации усугубляется сознательным, рефлексивным отторжением «политики» как сферы насильно навязываемых пустых идеологий и циничных действий, прикрываемых лицемерной риторикой (т.н. политтехнологий). Это антиполитическое кредо стало гегемонным в 1990-х годах под воздействием комплекса факторов (радикального неприятия советского режима как

сверхполитизирующего, неприятия нового неолиберального курса, реакции на антидемократический поворот демократа Ельцина в 1993-м и др.); активно поддерживаемое государственными СМИ в 2000-х, оно доминировало вплоть до недавнего времени.

С этим комплексным пониманием деполитизации согласятся многие теоретики и большинство авторов этой книги, но тем не менее в нем выделяются разные акценты.

К. Шмитт, один из родоначальников апологии «политического», понимал его прежде всего как сферу *антагонизма*. Политика существует там, где нет самоочевидного решения и нужно занять позицию на свой страх и риск. За ее необходимостью у Шмитта стоит онтология расколотого мира, в котором нет и не может быть единого и всех устраивающего принципа. Антагонизм — опора политического *субъекта*, без которого политика невозможна¹. В современной дискуссии позицию, близкую к Шмитту, занимает Ж. Рансьер, который называет политическое сферой «диссенсуса». Но Шмитт здесь уточняется: диссенсус есть не просто вражда, но и взаимонепонимание, а политический субъект должен не просто бороться, но еще и появляться из ничего². В последнем они сходятся с другим политическим теоретиком — А. Бадью. Но если для Шмитта появление политического субъекта — это экзистенциальный акт, в котором он различает друга и врага, то Бадью показывает, что такой акт может строиться только на основе реального и универсального основания — непредсказуемого и нарушающего рутинные процедуры *события*³. Таким субъективирующим событием как раз и можно считать массовую мобилизацию 2011 года в России. Соответственно, Шмитт, Рансьер и Бадью одинаково критикуют деполитизированное общество как общество консенсуса и конформизма, где морализм мешает признавать реальность конфликта, а также подчеркивают необходимость присутствия субъекта для такой антагонистичной политики. Ряд авторов данной монографии, в особенности Максим Кулаев, Светлана Ерпылева и Максим Алюков, отчасти солидаризируются именно с этим видением политического.

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37—67.

² Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. 190 с.

³ Бадью А. Можно ли мыслить политику? Краткий курс метаполитики. М.: Логос, 2005. 240 с.

В то же время есть и другая традиция рассмотрения политическо-го — прежде всего как публичной сферы, публичности. Здесь важен не столько конфликт, сколько наличие коллективного, заметного другим *действия*, которое направлено на неопределенных других, апеллирует к ним, вступает с ними в диалог (необязательно антагонистический). В этой парадигме, в свою очередь, разные авторы подчеркивают различные аспекты публичности. Так, для Х. Арендт важнее всего оказывается способность к объединяющему действию¹ и признаками деполитизации служат прежде всего разобщенность и индивидуализм (присущие, например, насилию). Именно в этой парадигме написан текст Артемия Магуна, который помещает в центр ДЗЧВ проблему солидарности и коллективной идентификации. Конфликт «диктатуры приватного» и публичной сферы как пространства коллективного действия и коллективной идентичности, преодолевающих деполитизацию, находится в центре рассмотрения Максима Алюкова, Светланы Ерпылевой, Олега Журавлева, Натальи Савельевой. Так, например, О. Журавлев отмечает проблематичную «самореферентность» и самооценку политики как коллективного действия.

В то же время, по мнению Анны Желниной, признак «коллективности» не так уж важен для определения политического — персонализированная деятельность может быть политической, если выдвигает цели и ставит проблемы *общего блага*. С Желниной согласны Маргарита Завадская и Наталья Савельева, отмечающие «встроенность» личного в политическое в случае российского общества 2010-х.

Как известно, для Ю. Хабермаса и его школы на первый план в определении политики выходит *универсальность* выдвигаемых проблем, высокий уровень их обобщения и направленность на продуктивный диалог² — при том что Хабермас рискует упустить здесь антагонистическую политизацию по Шмитту и Рансьеру, а также потенциальный дискриминационный характер такой политики. Арендт и Хабермас вместе формируют традицию описания и апологии *публичной сферы* в ее противопоставленности «частной» — пространства равенства

¹ *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.

² *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: MIT Press, 1991. 301 p.

и личной ответственности. О. Хархордин¹ и Б. Гладарев² продуктивно продолжают эту линию, показывая, что в России не сформированы сами языки публичного общения, а это препятствует выработке публичной (не частной) солидарности. С. Ерпылева в главе, посвященной искусственному самозамыканию подростков в частной сфере, использует и Арендт, и Хархордина для идентификации противоречий российского общества. М. Алюков в своей главе (причем с ним согласны и Ерпылева с Кулаевым в их совместном тексте о политической конфликтности) подчеркивает, что публичная сфера вовсе не обязательно консенсуальна, она не должна элиминировать политическое противостояние и конфликт. В этой связи он обращается к концепциям «контрпубличных сфер», разработанным Н. Фрейзер³, А. Ключе, О. Негтом⁴, которые в определенной степени сплетают в одно целое проблемы антагонизма, субъекта и публичности, объединяя два вышеупомянутых подхода.

К Хабермасу близки в данном случае Л. Болтански и Л. Тевено с их теорией градов⁵. Видя необходимость «подъема к общему», Л. Болтански и Э. Кьяпелло⁶ критикуют общественные движения после 1968 года, которым дух критики помешал консолидироваться и выработать обобщенную повестку дня. Данное определение политики как обобщенности, универсальности требований и самоопределений фигурирует в главах Анны Желниной, Марии Туровец и Карин Клеман. При этом и Туровец, и Клеман отмечают, что обобщения требований *недостаточно*: нужна еще органическая, эмпирически ощутимая повестка дня, отсутствующая у ДЗЧВ и присутствующая у многих локальных движений. Настаивая на

¹ Хархордин О. Введение // От общественного к публичному / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 7—12.

² Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному. С. 69—304.

³ Frazer N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Social Text. 1990. № 25/26. P. 55—80.

⁴ Negt O., Kluge A. Public Sphere and Experience. Toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere. London: University of Minnesota Press, 1993. 305 p.

⁵ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости / Под ред. Н.Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.

⁶ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.

этой характеристике политического, Клеман вносит в книгу очень важный аргумент, показав, что деполитизация может заключаться как в недостатке, так и в избытке обобщенности: по видимости *сверхполитическое* движение, ставящее вопросы только общегосударственного уровня, рискует стать *абстрактным* и деполитизированным уже в смысле оторванности от действительности. Туровец, соглашаясь в этом с Клеман, использует введенные Ж. Рансьером категории «архиполитического», «ульtrapолитического» и «парapolитического» в качестве форм потери политического как такового, активно используемых властью в дискурсивной борьбе против движений.

Итак, политическое должно быть не только общим и общезначимым, но и материально ощутимым — *конкретным*. Именно поэтому Маркс настаивали на том, что политика, затрагивая государственные вопросы, должна исходить из *гражданского общества* и возвращаться в него. Отталкиваясь от марксистской традиции, Карин Клеман пишет, что политика должна стать борьбой социальных групп за собственное видение общества и свое место в его социальной структуре — борьбой, которая единственно ведет к переустройству общества. В этой связи характерно, что движение «Occupy Wall Street», избегая конкретных требований, настаивая на самоценности публичной сферы и выдвигая универсальную идентичность «Мы — 99%», наполнило эту идентичность социальным содержанием. Это были 99 процентов непривилегированного большинства, пострадавшего от экономического кризиса, развязанного 1 процентом богачей с Wall Street. В свою очередь, отказ ДЗЧВ от социальной спецификации собственной идентичности не позволил ему, в отличие от OWS, заявить собственную позицию в публичных дебатах об устройстве общества. Но в отсутствие «верхнего», политического уровня деятельности и самосознания или без революционной трансформации, вообще сливающей гражданское с политическим, гражданское общество остается сферой разобщения и атомизации. Именно на это обращает внимание Олег Журавлев, указывая в своей главе на необходимость институционализации политического: не то чтобы политика сводилась к институционализации, но без институтов она несовершенна и не завершена.

Таким образом, в книге налицо разнообразие определений политического; каждое из них обогащает наше понимание российской ситуации и добавляет критерии его критики и самокритики. Возникающие при этом противоречия являются во многом противоречиями самого предмета рассмотрения. Это в самом движении мы наблюдаем смесь самоорганизации и анархии, идеологичности и беспринципности, гнева и вежливой лояльности, элитизма и популизма. И отсюда же — частные, казалось бы полярные, определения политического как вражды и как всеобщей солидарности народа, как государственного и как общественного, как общего и как материально ощутимого, как консенсуса и как диссенсуса, как зоны зрелого достоинства и как вторжения в эту зону униженных плебеев.

Движение «За честные выборы» осталось в прошлом, но необратимо трансформировало ситуацию в российском обществе. Зерна, которые оно посеяло, продолжают давать свои ростки. Вне зависимости от политической симпатии к данному движению оно, бесспорно, способствовало преодолению антиполитических ценностей, развитию гражданской вовлеченности и солидарности, по крайней мере у одной из страт современного российского общества. Дальнейшее развитие российского гражданского общества должно будет рано или поздно разрешить апорию аполитичной политики, которая в очередной раз вышла на первый план российской истории.

*Коллектив авторов,
весна 2014*

Часть 1
ПРОТЕСТНАЯ ПОЛИТИКА
В ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ

Олег Журавлев

ИНЕРЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕПОЛИТИЗАЦИИ И ПОЛИТИЗАЦИЯ 2011—2012 ГОДОВ

Погуляю по квартире,
Упаду на унитаз,
Затем выйду на балкон...
Поплывать в рабочий класс!
Группа «Ленинград»

Эти строки из популярной песни группы «Ленинград» иностранцу показались бы бессмысленным набором слов: как связаны между собой падение на унитаз и рабочий класс и почему лирическому герою так хочется плюнуть в рабочий класс утром с похмелья? Между тем слова из эпиграфа звучат более чем привычно для многих российских слушателей — они как будто выражают существенную часть нашего здравого смысла. Дело в том, что эта незамысловатая фраза — формула посткоммунистической деполитизации, которая, на мой взгляд, является одной из определяющих черт нашей современности. Желание плюнуть из обжитого домашнего пространства в «рабочий класс», этот осмеянный символ политической борьбы, — прекрасная метафора деполитизации в России, где аполитичность стала результатом обособления и противопоставления двух миров: частного и публичного.

Падение интереса к публичной политике, приведшее к отказу от участия в ней подавляющего большинства граждан, происходило параллельно утверждению в позднесоветском и постсоветском обществе примата частного сферы, которая противостояла официальной публичности как ложной реальности, насильственно коллективизированной, политизированной и идеологизированной. Альтернативой

коллективности официальной публичной сферы в виде профсоюзов, партийных и комсомольских ячеек стал атомизированный индивидуализм, но особого рода — не исключающий тесных неформальных связей, прежде всего дружеских. Я бы предложил назвать этот феномен «коллективной атомизацией»¹. Универсалистским идентичностям и идеологиям был противопоставлен культ «нормальной жизни» и потребления². Наконец, все, что было связано по своему смыслу с «политикой», объявлялось ненавистным или осмеивалось — так, например, Россен Джагалов напоминает, что в посткоммунистических

¹ Важно подчеркнуть, что в структуре позднесоветской и постсоветской деполитизации официальной коллективности противостояла не «атомизация» или «индивидуализм», но именно приватность. Ш. Фицпатрик утверждает, что Х. Арендт некорректно называла сталинское общество «атомизированным» — напротив, семейные и дружеские связи в нем только укреплялись (*Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared* / M. Geyer and S. Fitzpatrick (Eds.). Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2009. 536 p.). Как подчеркивает М. Ховард, «членов посткоммунистических обществ нельзя назвать ярыми членами гражданского общества, но нельзя назвать их и атомизированными индивидами, лишенными социальных отношений. Скорее, они — сознательные акторы, борющиеся с вызовами дезориентирующего мира» (*Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе*. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 15). Опорой в этой борьбе, по мнению Ховарда, служит личная дружба, приватный, однако при этом коллективный социальный институт. Польский политический ученый А. Смолар рисует сходную картину социальной структуры позднесоветских обществ, добавляя важную характеристику, которую можно было бы назвать коллективной атомизацией, образующей буферные зоны между официозно-публичным и так и не сформировавшимся приватным: «В 1970-х дружеские и родственные связи начали формировать неформальные социальные сети, которые не только позволяли получать материальные выгоды, но и удовлетворяли потребность в чувстве принадлежности к сообществу. Общество, казалось, состояло из двух частей: с одной стороны, из официозных институтов, а с другой, из неформальных связей, спонтанно формировавшихся в ответ на принудительное встраивание в официальный мир. В какой-то момент эта взаимная адаптация привела к интеграции и разложению обоих миров. Неформальные сообщества подрывали логику официальных институтов, в то время как официальный мир интенсифицировал патологическую тесноту неформальных социальных уз. Приватное и публичное постепенно проникали друг в друга: государство было приватизировано, а частная жизнь стала коллективной» (*Smolar A. From opposition to atomization* // *Journal of Democracy*. 1996. № 7.1. P. 36).

² *Прозоров С.* Второй конец истории: политика бездействия от перестройки до Путина // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 2 (82). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/2/p12.html> (дата обращения: 27.02.2014).

странах слово «рабочий», как и «народ», нельзя было произнести без усмешки¹. Иными словами, деполитизация была не просто нарастанием политической апатии, а настоящей войной миров, в результате которой частная жизнь стала верховной, подлинной реальностью, а публичная сфера была отвергнута и стигматизирована.

Взаимосвязь различных элементов деполитизации в повседневном опыте посткоммунизма удачно выражена в песне Сергея Шнурова. «Погуляю по квартире, упаду на унитаз» — это и есть опыт приватной сферы, которая, по мысли французского социолога Лорана Тевено, практикуется в особом «режиме близости» в домашнем обиходе, где «все разбросано вокруг вас, но вас не беспокоят валяющиеся вокруг одежда, книги и диски, грязные кофейные чашки и старый кофейник без ручки на столе»²; «рабочий класс» — это комическая и в то же время ненавистная эмблема одновременно и коллективности, и политики, которые, отождествляясь друг с другом, отвергаются в посткоммунистической деполитизации в форме и циничного скепсиса, и яростного отрицания («поплевать» в данном случае означает и наплевательское отношение, и нескрываемую агрессию — желание плюнуть). Как мы увидим, обращаясь к различным национальным контекстам, презрение к «политике» не обязательно предполагает отказ от участия в публичной сфере, циническое неприятие любой коллективности и уж тем более погружение с головой в частную жизнь — например, публичность гражданского общества может быть противопоставлена политике как «активизм» ответственных граждан — «грязным играм» продажных политиканов. Однако в посткоммунистической деполитизации все эти компоненты образуют единое целое, что и зафиксировано, точно и доходчиво, в песне группы «Ленинград».

Деполитизация тотальна: в позднесоветском и постсоветском обществе представители всех слоев социума возненавидели «политику» во всех ее проявлениях и жанрах, от протестов до государственного

¹ Джагалов Р. Антипопулизм постсоциалистической интеллигенции // Неприкосновенный запас. 2011. № 1 (75). С. 134—153.

² Thévenot L. Le Régime de familiarité. De choses en personne // Geneses. 1994. Vol. 17. Цит. по: Хархордин О. Прагматический поворот: социология А. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. С. 9.

управления. Буквально все, что ассоциировалось с политикой, было стигматизировано и отринуто. Однако в первую очередь *была отвергнута сама форма политического — ассоциация, единство, переживаемое, учреждаемое и репрезентируемое в публичной сфере*, — причем отвергнута большинством, можно даже сказать, всем обществом. В этой связи российские протесты 2011—2012 годов являются особенно интересным событием, поскольку они бросали вызов самой тотальности деполитизации. На мой взгляд, движение «За честные выборы» отличается от остальных мобилизаций последних двух десятилетий тем, что оно ознаменовало собой тенденцию к *политизации общества*: это была попытка нормализации «политики» в глазах большинства, в первую очередь в ее формальном аспекте — протестующие наслаждались самим опытом политической ассоциации и публичной дискуссии, с интересом осваивали техники мобилизации, открывали для себя новые способы самовыражения через практики политической репрезентации и саморепрезентации. Они «играли» в политику. Революционный смысл российского протестного движения 2011—2012 годов заключается в учреждающем жесте отмены деполитизации: участники митингов не столько бросали вызов правящему режиму, сколько попытались сделать «политику» привлекательной для общества в целом. Возможно, сами того не сознавая, своими действиями протестующие *совершили инверсию здравого смысла деполитизации* — они стремились донести до большинства (насколько успешно — отдельный вопрос) идею о том, что политика — это не «грязное дело», а, наоборот, нечто захватывающее и притягательное.

В своей главе я сосредоточусь на анализе логики политизации 2011—2012 годов в условиях инерции деполитизации. Сначала я проанализирую специфику деполитизации в России, а затем покажу, что, хотя деполитизация (стигматизация всего, что связано с «политикой») и политизация в указанном выше аспекте (нормализация стигматизированного) — это две противоположности, первая не только обуславливает отказ от политического участия, но и влияет на сам ход второй. Политизация не просто «отменяет» деполитизацию, она созревает на ее почве. Политизация и деполитизация взаимодействуют, формируя облик протестного движения, ставка которого — само существование политики в обществе.

Но как «схватить» деполитизацию в момент, когда она отступает под натиском политизации, как зафиксировать ее логику, воздействующую на ход политического движения, которое ее же и преодолевает? Многие авторы данной монографии взялись за исследование роли деполитизации в динамике российских протестов, однако почти никто из нас¹ не изучал деполитизацию как таковую до старта последних. В связи с этой методологической трудностью представляется важным обратиться к критическому обзору научной литературы, посвященной посткоммунистической деполитизации. Ниже я проанализирую различные теоретические подходы и результаты эмпирических исследований деполитизации, в то же время показывая ее влияние на политизацию, выявленное в рамках эмпирического анализа.

Во введении к настоящей монографии мы указали на разнообразие теоретических подходов к пониманию политического. Поскольку в центре моего анализа — политизация как нормализация *самой формы политической ассоциации*, в противовес стигматизации «политики» вследствие установления примата приватной сферы, в анализе как деполитизации, так и политизации я буду опираться на теории публичной сферы и политического события, которые, во-первых, подчеркивают *самореферентность политического участия, или примат формального* в политике, и, во-вторых, противопоставляют политику частной жизни.

Ханна Арендт утверждает, что политика идентична публичной сфере, в которой свободные и равные граждане участвуют в дискуссии об общих заботах и упражняются в виртуозности совместного действия. Публичная сфера определяется через противопоставление приватной, и, таким образом, о публичности можно говорить только в ее соотношении с частной жизнью². Такое определение публичного акценти-

¹ За исключением А. Желниной, см. главу 4 в данной монографии: «“Я в это не лезу”: восприятие “личного” и “общественного” среди российской молодежи накануне выборов».

² Актуальность классической теории публичной сферы для анализа деполитизированного контекста объясняется, помимо прочего, тем, что различие приватного и публичного в его опыте, как и в концепции Арендт, онтологизируется, только «наоборот»: если для Арендт лишь публичная сфера является подлинным, реальным миром (в отличие от приватной), то для деполитизированного общества лишь частная жизнь реальна в эмпирическом смысле, так как она поглощает собой жизненный мир индивидов. Теория Арендт в последнее время была подвергнута пересмотру, в первую очередь теми, кто выступил

рует формальный аспект политики: в публичной сфере первостепенны коллективность бытия и перформативность политического поступка, которые, вне зависимости от того, по поводу чего они происходят, какое содержание в себе заключают и на какие проблемы направлены, превращают индивидов в полноценных субъектов за счет включения в единственно подлинный мир публичности:

с критикой тезиса о непроницаемости границы между приватным и публичным как условия политической свободы. Так, Джудит Батлер указывает на очевидный факт: следуя логике Арендт, мы должны были бы оставить женщин и мигрантов в тени приватного, что противоречило бы демократической политике, нацеленной на освобождение угнетенных (*Butler J. Bodies in Alliance and the Politics of the Street // European institute for progressive cultural policies. September, 2011. URL: <http://www.eipcp.net/transversal/1011/butler/en> [date of access: 20.02.2014]*). Сходным образом Нэнси Фрейзер в статье «Переосмысливая публичную сферу» пишет, что некоторые значения «приватного... служат идеологическим ограничением публичной сферы, дискриминируя социальные группы угнетенных» (*Fraser N. Rethinking the Public Sphere... P. 73*). Фрейзер считает, что «риторика приватности исключает некоторые проблемы и интересы из публичной дискуссии, персонализируя и одомашнивая их» (*Ibid. P. 73*). Исследовательница выступает против «анклавизации этих проблем в специализированных дискурсивных пространствах, изъятия их из публичных дебатов» и, тем самым, — против четкого разграничения публичного и приватного (*Ibid. P. 73*). Вполне разделяя эту критику в адрес Арендт, я все же хотел бы подчеркнуть актуальность ее теории для постсоветского общества, в котором публичная сфера фактически демонтирована. Становление публичности в обществе, поглощенном частной сферой, с неизбежностью будет означать восстановление границы между приватным и публичным. Если Батлер и Фрейзер критикуют своеобразное господство маскулинной публичности, которая в западных обществах вытесняет за свои пределы то, что объявляется приватным, домашним, то в случае российского общества следовало бы критиковать «диктатуру приватного», которая подчиняет своей логике всю жизнь индивидов, лишая их публичного существования. Иными словами, утверждение публичной сферы в деполитизированном обществе представляет собой не просто политизацию, или «опубликование», домашнего, к чему справедливо призывают Фрейзер и Батлер, но возведение публичной сферы как места и институционализированного опыта. Следовательно, политизация будет в таком случае означать не столько помещение приватного в публичное, сколько разрыв с тотальностью приватной сферы и возврат публичного публичному, или возвращение политического в публичное, — а значит, определение приватного как того, что отличается от публичного, отстоит от него. Если Фрейзер и Батлер считают необходимым оспаривание границ между приватным и публичным, то политизация в деполитизированном контексте предполагает проведение границы между приватной и публичной сферами в самом процессе создания последней.

[В]сякий, помимо своей частной жизни, получил своего рода вторую жизнь, свой βίος πολιτικός. Каждый гражданин отныне принадлежал двум порядкам существования, и его жизнь характерным образом строго делилась на то, что он называл своим собственным (ιδίον), и то, что оставалось общим (κοινόν); [напротив, в приватной жизни люди] лишены действительности, возникающей оттого, что тебя видят и слышат¹.

Паоло Вирно, вслед за Арендт, понимает политику как «общечеловеческий способ извещения о чем-то новом, внутреннее отношение со случаем и непредсказуемостью, пребывание в присутствии других» и утверждает, что «сегодняшнее постфордистское множество² является множеством деполитизированным» вследствие «кризиса политики», который проявляется в «неуважении, окружающем политическую практику»³. В этой связи политизация представляла бы собой реполитизацию, то есть возвращение «уважения» к самой форме политической ассоциации, объединяющей индивидуальные тела и умы в публичную сферу, а также к самому понятию «политического».

Самореферентность политического в его контрасте с приватным — основной постулат концепций публичной сферы, а также теорий, определяющих политику через событийность. В последние годы социологи, изучающие протест, все чаще обращаются к проблематике *события*. Ключевой чертой политических событий — чертой, которая, собственно, и образует их «событийность», — является не только их неожиданность и моментальность на фоне повседневной рутины частной жизни, но и их самостоятельная ценность — субъективное значение, приписываемое мобилизации как таковой ее участниками и наблюдателями. Иными словами, событийность протеста состоит в том, что он воспринимается и переживается не просто как средство достижения тех или иных целей, но как нечто ценное и важное само по себе. Как отмечает Донателла делла Порта, в опыте политического события «коллективное действие

¹ Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. С. 76.

² «Множеством» Вирно называет современную общественную конфигурацию, противопоставленную государственной форме единства — «народу».

³ Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М.: Ad Marginem, 2013. С. 51.

само по себе позволяет вырваться из нищеты и одиночества повседневной жизни и объединиться в моменте коллективной экзистенции и солидарности, которые являются захватывающим опытом»¹. По моему мнению, новизна и значение движения «За честные выборы» состоят в том, что в его рамках коллективное действие и публичная сфера стали восприниматься как обладающие самостоятельной ценностью². На фоне предшествующего опыта деполитизации событийность митингов «За честные выборы», их самореферентность артикулировалась самими участниками демонстраций в форме утверждения примата политической ассоциации на фоне разобщенности частной жизни. Во множестве наших интервью непрестанно возникал и повторялся, звучал рефреном мотив единства:

В: Что вам нравится на этом митинге?

О: Нравится, что нас много, что мы есть, что мы говорим, что мы пришли. (ж., ок. 1974 г.р., высшее образование, 25 февраля 2012, Санкт-Петербург).

Коллективное действие было не просто самоценным в восприятии участников митингов — участие в нем делало их самих полноценными субъектами, сообщая их жизни новое, публичное измерение. Можно сказать, что участие в митингах позволило им обрести то, чего они были лишены в условиях деполитизации:

В: Как вы считаете, каким образом вы можете лично повлиять на ситуацию в стране?

О: Прийти на митинг. Просто показать, что я не пустое место, что я тоже что-то значу. (ж., ок. 1990 г.р., незаконченное высшее образование, 26 февраля 2012, Санкт-Петербург).

¹ Della Porta D. Eventful Protests, Global Conflicts // Distinktion. Scandinavian journal of Social Theory. 2008. № 17. P. 27—56; цит. p. 36.

² Отчасти это роднит российские протесты с «новыми новыми общественными движениями» Америки и Европы 2009—2011 годов, специфика которых, по мнению социолога Джеффри Гольдфарба, состояла в том, что опыт политической ассоциации и публичной дискуссии воспринимался в качестве цели, а не только средства политической борьбы (см. работы Гольдфарба на сайте www.deliberatelyconsidered.com).

В следующем разделе я проанализирую специфику посткоммунистической деполитизации, а затем покажу, как она соотносится с политизацией в рамках движения «За честные выборы», значение которого, на мой взгляд, состоит в учреждающем жесте нормализации «политики».

Специфика деполитизации в России: диктатура частного

Чтобы понять специфику постсоветской деполитизации, нужно поместить изучаемый нами российский случай в глобальный сравнительный контекст. В действительности деполитизация, понимаемая как отрицание политики, нежелание иметь дело с «политическим», стигматизация того, что связано со «сферой политики», — не исключительно российский или посткоммунистический феномен. Отказ от политики — обсуждаемая тема и в американском, и в западноевропейском публичных дебатах, и в академических дискурсах. Аллен Бадью пишет о «странном исчезновении политики» в современных либеральных демократиях¹. Колин Крауч считает, что в течение XX века мы наблюдали спад интереса к политике и постепенный отказ масс от участия в ней, которые в итоге привели к имитации демократии в Европе². Однако, пожалуй, самыми интересными в ракурсе нашей проблематики представляются работы американских социологов и исследователей общественных движений, в которых затронута тема деполитизации. Эти ученые, так же как и мы, анализируют деполитизацию и политическое участие в терминах теорий публичной сферы, и, так же как и мы, они озабочены скепсисом и даже цинизмом граждан в отношении «политики». Анализ американской аполитичности, которая становится все более заметной и тревожной тенденцией, позволит мне точнее определить специфику посткоммунистической деполитизации и выделить ее ключевые специфические черты.

¹ Бадью А. Можно ли мыслить политику. Краткий курс метаполитики.

² Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 192 с.

Отрицание политики: продуктивная деполитизация в Америке

Изучая американские волонтерские движения, американский социолог Нина Элизоф обнаружила, что их участники часто отказывались рассматривать свои действия как «политические», даже если объективно они напрямую касались публичной политики и даже если в других контекстах волонтеры уверенно говорили о своей деятельности как о политическом активизме: «в интервью они настаивали, что занимаются тем, что “близко к дому”, “нужно для их детей”, “затрагивает их лично”, — тем, чего “реально достичь” и что “не является политическим”»¹. Помимо отказа называть свою деятельность «политической», активисты избегали проблем, которые слишком очевидно соприкасались с «большой политикой» — причем даже тогда, когда эти проблемы были «близкими к дому» (в этих ситуациях волонтеры старались не замечать их «близости», как, например, в случае с дислокацией напротив домов жителей военных атомных линкоров, угрожающих здоровью детей и окружающей среде). Однако, утверждает Элизоф, вопреки собственным объяснениям американские волонтеры действовали в определенном идеологическом горизонте, а вовсе не прибегали к активизму для решения практических трудностей. По мнению исследовательницы, волонтеры ограничивали свои действия близкой, почти приватной сферой, для того чтобы ощущать себя способными «влиять на положение дел», *действенность и ценность которой гарантированы американской идеологией демократии*. Другими словами, деполитизация в американском случае представляет собой не инструментализацию гражданского участия, но, напротив, дискурсивную игру в риторику «малых дел», цель которой — воспроизводство демократической идеологии в ситуации отчуждения граждан от принятия политических решений:

Для активных, ориентированных на участие в сообществах волонтеров эгоистический дискурс личного интереса служил защитой демокра-

¹ *Eliasoph N.S. Close to Home: The Work of Avoiding Politics // Theory and Society. 1997. № 26 (October). P. 608—609.*

тического идеала, в соответствии с которым люди должны чувствовать эффективность своих действий [хотя бы] в малых делах. ...Несмотря на риторику корысти, волонтеры вовсе не высчитывали индивидуальную выгоду от активизма, но полагались на определенную [культуру], которая научила их превращать чувство бессилия в чувство удовлетворенности от результатов своей деятельности. Волонтеры *желали* верить, что все люди осведомлены о своих желаниях, что они эгоистичны, что тратят свою энергию благоразумно¹.

Элизаоф скептически оценивает стратегию и риторику «реальных дел», которая, замыкая гражданское участие в сфере приватно-близкого, хотя и делает это с целью производства empowerment, в действительности приводит к сужению пространства маневра коллективного действия, тем самым лишь усугубляя бессилие и ограниченность граждан. По ее мнению, вследствие все большего ограничения области мыслимого, произносимого и практикуемого в коллективном действии, происходит «испарение» публичной сферы из американского общества².

Элизабет Беннет и ее соавторы в сходном исследовании активистских и волонтерских групп говорят об «отрицании политики» (disavowing politics). Социологи обнаружили, что, занимаясь проектами, которые традиционно относят к политизированной деятельности, например борясь против загрязнения окружающей среды и за сохранение исторического наследия, организуя кампании против социального неравенства, освещая предвыборные гонки или разоблачая коррупцию в политических администрациях, активисты упорно отказываются определять свою деятельность как «политическую». Беннет и ее коллеги приходят к выводу: «отрицание политического» является следствием того, что «политика» в американском обществе все больше ассоциируется с чем-то продажным, грязным, коррумпированным. Поэтому она «стигматизируется» и «табуируется». В то же время, утверждают авторы, скептицизм в отношении политики далеко не всегда приводит к отказу от (де-факто политического) участия. Напротив, отрицание политики —

¹ Ibid.

² Ibid.

это стратегия, нацеленная на легитимацию собственной активистской деятельности и производство новых условий возможности публичной сферы: «противопоставленная политике, воспринимаемой как “зло”, гражданская активность может быть “благом”»¹. Авторы приходят к выводу, что отрицание политики — это способ «продемонстрировать, что активист, то, чем он занимается, а также группа, к которой он принадлежит, — вне политической сферы»². Таким образом, обратной стороной стигматизации политики становится стратегическое обособление публичной сферы от «загрязняющей» последнюю области «политического» в целях легитимации³.

Итак, в случае исследования Элиазоф мы имеем дело со стремлением «избегать политики», чтобы сохранить действенность традиционной демократической идеологии, гарантирующей возможность граждан «влиять на то, что происходит», пусть и ценой «сжатия» публичной сферы и перемещения гражданской активности в приватно-близкое пространство; а в случае исследования Беннет и ее коллег мы наблюдаем «отрицание политики» с целью воспроизводства публичной сферы за счет ее обособления от стигмы «политического». Сравнение с американской аполитичностью позволяет лучше понять специфику постсоветской деполитизации.

Работа деполитизации в России

В ситуации посткоммунистической деполитизации мы также имеем дело со стигматизацией политики, однако ее отрицание более радикально. Российские исследователи показали, что с конца 1970-х, но в особенности с начала 1990-х, разочарование как в официальной публичной сфере, так и в низовой политике привело к тому, что, отвергая власть коммунистического руководства, люди отринули вместе с ней и идеологию, и публичную сферу, и коллективное действие как таковые.

¹ *Baiocchi G., Cordner A., Bennett E., Klein P., Savell S.* Disavowing Politics: Civic Engagement in an Era of Political Skepticism. P. 523.

² *Ibid.* P. 531.

³ *Ibid.*

Опыт политической социализации в позднесоветском обществе вкупе с чувством горечи от поражения демократического движения конца 1980-х — начала 1990-х прочно связал публичность, коллективность и идеологию в одном ассоциативном ряду и закрепил их отторжение в стигме «политического»¹. И если в американском случае, как замечают Беннет и ее коллеги, «отрицание политики запускало работу идентичности: участники гражданского общества устанавливали границы между собой и "политическим", чтобы утвердить позитивную идентичность для самих себя и снискать доверие и легитимность в глазах других»², то в российском обществе, как утверждает Сергей Прозоров, деполитизация представляла собой отказ от каких бы то ни было коллективных идентичностей, сопровождавшийся утверждением «этики неучастия» в виде организованного скепсиса — мобилизованного равнодушия по отношению к официальной политике и политике вообще. «Радикальное неучастие» — так характеризует Прозоров политику посткоммунистической деполитизации³. В результате ненависть к «политике», переплетаясь с отвержением насаждаемых в советском обществе идеологии, публичности и коллективности, привела к их противоположности — диктатуре приватной сферы. И если продуктивность отрицания политики в американском обществе зиждется на противопоставлении «плохой» официальной политики и «хорошей» публичной сферы⁴,

¹ См. различные объяснения деполитизации в: *Прозоров С.* Второй конец истории: политика бездействия от перестройки до Путина [Электронный ресурс]; *Магун А.* Опыт и понятие революции // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 54—79; *Пензин А.* Формирование политической субъективности: между «тоской» и изобретением общей жизни // Художественный журнал. 2010. № 75/76. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/75—76/penzin> (дата обращения 20.04.2014); *Гудков А., Дубин Б.* Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма / Под ред. М. Липман и А. Рябова. М.: Изд-во Р. Элинина, 2007. С. 56; *Kharkhordin O.* The corporate ethic, the ethic of samostoyatel'nost and the spirit of capitalism: reflection on market-building in post-soviet Russia // International Sociology. 1994. Vol. 9. № 4. P. 405—429.

² *Baiocchi G., Corder A., Bennett E., Klein P., Savell S.* Disavowing Politics: Civic Engagement in an Era of Political Skepticism. P. 518—548; цит. p. 532.

³ *Прозоров С.* Второй конец истории: политика бездействия от перестройки до Путина [Электронный ресурс].

⁴ *Baiocchi G., Corder A., Bennett E., Klein P., Savell S.* Disavowing Politics: Civic Engagement in an Era of Political Skepticism. P. 518—548.

в российском контексте следствием деполитизации стал своеобразный «оппортунизм» большинства: люди привыкли одинаково презрительно относиться и к официальной, и к низовой политике, будучи убежденными в том, что «гадки как правящие, так и те, кто с ними борется»¹.

Вместе с тем, как я отмечал в начале главы, постсоветская деполитизация не только ведет к отказу от политического участия, но и влияет на него. До политизации 2011—2012 годов доминирующим паттерном коллективного действия в российском обществе был своеобразный деполитизированный протест. Этот протест не просто отрицал свой политический смысл наподобие американских волонтерских движений; что более важно — он возникал из самой приватной сферы. В работах, посвященных гражданским мобилизациям в России последних десяти лет, социологи Карин Клеман и Борис Гладарев приходят к выводу, что коллективное действие в деполитизированном контексте возникает, как правило, в ответ на возникновение проблем, непосредственно затрагивающих повседневную жизнь индивидов (например, на непосредственную угрозу собственному благополучию и личным интересам). Так, Клеман говорит о трех важнейших проблемах, способных мобилизовать аполитичных членов российского общества: льготах, жилье и оплате труда. Исследовательница показывает, как, вовлекаясь в протестную деятельность по поводу собственных частных интересов, многие постепенно приобретают вкус к активизму как таковому и превращаются в политически активных граждан, тем самым создавая вокруг своей активности анклавы публичной сферы². Еще один сценарий коллективного действия в деполитизированном контексте — это мобилизация в ответ на то, что, используя терминологию Лорана Тевено, Борис Гладарев называет «поломкой на уровне “режима близости”». Толчком для таких мобилизаций служат попытки властей или представителей бизнеса отобрать или насильственно изменить среду, воспринимаемую людьми

¹ Бикбов А. «Это был протест во имя стабильности» [Электронный ресурс] // Русская планета, 19 августа 2013. URL: <http://rusplt.ru/society/bikbov.html> (дата обращения: 09.01.2014).

² Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 670 с.; см. также главу 2 в настоящей монографии: Клеман К. К вопросу о локальном и глобальном в низовых социальных движениях России в 2005—2010 гг.

как приватно-близкую: снести дом, где живут люди или члены их семей, вырубить парк или скверик, где жители гуляют со своими детьми и питомцами. Вовлеченность в подобные кампании, по мнению Гладарева, является своеобразной школой демократии, в рамках которой люди, мобилизованные «поломками» в приватной сфере, приобретают навыки гражданского участия и чувство политической общности, то есть учатся главным добродетелям республиканской публичности¹. С одной стороны, эти мобилизации напоминают активизм американских волонтеров, берущихся за проблемы, «близкие к дому», но отрицающих их политический смысл. И вместе с тем американские активисты, усердствующие в «избегании политики», были движимы заботой о сохранении демократической традиции и публичной сферы, в то время как участники российских городских движений *были мобилизованы шоком, внезапным столкновением с внеполитическим и внеидеологическим событием вторжения властей в их приватную сферу* или неожиданно возникшей угрозой их благополучию. С исчезновением самой ситуации неотложности подобных проблем и угроз, будь то вследствие победы кампании или проигрыша в борьбе с властями, как правило, исчезают и коллективное действие, и появившиеся на мгновение островки публичности (хотя в некоторых случаях критическая масса накопленных навыков борьбы у людей, превратившихся «из обывателей в активистов», способствует воспроизводству публичной сферы)². Именно поэтому, будучи критически настроенным ко многим аспектам движения «За честные выборы», я считаю его важным прецедентом, значение которого состоит в попытке утвердить ценность публичного участия как такового, бросить вызов «диктатуре приватного».

Однако не только в «приватных» протестах, но и в возникновении «Болотного движения», утверждающего публичную сферу как норму

¹ Гладарев Б. Опыты преодоления «публичной немоты»: анализ общественных дискуссий в России начала XXI века. Выступление на конференции «Российское общество в поисках публичного языка: вчера, сегодня, завтра». Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.

² Так, Клеман и ее соавторы описывают, каким образом на основе локальных кампаний 2000-х были созданы публичные координационные структуры, см.: Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам.

общежития, деполитизация сыграла важную роль. Постсоветская деполитизация, стигматизирующая «политическое», и политизация 2011—2012 годов, характеризуемая тенденцией к нормализации политики, будучи противоположными тенденциями, тем не менее взаимодействовали, влияли друг на друга. Более того, на мой взгляд, инерция деполитизации в определенный момент форсировала политизацию в рамках движения «За честные выборы». Но как радикальный отказ от участия в публичной сфере может повлиять на революционную мобилизацию, утверждающую самостоятельную ценность коллективного действия?

Старт политизации: стигматизация государства

Несмотря на то что деполитизация представляет собой радикальный отказ от участия в политике и, шире, публичной сфере, она сыграла свою роль в мобилизации 2011—2012 годов. Одной из важнейших тенденций реполитизации, отменяющей деполитизацию, стало появление в жизненном мире членов российского общества фигуры государства. Именно с отрицания авторитета государства, которое переросло в нежелание замечать само его существование, началась посткоммунистическая деполитизация — Советское государство-партия выступило прообразом ненавистой «политики».

Сергей Прозоров утверждает, что смена политического режима в результате распада СССР представляла собой «не революционный захват государства общественными силами или авторитарное господство государства над обществом, а взаимоисключение государства и общества, уход каждого из них в зону собственной имманентности. С самого начала 1990-х государство и общество переживали стремительный процесс взаимного отдаления в соответствии... с логикой неучастия»¹. В свою очередь, Александр Смолар подчеркивает, что экспансия частного в посткоммунистических обществах была симметричным процессом: люди погрузились в частную жизнь, в то время как государство было приватизировано, то есть подчинено частным интересам элиты, в резуль-

¹ Прозоров С. Второй конец истории: политика бездеятельности от перестройки до Путина [Электронный ресурс].

тате чего перестало функционировать в качестве публичного института¹. В этой связи можно предположить, что возвращение политики в общество предполагает возвращение фигуры государства в жизненный мир граждан (что, разумеется, не означает отношения к государству как к парадигме политического).

Наталья Савельева и Маргарита Завадская утверждают в настоящей монографии, что повестка «честных выборов», с одной стороны, вытолкнула людей на улицы, а с другой — втянула в зону их видимости фигуру государства, установив между ними взаимоотношения: требуя от действующей власти вернуть украденные голоса, люди тем самым оказались с ним в одном пространстве взаимодействия — это пространство и стало зачатком появляющейся публичной сферы². Таким образом, хотя движение «За честные выборы» справедливо называют «антипутинским», его основное значение состоит не в вызове, брошенном президенту и правительству, а во «встрече» общества и государства, произошедшей в результате двойного разрыва с логикой приватного: выйдя на улицы с протестом против политического режима, митингующие, с одной стороны, образовали публичное пространство, нарушившее инерцию их частной жизни, а с другой — заставили государство выступить в качестве публичного актора, призвав его к ответу за подмену публичной политики преследованием частных интересов.

На мой взгляд, именно инерция посткоммунистической деполитизации сыграла важнейшую роль в процессе интеграции фигуры государства в публичную сферу и, тем самым, в самом утверждении политического. Однако эта работа деполитизации была *негативной*.

Одну из версий (назовем ее «революционной») анализа «отрицательного» воздействия деполитизации на политизацию 2011—2012 годов предложил Артемий Магун. В интервью, данном вскоре после возникновения протестных митингов, Магун, развивая свою теорию «негативной революции», утверждает, что движение «За честные выборы» стало логическим продолжением антикоммунистической

¹ Smolar A. From opposition to atomization // Journal of Democracy. 1996. № 7.1. P. 24—38.

² См. главу 6 в настоящей монографии: Завадская М., Савельева Н. «А можно я как-нибудь сам выберу?»: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011—2012 годов.

революции 1989 года, что российские зимние протесты — это «второе издание перестройки». И деполитизация, и современные протесты, по мнению Магуна, — такты в движении отрицания, берущем начало в революционном событии разрушения Советского государства:

Поскольку антикоммунистическая революция была направлена не просто против социализма, а вообще против идеологии как таковой, соответственно, против публичности, против места власти, то довольно понятно, что она привела к долгие годы наблюдавшемуся перекресту, уходу людей в частную жизнь, усилению ненависти по отношению к публичной сфере как таковой. Это выглядит как апатия, но в глубине этой апатии — сила отторжения и расторжения социальной связи. И рано или поздно она переходит обратно из потенциального в «кинетическое» состояние. ...Те события, которые происходят сейчас, — я видел, что общество беременно ими¹.

Разделяя тезис о негативности «работы» деполитизации, я в то же время считаю, что положение о революционном генезисе движения «Зачистные выборы» более чем спорно. И утверждение, что истоком протестов 2011—2012 годов является Перестройка, и сам подход к анализу политических событий в терминах логической операции отрицания, которое будто бы управляет эволюцией «постсоветского субъекта», развивающегося в русле диалектики деполитизации и революции, проблематичны с точки зрения социологического анализа. «Слабым звеном» в этой цепочке рассуждений является аксиома, утверждающая, что отрицание политики «рано или поздно переходит обратно из потенциального в “кинетическое” состояние». На мой взгляд, в анализе политического значения итогов Перестройки следует скорее согласиться с Сергеем Прозоровым, полагающим, что антиполитический пафос демократического движения конца 1980-х постепенно рутинизировался в «бездеятельной жизни» 1990-х и 2000-х, из которой испарились

¹ Магун А. Декабрьские протесты: взгляд политического философа // URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Dekabrskie-protesty-vzglyad-politicheskogo-filosofa> (дата обращения: 04.11.2013).

идеологические конструкции, историческая телеология, устойчивые паттерны целеполагания и коллективная идентичность¹.

Чтобы понять, в чем действительно состоял эффект негативной работы деполитизации в отношении движения «За честные выборы», следует обратить внимание на одну его странную особенность. Александр Бикбов замечает, что доминантным настроением протестов 2011—2012 годов был антирадикализм. Как он пишет, формула «ареволуционного» протестного движения «была такой: “Мы собираемся, чтобы показать бескультурной власти, какие мы культурные”, “мы собираемся не ради революции”»². Именно поэтому Бикбов противопоставляет российский протест «За честные выборы» Перестройке, настаивая на том, что для самих демонстрантов «их действия являются не протестом во имя глубоких изменений общества (каким, в частности, было массовое уличное движение конца 1980-х — начала 1990-х), а протестом во имя стабильности — идеализированной честной стабильности в противовес коррумпированной официальной»³. В то же время необходимо подчеркнуть, что российские протесты, несомненно, были радикальными в том смысле, что правительство и первое лицо государства были заклеены как преступники. Этот антиреволюционный радикализм, или антирадикальная революционность, избегающая решительных действий, но при этом объявляющая государственную власть вне закона, — и есть ключ к пониманию характера негативного воздействия постсоветской деполитизации на возникновение антиправительственного протеста.

Социологические исследования, проведенные в Западной Европе и США, показывают, что скепсис в отношении государства и правительства нарастает параллельно радикализации политического участия. Вступая в умеренную партию, молодые люди склонны винить в несправедливости местные власти или отдельных чиновников, однако, радикализуясь, прибегая ко все более насильственным формам выражения недовольства, они приходят к осознанию вины, политической

¹ *Прозоров С.* Второй конец истории: политика бездействия от перестройки до Путина [Электронный ресурс].

² *Бикбов А.* Плоды умолчаний // Эксперт. 2012. № 16 (799). URL: <http://expert.ru/expert/2012/16/plody-umolchanij/> (дата обращения: 27.02.2014).

³ *Бикбов А.* Представительство и самоуполномочение // Логос. 2012. № 4. URL: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1362604787331> (дата обращения: 28.01.2014).

ответственности и преступности государства их страны¹. В свою очередь, политологи утверждают, что одним из условий возможности возникновения массовых оппозиционных протестов в авторитарных режимах является «кризис легитимности» государства:

В стабильных демократиях упадок доверия к правительству сам по себе не создает угрозы режимам: партия власти проигрывает выборы и уходит, а ей на смену приходит другая или другие. В автократиях отношения правителей с гражданами строятся инструментально: до тех пор, пока общество верит в эффективность режима, сохраняется и поддержка, но если эта поддержка падает, то проблемы возникают не просто у лидера, но у режима в целом².

Оба этих процесса — делегитимация государства и радикализация политического участия, — вне зависимости от того, являются ли они долгими или же скоропалительными, *требуют интенсивной рефлексивной работы по трансформации политического сознания для того, чтобы перерасти в стигматизацию государства*, в объявление его вне закона.

В изучаемом нами случае российского протестного движения можно зафиксировать и постепенную политизацию граждан, и различные тенденции делегитимации политического режима. Так, Максим Алюков в главе 5 настоящей монографии показывает, что митингам «За честные выборы» предшествовал процесс стремительной политизации блогосферы³; Кирилл Рогов выдвигает гипотезу начавшегося в 2008 году «третьего цикла» постсоветской истории, который характеризуется постепенным падением популярности режима вследствие экономического кризиса и распада консенсуса вокруг доктрины «стабильности»⁴; Маргарита Завадская и Наталья Савельева в еще одной главе нашей книги

¹ См., напр.: Della Porta D. Social Movements, Political Violence and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 292 p.

² Гельман В. Без страховки: кризис легитимности власти и спрос на перемены [Электронный ресурс] // URL: <http://newsland.com/news/detail/id/701589/> (дата обращения 10.02.2014).

³ См. главу 5 в данной монографии: Алюков М. От публик к движению: контрпубличные сферы в российском интернет-пространстве перед протестом.

⁴ Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. 2010. № 4—5. С. 6—22.

показывают, как моральная инвестиция в «протестное голосование» декабря 2011 года подготовила эмоцию гнева в ответ на фальсификации, скачкообразно распалаявшую протестующих¹; многие аналитики и комментаторы отмечают, что осенний съезд «Единой России» и заявление Дмитрия Медведева о том, что кандидатом в президенты от «тандема» будет Владимир Путин, усугубили недоверие граждан в отношении политического режима. И все же эти процессы едва ли могут *целиком* объяснить внезапную антиправительственную мобилизацию, в ходе которой тысячи молодых людей, еще вчера не думавших о возможности участия в каких бы то ни было политических акциях, теперь стали движущей силой движения, бросившего вызов политическому режиму. Едва ли потому, что интенсивность и масштаб стремительной политизации онлайн-дискуссий, постепенного нарастания недоверия путинскому режиму или резкого разочарования в решениях «тандема» не могут сравниться с мощностью той «работы» по деполитизации, которая погружала членов российского общества в приватную сферу начиная с 1970-х годов. Иными словами, эффекта подспудной политизации и возросшего недоверия к властям было явно недостаточно для того, чтобы отменить, свести на нет длившуюся десятилетиями «культурную работу» по «отрицанию политики». Эта недостаточность предпротестной политизации для возникновения столь масштабного движения и позволяет понять роль самой посткоммунистической деполитизации (а не только эффект подспудной политизации) в подготовке события, эту деполитизацию преодолевающего.

По моему мнению, «отрицание политики», затухшее после Перестройки и ставшее здравым смыслом молодого аполитичного поколения, сократило работу по делегитимации государства в ситуации, когда появились *новые* условия и социальные силы, подтолкнувшие протест. Разные социальные ученые связывали мобилизацию 2011 года с появлением набора социальных позиций, аккумулировавших накопление как культурного, так и экономического капитала²; образованием избытка свободного времени, позволившего субъектам, занимающим эти пози-

¹ См. главу М. Завадской и Н. Савельевой в настоящей монографии.

² Бикбов А. Представительство и самоуполномочение.

ции, задуматься о политике¹; политизацией культурного потребления; наконец, появлением нового поколения, социализировавшегося в деполитизированном, но свободном от советского двоемыслия и страха репрессий контексте². Иными словами, движение «За честные выборы», по их мнению, — это не продолжение «революции» Перестройки, а результат появления новых социальных сил и обстоятельств, созревших на почве, похоронившей революционное движение конца 1980-х. Однако, по моему мнению, затвердевшее в здравом смысле «отрицание политики» привело к тому, что государство в каком-то смысле было стигматизировано заранее — еще прежде делегитимации политического режима. Это позволило политизации произойти быстро и неожиданно: Завадская и Савельева показывают, как стремительно, в течение полугода, пространство политических манифестаций заполняется «антипутинским» фреймом. На мой взгляд, это произошло столь скоротечно потому, что российскому обществу не потребовалось дополнительных времени и рефлексии на разочарование в правящей элите и на ее стигматизацию, ведь образ государства и так был привычно отвратительным.

Известный американский социолог Джеймс Джаспер пишет об особой роли, которую в массовых протестах играет жест «обвинения» фигуры власти: «Подозрение и враждебность... могут появляться в качестве эмоций до того, как обвинение сформулировано в когнитивной форме»³. Подозрение и враждебность в отношении «политического» и есть тот бессознательный эмоциональный фон деполитизированного здравого смысла, активизация которого мгновенно превращается в стигматизацию государства. В этом смысле отрицание политического в условиях посткоммунистической деполитизации подготовило мобилизацию, «вдохновенную борьбой со стигматизированной идентичностью [власти], которую обвиняют и винят»⁴.

¹ Гельман В., Добронравин Н., Колоницкий Б., Травин Д. Политический кризис в России: модели выхода. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 56 с.

² Гудков А., Дубин Б., Зоркая Н. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме // Вестник общественного мнения. 2012. № 1 (111). С. 5—32.

³ Jasper J. M. The Emotions of Protest: Affective and Reactive Emotions in and around Social Movements // Sociological Forum. 1998. № 3 (13). P. 414.

⁴ Ibid.

Негативный характер посткоммунистической деполитизации обусловил ее амбивалентную роль в отношении граждан к государству. Пока люди относились одинаково презрительно и к официальной политике, и к политике протестной, это играло на руку режиму, поскольку удерживало граждан от участия в каких бы то ни было политических манифестациях, — ведь хорошо известно, что авторитарный режим зиждется не столько на массовой поддержке, сколько на массовом равнодушии и неучастии в протестах против этого режима¹. Но как только новый протест, обнаруживший свою способность быть привлекательным, перестал быть частью «грязной политики», то есть был в определенном смысле деполитизирован, изъят из зоны стигматизированной идентичности, и, как только пространство неприязни сузилось со сферы политики вообще до области политики официальной, деполитизация обернулась против режима, сыграв с ним злую шутку: теперь «отрицание политики» не удерживало людей от политизации, но ускоряло их мобилизацию, с одной стороны, утверждая привлекательность внесоциальной и контргосударственной публичной сферы, а с другой — мгновенно добавляя в набор необходимых и достаточных условий восстания элемент «кризиса легитимности». Характерное высказывание участника протестов демонстрирует, как «фон» ненависти к государству подкрепляет легитимность протестного движения, этому государству противостоящего:

Да, политика не выглядит такой грязной с тех пор, как в ней участвуют Акунин и Улицкая. Они продемонстрировали, что не все там такие грязные... никто не мог сказать об Акунине, о Парфенове, о Тане Лазаре-

¹ А. Гудков и Б. Дубин справедливо связывали легитимность президента России на фоне общего недоверия к властям с деполитизацией: «Сосредоточенность массовой картины политического мира на... безальтернативной фигуре Путина фактически и означает деполитизацию населения... Это символическое согласие большинства не участвовать в политике» (Гудков А., Дубин Б. Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс. С. 56); а С. Прозоров справедливо утверждает, что легитимность Путина зиждилась не на содержании его политического курса, но на гарантии того, что такое содержание никогда не появится, что отвечало массовой установке на «отрицание» и «избегание» политики (Прозоров С. Второй конец истории: политика бездеятельности от перестройки до Путина).

вой, Докторе Лизе, о Быкове: я знаю, они хотят быть депутатами, тоже хотят в правительство. Нет, совершенно очевидно, что они не участвуют в этих бегах. Это очень важная вещь. Это одна сторона дела, что можно не принимать в этом непосредственного участия, а тем временем этим заниматься. С другой стороны, можно сохранять репутацию, подходя так близко к этому ужасному грязному месту¹.

Наши информанты в ответ на вопрос о возможности более широких перспектив движения высказывали сомнение в необходимости «политизации» последнего в смысле официальной, «большой» политики, поскольку ценность протеста для них состояла в том, что он выступил альтернативой по отношению к ней:

Я думаю, [движение] может включить... более широкий спектр требований. Наверное, тогда это движение просто перейдет в политическое движение какое-то. Просто лишь бы не было бы прилипал, как всегда. А если оно станет явно более политическим... Очень с осторожностью надо будет смотреть тогда. (м, ок. 1967 г.р., высшее образование, индивидуальный предприниматель, 26 февраля 2012, Москва)

Иными словами, эта «деполитизация» протеста, отражающаяся от стигматизации государственной «политики», и есть утверждение привлекательности новой протестной политики.

Таким образом, *«отрицание политики» носит не революционный, но подрывной характер*: само по себе оно не является движущей силой протеста, но, как только созревают новые силы, оно снабжает их твердой уверенностью в том, что государство и президент — всего лишь «партия жуликов и воров». Деполитизация влияет на политическое участие, не заряжая его силой отрицания, но поддерживая в обществе презрение. Как замечала Ханна Арендт, «презрение к властям, которое едва ли занимает какое-то место среди мотивов типичных профессиональных революционеров, определенно представляет один из наиболее мощных

¹ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 году: истоки, динамика, результаты // Левада-центр, сентябрь 2012. URL: <http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg> (дата обращения: 26.10.2013).

стимулов революции; едва ли была революция, к которой так или иначе не были применимы слова Ламартина о революции 1848-го, назвавшего ее «революцией презрения»¹.

Утверждая новую публичность:
от опыта единства к его воспроизводству

Я начал свою главу с тезиса о том, что историческое значение движения «За честные выборы» состояло в попытке нормализации политики в деполитизированном обществе. Для утверждения привлекательности политического участия в условиях его стигматизации потребовался своеобразный обряд очищения: подобно тому как американские волонтеры-активисты, изученные Элиазоф и Беннет, «отрицали политику», чтобы легитимировать гражданский активизм, российские протестующие выступили против государства, демонстрируя, что публичная сфера может быть альтернативой принципу «жюльничества и воровства», а не его заложницей. Виктор Воронков, автор оригинальной теории советской публичности, подчеркивал, что ни в коммунистической, ни в посткоммунистической России так и не было создано публичной сферы, которая была бы независимой как от официальной, государственной политики, так и от сферы частной жизни². Попыткой создать эту публичность как общественный институт стало движение «За честные выборы». В этом процессе важную роль сыграла сама инерция посткоммунистической деполитизации, которая, застыв в презрении к политике на уровне здравого смысла новых поколений, предопределила делегитимацию и стигматизацию политического режима и, таким образом, стала одним из рычагов мобилизации. Следует подчеркнуть, что противопоставление государству было не способом заявить о специфической политической субъективности протестующих, чей интерес и идентичность находились в конфликте с политикой государства, но жестом утверждения самой

¹ *Арендт Х.* О революции. М.: Европа, 2011. С. 363.

² *Воронков В.* Жизнь и смерть советской публичности // Дебаты и Кредиты. Медиа. Искусство. Публичная сфера / Под ред. Т. Горючевой, Э. Кляйтенберга. Амстердам: Центр культуры и политики «De Balie», 2003. С. 99—110.

реальности внесударственной публичной сферы. Многочисленные лозунги «Мы здесь! Вы видите нас?!» или «Мы здесь власть!», обращенные к правительству, свидетельствуют не столько о конфликте с «государственным интересом», сколько о стремлении продемонстрировать властям способность к самостоятельному политическому действию и солидарности. Иными словами, стигматизация государства стала стартом реполитизации российского общества: *обличая политический режим, протестующие заявили, что возможна другая политика*. Подобно «мы-здесь-идентичности», о которой писал Сидней Тэрроу в связи с движением «Occupy Wall Street», процитированные выше лозунги были не выдвижением тех или иных требований, но требованием признания. Тэрроу сравнивает «Оккупу» с феминистским движением середины XX столетия, активистки которого требовали не столько новых прав или привилегий для женщин, сколько признания самого факта существования гендерно структурированного и иерархизированного мира, скрытого в тени домашнего быта¹. Точно так же и российские протестующие, добиваясь признания «мы» митингующих, требовали признать не специфические права или интересы тех или иных социальных групп, страдающих от политики государства, но — само существование мира, который не желают замечать коррумпированные власти: мира, в котором есть место честности, солидарности, политическому действию и публичной сфере, мира, который появился на массовых митингах «За честные выборы»².

Утверждение ценности политического участия как гражданской добродетели и самой формы политического единства, выраженного в «мы» митингов, стало не только результатом возникновения, но и механизмом дальнейшего развития движения «За честные выборы»: люди продолжали ходить на протестные акции и присоединялись к новым

¹ Tarrow S. Why Occupy Wall Street is Not the Tea Party of the Left. The United States' Long History of Protest // Foreign Affairs. 2011. October 10. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/136401/sidney-tarrow/why-occupy-wall-street-is-not-the-tea-party-of-the-left> (date of access: 10.04.2013).

² См.: Мамеев И. Эффект подлинности [Электронный ресурс] // Русс.ру, 12 марта 2012. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Effekt-podlinnosti> (дата обращения: 27.02.2014).

кампаниям и инициативам, вдохновленные стремлением продолжить движение, продлив сам опыт события объединения и совместного действия. Желание продолжить экспансию публичной сферы, противостоящей государству скорее на онтологическом, чем на стратегическом уровне, нашло отражение в популярной паре лозунгов «Мы придем еще» и «Мы будем приходить, пока они не уйдут»¹. Иными словами, за утверждением самостоятельной ценности публичной сферы последовали усилия, направленные на ее воспроизводство: пережив событийный опыт солидарности на митингах, участники движения «За честные выборы» стремились «закрепить» саму материю коллективности публичной сферы. Однако воспроизводство события коллективного действия через его *повторение* («мы придем еще») не было единственной стратегией «закрепления» публичной сферы. Кульминацией движения политизации, предшествующей его спаду, стали попытки *институционализировать опыт события политизации в новых формах*.

Как я отмечал в начале этой главы, концепции политического события, как и теория публичной сферы, указывают на самореферентность политического как формы ассоциации. Вместе с тем нужно понимать, что самореферентность не означает самоидентичности и самоповторения. Напротив, социологи, изучающие событийность протестов, настаивают на том, что *воспроизводство политического события возможно только при условии возникновения новых политических форм и содержаний*. Иными словами, самореферентность политического события и публичной сферы означает их продуктивность, а не замкнутость на самое себя. Так, Дона-телла дела Порта утверждает, что «события могут давать жизнь целым общественным движениям», они «производят новые коллективные идентичности» и «распространяют инновационные идеи»², а Ханна Арендт подчеркивает, что сохранить «публичный дух», рождающийся из освобождающего опыта восстаний и революций, можно лишь путем создания локальных «институтов свободы», которые позволяют новым

¹ Анализ высказываний, содержащихся в лозунгах, см. в главе 6 настоящей монографии: Завадская М., Савельева Н. «А можно я как-нибудь сам выберу?»: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011—2012 годов.

² Della Porta D. Eventful Protests, Global Conflicts. P. 36.

поколениям граждан участвовать в политическом управлении местными сообществами и обществом в целом¹.

Вопрос институционализации публичности является ключевым не только с точки зрения научного исследования — он затрагивает проблему самой возможности существования в России публичной политики и демократии. Деполитизация — это не только отсутствие политических институтов и стимулов участия в гражданской жизни, это также мощная инерция приватной сферы, затрудняющая воспроизводство сферы публичной. Важнейшее влияние деполитизации состоит не в том, что она не позволяет политической жизни начаться, а в том, что она препятствует ее продолжению. Как мы уже видели, доминирующая форма хоть сколько-нибудь массовой политики в эпоху деполитизации — это гражданские и политические кампании, у которых есть свой старт и финал, следующий вскоре за стартом вне зависимости от степени успеха мобилизации.

Я назвал движение «За честные выборы» политизацией потому, что оно ознаменовало собой движение к нормализации политики. Протестующие наделили самостоятельной ценностью сам принцип участия в публичной сфере, коллективную жизнь которой они стремились институционализировать, — так возникли «Оккупай Абай», Координационный совет оппозиции, прогулки литераторов и т.д. Однако наиболее важной попыткой институционализации протестного движения «снизу»² стали, на мой взгляд, локальные активистские группы, созданные участниками митингов в их районах.

Вскоре после старта протестных митингов в разных районах крупных городов России спонтанно начали возникать активистские группы, посвятившие свою деятельность решению локальных проблем. На первый взгляд, эти движения точь-в-точь похожи на активистские группы, исследованные Борисом Гладаревым и Карин Клеман: в основном они занимаются теми же повестками, например борьбой против вырубки парков и скверов, и говорят о своей миссии в терминах локальных проб-

¹ *Арендт Х.* О революции. С. 323.

² Примером институционализации российского движения, сочетающим организацию и самоорганизацию, можно считать движение А. Навального.

лем района — «близких», «лично касающихся» людей. Однако внимательное изучение этих активистских групп показало их радикальное отличие и даже противоположность смысла их деятельности локальным мобилизациям, происходившим до митингов 2011—2012 годов. Если в случае «городских движений» коллективное действие было вызвано к жизни самими проблемами, требующими неотложного решения или немедленной реакции, в случае новых групп проблемы и повестки не предшествовали, а следовали за мобилизацией. Участники локальных движений сначала принимали решение объединиться и лишь затем выбирали ту или иную локальную повестку. Произвольность выбора проблем объясняется тем, что одним из неявных мотивов объединения в локальные движения было стремление продлить опыт события коллективного действия, объединивший участников митингов в движение «За честные выборы». Активисты возводили свою деятельность к переживанию единства с другими участниками протестных демонстраций и движения наблюдателей на выборах¹:

То, что мне понравился азарт, — это абсолютно точно. Потому что равнодушных людей я там (среди наблюдателей, работающих в районе вместе с информанткой. — *О.Ж.*) не видела... У меня было сразу понимание, что люди, которые объединились, должны остаться. (ж., 1983 г.р., участница ГО, высшее юридическое образование, адвокат, 22 апреля 2012, Санкт-Петербург)

Интенсивный опыт политической ассоциации произвел чувство принадлежности к абстрактному единству, учрежденному самим событием массовой мобилизации, неожиданному объединению множества людей в одном пространстве — единству, которое воспринималось как «движение в целом». Интересно, что если в одних, требующих скорее официальной декларации, контекстах активисты говорили о своем кредо в русле доктрины «малых дел», то в других они идентифицировали локальные группы с протестным движением в целом:

¹ Об этом см. главу 13 в настоящей монографии: Журавлев О., Савельева Н., Ерпылева С. Разобщенность и солидарность в новых российских гражданских движениях.

Мы — просто частичка этого всего (ДЗЧВ. — О.Ж.). Это все, эта масса, эти волны — и составляют наши капельки такие, по городам, по районам где-то. (м., 1995 г.р., участник ГО, неоконченное среднее образование, 21 мая 2012, Санкт-Петербург)

Таким образом, если «официальная» миссия локальных активистских групп — «реальные дела», работа вокруг тех или иных конкретных проблем района, то дополнительный и, возможно, более фундаментальный мотив создателей движений, выявленный в их анамнезе, — это стремление воспроизвести саму событийность коллективного действия. Создание и деятельность этих групп не только обеспечило непрерывность движения новой публичной сферы, они выступили своеобразной формой ее самолегитимации в деполитизированном контексте. В условиях инерции деполитизации, то есть стигматизации «политического», его нормализация требует оправдания в глазах окружающих и самих активистов. Иными словами, инерция деполитизации означает, что даже под влиянием опыта массового политического участия аполитичность как устойчивый комплекс установок, схем мышления и стереотипов не может мгновенно перестать оказывать воздействие на субъективности членов того или иного сообщества. Эйфория опыта политического события постепенно проходит, и в какой-то момент социальное окружение, как и сами участники мобилизации, требует оправдания политизации. Более того, надо отметить, что опыт политического участия даже в более политизированных сообществах несет с собой своеобразный «избыток формы» по отношению к декларируемым целям мобилизаций. Участники политических событий наделяют сам опыт вовлеченности самостоятельной ценностью и часто стремятся его воспроизвести. Ведь этот опыт меняет их самих. Однако трансформацию субъекта, стремящегося воспроизвести опыт своей политизации в новых событиях коллективного действия и институтах публичной сферы, как правило, трудно «схватить», объяснить себе и остальным — поэтому за него так часто приходится оправдываться, находить ему обоснования. В политической вовлеченности часто видят некую девиацию: как будто субъект, политизируясь, действует против своих интересов и своей самости, в угоду чужеродных и даже враждебных ему инстанций — будь то циничная

и расчетливая «мировая закулиса» или иррациональные «стадное чувство», неврозы и комплексы. И в этом смысле политика всегда под за-претом, а политическое участие всегда является нормализацией политического. Не случайно в нарративах о своей политизации активисты часто прибегают к смешению стратегического и нормативного, выдавая цель (нормализации политического) за средство (достижения конкретных результатов) или наоборот — это смешение выражает необходимость обоснования политизации. Однако далеко не всегда это смешение происходит в виде вытеснения нормативного и утверждения рационального, стратегия самолегитимации может быть прямо противоположной.

Так, Франческа Поллетта, вероятно, первая исследовательница, которая ввела категорию событийности в эмпирический анализ протестных движений, в своей книге, посвященной американским протестам против расовой сегрегации 1960-х годов, выяснила, что лидеры студенческих «сидячих забастовок», тщательно спланировавшие старт кампании, в интервью для СМИ обращались к «нарративу событийности», описывая историю своей вовлеченности в терминах «горячки», которая вдруг «случилась» с ними и спонтанно втянула в протест. Скрывая свою роль стратегов, активисты хотели завоевать симпатию широких слоев американского общества¹. В деполитизированном же обществе динамика политизации имела зеркальный характер: внезапный опыт события, контрастирующий с рутинной приватной жизни, толкал участников митингов к организации новых инициатив. Эти инициативы должны были воспроизвести само коллективное действие и стать «частичками» общенационального протестного движения, однако в то же время они должны были противопоставить ему себя по линии «политизированности». В целях, с одной стороны, легитимации своей активности и, с другой, дестигматизации своей идентичности активисты представляли свою деятельность рациональной и реалистичной, нацеленной на конкретные результаты и прагматические цели — в противовес «протесту ради протеста». Наш случай в этом отношении напоминает эпизод из наблюдений Нины Элизоф за «избеганием политики»: активистка, перед камерами на пресс-конференции декларирующая заботу о локальном

¹ *Polletta F. It Was Like Fever: Storytelling in Protest and Politics.*

сообществе и об имущественных интересах в качестве миссии волонтерского движения, после ухода журналистов восторгается лоббистом, который борется за запрет на производство и коммерциализацию складирования токсичных отходов; она восклицает: «Мы должны бороться локально, зная, что вы делаете то же самое на национальном уровне!»

Как и Элиазоф в своем исследовании, мы столкнулись с тем, что в различных контекстах одни и те же люди варьировали смысл собственных действий, то отвергая, то принимая их «политическое» значение. К примеру, участник одного из локальных движений описывает свое призвание активиста в терминах доктрины «реальных дел»:

Я там, в штабе, все время занимаю какую-то умеренную позицию, стараюсь сдерживать этих самых радикальных революционеров, которые «давайте мы всем расскажем, как плохо, как все воруют...». Те, кто к умеренному лагерю относятся, мы пытаемся более реальные проекты — скорее неполитические, благоустроенные. У нас там был прожект — организовать раздельный сбор мусора... Мне неинтересна политика ради политики. Мне интересна политика ради получения какого-то результата полезного. (м., около 1984 г.р., высшее образование, профессия, дата, Москва)

Однако показательно, что этот активист далеко не всегда описывает «политику ради политики» как нечто нежелательное — в некоторых случаях он, напротив, утверждает ценность коллективного действия как такового. Например, сначала настаивая на необходимости выработки для протестного движения конкретной программы, которая должна сделать его «политикой ради результата», затем он производит рокировку цели и средства и говорит о программе не как о том, что наделяет протест смыслом, сообщая ему конкретные задачи, но, напротив, как о всего лишь инструменте мобилизации людей, их кооптации в протестное движение, которое, таким образом, оказывается самоцелью:

Против многие — гораздо больше тех ста тысяч, которые выходят. Но когда никто не говорит, за что, — они не готовы выйти ни за Немцова, ни за Навального. Не нравятся им ни Немцов, ни Навальный, и мне

тоже не нравится. И никто из них мне не нравится. Многие не готовы выходить, когда никто не нравится. Поэтому кроме людей должна быть еще программа, которой нет. (м., около 1984 г.р., высшее образование, программист, 6 февраля 2012, Москва).

Иными словами, здесь конечной целью объявляется не решение той или иной проблемы и не выполнение той или иной программы, но политизация всех потенциальных противников режима. Более того, в какой-то момент этот информант и вовсе подвергает сомнению необходимость выработки позитивной программы — ведь она угрожает расколоть единство движения, ценность которого — в нем самом:

О: Честно говоря, есть сомнения, что будут в таких же масштабах выходить «за», как выходили «против»... Те, кто выходят, имеют сильно разное мнение по поводу фактически всех вопросов... Когда рядом друг с другом шли националисты и гомосексуалисты, понятно, что они вместе могли идти только «против» нечестных выборов.

В: А как ты вообще относишься к тому, что на митингах присутствуют представители самых разных политических сил?

О: Позитивно отношусь. В обществе есть все, соответственно, когда у них есть общая повестка — это хорошо. Когда нас что-то объединяет. Хотя бы «Единая Россия», против которой мы все выступаем. Общество должно быть единым. (м., около 1984 г.р., высшее образование, программист, 6 февраля 2012, Москва)

Таким образом, институционализация публичной сферы в форме локальных движений представляет собой часть тенденции *политизации*, направленной на утверждение и закрепление политического как формы публичной ассоциации. С одной стороны, локальные группы продолжили коллективное действие, с другой — выступили своеобразной формой легитимации движения, переориентировав его в сторону респектабельного аполитичного активизма. Действительно, мы видели, что функция воспроизводства публичности как таковой систематически вытеснялась из дискурса самоопределения локальных движений. Поэтому утверждение Артемия Магуна о том, что если Перестройка была

«бессознательной революцией», скрывающей революционность за требованием «нормальной жизни», то сегодня мы имеем «Перестройку наоборот», потому что «все обсуждают саму форму политизации и гражданственности»¹, представляется слишком оптимистичным. И тем не менее создание локальных групп, зачастую вытеснявших из дискурса самоописания собственный генезис, было элементом политизации, утверждающей самостоятельную ценность политического участия, поскольку их деятельность, помимо решения конкретных проблем, была нацелена на институционализацию движения «За честные выборы» в новых формах коллективного действия.

Деполитизация и политизация очевидности

Чтобы прояснить политическое значение новых локальных активистских групп, нужно снова обратиться к сравнению с их «двойниками» — «городскими движениями», которые в 2000-х появлялись в ответ на действия властей, урезавших зарплаты, отбиравших льготы и вторгавшихся в «близкое» пространство жителей домов, дворов и парков. О чем говорит поразительное сходство и в то же время принципиальное различие новых локальных активистских групп и «городских движений», изученных Борисом Гладаревым и Карин Клеман? На мой взгляд, оба упомянутых типа мобилизации сочетают две разнонаправленные тенденции: деполитизацию и политизацию, понимаемые соответственно как стигматизация и нормализация политического, однако эти тенденции выражаются в них по-разному. Чтобы увидеть разницу между двумя типами движений, нужно обратить внимание не только на различие генезисов двух форм локального активизма, но и на отношение преемственности между ними.

Доминирование в России прагматичного и аполитичного паттерна мобилизации, описанного Клеман и Гладаревым, было связано с неразвитостью в деполитизированном обществе символических форм поли-

¹ *Магун А.* Декабрьские протесты: взгляд политического философа // URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Dekabrskie-protesty-vzglyad-politicheskogo-filosofa> (дата обращения: 04.11.2013).

тического: отсутствием современных традиций политической борьбы, дискредитацией политического языка, неуместностью идеологических дискуссий. Алексей Пензин называет деполитизацию «инфляцией политического дискурса», имея в виду нежелание говорить на «языке политики» из-за ее стигматизации¹. В свою очередь, Борис Гладарев говорит о «публичной немоте» — утрате навыков артикуляции общих целей и ценностей в публичной дискуссии, ведущей к систематическим сбоям институционализации публичной сферы². Именно поэтому «политику вообще» в ее исконном виде «мира слов», в котором, по мнению российского социолога Даниила Кондова, «существуют такие “вещи”, как “средний класс”, “терроризм”, “общественное мнение”»³, в деполитизированном обществе замещает своеобразная политика вещей, противостоящих словам. Как отмечает Гладарев, градозащитное движение и борьба за жилье потому стали одним из самых успешных видов мобилизации в российском обществе, что они «укреплялись материальностью защищаемых ценностей, их очевидностью, не требующей дискурсивных обоснований. Иначе говоря, “демократия” хуже различима обывателем, чем конкретный “памятник истории и культуры”»⁴. Очевидность — ключевой ресурс политической мобилизации, анализ использования которого позволит нам понять политизирующее изменение институционализации движения «За честные выборы» в новых локальных движениях.

Французский лингвист Патрик Серио, анализируя специфику советского политического дискурса на примере речей Хрущева и Брежнева, столкнулся с чрезвычайно высокой частотностью именных конструкций («рост производства», «повышение благосостояния народа», «увеличение численности партии») при отсутствии глагольных высказы-

¹ Пензин А. Формирование политической субъективности: между «тоской» и изобретением общей жизни [Электронный ресурс].

² Гладарев Б. Опыты преодоления «публичной немоты»: анализ общественных дискуссий в России начала XXI века.

³ Кондов Д. Анатомия «чистой» политики социальные параметры радикальных движений в России 1990—2000-х годах // Прогнозис. 2007. № 2. С. 140.

⁴ Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. С. 454.

ваний, которые бы разъясняли и подтверждали их смысл и истинность (в речах генсеков практически невозможно встретить соответствующих разъяснений и указаний на факты, таких, например, как «производство выросло» / «производство растет» / «производство должно расти» и т.д.)¹. Эта диспропорция, по мнению Серию, систематически порождает двусмысленность интерпретации. Прочтение фразы «развитие мировой системы социализма требует творческого подхода к возникающим вопросам на испытанной основе марксизма-ленинизма» может быть как идеографическим («чтобы развивать мировую систему социализма, требуется...»), так и фактографическим («мировая система социализма действительно развивается, и то, как это происходит, требует...»)². Серию утверждает, что данная специфика советского политического дискурса связана не со стилистическими особенностями, но с политической реальностью советского общества. По мнению ученого, подобные конструкции создают «эффект очевидности», имеющий политический смысл. Серию отмечает, что по своему синтаксису они поразительно напоминают «научные высказывания», такие как «отклонение стрелки гальванометра указывает на прохождение электрического тока»³. Однако в случае дискурса советских «вождей» частотность именных конструкций и, будто бы, «пропуск» глагольных является не указанием на конкретный факт, а способом снять с себя ответственность за утверждение определенного положения дел, обоснование очевидности которого перекладывается на внедискурсивную реальность советской политики: «Можно говорить о пародии на научный дискурс, констатирующий *наблюдаемые факты*. Ответственность за утверждение этих фактов возлагается... на некоего “универсального субъекта”, пустующая позиция которого может быть занята “кем угодно”»⁴. Имплицитность двусмысленности идеографического/фактографического прочтения, по мнению Серию, служит политическим задачам, в том числе — задаче ис-

¹ Серию П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 2002. С. 337—384.

² Там же. С. 351.

³ Там же. С. 361.

⁴ Там же. С. 380.

ключения «всякой эксплицитной позиции для субъектов-противников, находящихся внутри советской общественной формации»¹. Устройство советского официального дискурса дает ключ к пониманию постсоветской деполитизации: осознание бессмысленности пропагандистских речей о «росте благосостояния» и «дальнейшей демократизации советов», не находивших подтверждения в окружающей советских граждан повседневности, отвратило их от политического языка, манипулирующего обобщенными конструкциями, — люди предпочли «верить своим глазам». Эта установка, наделяющая достоверностью лишь те политические высказывания, которые могут (и должны) быть подкреплены непосредственным опытом наблюдаемой повседневности, действует до сих пор, являясь важной составляющей инерции деполитизации: как поет Юрий Шевчук, «Путин едет по стране, а мы по-прежнему в говне».

Многие исследователи задавались вопросом о том, как связаны гражданские мобилизации, происходившие до 2011 года, с движением «За честные выборы»: их распространение составило критическую массу для декабрьского «взрыва», их активисты влились в «Болотное» движение или, может быть, напротив, высокая гражданственность последнего противостояла «эгоистическим» кампаниям в защиту собственных интересов?² Многие из этих вопросов требуют дальнейших эмпирических исследований. Однако, на мой взгляд, мы можем говорить о взаимосвязи, которая, и сближая, и противопоставляя два типа участия, демонстрирует механику политизации: как и предшествующие мобилизации, движение «За честные выборы» апеллирует к фактографической очевидности, однако оно *реполитизирует достоверность повседневного опыта, превращая ее в технологию политического убеждения и мобилизации*.

Действительно, указанная мной выше двусмысленность отношений преемственности и, в то же время, противопоставления, связывающих новые локальные движения и митинги «За честные выборы», позволяет предположить, что первые используют *жанр* аполитичного активизма

¹ Там же.

² См., напр., главу 2 настоящей данной монографии: Клеман К. К вопросу о локальном и глобальном в низовых социальных движениях России в 2005—2010 годах.

в качестве формы *репрезентации* российского протестного движения в целом. Вообще говоря, политизация достоверности, составляющая специфику новых локальных групп, стала магистральной тенденцией всего движения «За честные выборы». Как показывают М. Завадская и Н. Савельева, «моральный шок» от «кражи голоса» на выборах декабря 2011 года происходил по описанной Б. Гладаревым модели возникновения шока от вторжения властей в близкое пространство: отданный за кандидата голос воспринимался как нечто «мое», как то, что власти беспардонно и неожиданно украли, и именно это вызывает негодование и мобилизует на ответные действия. Однако этот «шок», в отличие от случая «городских движений», был не реактивным, а активным: во-первых, он был подготовлен действиями самих избирателей, в декабре 2011 года сделавших моральную инвестицию в голосование, которое было воспринято ими как «личное дело», хотя раньше выборы не казались им чем-то важным¹; во-вторых, апелляция к очевидности была опосредована технологией «*предъявления свидетельства*», которая будто бы инсценировала «*столкновение со свидетельством*»: *распространение* роликов, в которых были представлены фальсификации, на «YouTube» с целью мобилизации людей на митинги — парадигматический пример политизации фактографической очевидности. Тенденцию к политизации достоверности, обозначающую сдвиг от шокового столкновения с внедискурсивной реальностью повседневного к политической технологии предъявления свидетельств в духе «посмотрите, факты говорят сами за себя!», красноречиво выразил участник одного из новых локальных движений, связав очевидность нищеты и неустроенности окружающей повседневности с необходимостью выбора верной политической позиции:

Мне непонятны люди, которые, я извиняюсь за выражение, живут в говне и голосуют за стабильность. За стабильность чего? Получается — говна, что ли?! (м., около 1989 г.р., незаконченное высшее образование, 22 апреля 2012, Санкт-Петербург)

¹ Завадская М., Савельева Н. «А можно я как-нибудь сам выберу?» (глава 6 в настоящей монографии).

Иными словами, сторонники российского протестного движения интегрировали стиль деполитизированного протеста в исконно политические процедуры репрезентации, стратегической мобилизации и публичной дискуссии, тем самым утверждая самостоятельную ценность политического. Пожалуй, самым ярким и остроумным доказательством этого тезиса может служить популярный лозунг «Чебурашка за честные выборы», задействующий мобилизацию очевидности правоты политической позиции протестующих вне какой бы то ни было эмпирической фактографии.

Таким образом, институционализация движения «За честные выборы» в новой политической форме локальных движений в *то же время представляла собой институционализацию политического в российском обществе*, поскольку сообщила традиционно деполитизированному локальному активизму избыточную по отношению к задаче решения насущных проблем функцию воспроизводства политической ассоциации и включила жанр аполитичного гражданского участия в исконно политические процедуры представительства, мобилизации и идеологической полемики. Однако сумело ли движение «За честные выборы» вернуть политику в российское общество в конечном итоге?

Заключение: Форма и содержание политического

Значение движения «За честные выборы» состояло в том, что оно явило собой попытку политизации деполитизированного общества, однако в очень узком и ограниченном направлении: протестующие наделили самостоятельной ценностью сам принцип участия в публичной сфере и в ходе эволюции протестного движения стремились *воспроизвести и институционализировать политическое единство*, опыт которого они пережили на протестных митингах. Таким образом, они будто бы создавали заново прежде «запрещенную», стигматизированную политику, наслаждаясь самой ее формой публичной ассоциации и осваивая ее базовые процедуры: мобилизацию, репрезентацию и самопредставительство, публичную дискуссию. И вместе с тем избыток формы стал одной из причин демобилизации движения, поскольку последнее так и не смогло выработать собственного, органичного «политического содержания»:

идентичности, идеологии, программы. В какой-то момент протестующие все чаще начали говорить о «бессмысленности митингов» и желании делать что-то «более конкретное». В действительности причиной разочарования был вовсе не избыток политизированности митингов, а выхолащивание политического. Как мы видели, поначалу участники движения испытывали эйфорию от опыта «единства» на митингах и поэтому приходили на них снова и снова, желая этот опыт воспроизвести. Но, как известно из социологии повседневности, многократное повторение события превращает его в знак самого себя, растворяя исходный смысл, — возможно, поэтому Сергей Прозоров высокомерно назвал митинги «За честные выборы» «самопародийными»¹. Деполитизация лишила людей общих, коллективных идентичностей, идеологий, объединяющих идей, а также самого политического языка, способного их артикулировать, — поэтому, выйдя на улицы, протестующие не только пережили событие объединения, но и почувствовали, что, кроме самого этого опыта, у них нет ничего общего. В результате они стремились закрепить эту форму единства в бесконечном повторении митингов и в легитимном и даже модном «жанре» аполитичного активизма, однако и в том, и в другом случае воспроизводство формы не сопровождалось поиском и артикуляцией органичных «политических содержаний». В 2013 году движение вошло в фазу кризиса: митинги исчерпали себя, так и не сформировав политической повестки, а большинство локальных движений распались под давлением инерции деполитизации — в соответствующей главе данной монографии мы показываем, что парадоксальным образом, несмотря на мотив воспроизводства самого события коллективного действия, запустивший процесс создания новых групп, многие их участники, опасаясь угрозы личной свободе со стороны ими же созданного коллективного авторитета, прекратили локальную активистскую деятельность. Таким образом, отсутствие содержания привело к разочарованию от тавтологии формы и к новому витку деполитизации.

Карин Клеман утверждает в своей главе, что нехватка политического, или деполитизация, характеризует как «городские движения» 2000-х годов, так и движение «За честные выборы»: ни первые, ни вторые не

¹ Прозоров С. Второй конец истории: политика бездеятельности от перестройки до Путина [Электронный ресурс].

ставят в полной мере вопрос о трансформации властных отношений в пользу того или иного коллективного субъекта, чьи специфические интересы и идентичность диктовали бы проект преобразования социальных делений и государственной политики¹. На мой взгляд, политизация российского общества состоится тогда, когда будет найден баланс между признанием политического как формы публичной ассоциации индивидов, несводимой к фетишу самоповтора, и созреванием специфических политических содержаний, не редуцируемых без остатка до насущных и неотложных проблем. Как может выглядеть этот баланс? Иными словами, как соединить «кровный интерес», делающий политику не пустой болтовней, а борьбой за справедливость, и экзистенциальную потребность человека, которого Аристотель называл политическим животным, в публичной сфере? Этот вопрос является сегодня ключевым не только для социологии общественных движений, но и для российского общества.

Библиография

1. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетея, 2000. 437 с.
2. *Арендт Х.* О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
3. *Бадью А.* Можно ли мыслить политику? Краткий курс метаполитики. М.: Логос, 2005. 240 с.
4. *Бикбов А.* Плоды умолчаний [Электронный ресурс] // Эксперт. 2012. № 16 (799). URL: <http://expert.ru/expert/2012/16/plodyi-umolchanij/> (дата обращения: 27.02.2014).
5. *Бикбов А.* Представительство и самоуполномочение [Электронный ресурс] // Логос. 2012. № 4. URL: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1362604787331> (дата обращения: 28.01.2014).
6. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.

¹ См. главу 2 в настоящей монографии: *Клеман К.* К вопросу о локальном и глобальном в низовых социальных движениях России в 2005—2010 годах.

7. *Волков Д.* Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 году: истоки, динамика, результаты [Электронный ресурс] // Левада-центр, сентябрь 2012. URL: <http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg> (дата обращения: 26.10.2013).

8. *Воронков В.* Жизнь и смерть советской публичности // Дебаты и Кредиты. Медиа. Искусство. Публичная сфера / Под ред. Т. Горючевой, Э. Клейтенберга. Амстердам: Центр культуры и политики «De Balie», 2003. С. 99—110.

9. *Гельман В.* Без страховки: кризис легитимности власти и спрос на перемены [Электронный ресурс] // Ньюсленд, 17 мая 2011. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/701589/> (дата обращения: 10.02.2014).

10. *Гладарев Б.* Опыты преодоления «публичной немоты»: анализ общественных дискуссий в России начала XXI века // Доклад на конференции «Российское общество в поисках публичного языка: вчера, сегодня, завтра». СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.

11. *Гладарев Б.* Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общест-венности из духа города // От общественного к публичному / Под ред. О. Хар-хордина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 69—304.

12. *Гельман В., Добронравин Н., Колоницкий Б., Травин Д.* Политический кризис в России: модели выхода. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 56 с.

13. *Гудков А., Дубин Б.* Посттоталитарный синдром: «управляемая демо-кратия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма / Под ред. М. Липман, А. Рябова. М.: Изд-во Р. Элинина, 2007. С. 8—64.

14. *Гудков А., Дубин Б., Зоркая Н.* Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме // Вестник общественного мнения. 2012. № 1 (111). С. 5—32.

15. *Джагалов Р.* Антипопулизм постсоциалистической интеллигенции // Неприкосновенный запас. 2011. № 1 (75). С. 134—153.

16. *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. За-рождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 670 с.

17. *Кондов Д.* Анатомия «чистой» политики: социальные параметры ра-дикальных движений в России 1990—2000-х годов // Прогнозис. 2007. № 2. С. 124—142.

18. Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 192 с.
19. Магун А. Декабрьские протесты: взгляд политического философа [Электронный ресурс] // Русс.ру, 26 декабря 2011. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Dekabrskie-protesty-vzglyad-politicheskogo-filosofa> (дата обращения: 04.11.2013).
20. Магун А. Опыт и понятие революции // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 54—79.
21. Матвеев И. Эффект подлинности [Электронный ресурс] // Русс.ру, 12 марта 2012. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Effekt-podlinnosti> (дата обращения: 27.02.2014).
22. Пензин А. Формирование политической субъективности: между «то-ской» и изобретением общей жизни [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2010. № 75/76. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/75—76/penzin>.
23. Прозоров С. Второй конец истории: политика бездеятельности от перестройки до Путина [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2012. № 2 (82). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/2/p12.html> (дата обращения: 27.02.2014).
24. Рогов К. Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. 2010. № 4—5. С. 6—22.
25. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Под ред. П. Серио. М.: Прогресс, 2002. С. 337—384.
26. Хархордин О. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. С. 32—42.
27. Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс, 2009. 190 с.
28. «Это был протест во имя стабильности» [Электронный ресурс] // Русская планета, 19 августа 2013. URL: <http://rusplt.ru/society/bikbov.html> (дата обращения: 09.01.2014).
29. Baiocchi G., Cordero A., Bennett E., Klein P., Savell S. Disavowing Politics: Civic Engagement in an Era of Political Skepticism // The American Journal of Sociology. 2013. Vol. 119. P. 518—548.
30. Butler J. Bodies in Alliance and the Politics of the Street // European institute for progressive cultural policies, September, 2011. URL: <http://www.eipcp.net/transversal/1011/butler/en> (date of access: 20.02.2014).

31. *Della Porta D.* Social Movements, Political Violence and the State. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1995. 292 p.
32. *Della Porta D.* Eventful Protests, Global Conflicts // *Distinktion. Scandinavian journal of Social Theory*. 2008. № 17. P. 27—56.
33. *Eliasoph N.* Close to Home: The Work of Avoiding Politics // *Theory and Society*. 1997. № 26. P. 605—647.
34. *Frazer N.* Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // *Social Text*. 1990. № 25/26. P. 55—80.
35. Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared / M. Geyer, S. Fitzpatrick (Eds.). Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2009. 536 p.
36. *Jasper J.* The Emotions of Protest: Affective and Reactive Emotions in and around Social Movements // *Sociological Forum*. 1998. № 3 (13). P. 397—424.
37. *Kharkhordin O.* The corporate ethic, the ethic of samostoyatel'nost and the spirit of capitalism: reflection on market-building in post-soviet Russia // *International Sociology*. 1994. Vol. 9. № 4. P. 405—429.
38. *Polletta F.* It Was Like Fever: Storytelling in Protest and Politics. Chicago: University of Chicago Press, 2006. 256 p.
39. *Prozorov S.* Russian Postcommunism and the End of History // *Studies in East European Thought*. № 60 (3). P. 207—230.
40. *Smolar A.* From opposition to atomization // *Journal of Democracy*. 1996. № 7.1. P. 24—38.
41. *Snow D. A.* Framing Processes, Ideology, and Discursive Fields // *The Blackwell Companion to Social Movements* / Ed. by D.A. Snow, S.A. Soule, H. Kriesi. Blackwell Publishing, Oxford. 2004. P. 380—412.
42. *Snow D.* Collective Identity and Expressive Forms // Working Paper. Center for the Study of Democracy, 2001.
43. *Thévenot L.* Le régime de familiarité. De choses en personne // *Genèses*. 1994. Vol. 17 (Septembre 1994). P. 72—101.

Карин Клеман

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ В НИЗОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЯХ РОССИИ В 2005—2010 годах

Сегодня распространено мнение, что «обычные» граждане постсоветской России скорее пассивны, не очень демократичны и склонны поддерживать «сильную власть». Считается также, что эти люди доказали свою способность к социальной мобилизации и протесту лишь дважды: во время Перестройки, когда массовые митинги и демонстрации привели к распаду Советского Союза, и в 2011—2012 годах, когда «рассерженные горожане», особенно в Москве и Санкт-Петербурге, вышли на улицу потребовать «честных выборов». Такая картина соответствует реальности, но только отчасти — если сосредоточить внимание исключительно на результатах опросов общественного мнения или мнениях московской «либеральной интеллигенции».

Я же предлагаю взглянуть на действительность с иной перспективы — обратить внимание на локальные практики коллективного действия, которые часто остаются не замеченными социальными учеными и аналитиками. Я считаю важным в первую очередь анализировать деятельность «обычных» людей¹, особенно жителей регионов, в си-

¹ «Обычными» людьми — или, в терминах активистов, «обывателями» — я называю (без оценочных оттенков) всех, кто живет обычной жизнью и следует по принятым в современной России приватным или индивидуальным путям решения проблем, не прибегая к коллективным и публичным действиям. Соответственно «обычными» людьми могут быть как обыватели без всякого опыта активистской деятельности, так и активисты, чья жизнь или значительная ее часть не сводится к активизму. Подробнее об «обывательском мире» и его разнообразии см.: *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. С. 37—70 (глава «Обывательский мир»).

туации, когда они пытаются добиться хотя бы частичного контроля над своей жизнью и жизненным пространством через коллективные акты сопротивления.

Низовые социальные движения развиваются по всей стране в течение достаточно долгого времени — по крайней мере с 2005 года¹. Низовыми социальными движениями (*grassroots social movements*) я называю минимально организованные коллективные действия, которые продолжают в течение какого-то периода времени, в которые хотя бы отчасти вовлечены граждане без активистского опыта («обыватели») и которые рождаются на почве проблем, лежащих в области повседневной жизни. Эти движения локализованы, раздроблены и укоренены в обыденной жизни граждан. Поэтому некоторые комментаторы и даже социологи относят их к категории NIMBY-движений («Not In My Back Yard»²). Многие российские эксперты, политики и чиновники, указывают на эгоизм таких социальных движений — чтобы отказать им в легитимности. Иногда в их адрес слышатся также обвинения в «местечковости». Так

¹ Я не упоминаю здесь движения 1989—1991 годов, чья деятельность была направлена против советского режима, поскольку они достаточно специфичны и заслуживают отдельного анализа. Общественно-политический контекст того времени несравним с современным, а главное требование протеста — смена режима — достаточно быстро осуществилось. Последствия массовых перестроечных выступлений составляют отдельную тему для исследований. Эти последствия необходимо учесть для понимания новой волны общественной пассивности, возвращения граждан к приватному образу жизни и отворачивания их от политики. Даже социально болезненные либеральные экономические реформы 1990-х годов не привели к массовому социальному (или рабочему) движению. Одним из объяснений этого феномена может послужить описание специфической роли демократических элит протеста 1989—1991 годов, которые вскоре ассимилировались в новой властной системе. Кроме того, объяснением может служить размытый и абстрактный характер «демократических» требований того времени, которые легко подавались произвольным интерпретациям. См., напр.: *Piotrowski G. Civil society, un-civil society and the social movements // Interface: a journal for and about social movements. 2009. № 1 (2). Р. 166—189; Шубин А. Преданная демократия: СССР и неформалы 1986—1989. М.: Европа, 2006. 376 с.*

² Это понятие, введенное в 1980 году в США, используется для описания выступлений местных жителей, сопротивляющихся изменениям на близлежащих к ним территориях. Чаще всего оно имеет негативный оттенок, подразумевающий противопоставление частных интересов общему благу (в данном случае возможен такой перевод: «Где угодно, только не в моем дворе»).

ли это на самом деле? В реальности если некоторые низовые социальные инициативы и ограничиваются локальным пространством и узкой специфичной проблемой, то многие другие выходят за эти пределы и расширяют территориальный, тематический и социальный охват пространства действий и солидарности. Кроме того, участники низовых инициатив нередко расширяют свой кругозор в процессе взаимодействий и борьбы.

Это феномен особенно примечателен и удивителен. Ведь важной характеристикой низовых социальных движений является то, что многие их участники не имеют ни опыта активистской деятельности, ни знакомых среди активистов. Более того, большинство из них крайне негативно относятся к активизму или коллективным действиям — вплоть до того момента, как становятся их непосредственными участниками. Протестные действия дискредитированы сегодня в общественном мнении. Движение «За честные выборы», во многом благодаря участию в нем VIP-персон и интеллигенции, в какой-то степени легитимировало протест и могло бы существенно повлиять на структурные предпосылки к социальной мобилизации, если бы само не пришло к упадку.

Я не буду останавливаться здесь на объяснении первых шагов на пути превращения обывателей в активистов. Предпосылки для вовлечения людей в общественную деятельность — это отдельная и масштабная тема¹. Я хотела бы лишь подчеркнуть, что большая часть низовых социальных движений в современной России зарождается из ситуаций и проблем, укорененных в повседневной, знакомой и локальной жизни. Иногда подобные проблемы оказываются способными привести к изменениям в привычных практиках и образах действий, взаимодействии и мышлении людей. Вследствие этого некоторые из них могут перейти к иному — активистскому — образу жизни, идущему вразрез с доминирующими социокультурными в современном российском обществе нормами². Такими нормами обычно являются недоверие к людям, по-

¹ Подробнее об этом см.: *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России.

² Ученые, как российские, так и зарубежные, много сделали для того, чтобы доказать тезис об общественной пассивности большинства россиян. См.? напр.: *Гудков А., Дубин Б., Зоркая Н.* Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 96 с.; *Гудков А.* Итоги Путинского правления // Вестник

слушание, конформизм, патернализм, а также практики и образы мышления, основанные на принципах «каждый сам по себе», «сиди тихо и не высывайся» и т.п. В подобной ситуации вероятность активизации обычного человека невелика, порой это возможно только в результате крайнего потрясения его привычного, знакомого повседневного мира. В момент, когда человек вступает на другой путь, пробуя и ошибаясь, испытывая радости или горести, сталкиваясь с удачами и неудачами, наблюдая за изменяющейся реальностью вокруг себя, экспериментируя с некоторыми ее возможностями, он начинает вовлекаться в активистскую деятельность и, возможно, когда-нибудь станет активистом. Процесс вовлечения в активистскую деятельность прагматический и практический, он происходит на практике. В качестве иллюстрации можно процитировать фразу, наиболее часто (в разных вариациях) используемую информантами для описания недавно произошедшей с ними трансформации: «Еще год назад я был нормальным человеком и никогда бы не вообразил, что буду вести себя так».

Из того, что корни мобилизации обычно находятся «внизу» — в повседневной жизни и практическом опыте, — вовсе не следует, что активистский стиль действия и мышления не может распространяться и на другие сферы, артикулировать более широкие интересы и ссылаться на более универсальные ценности. Восходящие динамики низовых социальных движений, о которых я буду говорить ниже, не означают невозможность обратных, нисходящих динамик, о которых пишут, например, Олег Журавлев, Наталья Савельева и Светлана Ерпылева в настоящей монографии применительно к локальным группам, созданным на волне «Болотного движения»¹. Однако я полагаю, что нисходящие динамики мобилизации имеют мало шансов на поддержку и понимание

общественного мнения. 2007. № 5. С. 8—29; *Гудков А.* Социальный капитал и идеологические ориентации // *Pro et Contra*. 2012. Т. 16. № 3. С. 6—11; *Shlapentok V.* Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 288 p.; *Mendras M.* Comment fonctionne la Russie? Le politique, le bureau-crate et l'oligarchie. Paris: CERI/Autrement, 2003. 128 p.; *Favarel-Garrigues G., Rousselet K.* La société russe en quête d'ordre. Avec Vladimir Poutine? Paris: CERI-Autrement, 2004. 114 p.; *Ховард М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе.

¹ *Журавлев О., Савельева Н., Ерпылева С.* Разобщенность и солидарность в новых российских гражданских движениях (глава 13 в настоящей монографии).

среди «обычных» людей — ведь такие движения не укоренены в их повседневной жизни и заботах.

В этой главе я опишу два примера динамики движений «снизу вверх», которая представляет собой одновременно расширение активистской общности (образование широких солидарных связей) и обобщение требований («подъем уровня обобщения», «rise in generality», по выражению французского социолога Лорана Тевено)¹. Оба примера представляют собой случаи пусть локальной, но по-настоящему массовой мобилизации граждан, произошедшей до «громких» событий декабря 2011 года.

Движение против монетизации льгот зимой 2005 года²

В этой части главы речь пойдет о массовом протестном движении зимы 2005 года против реформы социальной сферы — отмены социальных гарантий (т.н. «монетизации» льгот)³. В этом движении

¹ Согласно теории А. Тевено о «режимах вовлеченности» (engagement), в зависимости от режима (крайние варианты режимов — близость (близкое знакомство) и публичность (публичная сфера)) люди по-разному взаимодействуют между собой и подходят к осмыслению ситуации этого взаимодействия. Эта теория помогает объяснить широкую палитру степеней общественной активности, а также поразмышлять о возможностях и условиях перехода от локальных и временных активистских инициатив к более масштабным и консолидированным активистским структурам. Иными словами, она позволяет поставить вопрос о становлении массовых социальных движений. *Тевено А.* Наука вместе жить в этом мире // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 3 (35). С. 5—14; *Thévenot L.* The plurality of cognitive formats and engagements: moving between the familiar and the public // *European Journal of Social Theory*. 2007. № 10 (3). P. 413—427.

² Материалами для анализа движения служат: включенное наблюдение 5 случаев массовой мобилизации в 3 городах, 20 рассказов участников из 10 городов, 30 глубинных интервью в 10 городах. Полевое исследование проведено в 2005—2006 годах. Подробнее об этом движении см.: *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. С. 112—147 (глава «Движение льготников: движение за социальные права»).

³ В 2004 году правительство объявило о проведении процедуры «монетизации» льгот (неденежных форм социальной поддержки разных категорий населения, в основном малоимущих слоев, введенных в годы президентства Ельцина для того, чтобы хоть как-то

так или иначе приняла участие большая часть населения, начиная со школьников и студентов и заканчивая пенсионерами, включая также инвалидов, работников Севера, жертв политических репрессий и т.д. Протест, участники которого требовали отменить закон о «монетизации», вспыхнул стихийно в виде массовых митингов и демонстраций, захватов государственных учреждений и перекрытий улиц в десятках городов (Санкт-Петербурге, городах Подмосковья, Ижевске, Перми, Барнауле, Омске, Кургане, Саратове, Твери, Благовещенске, Новосибирске, Самаре и ряде других). За два месяца (январь—февраль 2005 года) участниками протестных действий стали до миллиона человек по всей стране. Впервые правительство РФ было вынуждено пойти на уступки протестующим. Впервые на улицу вышли массы людей без активистского опыта, не политизированные и не принадлежащие ни одной из партий. Они вышли с железным намерением защитить свои заслуженные права, которые у них вдруг отняли.

Хотя реформа обсуждалась с апреля—мая 2004 года, а информационная (в т.ч. протестная) кампания велась с июня того же года усилиями широкой коалиции всероссийских общественных организаций, представляющих интересы льготников (ветеранских и черномыльских, организаций инвалидов, альтернативных профсоюзов, организаций жертв политических репрессий), массовым протест стал только после вступления закона в силу, 1 января 2005 года. Это может служить еще одним доказательством того, что — как во многих других случаях — пока граждане не испытывают проблему на собственном опыте, абстрактные слова о надвигающейся угрозе не затрагивают их или, по крайней мере, затрагивают не настолько, чтобы поставить под вопрос их привычный образ жизни.

В первую очередь гнев и возмущение льготников вызвала ликвидация бесплатного проезда на городском и пригородном обществен-

компенсировать ужасающую нищету подавляющего большинства населения). Формально льготы не отменялись, но заменялись денежной компенсацией. Однако размер этой компенсации (особенно в первых вариантах проекта) был явно неадекватен стоимости тех натуральных льгот, которые она должна была компенсировать. Так, в мае 2004 года предполагалось установить размеры ежемесячной денежной компенсации от 260 (!!!) до 800 рублей в зависимости от категории льготников.

ном транспорте. Они вдруг осознали происходящее, когда 1 января 2005 года контролеры начали высаживать их из трамваев. Испытав на собственной шкуре реальность лишения льгот, люди почувствовали сильное унижение.

Впервые оказался на митинге, и, когда увидел такую толпу, мне прямо стало радостно, я ощутил такую гордость за нас всех. Вот так и ответили за то, *что плюнули нам в лицо*. (м., пенсионер, участник митинга против монетизации льгот, 12 января 2005, Ижевск)

Вот такое неуважение к ветеранам. (м., пенсионер, участник митинга против монетизации льгот, 26 января 2005, Ржев, Тверская область)

Новость о «варварской» ликвидации льгот стала распространяться из уст в уста: что они посмели с нами сделать? — спрашивали друг у друга люди. Стихийно возникали многочисленные митинги, участники которых требовали одного: вернуть утраченные льготы. Несмотря на то что СМИ трактовали выступления как меркантильный протест, в реальности на сцену вышла такая — совсем не рыночная — субстанция, как *достоинство*. Об этом свидетельствовали плакаты во всех городах: «Матвиенко, не унижай достоинство горожан!» (Санкт-Петербург, 15.01.2005), «Мы хотим достойную пенсию!» (Ижевск, 12.01.2005), «Хотим достойно жить» (Бийск, 20.01.2005).

В интервью участники акций протеста уверяли, что их проблема не столько в отнятых льготах, сколько в том, что их лишили возможности достойно жить и оскорбили их честь и достоинство:

Пусть дадут нормальную пенсию, и мы купим билеты, а не будем унижаться в автобусе, предъявляя пенсионное удостоверение, мы заплатим за квартиру и телефон, купим лекарства. (м., пенсионер, участник митинга против монетизации льгот, 25 января 2005, Курган)

Мы столько отдали Родине, а вот как нас благодарят. (ж., пенсионерка, участница митинга против монетизации льгот, 12 января 2005, Ижевск)

Я ощущаю сильную гордость оттого, что проявляем вот такое гражданское мужество. (м., пенсионер, участник митинга против монетизации льгот, 26 января 2005, Ржев)

Так, пожилые люди, наряду с финансовой стороной, отмечали, что льготы были признанием их заслуг в развитии страны в предшествующую эпоху. А особую важность транспортной льготы многие пенсионеры объясняли тем, что она позволяет им присутствовать в обществе, передвигаться, общаться. «Они (власти) хотят, чтобы мы дома сидели, каждый поодиночке» — эта фраза одного из информантов могла бы стать лейтмотивом протестных выступлений пенсионеров.

Значимость риторики *достоинства* подчеркивает сходство протеста против монетизации льгот с движением «За честные выборы», при этом участники первого солидаризуются со всеми, кто активно отстаивает свое задетое достоинство, придавая этому понятию коллективный характер¹.

По регионам России прокатилась самая крупная со времен Перестройки волна акций протеста. По данным Центра исследования политической культуры, с 9 января по 20 февраля в митингах и других акциях против монетизации льгот в 77 субъектах РФ участвовало 1 млн 142 тыс. человек².

Первые спонтанные митинги можно датировать 5—6 января, а уже 10-го льготники начали перекрывать транспортные магистрали. В районе Химок и Солнечногорска (это пригороды Москвы) протестующие остановили движение на Ленинградском шоссе, в Самаре была заблокирована Революционная улица — одна из центральных магистралей города, аналогичные события происходили в Альметьевске (Татарстан), Старом Осколе (Белгородская область), Уфе и Барнауле. Митинги, как правило, не были санкционированными, так как решения об их проведении при-

¹ В то время как этика участия в ДЗЧВ преимущественно индивидуалистическая, об этом подробнее см.: Журавлев О., Савельева Н., Ерпылева С. Разобщенность и солидарность в новых российских гражданских движениях (глава 13 в настоящей монографии).

² Монетизация льгот: цена вопроса [Электронный ресурс]. Агентство социальной информации, М.: 2005. URL: <http://www.asi.org.ru/wp-content/uploads/2013/06/Monetizatsiya-lgot1.pdf> (дата обращения: 05.02.2014).

нимались спонтанно, часто накануне или за несколько дней до событий. Это, а также то, что инициаторами митингов обычно оказывались неопытные активисты, исключало возможность соблюдения формальной процедуры уведомления властей. Многие акции протеста заканчивались перекрытием дорог и попыткой прорваться в администрацию для «диалога» с властью.

Что привело к протестным волнениям, связанным с монетизацией льгот? Важно отметить высокую степень самоорганизации возмущенных пенсионеров и других льготников. Так, эти люди оказались способны самостоятельно делиться друг с другом информацией, назначать время и место общих сборов. Центрами активного обмена информацией становились места традиционного скопления пожилых людей: магазины, остановки общественного транспорта, больницы и аптеки. Новость о ходе передавалась точно так же, как и возмущение («сарафанное радио» и телефонные звонки), кроме того, информация распространялась с помощью самодельных листовок, которые инициативные граждане расклеивали у себя в кварталах или на центральных площадях. Таким образом, люди начинали скапливаться в определенных местах (обычно — рядом с административными зданиями, поскольку гнев был обращен к представителям власти). Часто они приходили не в одиночку, а небольшими группами, которые собирались, в том числе, по пути на митинг. Отдельные протестующие, напротив, присоединялись к акции, уже увидев большое скопление людей. Аналогично, после старта массовых выступлений, когда возмущенные граждане перекрывали улицы, блокируя движение общественного транспорта, многие пассажиры выходили из автобусов и троллейбусов и присоединялись к спонтанному митингу. Решение о месте и времени следующей акции часто принималось в конце текущего митинга. Описанная выше информационная цепочка продолжала работать, что способствовало быстрому росту массовости движения.

В этой ситуации у движения скоро появились свои неформальные лидеры: ими стали те, кто громче кричал, выглядел более осведомленным, был более опытным. Иногда (но, как правило, не сразу) активистам помогали политические или общественные организации (КПРФ, РКРП,

«Яблоко», то или иное объединение льготников). Правда, помощь от них приходила скорее в личном порядке. В первые дни протеста лишь отдельные опытные активисты на местах успели отреагировать на этот акт отчаяния, однако именно они сыграли важную роль в становлении движения, оказав помощь в формулировании требований и воодушевив недавно активизировавшихся людей на решительные действия. Порой вовремя принесенного ручного мегафона или решительного призыва к действию оказывалось достаточно для того, чтобы события стали развиваться по-иному.

В дальнейшем свою роль сыграл эффект «снежного кома». Граждане приходили к назначенному месту сбора, убеждались в том, что их много, выражали возмущение, поддерживая друг друга, требовали: «Губернатор (мэр), выходи!» Видя, что никто не выходит, они возмущались еще сильнее. Постепенно людей становилось все больше, кто-то кричал: «А пойдемте сами к губернатору (мэру)!» Тогда протестующие перекрывали дороги, иногда — брали административные здания в осаду. Участвуя в таких событиях, они подолгу стояли рядом и активно общались между собой. Со временем это привело к радикализации настроений: акции становились все решительнее, а лозунги — все более оппозиционными.

Протестующие пробовали разнообразные алгоритмы действий. Однако преобладали жесткие формы: перекрытие дорог и блокирование административных зданий или кабинетов чиновников. Как правило, это было попыткой обратить на себя внимание местной власти, побудить ее к диалогу. Например, первые перекрытия в Развилке, Солнечногорске, Ижевске были вызваны отсутствием ответа местных чиновников на просьбы митингующих выйти из своих кабинетов и поговорить с ними (митинги проходили в рабочее время непосредственно перед зданием администрации). После силовых акций, таких как блокирование движения транспорта, начальники, как правило, появлялись. Впрочем, приверженность протестующих к подобного рода акциям нельзя объяснить только соображениями эффективности в принуждении власти к ответу. Как отмечает И. Климов, также изучавший движение против монетизации льгот, люди в интервью часто использовали метафору

войны и военных действий¹, в которых по-настоящему жесткие меры представляются единственным адекватным средством борьбы. Активисты при этом пытались понять, что же действительно «работает» на практике, используя метод проб и ошибок. Из-за стихийного характера протеста и плохой координации митинги порой проходили в разных районах города одновременно. Случалось, что группы рассерженных пенсионеров блокировали проезд трамвая, из которого их высадил кондуктор; в Барнауле пенсионеры, собравшись в группы, коллективно отказались платить за проезд («всех не высадите»).

Недовольство протестующих было обращено прежде всего на региональные власти, поскольку они ближе. Люди назначали митинги у административных зданий, требовали появления губернатора или мэра, настаивали на публичном объяснении позорных действий властей. Но достаточно быстро — уже со второй половины января — льготники стали выдвигать лозунги против федеральной власти: сначала против Зурабова, которого считали виновным в «монетизации», а затем против Путина, который «обманул народ»; постепенно появились и требования отставки правительства РФ.

Власти, столкнувшись со вспыхнувшим неожиданно для них протестом, растерялись. Реальная способность людей к самоорганизации намного превышала мнение об этом властей, всегда считавших пенсионеров легкоуправляемым (в т.ч. посредством телевизионного промывания мозгов) «быдлом». Отчасти именно поэтому в первые дни протеста представители региональных властей отказывались выходить к митингующим. Впрочем, в конце концов появиться на публике им пришлось (сначала — вторым лицам, а затем и первым). Как правило, чиновники делали абстрактные и довольно грубые заявления (призывали «спокойно расходиться», «не поддаваться на провокации», «не верить слухам»), что только усиливало гнев собравшихся. «Никто нас не собрал, мы сами себя собрали», — возмущались они. В то же время представители власти успокаивали людей, объясняя, что «монетизацию»

¹ *Климов И.* Реформа социальных льгот 2004—2005 годов и значимые итоги протестной активности. Доклад на международной конференции «Вовлеченность, солидарность, социальные связи: осмыслить коллективные действия в России». Париж, 12.06.2008.

«не так поняли», обещали исправить «недоразумения», «отдельные недочеты» или «технические проблемы».

Власти пытались реагировать на протест в своей излюбленной манере — использовать кнут и пряник одновременно. С одной стороны, они шли на мелкие уступки; например, в Удмуртии после первых митингов льготникам предоставили право бесплатного проезда еще на один месяц, а в Питере было запрещено высаживать из транспорта безбилетных пассажиров, имеющих право на льготы. С другой стороны, параллельно разворачивалась репрессивная машина. В организации стихийных митингов власти стали обвинять коммунистов, лимоновцев или таинственных «provokatope» и «экстремистов». Не заставили себя ждать и задержания. В ряде городов разблокирование магистралей происходило с применением милиции и ОМОНа. В дальнейшем против активных участников протестов (впрочем, среди них оказывались и случайно попавшие под руку активисты или лица, «выделяющиеся внешним видом») возбуждались административные дела; их обязывали выплачивать штрафы и вызывали на «воспитательные» беседы с сотрудниками уголовного розыска и ФСБ. Губернатор Московской области Б. Громов даже заявил, что в отношении «зачинщиков» будут возбуждаться уголовные дела.

Но ни тот ни другой ход не удался. Люди не дали себя запугать, не поверили в легенды о «зачинщиках», бились за задержанных участников акций и добивались их освобождения. Более того, несмотря на попытки дискредитации протестующих со стороны властей, общественное мнение однозначно оставалось на стороне участников протестов. Случаи столкновения с ОМОном и избиения милицией пожилых людей могли вызывать у наблюдателей только осуждение. Воодушевленные массовостью движения, полные энтузиазма, протестующие не удовлетворялись пустыми обещаниями. Они ощущали эйфорию оттого, как много людей («таких, как я») хотят предъявить счет власти и отстоять свое достоинство, оттого, что они впервые завоевали себе место на публичной сцене. Сильную эмоцию, пережитую участниками протестных выступлений, можно описать словами «власть — это мы», что напоминает эмоциональное воодушевление участников первых митингов «За честные выборы».

Ряды протестующих постоянно расширялись; к пенсионерам и льготникам стали присоединяться другие группы населения: молодежь и студенты, бюджетники и безработные, малообеспеченные и социально незащищенные люди, а также некоторые политические партии и профсоюзы.

Беспрецедентная мобилизация показала властям, что дело чревато массовой потерей поддержки избирателей. Избиения пожилых людей, как и сам факт лишения льгот и без того малоимущих граждан (почти в каждой семье был человек, затронутый «монетизацией»), заставили пропагандистскую машину забуксовать.

В результате в большинстве регионов властям пришлось согласиться на переговоры с представителями взбунтовавшихся льготников. В целях упрощения переговоров митингующие начали создавать делегации, общественные советы и прочие народные органы; в них вошли не только пенсионеры, но и активисты с общественным или политическим опытом. Для оказания давления снизу во время переговоров акции протеста продолжались — уже скоординированные стихийно созданными советами.

В тех регионах, где традиционные партии (в основном КПРФ) смогли перехватить контроль над движением протеста, оно постепенно становилось все менее радикальным (коммунистические боссы, как правило завязанные на местную власть, призывали людей «спокойно расходиться» по окончании заявленного митинга и не «устроить беспорядки», т.е. не блокировать улицы). В регионах, где на сцену вышли новые общественные игроки в виде координационных советов и комитетов солидарных действий, протестное движение продолжало расти, как правило добиваясь существенных уступок со стороны местных властей.

К концу января движение вступило в новую фазу — действия его участников стали более организованными. Активисты начали понимать, что в одиночку, к тому же на уровне одного региона, они немногого добьются. Местные власти продолжали идти на скромные уступки, но большинство активистов воспринимали их как подачки. Федеральная власть все еще пыталась повлиять на протест, делая успокоительные заявления, ведя пропаганду в СМИ, применяя угрозы и репрессии. Однако о возврате льгот речи не шло. В результате роста недовольства протесту-

ющих вопрос о воздействии на федеральную власть стал как нельзя более актуальным. Из регионов начали поступать сигналы и предложения по проведению общероссийской акции. С помощью общероссийских организаций льготников и их союзников 10—12 февраля 2005 года стали Днями солидарных действий. Участники некоторых из этих митингов объявили о создании координационных советов или комитетов, объединяющих представителей не только организаций льготников и ветеранов, но и более широкого круга граждан (профсоюзы, политические партии, другие общественные организации).

В результате правительство РФ вынуждено было пойти на уступки. Льготы восстановили — по крайней мере отчасти — в виде льготных социальных проездных билетов. Но самое главное, граждане получили бесценный опыт победы — пусть частичной, но чрезвычайно важной как прецедент. Кроме того, они получили опыт самоорганизации: во многих городах начали действовать координационные структуры местного уровня (советы, комитеты солидарных, протестных, гражданских действий), поставившие перед собой задачу координировать протестную деятельность и содействовать мобилизации и самозащите граждан. Именно они стали центром кристаллизации протестных инициатив, вбирая их в себя по мере их появления, помогая организоваться и формулировать требования, поддерживая солидарными действиями.

Особенно важным в истории протеста против «монетизации льгот» является то, что с течением времени, даже после частичного удовлетворения его требований, движение не сошло на нет. Координационные органы, созданные в 2005 году во многих регионах России, продолжили существовать, расширив одновременно свою социальную базу и сферу деятельности. В поисках выхода на федеральный уровень некоторые из них установили постоянные отношения друг с другом и создали сети. Важной площадкой для консолидации таких структур стал Социальный форум, организованный в Москве в апреле 2005 года по инициативе региональных координационных советов. На форум съехались представители организаций и движений разнообразной направленности: от радикальных политических до экологических и правозащитных. В общей сложности собралось около тысячи человек более чем из сорока

регионов страны (и все это — практически без постороннего финансирования). В Декларации форума говорится:

Мы убеждены, что нет непреодолимых препятствий для нашего сотрудничества. Подтверждением этому служит накопленный в ходе протестных акций середины 2004 — начала 2005 года опыт совместной деятельности разных организаций по защите социально-политических прав. Мы можем и должны взаимодействовать между собой — и при этом уважать автономию каждой организации¹.

Важный итог массового протестного движения начала 2005 года — появление на общественно-политическом поле новых игроков. Акции протеста, начавшиеся отчасти спонтанно, благодаря солидарному и решительному настрою участников, привели к возникновению новых субъектов коллективного действия, которые взяли на себя функции координации и дальнейшего развития движения. Эти низовые гражданские координационные структуры были новым явлением для России. Их основателями выступили «обычные» люди, которые действовали независимо от властных структур и стремились не «возглавить» борьбу, а координировать ее, стимулируя самоорганизацию низовых гражданских инициатив.

Приобретение опыта солидарности, самоорганизации и координации масс людей — другой важный итог движения 2005 года. В общей кампании с общей целью (сопротивление антисоциальной политике) приняли участие далеко не только пенсионеры, но и самые разные социальные категории и группы граждан. К движению подключились студенты, молодежные активисты, профсоюзы, политические активисты, интеллектуалы. Хотя чаще всего они включались в борьбу в личном порядке, они смогли внести существенный вклад в развитие движения, поскольку вкладывали свои умения, навыки и квалификации в общую копилку ресурсов социально-протестного движения.

¹ Декларация Российского социального форума «Пора сплотиться и действовать вместе! Защитим наши социально-политические права!», принятая 17 апреля 2005 года Ассамблеей социальных движений. Архив автора.

Калининград 2010 года: требовать власти «снизу»¹

Городское протестное движение в Калининграде заявило о себе на всю страну зимой 2010 года. Крупнейший в постсоветской России (12 тыс. участников) митинг 30 января привел — исключительный случай для современной политической ситуации — к отставке губернатора Бооса. Что сделало возможной подобную массовую мобилизацию?

Прежде всего, поводом для мобилизации стало накопление социальных и материальных проблем у подавляющей части населения вследствие экономического кризиса и социально-экономической политики региональных властей. Это естественным образом повлекло за собой рост недовольства граждан. Стоит учесть также особенность географического положения города: из-за близости Западной Европы у населения есть возможность сравнивать уровень своей жизни с соседними странами; почти все активисты упомянули этот фактор как существенный. Кроме того, нужно принимать во внимание тот факт, что в последние десять лет доходы жителей региона постоянно росли — неудивительно, что их падение вызвало острое недовольство. А каплей, переполнившей чашу терпения граждан, стало крайне непопулярное решение губернатора Георгия Бооса установить максимально высокие ставки транспортного налога. Именно это решение вызвало волну протеста.

¹ Выводы основаны на материалах полевого исследования, проведенного во второй половине сентября 2011 года, а также на записях многочисленных бесед с участниками событий, сделанных как во время общественного подъема, так и позже. В ходе основного полевого исследования я провела 10 глубинных интервью с активистами и лидерами движений, общественных и профсоюзных организаций. Я была наблюдателем и участником двух акций протеста, а также общалась с горожанами на различных общественных мероприятиях (на собрании блогеров, на судебном заседании, на стихийных или запланированных собраниях активистов). Кроме того, приобретенные личные связи с некоторыми активистами города позволили мне в дальнейшем актуализировать материалы, в том числе для того, чтобы понять, как мобилизация «За честные выборы» конца 2011 — первой половины 2012 года сказалась на местной общественной ситуации. Подробнее об этом движении см.: *Клеман К.* Калининград: массовое протестное движение добилось отставки губернатора, а что потом? // *Городские движения России в 2009—2012 годах: на пути к политическому* / Под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 395—501.

Первый митинг (24 октября 2009 года) состоялся в центре Калининграда и собрал около 500 человек (среди них — вся политическая оппозиция города). Декабрьский митинг (12 декабря 2009 года) объединил на том же месте уже около 5 тыс. протестующих. На сей раз значительную часть присутствующих составляли не активисты политических партий и движений, а простые, далекие от политики граждане среднего возраста (условно говоря, представители среднего класса). Тогда же наряду с экономическими требованиями (возврат льготной областной «растаможки» автомобилей, отмена повышения транспортного налога) прозвучали и политические лозунги об отставке Бооса и отзыве из областной Думы представителей «Единой России».

Одним из наиболее важных факторов, вызвавших протестные выступления 2010 года, являлось накопление протестного опыта у представителей самых разных категорий граждан Калининграда. В течение 2008—2010 годов в городе возникали разнообразные социальные движения, стремившиеся влиять на ситуацию в той или иной сфере общественной жизни. В частности, именно в это время родились или начали бурно развиваться: движение мелких предпринимателей, движение в защиту здравоохранения, движение автомобилистов, свободные профсоюзы (в том числе в бюджетной сфере), движение льготников, кампания работников «КД авиа» за выплату долгов по зарплате и против закрытия авиакомпании, а также инициативные группы в защиту зеленых зон и против уплотнительной застройки. Показательно, что все эти движения начинались с локальных конфликтов (по поводу закрытия конкретной больницы, повышения таможенных ставок на ввоз иностранных машин, угрозы отнять у мелких предпринимателей землю, вырубки в парке) и лишь затем поднимались до постановки глобальных проблем, относящихся к разным областям общественной жизни (таких, как трудовые права, экология, здравоохранение, мелкое предпринимательство и т.п.) и отвечающих интересам широких слоев населения. Со временем эти инициативы образовали сеть, поскольку активисты одних социальных движений начинали участвовать в акциях других — в знак солидарности и для консолидации сил. Я хочу остановиться на трех примерах низовых тематических движений — чтобы показать, как они

развивались, привлекая новых сторонников и расширяя круг волнующих их проблем.

Протест автомобилистов

Еще до начала кампании против повышения транспортного налога автомобилисты, а особенно перегонщики (специфика автомобильного бизнеса в пограничном регионе), боролись с повышением таможенных ставок. С конца 2008 года они проводили акции протеста — сначала у таможни, а затем и в городе. Первые акции были стихийными (благо у таможни создавались огромные пробки из-за «правового беспредела таможни при “растаможке”»), но вскоре у автомобилистов появился молодой и энергичный лидер — Константин Дорошок, также занимавшийся перегоном машин.

Участники движения, особенно профессиональные автомобилисты и перегонщики, организовались довольно легко: через интернет-форумы и посредством личного общения в очередях на таможне или на акциях протеста. Кроме того, общественная организация, созданная Константином Дорошком в 2008 году («Справедливость»), взяла на себя многие организационные и координационные функции и поддержала движение.

Тем не менее движение автомобилистов 2008—2010 годов не ограничивалось ни организацией «Справедливость», ни автомобилистами как таковыми. Благодаря боевитости участников первых акций, вокруг проблемы транспортного налога и фигуры Дорошка произошел динамичный рост активности. На каждой акции к автомобилистам присоединялись все новые и новые участники, в том числе далекие как от автомобильных проблем, так и от политики (например, байкеры).

Движение в защиту областного здравоохранения

Примерно в это же время, с октября 2008 года (и до лета 2010-го), проходило еженедельное пикетирование здания правительства Калининградской области в защиту областного здравоохранения. Поводом

для этих акций протеста стало принятое местными властями решение закрыть медсанчасть № 1 (так называемую «больницу рыбаков»), возмущившее группу ветеранов и работников рыбной промышленности области. 24 октября 2008 года прошел первый пикет под девизом «Сохраним больницу рыбаков!». Инициатором выступила региональная общественная организация Союз ветеранов рыбной промышленности при поддержке Ассоциации морских капитанов. В пикете приняли участие 60—70 человек. Эту акцию поддержали также депутаты областной Думы от оппозиции, в том числе Михаил Чесалин (партия «Патриоты России»). В дальнейшем именно эта партия во главе с ее председателем Чесалиным стала основным организатором кампании в защиту регионального здравоохранения. К ней присоединились другие партии, в частности КПРФ и «Яблоко», а также медики, находящиеся под угрозой увольнения, пациенты, различные общественные силы и профсоюзные деятели.

Главным образом при поддержке Чесалина пикет против закрытия конкретной больницы перерос в кампанию по защите здравоохранения в регионе, а список чиновников, обвиняемых в «разбазаривании» и «разрушении» качественной и доступной медицины, расширился. Но до центральной власти дело дошло только год спустя: на 48-м пикете 30 октября 2009 года впервые появился транспарант «Путин в ответе за Бооса!». До этого пикетчики последовательно и упорно требовали ответа от главного врача больницы, областного министра здравоохранения Ключиковой и губернатора Бооса. Смысл кампании передает самый «долгоиграющий» плакат: «Медсанчасть — народу, Ключикову — в отставку». Михаил Чесалин так охарактеризовал «врага», против которого боролись протестующие: «холуйство, чиновничество, казнокрадство, круговая порука» (М. Чесалин, текст приглашения на юбилейный, 65-й, пикет в защиту калининградского здравоохранения 19.03.2010¹).

Важно отметить, что продолжавшийся около полутора лет пикет стал площадкой для знакомства и встреч активистов самых разных движений,

¹ Победа в борьбе за калининградское здравоохранение [Электронный ресурс] // Институт Коллективное Действие, 13 марта 2010. URL: <http://www.ikd.ru/node/12790> (дата обращения: 05.02.2014).

местом обсуждения общественно-политических вопросов. (Туда, например, приходил и Дорошок — в то время, когда он делал самые первые шаги на пути вовлечения в активистскую деятельность.)

В результате, благодаря последовательной протестной кампании (а также массовому митингу 30 января 2010 года), пикетчики добились отставки министра здравоохранения Ключевой и увеличения финансирования здравоохранения. Однако больницу спасти не удалось.

Движение мелких предпринимателей

Примерно в этот же период (с конца 2008 года до февраля 2010-го) шла активная борьба мелких предпринимателей за сохранение своих торговых палаток. За полтора года ими было проведено сорок пикетов, по 70—80 человек каждый. В пикетах принимали участие в основном мелкие предприниматели (у которых «по две, по три палаточки»), а те, кто покрупнее, помогали в организации, оставаясь в тени.

Перед лицом угрозы, касающейся каждого из них, предприниматели, несмотря на свою зависимость от местной власти, сумели объединиться — они понимали, что им не выстоять в одиночку против масштабного плана захвата палаточных мест. Потерять палатки для многих означало потерять единственный источник существования.

До этого люди в принципе не общались, потому что это был мелкий бизнес, и каждый сидит в своей коробочке, и каждый, это, боится чего-то, каждый... Ну, общались, трое человек, может быть, знало друг друга. Потом у нас образовались звенья, звеньевые, там, организация, там, допустим, обзвон. И потом мы приняли решение участвовать в уличной борьбе: пикеты и демонстрации. (Вадим Косухин, 1964 г.р., главный организатор пикетов протеста движения мелких предпринимателей, высшее техническое образование, предприниматель, 22 сентября 2011, Калининград)

Кроме того, в ходе борьбы предприниматели установили солидарные связи с другой инициативой — пикетом в защиту здравоохранения:

Нас поддержал Михаил Юрьевич Чесалин, ну, поддержали люди, активные протестные люди. Мы тоже поддерживали Михаила Юрьевича, тему медсанчасти № 1. (Вадим Косухин)

На пикеты палаточники выходили со своими лозунгами (в частности, «Бизнес и власть слились в экономическом экстазе?») и, в свою очередь, получили поддержку со стороны организаторов «медицинского пикета». Все по формуле «с общей бедой нужно бороться гуртом».

Таким образом, ряды участников кампании постепенно расширялись, движение затрагивало новые проблемы, уже не относящиеся напрямую к проблеме захвата палаток. Более глобальным постепенно становился и «враг» движения. Свою роль в этом процессе сыграл эмоциональный подъем протестующих: сначала предприниматели выступили против городских властей, затем против Бооса и только к концу кампании, на митинге 30 января 2010 года, затронули фигуру Путина — неожиданно даже для самих себя, просто под влиянием общего эмоционального тона протеста. В конце концов, благодаря своему упорству, прагматизму и боевитости, а также благодаря массовости митинга 30 января, мелкие предприниматели добились «полной победы».

Итак, к концу 2009 года в Калининграде уже теплилось множество очагов протеста. Между ними начали устанавливаться перекрестные связи: отдельные активисты время от времени посещали акции своих «коллег». Самые разные категории населения уже накопили минимальный опыт коллективных действий, в городе возникли площадки для обмена мнениями и координации. Росло взаимодействие и сотрудничество между различными движениями и группами. Одним словом, в городе начала образовываться сеть социальных движений и инициатив.

Важно отметить, что сеть в данном случае не означает организационного единства: каждое движение сохраняло свою специфику, поднимало особые вопросы и мобилизовало определенные категории граждан. Однако через эту сеть происходила диффузия общих практик и ценностей. Умножение инициатив, одновременное проведение самых разных кампаний и перекрестные связи между ними позволили добиться общественного резонанса, получить отклик за пределами узкой группы

непосредственно заинтересованных лиц. Причем общей для каждой из входящих в сеть инициатив была тенденция к нарастанию численности и расширению круга участников, что не могло не воодушевлять недавно присоединившихся к движениям активистов. Новички, впервые оказавшиеся на протестной акции, более склонны распространять о ней положительную информацию, приглашать знакомых на новые протестные мероприятия, если они видят, что акция или кампания — дело не только маргиналов, что среди активистов встречаются соседи и коллеги по работе, уважаемые люди и привлекательные лидеры.

Взаимосвязанные процессы диффузии активистской позиции и наращивания влияния активистских движений на сообщество постепенно сделали возможным расширение мобилизации. Люди, которые относительно регулярно слышат об акциях протеста и наблюдают их, люди, чьи знакомые (друзья, родственники или коллеги) участвуют в таких акциях и отзываются о них положительно, с большей вероятностью могут и сами стать частью протестного движения. В Калининграде эта сила примера, практическая агитация против царящего равнодушия, наглядная демонстрация привлекательности активистской позиции сыграли большую роль в общественной мобилизации. Так, словно снежный ком, и нарастал массовый протест. Такая концептуализация процесса диффузии активистской позиции учитывает распространение как информации, так и эмоций путем общения между знакомыми и незнакомыми людьми, а также придает серьезное значение неформальным беседам между участниками и наблюдателями¹.

Процесс конвергенции отдельных протестных тем происходил, в частности, благодаря работе лидеров движений, которые познакомились друг с другом на различных городских публичных площадках и смогли впоследствии найти точки соприкосновения между своими требованиями и инициативами. Особенно важную роль сыграли новые лидеры, выросшие на волне предыдущих протестов. Таким человеком, в первую очередь, стал Константин Дорошок. Калининградец и патриот

¹ *Mische A.* Cross-talk in movements: Reconceiving the culture-network link // *Social movements and networks: Relational approaches to collective action* / M. Diani, D. McAdam (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 258—280; *Eliasoph N.* Making a fragile public: A talk-centered study of citizenship and power // *Sociological Theory*. 1996. № 14. P. 262—289.

своего региона, «свой» человек для автомобилистов и мелких предпринимателей (бывший перегонщик), прямой, симпатичный, энергичный, непартийный, с чувством собственного достоинства, отец троих детей — вот как выглядел Дорошок в глазах жителей города. Новая фигура на общественно-политической сцене, он жил обычной жизнью среднего (если так можно сказать) калининградца и неожиданно для себя, примерно в 2007 году, стал общественным активистом.

Вместе с Дорошком на калининградском протестном поле действовали и новые, «стихийные» лидеры, а также активисты со стажем (последние были в основном членами политических партий, по большей части помогавшими организационным опытом). Среди ключевых для городской общественной мобилизации фигур можно назвать и Михаила Чесалина. Бывший докер и лидер местного докерского профсоюза, в 1997 году он инициировал забастовку в торговом порту, за которой последовали репрессии против членов профсоюза. В 2006 году Чесалин был избран депутатом областной Думы по списку партии «Патриоты России», Калининградское отделение которой он возглавляет. В 2007 году он подвергся жестокому нападению (получил три ножевых ранения в спину и сильный удар по голове) — предположительно в связи с активизацией работы профсоюза в порту. Михаил — ключевая общественно-политическая фигура в области: все более или менее активные граждане знают его имя, и едва ли не каждый хотя бы раз побывал у него в офисе, ставшем местом для неформальных встреч широкого круга активистов. К нему как к депутату и заступнику часто обращаются за помощью, и Чесалин активно пытается помочь любой гражданской инициативе.

Итак, лидеры служили связующим звеном между специфичными социальными движениями и инициативами. Они воодушевляли людей личным примером, своими человеческими качествами и ораторскими способностями, содействовали расширению кругозора рядовых участников коллективных действий. Обобщая различные требования, лидеры пытались помочь людям выйти за рамки собственных узких проблем и подняться на более высокий уровень обобщения.

Еще одним фактором массовой мобилизации в Калининграде стала разветвленность городских информационных каналов: листовки, обзвоны, СМС-рассылки, интернет-СМИ, некоторые газеты и, главное, «из уст в уста».

Таким образом ручейки гражданской активности постепенно объединились в общий поток городского движения. Важно отметить, что процесс связывания, расширения и обобщения происходил не столько в умах и речах, сколько в опыте коллективных действий бок о бок с другими людьми, испытывающими сходное эмоциональное воодушевление. Через личные встречи и звонки, «сарафанное радио», дискуссии в местах скопления народа граждане делились своим возмущением и перекладывали друг другу душевный подъем.

Самый большой эмоциональный заряд протестующие получили на самом массовом митинге, который состоялся 30 января 2010 года. Видеоматериалы свидетельствуют, что его участники живо реагировали на все происходящее. Основное внимание было приковано к сцене: люди внимательно слушали ораторов, громко выражая им одобрение, и клеймили, вслед за ними, Бооса или Путина. Было холодно, шел снег, но протестующие продолжали размахивать руками и кулаками. Они восторженно и изумленно смотрели вокруг, были сосредоточенны и серьезны. Они испытывали гордость от участия в таком грандиозном мероприятии, эйфорию от чувства единства со стоящими рядом, гнев из-за действий враждебной власти и какое-то особенное чувство оттого, что им удалось захватить центральную площадь города, бросить вызов местным чиновникам и самим указывать правильный путь развития региона. По крайней мере, так можно интерпретировать слова рядовых участников митинга: «очень сильно», «огромное мероприятие», «весь народ собрался», «такого не было еще никогда», «столько отчаяния, да и столько веры, вот такой парадокс».

Была ли на этом митинге общая платформа, вобравшая в себя и способная артикулировать все множество специфических требований городских движений? Активистам удалось выработать точки соприкосновения в своих частных требованиях и прийти к общим знаменателям. Они были отражены в резолюции митинга 30 января:

- протест против «антисоциальной» политики и обнищания «простых» людей («Нашим регионом, в угоду личным интересам, командуют миллиардер-губернатор и миллионеры-министры, поголовно состоящие в “Единой России”» — говорится в резолюции; «Зажрались, заворовались, а посидеть?» — написано на плакате);

- протест против монополизации политики «Единой Россией» («Единая Россия — единая против россиян!», «Партию «ЕдРо» — в помойное ведро!») и предъявление себя в качестве полноценного политического игрока (резолуция содержала требование вернуть выборность губернатора и принять региональный закон об отзыве избирателями депутатов);
- формулирование альтернативного пути развития региона.

Гнев активистов был направлен не только против губернатора и должностных лиц региона, но и против центральной власти страны — это произошло во многом благодаря специфическому географическому положению эксклава, отдаленного от федерального центра. Такое положение укрепило базу для массового протеста, тем более что Боос воспринимался калининградцами как «московский варяг». Поэтому нет ничего удивительного в том, что в результате недовольные граждане выбрали главным объектом критики фигуру Бооса. Вокруг требования его отставки смогли объединиться различные инициативы и движения, а также простые граждане, протестовавшие против наглости региональной власти, не считавшейся с народом и наживавшейся за его счет.

При этом Путин не рассматривался протестующими в качестве ключевой фигуры. Его считали «ответственным за Бооса», но никогда не делали основным оппонентом. Скорее, участники протеста выражали недовольство политической системой, которую он олицетворял.

В целом требования движения были не столько политическими, сколько социальными. Даже требования отставки отдельных должностных лиц и т.п. служили скорее средством для решения социальных проблем. Кроме того, как и в случае протеста против «монетизации льгот», социальные и политические требования не были абстрактными для протестующих, напротив, они были закреплены в их социальном опыте. Вероятно, именно поэтому участники движения казались наблюдателям настолько убедительными.

Во время январского митинга складывалось ощущение, будто движение на подъеме и впредь будет только расти. Однако активисты столкнулись с рядом проблем сразу после 30 января. Динамику роста нарушил главным образом раскол движения, который был обусловлен как его внутренними проблемами, так и действиями властей. Со стороны

чиновников одновременно пошли угрозы и уступки, направленные на то, чтобы поссорить активистов между собой и раздробить движение.

Калининградская коалиция не смогла оказать сопротивление власти, вбивающей клин между ее участниками. Самому большому прессингу подвергся Константин Дорошок — как главный фигурант митинга 30 января и заявитель следующей акции, запланированной на 20 марта 2010 года; под давлением власти Дорошок отменил готовящийся митинг. После конфликта вокруг отмены митинга городская коалиция распалась окончательно. Свою роль в этом сыграла слабая организационная база коалиции: преобладание неформальных, межличностных и устных договоренностей в ущерб четким правилам взаимодействия и принятия коллективных решений.

Таким образом, два года спустя, в сентябре 2011-го, когда мной проводилась основная часть полевого исследования, низовые социальные движения в Калининграде были сильно ослаблены. Протестное голосование стало, пожалуй, основным эффектом мобилизационной волны 2009—2010 годов. Кроме того, на следующих после массовой мобилизации выборах в областную Думу (в марте 2011 года) некоторые лидеры протеста стали региональными депутатами, среди них — Михаил Чесалин (во второй раз) и Константин Дорошок. «Единая Россия» же получила в Калининграде самый маленький процент по стране (30,26% голосов). Еще более показательными оказались выборы в Государственную думу декабря 2011 года. На них «Единая Россия» уступила первое место КПРФ (25,38% против 31,20% голосов), что для партии-монополиста является безусловным поражением. На президентских выборах марта 2012 года процент граждан, проголосовавших за Путина, составил 47% (против 63,60% по всей стране). Эти результаты свидетельствуют о высоком уровне недовольства «партией власти» как символом «вертикали власти».

Общероссийская волна мобилизации (известная как движение «За честные выборы») почти не затронула Калининград, где в это время проходили обычные малочисленные митинги с участием почти исключительно политизированных активистов (за исключением самого первого митинга — 7 декабря 2011 года, собравшего около двух тысяч человек, в том числе много молодых ребят). Если сравнивать общегородское дви-

жение в Калининграде 2009—2010 годов с более поздним движением «За честные выборы» (как в самом Калининграде, так и в Москве), можно отметить, что первое гораздо более социально ориентировано и более укоренено в повседневной жизни обычных жителей. Кроме того, оно было также и значительно более массовым (как по самому Калининграду, так и по сравнению с московскими протестами, пропорционально населению городов).

Но можно ли сказать, что протесты 2009—2010 годов в Калининграде были менее политизированным движением, чем общероссийское движение «За честные выборы»? В первую очередь, Калининградский протест был менее граждански ориентированным, иными словами, в нем не так много места уделялось проблемам соблюдения законов и уважения гражданских прав. Его участники клеймили конкретные направления политики региональных властей, выдвигали конкретные альтернативные решения, отстаивали права конкретных слоев населения. Они не ждали от власти признания своего права на голос и политическое влияние, а демонстративно брали это право. Они воспользовались им на практике — правом народа на власть. Иными словами, по крайней мере на пике своей активности это движение можно назвать политическим.

Основные выводы

Основываясь как на проанализированных выше двух случаях массовой мобилизации, так и на десятке других¹, им подобных, я считаю

¹ Еще пять случаев массовых социальных движений проанализированы в монографии: Городские движения России в 2009—2012 годах: на пути к политическому / Под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 544 с. Среди них: Санкт-Петербургское движение против строительства «Охта-центра» и за сохранение историко-культурного наследия города; движение в защиту Химкинского леса; социальное и оппозиционное движение Астрахани против «диктатуры» местной власти; экологическое движение Сасовского района (Рязанская область); движение за спасение моногорода в Рубцовске. В предыдущей монографии автора («От обывателей к активистам...») также приводится анализ массовых социальных движений, в частности подробно описан процесс укрепления и консолидации социально-протестного движения Ижевска (Удмуртская республика), возникшего на волне протеста против монетизации льгот и действующего

возможным предложить некоторые выводы, способные стать вкладом и в общую теорию социальных движений, и в понимание процессов мобилизации в России последних лет.

Теория социальных движений

Факторами, позволяющими преодолеть неблагоприятные для социальной мобилизации структурные условия и привести к массовым протестным движениям, можно считать интенсивные взаимодействия субъектов коллективных действий в процессе открывания другого, активистского пути решения социальных проблем и наличие эмоционального подъема и воодушевления.

Нельзя однозначно противопоставлять локальное (или близкое) и городское или национальное пространство. Нет абсолютного противоречия между специфичным, общим и общественным, так же как и между маленькими инициативными группами и широкими солидарными связями. Эти, казалось бы, дихотомии применительно к конкретным случаям социальных движений оказываются скорее континуумами или комбинациями различных позиций, которые развиваются и видоизменяются в процессе коллективных действий.

Процессы мобилизации в России

Расширение территориального, тематического и социального пространства действий и солидарности — динамичный процесс, который может привести к объединению локальных, узких и низовых социальных инициатив в общее социальное движение. Основными условиями, способствующими этому процессу, являются:

до сих пор. Кроме того, проанализированы несколько примеров общероссийских, но специализированных социальных движений, таких как жилищное движение, движение жителей общежитий, движение «обманутых соинвесторов», профсоюзно-рабочее движение. *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России.

— развитие разнообразных низовых социальных инициатив, выдвигающих проблемы, укорененные в привычной для них среде;

— многочисленные низовые лидеры¹, способные заставлять активистов поверить в то, что они тоже наделены властью и способны оказывать влияние на окружающий мир (по-английски этот процесс называется *empowering*²); лидеры также играют немаловажную роль в соединении и сочетании различных специфических требований инициативных групп;

— наличие общих мест для встреч, дискуссий, обмена мнениями — своего рода зарождающееся снизу публичное пространство;

— сильный эмоциональный заряд некоторых эпизодов развития движения, эмоциональное сопереживание в процессе интенсивного взаимодействия³.

С другой стороны, основными препятствиями на пути консолидации и расширения (особенно с точки зрения устойчивости процесса мобилизации) являются:

— относительно слабая способность многих низовых социальных инициатив подтолкнуть «обычных» людей к самоорганизации или продолжительному активизму;

— относительная нечеткость правил взаимодействия в коалициях или организационных органах социальных движений, необязывающий характер многих соглашений между участниками коалиций;

— малоразвитость общего социального проекта;

— риск для движения, набирающего общности и масштаба, оторваться от локализованных и низовых инициатив «обычных» людей.

¹ О значимости лидеров для социальных движений см.: *Morris A., Staggengborg S. Leadership in social movements // The Blackwell companion to social movements / D. Snow, S. Soule, H.P. Kriesi (Eds.). London: Blackwell, 2004. P. 171—196.*

² О процессе *empowering* в общественных организациях см.: *Eliasoph N. Making volunteers: civic life after welfare's end. Princeton: Princeton University Press, 2011. 336 p.*

³ На значимость культурных факторов в процессе активизации обращают внимание многие современные специалисты по социальным движениям. Для обзора позиций см.: *Jasper J. Cultural approaches in the sociology of social movements // Handbook of social movements across disciplines / B. Klandermans, C. Roggeband (Eds.). New York: Springer US, 2010. P. 59—109.*

Низовые социальные движения и «Болотное движение»

О связи между низовыми социальными движениями (преимущественно стремящимися решить общую социальную задачу) и движением «За честные выборы» говорят мало. Тем не менее можно выделить три основные позиции, к которым склоняются комментаторы. Некоторые из них вообще не упоминают о социальных движениях, существовавших в недавнем прошлом или существующих до сих пор (осень 2013 года)¹; некоторые — подчеркивают исключительный и беспрецедентный характер «Болотного движения»; третьи же представляют социальные движения в качестве предшественников или прообразов «Болотного протеста».

Первая версия говорит о близорукости или селективной памяти комментаторов, которые не замечают того или забывают о том, что происходит за пределами Садового кольца.

Сторонники второй версии утверждают, что «Болотное движение» выделяется качеством участников (образованный и «прогрессивный» слой горожан), особенными (моральными) мотивами и материальной незаинтересованностью протестующих, а также решительной политической оппозицией «путинской» власти. Однако эта версия разрушается, сталкиваясь с эмпирическими данными, которые указывают на наличие моральных (особенно — защита своего достоинства) и политических (особенно — обвинение конкретных чиновников и представителей власти и требование изменения конкретной политики) мотивов у участников низовых социальных движений. Образованных людей в них тоже хватает, особенно среди лидеров (впрочем, образование само по себе не является признаком «прогрессивности»). Наконец, методы коллективных действий (окружение административных зданий, стихийные перекрытия улиц и т.п.), так же как и наличие лозунгов против Путина или федерального правительства, свидетель-

¹ Например, одно из наиболее известных современных низовых социальных движений — движение против добычи никеля в Воронежской области (движение «В защиту Хопра»), активно действующее и привлекающее множество местных жителей.

ствуют об оппозиционном характере некоторой части низовых социальных движений. Правда, фигура главного власть имущего не имеет для них большого значения.

Третья версия, на мой взгляд, ближе к действительности. Тем не менее прямую преемственность между низовыми социальными движениями и «Болотным движением» обнаружить сложно. Являются ли, например, участниками тех и других митингов одни и те же граждане, которые активизировались впервые, столкнувшись с конкретными проблемами, а спустя несколько лет снова вышли на площадь «против Путина»? Текущие данные позволяют ответить на этот вопрос скорее отрицательно. Лишь небольшая часть активистов (в основном лидеры) низовых социальных движений, которые исследовали я и мои коллеги, впоследствии приняли участие в движении «За честные выборы». Движение в защиту Химкинского леса и движение оппозиции местной власти в Астрахани составляют, скорее, исключения. Первое — в силу того, что еще до массового протеста «рассерженных горожан» оно стало превращаться в гражданское и отходить как от чисто экологических вопросов, так и от крепкой связи с местным населением. Второе — благодаря исключительной конфигурации, в которой пространство социальных движений и пространство политической оппозиции во многом совпадают — из-за антисоциальной, авторитарной и коррупционной политики местной мэрии¹. В этом смысле Астрахань можно считать редким примером соединения «Болотного движения» и низовых, малоизвестных местных социальных движений, загнанных в угол, но борющихся из последних сил. Два этих случая, как я отметила выше, составляют исключение; в целом активисты социальных движений участвовали в движении «За честные выборы» редко и скорее в личном качестве. Кроме того, во всех случаях (кроме Санкт-Петербурга и той же Астрахани) акции протеста в рамках общероссийской кампании «За честные выборы» собрали меньше людей, чем акции, привязанные к местным социальным вопросам.

¹ Ирония судьбы: в момент, когда я пишу эти слова (13.11.2013), как раз приходит новость о задержании нынешнего мэра Астрахани Михаила Столярова — по подозрению в получении крупной взятки.

Может быть, преемственность можно найти в трансляции памяти об уже прошедших случаях массовой социальной мобилизации? Или в передаче практического опыта? На эти вопросы тоже трудно ответить наверняка, но кажется, память о прошедших низовых социальных протестах слабо присутствовала в «Болотном движении». Например, редко вспоминались даже самые резонансные случаи массовой мобилизации прошедших лет (восстание калининградцев зимой 2009/10 года, массовые выступления автомобилистов Владивостока зимой 2008/09 года, волна протеста против монетизации льгот 2005-го или «рельсовая война» 1998-го). Почему же историческая и народная память так слабо сохраняет воспоминания о низовых социальных мобилизациях? Это может стать темой отдельного исследования. Информация о них распространяется — слабо и в основном через развивающиеся активистские сети и альтернативные медиа, но все же она распространяется. А память тем не менее не культивируется.

Низовые социальные движения можно считать прообразом «Болотного протеста», скорее, в тот момент их развития, когда они отходят от социальных задач и переключаются преимущественно на гражданские вопросы. Такой сдвиг чаще всего происходит из-за действий или, скорее, бездействия органов власти, которые своим молчанием усиливают потребность протестующих быть услышанными и признанными властью. В этом случае протестующие выступают как граждане, характеризующиеся не столько социальным положением или коллективными интересами и взглядами, сколько абстрактной гражданственностью. Но эта гражданственность вовсе не приближает активистов к успешному решению вопроса, послужившего поводом для мобилизации; тем более не приводит она к значительным социальным изменениям — ведь для осуществления последних необходима уже политическая борьба. Низовые социальные движения, исследованные мной и моими коллегами, подвержены тенденции превращения именно в движения гражданские, т.е. те, которые ставят во главу угла отношение к власти, а не трансформацию властных отношений. «Болотное движение» сразу апеллировало к власти и выдвигало идеи верховенства права и легализма, ему изначально был свойствен гражданский характер. Для низовых социальных движений

социальные вопросы первичны, но они нередко отодвигаются на второй план в процессе столкновения с представителями власти.

И в тех и в других движениях заметен дефицит политического. По крайней мере, если понимать политическое как производство делений и конфликтов в обществе или как выработку и выдвижение общественного проекта по преобразованию властных отношений¹. Однако, на мой взгляд, социальные движения потенциально более политические, чем «Болотное движение», — ведь в процессе обобщения требований и расширения своего социального состава они выдвигают особое видение общего блага и переходят от общих к общественным вопросам. Они производят также дифференциацию (деление) в социальном мире: на тех, кто разделяет интересы, взгляды и ценности, отстаиваемые движением, и на тех, кто обладает противоположными интересами, взглядами и ценностями. Иными словами, эти движения способны конструировать и мобилизовать социальную группу («мы»), не обязательно привязанную к определенной территории или практической проблеме, но при этом достаточно четко отделенную от иных возможных групп (vs. «они»). Противопоставление этого «мы» и «они» отнюдь не сводится к противопоставлению (абстрактного) «народа» и «плохой власти». Соответственно, социальным движениям несвойственно избегание конфликтов, тогда как ключевой фактор аполитичности участников митингов «За честные выборы»² усматривается именно в нежелании конфликтовать. Кроме того, взгляды активистов социальных движений — это не абстрактное благопожелание или идеологическая фразеология, а результат обобщений требований и проблем, имеющих свои истоки в реальной жизни конкретных людей. В опыте уполномочивающих (*empowering*) практик, в «политике малых дел» и коллективном ощущении возможности влиять на мир вокруг себя я усматриваю зачатки политического и трансформационный потенциал социальных движений.

¹ Концепция вдохновлена идеями Ж. Рансьера или Ш. Муффа. См.: *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // *Логос*. 2004. № 2 (42). С. 180—197; *Рансьер Ж.* Несогласие. Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. 190 с.

² *Ертылева С., Кулаев М.* Митинги в России 2011—2012 годов: Вернулась ли политика на улицы? (глава 8 в настоящей монографии).

Библиография

1. Городские движения России в 2009—2012 годах: на пути к политическому / Под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 544 с.
2. Гудков А., Дубин Б., Зоркая Н. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 96 с.
3. Гудков А. Итоги Путинского правления // Вестник общественного мнения. 2007. № 5. С. 8—29.
4. Гудков А. Социальный капитал и идеологические ориентации // Pro et Contra. 2012. Т. 16. № 3. С. 6—11.
5. Клеман К., Демидов А., Мирясова О. От обывателей к активистам. Загорающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 688 с.
6. Климов И. Реформа социальных льгот 2004—2005 годов и значимые итоги протестной активности. Доклад на международной конференции «Вовлеченность, солидарность, социальные связи: осмыслить коллективные действия в России». Париж, 12.06.2008.
7. Тевено А. Наука вместе жить в этом мире // Неприкосновенный запас. 2004. № 3 (35). С. 5—14.
8. Монетизация льгот: цена вопроса [Электронный ресурс]. Агентство социальной информации, М.: 2005. URL: <http://www.asi.org.ru/wp-content/uploads/2013/06/Monetizatsiya-lgot1.pdf> (дата обращения: 05.02.2014).
9. Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (42). С. 180—197.
10. Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. 190 с.
11. Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс, 2009. 190 с.
12. Шубин А. Преданная демократия: СССР и неформалы 1986—1989. М.: Европа, 2006. 376 с.
13. Eliasoph N. Making a fragile public: A talk-centered study of citizenship and power // Sociological Theory. 1996. № 14. P. 262—289.
14. Eliasoph N. Making volunteers: civic life after welfare's end. Princeton: Princeton University Press, 2011. 336 p.

15. *Jasper J.* Cultural approaches in the sociology of social movements // B. Klandermans, C. Roggeband (Eds.). Handbook of social movements across disciplines. New York: Springer US, 2010. P. 59—109.
16. *Mendras M.* Comment fonctionne la Russie? Le politique, le bureaucrate et l'oligarque. Paris: CERI/Autrement, 2003. 128 p.
17. *Mische A.* Cross-talk in movements: Reconceiving the culture-network link // Social movements and networks: Relational approaches to collective action / M. Diani, D. McAdam (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 2003. 368 p.
18. *Morris A., Staggengborg S.* Leadership in social movements // The Blackwell companion to social movements / D. Snow, S. Soule, H.P. Kriesi (Eds.). London: Blackwell, 2004. P. 171—196.
19. *Piotrowski G.* Civil society, un-civil society and the social movements // Interface: a journal for and about social movements. 2009. № 1 (2). P. 166—189.
20. *Favarel-Garrigues G., Rousselet K.* La société russe en quête d'ordre. Avec Vladimir Poutine? Paris: CERI-Autrement, 2004. 114 p.
21. *Shlapentok V.* Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 288 p.
22. *Thévenot L.* The plurality of cognitive formats and engagements: moving between the familiar and the public // European Journal of Social Theory. 2007. № 10 (3). P. 413—427.

Источники

1. Декларация Российского социального форума «Пора сплотиться и действовать вместе! Защитим наши социально-политические права!», принятая 17 апреля 2005 года Ассамблеей социальных движений. Архив автора.
2. Победа в борьбе за калининградское здравоохранение [Электронный ресурс] // Институт Коллективное Действие, 13 марта 2010. URL: <http://www.ikd.ru/node/12790> (дата обращения: 05.02.2014).

Светлана Ерпылева

«НА МИТИНГИ Я НЕ ХОДИЛ, МЕНЯ РОДИТЕЛИ НЕ ОТПУСКАЛИ»: ВЗРОСЛЕНИЕ, ЗАВИСИМОСТЬ И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ В ДЕПОЛИТИЗИРОВАННОМ КОНТЕКСТЕ¹

Да, я за честные выборы. У меня и ленточка есть.

Но мне кажется, что несовершеннолетним (а я еще несовершеннолетний) на митингах нечего делать. К тому же на «современных». За несовершеннолетнего отвечают родители. И по закону у него нет своей точки зрения (я имею в виду голоса на выборах, например). Это может обернуться лишними проблемами для родителей и для школы.

*Из переписки с петербургскими школьниками
в социальной сети «ВКонтакте»*

То, что значительное большинство людей... считает не только трудным, но и весьма опасным переход к совершеннолетию, — это уже забота опекунов, столь любезно берущих на себя верховный надзор над этим большинством. После того как эти опекуны оглушили свой домашний скот и заботливо оберегли от того, чтобы эти покорные существа осмелились сделать хоть один шаг без помочей, на которых их водят, — после всего этого они указывают таким существам на грозящую им опасность, если они попытаются ходить самостоятельно.

И. Кант.

Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?

Мы все так любим быть самостоятельными, сами по себе!

Мы спорим с мамами и папами — отстаиваем свою свободу.

И вот мы видим ребят, которые все делают дружно и с охотой и все вместе, как один. Сначала кажется, что они, эти ребята, не такие, как все. Чудаки какие-то.

¹ Другая версия данной главы ранее опубликована в журнале «Социология власти» (2013, №4).

«НА МИТИНГИ Я НЕ ХОДИЛ, МЕНЯ РОДИТЕЛИ НЕ ОТПУСКАЛИ»...

А позже, когда человек узнает коммуны поближе, в душе его что-то происходит. Как будто тайлось в сердце желание встречаться вместе, и вместе петь, и вместе делать что-то серьезное. Желание это скрывалось, о нем никто не подозревал, но оно, оказывается, было! Оно у каждого есть, кому четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать лет!

Фрунзенская коммуна

Волна массовых протестов, прокатившаяся по крупным городам России в 2011—2012 годах, заставила социальных ученых заговорить о возвращении политики в деполитизированное общество. Один из вопросов, вокруг которого ведутся общественные дебаты после окончания крупных акций протеста: смогла ли общественная мобилизация, несмотря на усиление авторитарных тенденций в политике государства, создать новую среду и новые институты гражданского демократического участия?

Наша коллективная монография в целом посвящена особенностям политического и гражданского участия в ситуации общественного объема в обществе, которое еще совсем недавно можно было назвать деполитизированным. В этой же главе я, во-первых, задаю вопрос об особенностях политической социализации самых молодых участников прошедших массовых протестов — старшеклассников, подростков. Для этого я рассмотрю их политическую социализацию в ракурсе взросления, понимаемого как обретение самостоятельности. Во-вторых, я ставлю вопрос более общего характера: что процесс политического вовлечения подростков, тех, кто находится на границе между гражданами и не-гражданами общества, может сказать нам о месте и роли политики в этом обществе?

Важно, что этот процесс и вообще протесты 2011—2012 годов разворачивались в ситуации слабости институтов гражданского участия и публичной политики — в ситуации, которую мы называем деполитизацией. Последняя представляет собой пересечение нескольких тенденций, восходящих к позднесоветскому периоду и усилившихся в постсоветское время, а именно:

— стигматизации политической активности вследствие восприятия «политики» как чего-то, с одной стороны, грязного и опасного, а с другой — избыточного по отношению к успехам и ценностям частной жизни и карьеры;

— доминирования приватной сферы, семейных и дружеских отношений, а также карьеры в жизни большинства людей;

— отсутствия интереса к публичной сфере;

— утверждения либерального индивидуализма и экономизированно-эгоистической рациональности в поведении и установках граждан¹.

В общем и целом ситуацию деполитизации можно охарактеризовать как примат приватной сферы и карьеры над сферой публичной, а также как фактическое уничтожение последней².

Неразвитость публичной сферы в современной России не просто препятствует политизации граждан, она также влияет на их участие в политике, определяя, в частности, и характер российских протестов, и индивидуальные траектории вовлечения в них. Так, исследования Карин Клеман и Бориса Гладарева показали, что крупные российские протестные кампании обычно имеют своим основанием нарушение привычного порядка жизнедеятельности их участников. Только когда частные интересы людей оказываются затронутыми вторжением власти в их личное пространство, они становятся способны на политический протест³. Кроме того, в биографиях большинства российских граждан

¹ Об особенностях деполитизации в современной России подробнее см.: Введение к настоящей монографии; главу 1 в настоящей монографии: *Журавлев О.* Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов.

² М. Ховард, изучавший гражданское общество в посткоммунистической Европе, считал слабость публичной сферы феноменом, свойственным большинству восточно-европейских стран: в ответ на контроль со стороны КПСС люди, с его точки зрения, выработали адаптивные механизмы, уводящие их целиком в частную жизнь. *Ховард М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе.

³ *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России; *Гладарев Б.* Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. В случае протестов 2011—2012 годов впервые за долгое время мы могли наблюдать общественную мобилизацию, не вызванную напрямую вторжением власти в частное пространство. В каком-то смысле это позволяет говорить о преодолении деполитизации.

отсутствует какой-либо публичный (в исходном смысле этого слова) опыт, они замыкаются на опыте частном, причем их профессиональная реализация и карьера также подчиняются приватной логике. Иными словами, переломные моменты взросления (окончание университета, поиск работы, переезд из дома родителей, замужество) в современном российском обществе традиционно вписаны в деполитизированную жизненную траекторию. В данной главе меня будет интересовать прежде всего такое — биографическое — измерение деполитизации, поглощенности социализации индивида приватной и профессиональной сферами.

Ханна Арендт, изучая политическую организацию древнегреческого полиса, писала, что подлинная политика возможна только при наличии в обществе сферы публичного; политическое, в идеале, тождественно публичному — это сфера свободы, совместное действие равных друг другу граждан. Публичная сфера в ее исконном смысле, с точки зрения Арендт, принципиально отличается от сферы приватной. Слуги, женщины и дети, чья жизнь в доме связана с решением вопросов необходимости, т.е. вопросов поддержания физического существования как такового, неравные между собой и не равные главе дома, — все это относится к частной сфере. Только совершеннолетние мужчины, покидающие пределы дома и собирающиеся на площади, где они равны друг другу, способны быть свободными: свободу учреждает место публичной сферы, агора¹. Граница между публичным и приватным важна для Арендт прежде всего потому, что она позволяет отделить первое от последнего, подчеркнуть, что политика — это та сфера, где нет места несвободе и зависимости, где разворачивается *vita activa*, а не *vita contemplativa*, где сама человеческая жизнь стоит меньше, чем свобода сообщества². Настаивая на четко прочерченной границе между приватным и публичным мирами, Арендт не задается при этом вопросом о переходе из первого во второй. Между тем этот переход (разумеется, в античном полисе — только для свободного человека мужского пола) неизбежно связан со взрослением: будучи ребенком, человек является частью приватного мира, и, лишь

¹ Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. 437 с.

² В этом тексте у меня нет задачи отвечать на феминистскую критику границы между приватным и публичным у Арендт.

достигнув совершеннолетия (предположительно двадцати лет), он переступает порог дома, становится частью Народного собрания¹.

Критическая социология детства также заставляет нас задуматься о связи взросления и обретения нового публичного опыта: маленькие дети, с точки зрения исследователей, по определению исключены из публичных пространств, тогда как подростковость является этапом, когда публичный опыт потенциально возможен². Если мы посмотрим на крупнейшие европейские протесты последних лет, возникшие в ответ на т.н. «austerity measures»³ со стороны государства, мы увидим, что старшеклассники, наравне со студентами университетов, являются их ключевыми участниками⁴. Раннесоветский опыт взросления — примерно до середины 1960-х, до того момента, когда в противовес бюрократизировавшейся публичной сфере появляется «приватно-публичная» сфера кухни⁵, — также подразумевал приобретение и усвоение молодыми людьми и подростками публичного опыта. Так, советская пионерская организация и тем более комсомол идеологически были построены на манер взрослой партии — подростки в них не «играли» (в отличие от западных скаутов), а, как предполагалось, реально участвовали в общей

¹ Манен Б. Принципы представительного правления. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 323 с.

² Так, П. Кристенсен и А. Джеймс, а также Аланен показывают, что дети лишены возможности самостоятельно артикулировать свои интересы в публичном пространстве, их голоса всегда заглушены голосами взрослых. Д. Энью называет этот феномен «геттоизацией» детей взрослыми, которые заботятся «об их интересах», не принимая при этом в расчет их собственную точку зрения. Christensen P., James A. Research with children: perspectives and practices. NY: Routledge, 2008. 288 p.; Alanen L. Modern childhood?: Exploring the child question in sociology // Research report at the conference. Jyväskylä (Finland): University of Jyväskylä, 1992; Ennew J. Time for children or time for adults? // Childhood matters: social theory, practices and politics / J. Qvortrup et al (Eds.). Aldershot: Avebury, 1994. 395 p.

³ Меры жесткого регулирования экономики, направленные на сокращение дефицита бюджета — часто за счет урезания расходов на социальную сферу, в том числе образования. Именно поэтому протесты нередко случались в университетах и лицеях.

⁴ Ерпылева С. Протесты подростков в России и Европе: к вопросу о воспитании политической самостоятельности в демократических сообществах // Сделано в Европе: взгляд российских исследователей / Под ред. М. Ноженко, Е. Белокуровой. СПб.: Норма, 2014.

⁵ Воронков В. Жизнь и смерть советской публичности.

борьбе¹. В деполитизированных обществах, напротив, подростки воспринимаются скорее как дети, оставаясь в публичной сфере объектами заботы старших на протяжении более долгого времени. Например, в России вместо старшеклассников в кампаниях против коммерциализации образования (отчасти сходных с западными аналогами) традиционно участвуют их родители (названия инициативных групп говорят сами за себя: «Питерские родители», «Московские родители»)². Однако во время протестов 2011—2012 годов некоторые подростки, участники массовых протестов, оказались как бы «выброшены» в публичную сферу. В их биографиях мы могли наблюдать появление нового публичного опыта и попытки управления им. Каким образом этот новый опыт публичности вписывается в траекторию взросления в подростковый период?

Ульрих Бек, исследуя ценности молодого поколения в стране с тоталитарной — как и у России — историей (Германия сразу после падения Берлинской стены), утверждает, что молодые немцы учатся публичной демократической свободе, прежде всего практикуя самостоятельность и свободу в приватной сфере³. В каком-то смысле они аполитичны, но

¹ Димке Д. «Коммуна Юных Фрунзенцев (1958—1964) как советский педагогический эксперимент: анализ практик и идеологии в перспективе утопической концепции детства». Дис. на соиск. ст. канд. соц. н. Рукопись, предоставленная автором.

² Ерпылева С. Протесты подростков в России и Европе: к вопросу о воспитании политической самостоятельности в демократических сообществах.

³ Так, Бек пишет: «Также многое указывает на этику “альтруистического индивидуализма”. Каждый, кто желает жить своей жизнью, должен быть в высокой степени социально чувствительным. Хабермас использует понятие “идеальной речевой ситуации” — мы же могли бы говорить здесь об “идеальной ситуации близости”. Если в первом случае речь идет об универсальных нормах, во втором — об установлении специфических правил взаимодействия в приватности, куда включены брак, романтические отношения, дружба и семья — нормативный горизонт ожиданий взаимной индивидуации, которая, появившись в условиях культурной демократизации, теперь должна быть усвоена и закреплена. В результате “природные” жизненные условия и неравенства политизируются. Например, разделение труда в семье или на работе не может больше предъявлять себя в качестве естественного положения дел, напротив, оно должно обсуждаться, ему теперь необходимо найти оправдание. Право на то, чтобы прожить свою жизнь самостоятельно, является частью того же самого феномена» (Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. London: Sage, 2002. P. xxiii).

аполитичны очень политическим способом. Ценности, которые они противопоставляют взрослому миру и которые «вызывают у взрослых панику», — это ценности индивидуалистические, прежде всего личная свобода и самореализация¹.

Олег Хархордин, исследуя в начале 1990-х этику самостоятельности у молодых (21—24 года) российских предпринимателей, также подчеркивает ее индивидуалистический характер. Хархордин обнаруживает два основных значения слова «самостоятельность», которыми оперируют его информанты. Во-первых, значение от корня «сам» — самостоятельность как уверенность в своих силах, способность делать и решать самому. Во-вторых, значение от оппозиции самостоятельный / несвободный — самостоятельность как независимость от воли других индивидов, но главное — от авторитета коллективных, политических инстанций². Однако Хархордин, в отличие от Бека, показывает, что самостоятельность молодых людей в России 1990-х годов реализуется прежде всего в их карьерах (но не в публичной сфере)³. С такой интерпретацией связи индивидуальной свободы и самостоятельности и публичного опыта (скорее как противоположащих, чем предполагающих друг друга феноменов) согласилась бы Арендт, которая пишет, что ценность индивидуальной свободы появляется в *ответ на разрушение* публичной сферы, более того, утверждение этой ценности является частью процесса эрозии публичности⁴.

Таким образом, и Бек, и Арендт, и (неявным образом) Хархордин указывают нам на связь индивидуалистической этики самостоятельности (личной негативной свободы) и свободы публичной, политической. Только если для Бека индивидуальная свобода является одной из форм демократии, плодом политического освобождения, то для Арендт личная свобода — это результат отчуждения от публичной сферы, симптом смерти политической свободы⁵. В предлагаемой вниманию читателя

¹ Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences.. P. 160.

² Kharkhordin O. The corporate ethic, the ethic of samostoyatel'nost and the spirit of capitalism: reflection on market-building in post-soviet Russia.

³ Ibid.

⁴ Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни.

⁵ О теоретическом дебате, о связи индивидуальной свободы и свободы политической у Бека и Арендт подробнее см. главу 13 в настоящей монографии: Журавлев О., Са-

главе я также поставлю вопрос о связи индивидуалистической (приватной) этики самостоятельности и самостоятельности или свободы политической — только на примере взросления и освоения публичной сферы не просто молодыми людьми, но *подростками*. Подросток — это тот, кто находится на неопределенной (и оспариваемой) грани между детством и взрослостью. Отчасти он все еще зависим от старших, которые определяют его будущее «для его же блага»¹, однако в ряде случаев общество начинает требовать от него самостоятельных, «не детских» форм поведения и «взрослых» решений. Таким образом, проблемы зависимости и самостоятельности, субъектности и объектности, являющиеся ключевыми для человеческого существования вообще, стоят особенно остро в подростковый период взросления людей². Иными сло-

вельева Н., Ерпылева С. Разобщенность и солидарность в новых российских гражданских движениях.

¹ Так, И. Кон отмечает: «Все подростки этого возраста — школьники, находящиеся на иждивении родителей или государства. Социальный статус подростка мало чем отличается от детского» (*Кон И. Психология ранней юности*. М: Просвещение, 1989. 256 с.).

² Стереотипы как обыденного, так и научного сознания связывают подростковость с бунтом, сопротивлением, радикализмом и т.п. В социальных науках дискуссию о специфических характеристиках подросткового периода взросления открыла одноименная работа С. Холла. Несмотря на то что в целом работа давно считается устаревшей (в частности, из-за «натурализации» Холлом подростковости), она фиксирует большинство важных характеристик феномена подросткового возраста, с которыми социальные ученые работают и сегодня. Это, например, стремление подростков к чему-то новому, склонность к нарушениям социальных норм и риску, частые депрессивные состояния и т.п. Исследователи подростковости в XX веке продолжали двигаться в этом направлении, уделяя в то же время гораздо больше внимания обществу (чаще всего западному), которое ставит молодых людей, находящихся на границе между детством и взрослостью, в особенное положение, вызывающее реакции, описанные Холлом. Так, Э. Эриксон, для которого подростковый период интересен прежде всего потому, что именно здесь по-настоящему формируется человеческая идентичность, пишет, что подросток все время как бы «разрывается» между противоположными стремлениями и желаниями: с одной стороны, уязвимость, слабость, с другой — потенциал; с одной стороны, верность старому, с другой — стремление к новому; с одной стороны — подчинение чужим идеалам, с другой стороны — их радикальное отторжение. Каждый раз как общество, так и локальные обстоятельства, в которые помещен подросток, склоняют его на одну или другую сторону этих оппозиций. С одной стороны, подростки, например через подростковые субкультуры, постоянно пытаются «отыграть этот мир, отвоевать для себя культурное пространство в соседстве

вами, подросток — и есть фигура, стоящая на границе, в зоне перехода между приватным и публичным, который не проблематизирует Арендт. Поэтому кейс политического участия подростков в ДЗЧВ в ситуации появления в обществе публичной сферы — то есть в каком-то смысле в момент взросления самого общества — является уникальным материалом, позволяющим переосмыслить и дополнить теорию публичной сферы в ракурсе проблематики политической социализации.

Итак, данная глава посвящена взрослению молодых людей, подростков, которые начали осваивать публичную сферу в связи с массовой общественной мобилизацией 2011—2012 годов. Моя задача — рассмотреть процесс взросления в подростковый период в контексте усвоения этики индивидуальной приватной (деполитизированной) и политической самостоятельности и свободы. Интерпретируя Арендт, имея в виду опыт взросления в западных обществах и вспоминая недавнее советское прошлое, мы можем утверждать, что взросление в подростковый период потенциально связано с выходом за пределы приватного пространства в публичную сферу. Как подростки, которые уже сделали первый шаг на этом пути, управляют новым публичным опытом? Как развивается процесс усвоения этики самостоятельности в публичной сфере и в чем его отличия от аналогичного процесса в сфере приватной? Можем ли мы вообще говорить об одной и той же «самостоятельности» по отношению к двум этим процессам? Какими, в конце концов, должны быть условия взросления молодых людей, находящихся в неопределенном положении (то ли объектов заботы, то ли людей, способных управлять

и в социальных институтах, реальное время для отдыха и досуга, нужное им место на улицах и в подворотнях». С другой стороны, как показывает А. Желнина в одной из глав настоящей монографии со ссылкой на Е. Омельченко, молодежь и подростки воспринимаются как объект заботы или объект, представляющий опасность, но не субъект, способный на самостоятельное действие, «бунт». *Arnett J.G. Stanley Hall's Adolescence: Brilliance and Nonsense // History of Psychology. 2009. Vol. 9. № 3. P. 186—197; Hall S. Adolescence: Its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion, and education. New York: D. Appleton & Co, 1994. 784 p.; Желнина А. «Я в это не лезу»: восприятие «личного» и «общественного» среди российской молодежи накануне выборов (глава 4 настоящей монографии); Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 334 с.*

своими решениями и своей жизнью), чтобы они смогли превратиться в субъектов политики, стать активными творцами новой среды демократического гражданского участия?

Эта глава основана на анализе одиннадцати глубинных биографических интервью с подростками, которые в той или иной степени участвовали в массовых послевыборных протестах, стартовавших в декабре 2011 года. Поиск информантов осуществлялся через группы, связанные с движением «За честные выборы» в социальной сети «ВКонтакте». Критериями для выбора подростка в качестве объекта исследования были: обучение в средней школе на момент зимы—весны 2011/12 года, участие по крайней мере в одном митинге «За честные выборы» и/или самоидентификация себя как сторонника этого движения.

В рамках первичного анализа интервью мной были выделены все нарративы, так или иначе тематизирующие проблемы самостоятельности, зависимости, индивидуальной свободы и несвободы и т.п. Затем эти нарративы были разделены на две части: относящиеся к приватному и профессиональному (школа, выбор университета) опыту подростков и относящиеся к новому для них публичному опыту. Для каждой из этих частей я последовательно проанализировала то, как этика самостоятельности проявляется имплицитно (через принятие решений и формирование мнений) и эксплицитно (через представление о том, «как должно быть», проблематизацию своего положения в мире). Результаты проделанного анализа представлены в следующем разделе главы («Самостоятельность приватная и публичная»).

Вторым шагом стал более детальный анализ нарративов, имеющих отношение непосредственно к публичному, политическому опыту. В частности, я обращала внимание на противоречия в этих нарративах, свидетельствующие о возможности альтернативных способов поведения в политическом пространстве и мышления о политическом.

Подростки в сложившейся стихийной выборке (девять юношей и две девушки) оказались выходцами из семей с разным социальным происхождением и разным экономическим положением. Пять из них выросли в семьях бюджетников, четыре — в семьях наемных работников частного сектора, один — в семье предпринимателей, одного воспиты-

вала безработная мать. По экономическому положению шесть семей характеризуются доходами выше среднего, пять семей — доходами ниже среднего. Какой-либо заметной связи между экономическим или социальным положением семьи и характером политической социализации подростков исследование не обнаружило.

Самостоятельность приватная и публичная

Итак, каким образом молодые люди в подростковый период своего взросления принимают решения, формируют собственное мнение и осмысляют свое положение в мире относительно приватного, профессионального и публичного опыта?

Интервью показали, что подростки могут в той или иной степени ориентироваться на ценности самостоятельности или послушания, принимая решения прочитать ту или иную книгу, поступить в тот или иной университет, посетить или не посетить протестный митинг. Определяя свой досуг, выбирая дружеские компании и т.п., то есть принимая решения в рамках частной сферы, мои информанты подчеркивают ценности самостоятельности и свободы. Например, Руслан в разговоре со мной спешит указать на свою независимость от других в управлении частной жизнью:

В: А если тебе нужен совет по поводу того, какую книжку почитать, какую музыку послушать, какой фильм посмотреть?

О: Исключительно сам. Исключительно сам. И только если где-то что-то услышу, и то еще проанализирую для себя, стоит это или нет. Вообще не люблю вот в этом смысле вмешательства в мою жизнь. (Руслан, 1996 г.р., ученик 9-го класса школы, 9 октября 2012, Санкт-Петербург)

То же самое относится к их профессиональным решениям: большинство моих собеседников самостоятельно выбирают университет или даже школу, если им приходится менять ее в старших классах. Однако, сталкиваясь с необходимостью принять решение по поводу посеще-

«НА МИТИНГИ Я НЕ ХОДИЛ, МЕНЯ РОДИТЕЛИ НЕ ОТПУСКАЛИ»...

ния протестной демонстрации, лишь часть подростков оказываются способны сделать это сами. Большинство из них совершают выбор под прямым воздействием родителей. Именно возраст «ребенка», точнее, его «несовершеннолетие» становится причиной, по которой авторитетные взрослые отказывают ему в возможности принимать политические решения:

В: Следил ли ты за движением за честные выборы и участвовал ли в каком-то из этих митингов?

О: Я митинги все следил по прямым трансляциям, но я не ездил, потому что... Родители, потому что они все-таки сейчас за меня отвечают, они мои опекуны. И поэтому они, конечно, да, против, потому что мало ли что может на митинге случиться. Поэтому я ни на один не ездил. Но следил, смотрел.

В: А ты с ними обсуждал возможность поехать?

О: Ну, я говорил, я хочу съездить, но на это обычно — вот вырасти, потом решай, а сейчас мы за тебя отвечаем. Что-нибудь с тобой случится, ты несовершеннолетний. Тебе это еще не надо. (Владимир, 1996 г.р., ученик 9-го класса школы, 21 мая 2012, Санкт-Петербург)

Владимир не просто пересказывает точку зрения своих родителей, позиция родителей становится как бы его собственной: он интериоризирует установку на осторожное участие в акциях протеста вследствие их потенциальной опасности. Интересно, что даже родители-активисты, которые идентифицируют себя как радикалов, предпочитают проявлять «разумность» в отношении политического участия собственных детей. Следующий отрывок из интервью показывает, каким образом женщина, мать сына-подростка, представляет себе сферу воспитания своего ребенка — как сферу, очевидно требующую проявления политического благоразумия. Только в ситуации интервью она впервые ставит под вопрос это убеждение:

Мама: ...Вообще интересные вопросы. Вот я тебя не пускала на митинги, а теперь мы сидим обтекаем. Ну просто я такой террорист,

что я решил (это называется корректировка) так, я делаю то, я делаю то, а вот это я не делаю — так, все, ребенок сидит. То есть я проявляю какую-то разумность. По одному пункту. Но жестко. Ну и получается, что я не прав, что я плохо поступила.

Интервьюер: А я ничего не говорю, что вы не правы, почему...

Мама: Вы ничего не говорите, но из-за того, что человек вынужден отвечать на вопросы, становится стыдно, что вот он проявил разумность, сказал ребенку: сиди дома. Сам уехал на митинг, а ребенку сказал: сиди дома. И я вижу, что всё оно две стороны имеет. Безопасность ребенка — одна сторона. Другая сторона — его духовное развитие. А теперь дите сидит и обтекает, и я тоже, как виновник событий. (Комментарий мамы во время интервью со школьником, ее сыном.)

Аналогично, выражая мнения, подростки могут «заимствовать» их у авторитетных взрослых (учителей или родителей), а могут комбинировать доступные им точки зрения, пытаясь создать собственный, оригинальный взгляд на мир. Мои информанты, опять же, отстаивают независимость своих позиций в приватной и профессиональной сферах. Стремление отстоять мнение приводит к противостояниям, конфликтам с авторитетными взрослыми. В семье такие конфликты обычно связаны с настойчивым желанием родителей влиять на частную, личную жизнь своих подрастающих детей. «Я жутко не могу терпеть, чтобы мною командовали» (Никита, 1995 г.р., студент первого курса технической специальности, 9 февраля 2013, Санкт-Петербург). Руслан периодически ссорится с родителями, заставляющими его получать отличные оценки в школе. Он полагает, что знания имеют гораздо большую ценность, чем формальные оценки за них. А Владислав, вследствие неприятия повышенной религиозности своей семьи, порой даже убегает из дома; так же горячо он реагирует на попытки родителей навязать ему собственное мнение по поводу его отношений с девушкой:

Я познакомился с девушкой, начал с ней встречаться. Девушка живет в центре, а я живу на Просвете. И вот когда я попросил отчима отвезти после кино ее обратно в центр, ну а меня на север потом, метро уже не работало, отчим взял маму, и чуть ли это не допрос был, пока

«НА МИТИНГИ Я НЕ ХОДИЛ, МЕНЯ РОДИТЕЛИ НЕ ОТПУСКАЛИ»...

мы ехали. Типа «а где ты учишься», «а какие у тебя увлечения», «а чем ты занимаешься». Меня это дико взбесило. И потом мне чуть ли не в ультимативной форме сказали: «Перестань с ней встречаться». Меня взбесило то, что меня пытаются контролировать. Меня это привело в ярость. Я сказал «нет». (Владислав, 1995 г.р., студент 1-го курса, 8 октября 2012, Санкт-Петербург)

В школе конфликты провоцируют недовольство подростков качеством преподавания отдельных предметов, стремление считать себя умнее, чем учителя, нежелание подчиняться школьной дисциплине. Однако такой «бунт» встречается реже в сфере политического. Чаше, напротив, политические мнения подростков являются калькой с высказываний авторитетных для них взрослых. Я уже упоминала о том, что подростки усваивают здравый смысл своих родителей, маркирующий акции протеста как опасные для несовершеннолетних. Следующие фрагменты из интервью свидетельствуют о сходной тенденции: Руслан делает поведение матери эталоном поведения активиста на митинге, превращает в «свое» мнение по поводу того, что следует, а что не следует делать, находясь на акции протеста:

Еще мама говорит, что в подобных акциях надо знать еще правильное поведение.

...Мы стояли, что-то требовали, зайти, передать. Ну, моя мама принимала правильную позицию...

Ну, то есть ее поведение — она анализирует, когда есть провокация и когда не нужно вести себя максималистски. Нужно думать головой, когда в этом всем участвуешь, потому что повсюду одни сплошные провокации. (Руслан, 1996 г.р., ученик 9-го класса школы, 9 октября 2012, Санкт-Петербург)

Любопытно, что именно Руслан был автором высказывания об «исключительной самостоятельности» в определении собственного досуга.

Последнее, на что я хочу обратить внимание, — как этика самостоятельности моих информантов проявляется эксплицитно; то, как эти подростки осмысливают свое положение в мире: право на собственное

решение в семье, право на вождение машины или участие в управлении образовательным процессом в школе, право на демонстрацию или протест. Так, например, большинство из них склонны рассматривать самих себя как полноценных членов школьного сообщества, к которым, несмотря на возраст, следует прислушиваться и мнение которых — учитывать.

В: Как ты считаешь, должны школьники иметь возможность как-то влиять на образование?

О: Ну, должны, да. Должно учитываться их мнение, я считаю, да. Почему нет? Тем более сами дети в этом участвуют, какая-то часть детей участвует, какая-то смотрит — то, мне кажется, они должны в этом участвовать... Поэтому, конечно, если что-то такое (конфликт в школе) происходит, есть какой-то повод, мне кажется, а почему дети должны молчать? (Владимир, 1996 г.р., ученик 9-го класса школы, 25 мая 2012, Санкт-Петербург)

Другой пример: Никита очень точно и остро проблематизирует ограничения, накладываемые обществом на действия подростка в сфере рынка в широком смысле:

О: ...Будет восемнадцать лет — можно будет с друзьями в Финляндию поехать. Семнадцать лет — это для меня убийственный возраст, потому что за человека наше государство меня еще не воспринимает. Сейчас я знаю, что мне восемнадцать скоро, и я уже спокойно к этому отношусь. Но в сентябре меня это достаточно сильно гнобило. Что я то не могу сделать, это не могу сделать. Не могу получить карту в банке, не могу получить права. У меня прав мало. С восемнадцати лет я наконец стану самостоятельной личностью и смогу получить все необходимые права для существования.

В: А в каких еще ситуациях тебя еще это раздражало?

О: Ну вот, например, то, что я ребенок и как ко взрослому ко мне относиться не будут. Был, например, такой случай, что я хотел попросить книгу жалоб и предложений, и мне сказали, что они не знают, есть ли у них такая книга. Я подумал: ну ладно, что мне с этими людьми возиться, они мне все равно не дадут, думают, что я ребенок. В неко-

«НА МИТИНГИ Я НЕ ХОДИЛ, МЕНЯ РОДИТЕЛИ НЕ ОТПУСКАЛИ»...

торых ситуациях тобой просто могут пренебречь. (Никита, 1995 г.р., студент 1-го курса Технического университета, 9 февраля 2013, Санкт-Петербург)

Однако при этом Никита разводит права подростка в профессиональной и публичной сферах:

Я думаю, что понизить планку совершеннолетия немножко возможно. В Америке, например, в шестнадцать лет человек уже может получить права, начать водить машину.... Шестнадцать-семнадцать лет период такой получается дырявый... Единственное, что совершеннолетних пускать на митинги, — я бы, думаю... Возможно, было бы целесообразно выделять им отдельное пространство, то есть не мешать их со взрослыми, пусть они отдельно идут. Если они идут в семье — пусть идут в семье. (Никита)

В целом большинство моих информантов склонны рассматривать себя как не совсем «полноценных» публичных акторов. Иногда эта проблематика возникала в интервью, будучи спровоцированной моим вопросом:

В: Как вы считаете, может ли несовершеннолетний быть таким же полноценным участником протестов, как и взрослый?

О: Я думаю, что нет. Потому что нет еще такого определенного взгляда, а просто идти за толпой... Ну, если ты идешь туда с семьей — еще ладно, ты поддерживаешь их мнение. А если ты идешь туда просто с какими-то там националистами, чтобы просто покричать, покидать фаеры, — ну, это... (Николай, 1995 г.р., ученик 11-го класса школы, 21 января 2013, Санкт-Петербург)

Николай, автор высказывания, лишает подростка, то есть себя, права на обладание «своей», собственной позицией. Подросток, идущий с националистами, — не националист, это неразумный человек, который пришел «просто покричать, покидать фаеры». Участие в политической манифестации в этом случае допускается только вслед за семьей и, па-

радоксальным образом, превращается в консервативно-патриархальную практику. Порой проблематика «неполноценности» и «некомпетентности» подросткового участия выходила на поверхность неожиданно, без специальных вопросов. В следующем отрывке из интервью Руслан «оправдывает» частичное несовпадение своей политической точки зрения с точкой зрения мамы присущими его молодому возрасту «недостатками»:

В: А у вас с мамой вообще совпадает точка зрения по поводу ДЗЧВ?

О: У меня как у маленького человека, имеющего меньше опыта...

Нет, конечно, не совпадают. (Руслан, 1996 г.р., ученик 9-го класса школы, 9 октября 2012, Санкт-Петербург)

Вспомним, что Руслан — сторонник самостоятельности и независимости в определении собственного интеллектуального досуга. Нечто похожее утверждает Матвей:

В: А как вы считаете, может ли несовершеннолетний быть полноценным участником протеста?

О: Боюсь, что нет.

В: Почему?

О: Ну, например, у него может быть мама, которая не пускает его на митинг.

В: А если мама пускает?

О: Ну, тогда да, чем он отличается? Не знаю. Может быть, он более глупый. (Матвей, 1996 г.р., ученик 10-го класса, 29 января 2013, Санкт-Петербург)

Владимир также определяет свой возраст как ключевую помеху для «серьезной» политической и гражданской активности:

В: А ты обычно чем занимаешься в рамках этой группы?

О: Ну, я обычно так, волонтерские такие мелкие, какие-то распространения листовок, письма в интернете, кому-то что-то, как бы... ну,

«НА МИТИНГИ Я НЕ ХОДИЛ, МЕНЯ РОДИТЕЛИ НЕ ОТПУСКАЛИ»...

координация между друг другом. А так крупного — ну, я по возрасту не могу. (Владимир, 1996 г.р., ученик 9-го класса школы, 25 мая 2013, Санкт-Петербург)

Итак, последовательно проанализировав этику самостоятельности и свободы у подростков, принявших участие в массовых протестах 2011—2012 годов (или поддерживавших их), мы можем предположить: эти молодые люди гораздо быстрее и активнее взрослеют в приватном и, отчасти, профессиональном пространстве, нежели в пространстве публичном, политическом. В сфере политики они в гораздо большей степени остаются детьми, зависимыми от более компетентных, «взрослых» участников событий.

Только несколько моих информантов параллельно достигают самостоятельности в приватной (и профессиональной) и политической сферах. Они борются за возможность независимого мнения в семье, отстаивают свое право на полноценное участие в образовательном процессе, противятся попыткам авторитетных взрослых наложить вето на свое политическое участие. Это скорее исключения из общей тенденции: среди одиннадцати информантов взросление только троих в той или иной степени можно отнести к описанному выше типу. Интересно, что в двух случаях из этих трех молодые люди, несмотря на попытки отвоевать самостоятельность в публичной сфере, чутко ощущали сложность перехода от приватного к публичному. Каждый раз, желая перешагнуть этот барьер, пытаясь, например, сделать свое политическое участие явным для тех, кто находится в приватной или профессиональной сферах, они натывались на невидимые препятствия. Эти препятствия давали о себе знать в форме стыда, страха, неуверенности, смущения, причины которых оставались молодым людям не до конца понятными:

О: У меня тоже такое иногда бывает — ты стесняешься. У тебя это на странице появляется, а потом твои знакомые — они что-то об этом тоже думают не то, еще что-то... Ну как-то... Есть такая тема. Почему, вроде что сложно, поставить лайк, сделать перепост, у тебя появится это на стене, прочитают твои друзья, но это никто почему-то не делает, значит, есть какие-то причины.

В: А у тебя эта причина какая?

О: Ну вот я не знаю, наверное, я боюсь... не то что даже неодобрения... Ну, наверное, я не переросла еще, надо перерасти это, чтобы мне стало все равно, что люди подумают обо мне. (Лилия, 1995 г.р., студентка 1-го курса, специальность география, 17 января 2013, Москва)

Я одел ее (белую ленточку. — С.Е.) как-то в институт — для меня это очень трудное решение. Я очень трудно смешиваю свои взгляды... две сферы своей жизни, скажем так. Мне очень трудно, я, можно сказать, стесняюсь одевать... Я очень боялся, что накинутся на меня сразу... Я знаю, что отвечать, ничего такого стыдного нету, но я почему-то очень стеснялся надевать белую ленточку в университет. (Евгений, 1995 г.р., студент 1-го курса технического университета, 18 января 2013, Санкт-Петербург)

Впрочем, чувства стыда, страха, стеснения, неуверенности, возникающие при попытках пересечения барьера между приватной и публичной сферами, не являются специфичным феноменом для политической социализации подростков: многие люди, политизировавшиеся во взрослом возрасте, испытывают в связи с этим переходом похожие эмоции¹. Интересно здесь, что подростки, в отличие от своих старших товарищей по борьбе, вновь связывают появление неприятных чувств, чувств, которых как бы «не должно быть», со своей «незрелостью»: «Я не переросла еще, надо перерасти это, чтобы мне стало все равно, что люди подумают обо мне», — говорит, например, Лилия (1995 г.р., студентка 1-го курса, специальность география, 17 января 2013, Москва).

Взросление молодых людей в обществе, где политическая проблематика только-только становится актуальной и обсуждаемой, даже

¹ Так, например, независимый муниципальный депутат, интервью у которого взято в рамках проекта «Лаборатория публичной социологии», посвященного институционализации гражданского участия после протестов 2011—2012 годов, указывает на похожий феномен: «Я как-то пришел, и там такие семейные ребята (речь идет об одноклассниках. — С.Е.), они говорят, вот, ничего не изменишь... А там с ними сидел парень один, перед тем как я вошел, он вышел, пожал мне руку, говорит, я тебя уважаю, ты все делаешь правильно, — но ему неудобно было перед ребятами» (м., 1987 г.р., высшее политологическое образование, муниципальный депутат, январь 2013, Москва).

в ситуации, когда политика непосредственно вторгается в их жизни, показывает, что переход от частного к публичному по-прежнему необычайно затруднен. Деполитизированное общество не спешит давать политическую самостоятельность и свободу людям, которых оно привыкло «опекать» и «защищать» и которых не привыкло воспитывать как (потенциальных) политических субъектов. Таким образом, усвоение этики самостоятельности по отношению к частной и отчасти к профессиональной жизни и несамостоятельности по отношению к новому публичному опыту остается здравым смыслом большинства моих информантов. Те же, кто с равной скоростью «взрослеют» в частном и публичном пространствах, продолжают, тем не менее, ощущать сложность перехода между ними, связывая эту сложность со своей «неопытностью» и превращая самостоятельную деятельность в сфере политики в подобие «тайной» работы. Пока, разумеется, рано с уверенностью говорить о результатах подобного взросления. Но о коем о чем мы можем догадываться, глядя на проекты будущего, которые уже сейчас предлагают шестнадцати-семнадцатилетние подростки. Большая часть этих проектов представляет собой традиционные деполитизированные траектории институт—работа—семья—дети, где нет места для гражданского или политического участия. Один из проектов заключает в себе своего рода амбивалентность (о ней еще будет идти речь ниже):

Хочется вполне нормально учиться и понять, чему ты эти пять лет в институте обучался. Ну какую-нибудь найти вполне престижную работу, скажем так. Или же купить в Азии где-нибудь плантацию, где можно засаживать траву и продавать ее по всему свету. И купить себе домик на Кубе где-нибудь. (Андрей, 1996 г.р., ученик 10-го класса школы, 10 октября 2012, Санкт-Петербург)

Еще один молодой человек отложил возможность гражданской активности на «взрослую» жизнь после получения профессии, полагая, что, отказавшись от политики сегодня, он сможет вернуться к ней в будущем. Исключениями стали проекты двух молодых людей, которые сразу отвели отдельное место гражданской и политической деятельности. Примечательно, что эти молодой человек и девушка уже сегодня, в свои шестнадцать и семнадцать лет, являются участниками независимых

активистских групп, то есть в той или иной степени вовлечены в повседневную политическую работу и лишены контроля родителей над своей деятельностью в публичном пространстве.

«Детский» радикализм и «взрослое» послушание

Вывод о замедленной политической социализации с оглядкой на «разумную» и «осторожную» позицию авторитетных взрослых, считающих политику опасной, а подростков — недостаточно компетентными для участия в ней, будет неполным без учета противоположной тенденции — радикальной, придающей ценность непослушанию, неосторожности, провокативности. Слова и поступки в такой перспективе привлекают внимание к субъекту как к достойному быть видимым в публичном пространстве, иметь независимое мнение и возможность его высказать.

«Послушный» и «радикальный» (самостоятельный) способы обращения с политическим могут в той или иной степени сочетаться даже в одном нарративе. Например, Руслан, посещающий протестные акции вместе с мамой и под ее присмотром, вспоминает о случае своего ареста сотрудниками полиции и с восхищением рассказывает о мудрости, осторожности и осмотристельности мамы:

Мы стояли, что-то требовали, зайти, передать. Ну, моя мама принимала правильную позицию, потому что... Если говорят? что не надо, то надо просто отходить, иначе тебя сейчас загребут.

Но тут же выясняется, что именно его нежелание «просто отойти» и промолчать и стало причиной ареста.

Почему именно меня взяли первым? Потому что проходят люди, вот идут два человека, пара, друг друга держат за руки, мы им не мешаем. Я у них спрашиваю: «Граждане, мы мешаем вам проходить?» Они говорят: «Нет». И меня: «Молодой человек, пройдите». (Руслан, 1996 г.р., ученик 9-го класса школы, 9 октября 2012, Санкт-Петербург)

Руслан рассказывает об этом не без гордости, упоминая, в частности, передачу «Срок», где слышна последовавшая за этим перепалка между

«НА МИТИНГИ Я НЕ ХОДИЛ, МЕНЯ РОДИТЕЛИ НЕ ОТПУСКАЛИ»...

ним и сотрудником полиции. В его длинном нарративе о событии ареста попеременно проявляются то осмотрительность и осторожность в отношении к протесту, оправдание попыток наблюдать его со стороны, то — неосторожное стремление громко заявить о своей позиции, поспорить с тем, что кажется ему неверным как вовлеченному участнику действия.

Андрей, бывший участник протестов, в первые полчаса интервью зарекомендовавший себя как политический скептик, вдруг советует митингующим «не языком чесать», а «делать все четко, как в семнадцатом году» (Андрей, 1996 г.р., ученик 10-го класса школы, 10 октября 2012, Санкт-Петербург).

Матвей — образцово послушный сын; он принимает как должное запрет своей матери посещать протестные демонстрации, ссылаясь на ее политическое мнение как источник для формирования собственного и т.п., но одновременно вынашивает собственный политический проект: сжечь флаг Российской Федерации на одной из центральных площадей города. Он узнал, что это запрещено российским законодательством, и знает о последствиях его нарушения — однако считает важным публично заявить о своем несогласии. Он же вдруг шокирует нас с его мамой, в присутствии которой проходило интервью, рассуждением об одной крупной политической фигуре:

И, конечно, надо что-то сделать с Н. Вот чтобы ему кирпич на голову упал. Мне не обязательно, чтобы он умер, но главное — это чтобы его не стало... Лучше, чтобы его совсем не стало или чтобы он был в тюрьме под очень сильным контролем... Он особенный в том смысле, что он очень хитрый и умный, и он может причинить еще кучу проблем. Поэтому я за теракт — чтобы его... того. У него только одно покушение — и то фальшивое. Это не значит, что я бы сам убил его, хотя я не знаю, если бы мне дали пистолет и у меня была бы возможность убить его — я не знаю, что бы я сделал. (Матвей, 1996 г.р., ученик 10-го класса, 29 января 2013, Санкт-Петербург)

Олеся за неделю до выборов декабря 2011 года делает себе футболку с оригинальным лозунгом «Выборы, выборы — Шнуров был прав!» и, надев ее на куртку, совершает рейды по улицам города и основным

линиям метрополитена. Она пытается не только привлечь внимание к проблеме нечестных выборов, но и сделать публичной свою собственную позицию по этому вопросу. Другое дело, что свой неосторожный, немного провокационный, не вписывающийся в первую модель поступок она предпочитает называть «несерьезным» и «детским», иначе говоря, инфантилизировать его:

В: Ты упоминала, что ты за неделю до выборов и в день выборов ходила в футболке с такой надписью — а расскажи, откуда футболка такая и откуда идея?

О: Слушай, а я не очень помню... ну, эту фразу я придумала еще летом, мне показалось, что это будет забавно, ну знаешь, тоже **юношеский такой... китч**, может быть. Пафос такой политический. (Олеся, 1995 г.р., студентка 1-го курса философского факультета, 12 февраля 2013, Санкт-Петербург)

Эти риторики и способы отношения к политическому, иногда противоположные по своей сути, подростки непроблематично сочетают именно потому, что каждый из них переживает момент интенсивного и далеко не завершенного формирования себя как человека, в том числе как человека политического. Но по мере взросления молодых людей доминирующей оказывается первая риторика — риторика осторожности, здорового скепсиса и послушания. Один из иллюстративных примеров столкновения двух этих политических риторик (и политических этик), завершающегося победой первой, — это увлечение двух моих информантов анархическими идеями. В первом случае история знакомства молодого человека с анархизмом оказалась совсем короткой. Андрей увлекается российской панк-музыкой, потому что тексты панк-групп отвечают его мировоззренческим идеалам:

Ну вот у группы «Тени свободы» такие вот достаточно сильные тексты о таком более молодом и подрастающем поколении, потом, про политику, потом, есть еще веселые песни, посвящающиеся властям: я надеюсь, что вы утонете в нефти... и все такое. (Андрей, 1996 г.р., ученик 10-го класса школы, 10 октября 2012, Санкт-Петербург)

«НА МИТИНГИ Я НЕ ХОДИЛ, МЕНЯ РОДИТЕЛИ НЕ ОТПУСКАЛИ»...

Музыкальный интерес провоцирует любопытство к политическому применению мировоззренческих идеалов. Через социальную сеть Андрей знакомится с молодым анархистом, который в течение некоторого времени посвящает его в таинства анархистской политической программы. Их общение происходило приблизительно за год до нашего интервью с Андреем, и я уже слышу в его словах равнодушие и скептицизм в отношении «романтических» анархистских идей: «Я отчетливо понимаю, что это ни к чему хорошему не приведет», — говорит он. Максим тоже знакомится с молодым активистом-анархом через социальные сети. В этот момент он верит в идеальное анархическое общество без государства, основанное на гражданском самоуправлении, и симпатизирует большинству анархических идей. Общение с активистом завершается для Максима приглашением присоединиться к анархистской колонне на одном из митингов «За честные выборы», которое он решается принять. Однако личное знакомство приводит Максима к устойчивому отторжению радикализма: анархисты показались ему равными националистам, а все вместе — «полному быдлу».

О: ...Но, посмотрев на них, я убедился, что это то же самое... Вот, допустим, нацисты и антифашисты — обе стороны — они полное быдло. И то же самое эти анархисты — они такое же быдло.

В: А что тебя заставило сделать такой вывод?

О: Ну, я с ними просто пообщался, посмотрел — такие пацаны.

В: И ты шел тогда с ними в колонне на шествии?

О: Шествия не было. Да и их там было человек десять — пятнадцать.

В: И ты никогда больше не общался с ними?

О: Нет. (Максим, 1995 г.р, студент 1-го курса технического университета, 26 января 2013, Санкт-Петербург)

В обоих случаях симпатии альтернативным идеям устройства общества проиграли в неравной схватке с привычкой сторониться радикалов, с неприязнью к политическим коллективам, а также социальному расизму — устойчиво воспитываемыми в деполитизированном обществе даже у молодых его членов.

Впрочем, на мой взгляд, интерес для нас может представлять сам факт наличия в умах — а иногда и в действиях — современных подростков альтернативных политических проектов и этик, их способность выступать самостоятельными публичными акторами. Возможно, эта пока с трудом заметная и численно проигрывающая тенденция свидетельствует о существовании иных способов взросления молодых людей, намекает нам, что поиск этих способов не останется совершенно бесплодным.

Заключение:

Детство политического активизма и отрочество гражданского участия

В исследованиях в области социологии детства, развивавшихся в 1970-х годах на Западе, была популярна критика так называемой «традиционной социологии детства». Задача историков детства, считали критики, — не просто описать различные «культуры детства» в прошлом, но обнажить неравенство между детьми и взрослыми, показать его влияние на оценку различных возрастных групп¹. Начиная с 1980-х годов исследователи детства предлагают рассматривать ребенка как активного социального деятеля, компетентного агента социальной жизни («children as social actors»). Отсюда — популярная в такого рода критике оппозиция между «становящимся человеком» и «человеческим существом» (human becomings / human beings). Если традиционные исследования детства, например в области социологии семьи или демографии, имеют дело с ребенком как «human becomings», то задача современных исследователей, полагают критики, рассматривать его прежде всего как «human beings»². Парадокс этой ситуации в том, что сами дети, вопреки благородным порывам тех, кто их изучает, совсем не склонны считать себя «human beings». Мои интервью с подростками, то есть с теми, кто уже не совсем дети, но еще совсем не взрослые и «полноценные»

¹ Christensen P., James A. Research with children: perspectives and practices.

² Qvortup J. Childhood Matters: An Introduction // Childhood matters: social theory, practices and politics. P. 1—23.

члены общества, показали, что они колеблются между идентификациями себя как «human beings» и «human becomings», отдавая предпочтение «сущностям становящимся».

В этом тексте я рассматривала короткий период взросления человека в подростковом возрасте в ситуации, когда в жизни подростков появляется политика и им приходится так или иначе встраивать ее в свои биографии и учиться обращаться с новым публичным опытом. Задача, которую я поставила перед собой, состояла в том, чтобы проблематизировать связь между процессом усвоения этики самостоятельности в приватной жизни и публичной, политической свободой. Я обнаружила две разные этики обращения с политическим, которые эти подростки непротиворечиво сочетают между собой. Первая этика — это отношение к политическому как к чему-то неизвестному и поэтому опасному, требующему сохранять здоровый скепсис и подозрение; здесь не надо становиться самостоятельным раньше времени и следует доверять авторитету старших. Эту модель, трансформируя категории, предложенные социологами детства, можно назвать моделью «political becomings»: она означает как бы «откладывание на потом» политической субъективности, постоянное ее не-достижение. Вторая этика, напротив, подразумевает ценность существования в виде «political beings»: манифестацию себя как субъекта в публичном пространстве, как того, кто имеет право на собственное, независимое и самостоятельное высказывание, кто способен сам управлять своими поступками. Будучи подростком, то есть существом, находящимся в интенсивной и незаконченной ситуации формирования себя как члена общества, человек попеременно обращается к обоим этикам. Однако при взрослении подростка в деполитизированном обществе (и общество, в котором политика делает свои первые шаги после долгого отсутствия, как показывает мое исследование, не является в этом смысле исключением) победу одерживает первая из них. Проявления собственной воли подростков в публичной сфере связываются с детским «радикализмом», несамостоятельность и не-свобода молодых людей как политических акторов становится здравым смыслом и подростков, и их родителей. Знакомство с политическим чаще всего проходит под наблюдением старших членов семьи или других авторитетных взрослых, которые поощряют скорее осторожность, подо-

зрительность и скептицизм, нежели «детский радикализм». Здесь может возникнуть закономерный вопрос: обязательно ли политизация вслед за взрослыми, старшими членами семьи ведет к «конформистскому» способу обращения с политическим? Разве не могут родители — допустим некоторую воображаемую ситуацию — под своим тщательным контролем воспитать, например, сына-«радикала»? Однако практика показывает, и я уже писала об этом выше, что даже родители-радикалы, «террористы», в сфере воспитания детей часто остаются консерваторами. Обществу, в котором полиции больше, чем политики, нелегко разглядеть потенциальных субъектов там, где оно, как правило, видит объекты заботы, — ведь такое общество больше привыкло «опекать», нежели вступать в дискуссию.

Таким образом, с одной стороны, мои информанты *спонтанно* стремятся действовать как публичные акторы в смысле Арендт: превратить свои эмоции в речь, вступить в пространство явленности, сделать видимыми для общественности как некоторое проблемное положение дел, так и свою позицию в рамках этой проблемы¹. С другой стороны, этот потенциал — к политической субъективации или к публичному действию — не получает возможности реализоваться. В конечном счете подростки, даже те, которые спонтанно действуют в публичной сфере самостоятельно, осмысливают такие «вспышки» самостоятельности как проявление инфантилизма и затем обращаются за советами, разрешениями и толкованиями событий к своим родителям. Родители, в свою очередь, на акциях протеста стремятся сохранять контроль над поведением подростков. Иными словами, даже переступая порог дома и выходя на митинг или демонстрацию (казалось бы, в публичную сферу), подростки часто сохраняют свою несвободу. Но действительно ли, в таком случае, мы наблюдаем освоение молодыми людьми зарождающегося в обществе публичного пространства? Не следует ли нам, напротив, говорить об одомашнивании подростками и их родителями публичного пространства митинга, на который они как бы «приносят с собой» приватный мир своего дома? Теория Арендт оказывается как нельзя более актуальна для современной российской действительности.

¹ *Арендт Х. Vita active*, или О деятельной жизни.

Арендт пишет о размывании границ публичного и частного в Новое время, о смешении этих сфер благодаря появлению в обществе нового компонента — социального. Она наблюдает этот процесс на «макро»-уровне, уровне государств и глобальных экономических рынков¹. Мое исследование позволяет зафиксировать сходный феномен на уровне биографий современных молодых людей: в публичной сфере они видят опасность и сохраняют зависимость от старших, тогда как в частной — борются за самостоятельность и свободу.

Таким образом, по мере взросления наше общество учит своих молодых членов быть самостоятельными в частной сфере, но «откалывать на потом» самостоятельность в отношении их публичного опыта. Поступая в университет, устраиваясь на работу, они чаще всего успешно управляют своей частной жизнью, используя навыки, поощряемые в них, пока они взрослые. Но неудивительно, что молодым людям не хватает навыков для того, чтобы стать субъектами в публичной, политической жизни, — ведь они с детства привыкли быть несамостоятельными. Очевидно, они не могут превратиться в «political beings» одновременно с достижением совершеннолетия. «Political becomings» остается доминирующим способом существования человека политического на протяжении всей его жизни в обществе, где политика — удел маргиналов. Общество воспитывает частных субъектов, которые осторожно и неуверенно вступают в публичное пространство и часто спешат вновь покинуть его. Сталкиваясь с политическим, такой субъект становится чрезвычайно осторожным и очень редко способен занять критическую позицию.

Александр Бикбов, пытаясь найти то, что объединяет разнородных участников протестов 2011—2012 годов, утверждает: общим для них является опыт управления своей жизнью — «поиск места на рынке труда, фриланс или предпринимательство, занятие исследованиями и преподаванием, частые поездки за границу и по стране, участие в организации сообществ, чаще виртуальных или сугубо локальных»². Проек-

¹ Там же.

² Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (русские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 — июнь 2012) // Laboratorium. 2012. № 2. С. 160.

ция этого опыта на политическое участие, пишет Бикбов, обусловила специфику протеста, разместила его «вне персонального политического руководства»¹. Но так ли легко перевести способность самостоятельно управлять своей приватной и профессиональной жизнью в практики политической свободы в публичной сфере? Как показывает мое исследование, связь между этими видами опыта не то что не очевидна — она чрезвычайно слаба. Склонность, стремление и способность к управлению жизнью в частной сфере, которые так активно отвоевываются в процессе взросления, сочетаются с привычкой подчиняться авторитетным старшим в сфере публичной.

Считается, что молодыми людьми, не достигшими совершеннолетия, легко управлять, что их можно «использовать» в своих целях и что они едва ли способны на осознанные самостоятельные действия. Каждый их шаг в публичном пространстве преследует подозрение: вероятно, за ними «кто-то стоит». Впрочем, они не так и часто стремятся предпринимать какие-то шаги. Эта ситуация, однако, вовсе не специфична для подростков — и именно поэтому интересна. На примере людей, находящихся на неопределенной границе между детством и взрослостью, мы можем лишь наблюдать предельное воплощение этой логики. Но, достигая совершеннолетия, оканчивая школу, поступая в университет, молодые люди не получают автоматической защиты от обвинений в неспособности к самостоятельным действиям. Будучи участниками публичного конфликта на социологическом факультете МГУ в 2007 году², мы тратили огромное количество времени и сил только на то, чтобы доказать, что за нами не стоят чиновники американского правительства, администраторы конкурирующих вузов или личные враги декана Добренькова. Активисты движения «За честные выборы» также страдают от необходимости объяснять «широкой общественности», что массовые протесты — не дело рук нескольких статусных оппозиционеров и что выйти на площадь — вовсе не означает внести свой вклад в карьеру Немцова, Навального или Удальцова. Одна из моих информанток жалуется:

¹ Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма.

² <http://www.od-group.org>.

Проблема того, что многие не ходят на митинги, в том, что люди думают: ну, это Жириновский, это Немцов собрал митинг, я туда не пойду. То есть они не видят всего остального. ...Люди часто удивляются, они спрашивают: а ты что, за Навального? А ты что, за Удальцова? Есть люди, которые не понимают вообще, что происходит. (Лилия, 1995 г.р., студентка 1-го курса, специальность география, Москва)

Эта девушка выражает общее недоумение и тревогу современных активистов. Активист в глазах широкой публики в этом смысле — всегда немножко мечтательный, наивный ребенок, который не понимает, что действует в интересах хитрых и циничных «взрослых». Но чему удивляются эти активисты, если они сами, возможно незаметно для себя, воспитывают в этой же парадигме своих подрастающих детей? Общество инфантилизирует своих граждан в публичной сфере, и особенно — их «акты неповиновения»: бунты, протестные акции, социальные движения и т.д. представляются неким детским «хулиганством» (не случайно к протестующим столь часто применяется именно эта статья УК РФ). Ситуация, в которой находятся подростки, демонстрирует нам, как воспроизводится эта инфантилизация.

Данное исследование, так же как и выполненное мной параллельно кейс-стади публичных конфликтов в средних школах¹, позволило мне обнаружить важную вещь: сами активисты (а вовсе не их противники, точнее — не только их противники) работают на «затвердевание» в общественном сознании представления о своих подрастающих детях как несамостоятельных, «неполноценных» публичных акторах. Но если способностью к самостоятельному, осознанному публичному действию не обладают ни большинство старшеклассников, ни большинство студентов — то откуда, когда и почему она может массово появляться у взрослых членов общества? Вряд ли активистам стоит удивляться тому, что не вовлеченные в публичную политику наблюдатели относятся к ним

¹ Ертылева С. Политизация и политическое участие подростков в современной России. Выпускная аттестационная работа. Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге». Факультет политических наук и социологии. СПб., 2013.

так же, как сами активисты относятся к своим подрастающим детям: брошенный вперед бумеранг возвращается к ним в руки. Можно даже предположить, как работает этот «бумеранг». Не приобретая по мере взросления навыков самостоятельного поведения в сфере публичной политики, всерьез полагая, что публичная политика — это когда тебя то и дело норовят «использовать» в чьих-то интересах, молодые люди, становясь взрослыми, лишь укрепляются в этих представлениях. Осторожность, скепсис и подозрение — вот что ассоциируется с политикой вообще в деполитизированных обществах.

Инфантильным и несамостоятельным наше общество видит не только подростка. Для обывателя любой активист, если он не карьерист и не циник, обязательно — немножко наивный ребенок, пешка в чужой игре. Но «просвещенному» активисту простой обыватель «из народа» часто тоже представляется не совсем полноценным, еще неспособным к политическому действию существом. Мой коллега по исследовательской группе, Илья Матвеев, посвятил несколько своих статей и выступлений анализу «теории» «двух России», популярной в связи с протестами в дискурсе либеральных активистов. (Одноименную главу можно найти и в этой монографии.) Один из выводов, к которому пришел И. Матвеев, состоит в том, что в основе этой «теории» лежит политически опасное имплицитное допущение: население «второй России», «простые люди», «народ» — это те, кому следует «раскрывать глаза на правду», но не те, кто способны к самостоятельной организации. Отсутствие в современном русском языке адекватного перевода для слова *organizing*, пишет Матвеев, коррелирует с маргинальным положением этого явления в эмпирической действительности: просвещенная интеллигенция готова «объяснять истину» темному и якобы «патерналистскому» народу, но не готова и не способна оказывать ему поддержку в развитии навыков самоорганизации¹. Это не может не напоминать отношение взрослых активистов к своим подрастающим детям — отношение, основанное на защите и охране, опеке и наставничестве, но не на содействии в том,

¹ Матвеев И. «Две России»: культурная война и конструирование «народа» в ходе протестов 2011—2013 годов (глава 8 настоящей монографии).

чтобы подростки стали самостоятельными публичными акторами, создавали собственные коллективы равных.

Ханна Арендт, описывая пространство дома, в которое помещены женщины и дети, как приватное, а пространство площади, где равные взрослые мужчины практикуют свободу, — как публичное, не задается, как уже было отмечено выше, вопросом о способах перехода из одного пространства в другое, который, очевидно, должен происходить постепенно, по мере взросления. Мы можем предположить здесь две возможности такого перехода. Первая заключается в *воспитании старшими* навыков публичной самостоятельности у молодых людей по мере их взросления в приватной сфере. Тревожный общественный симптом состоит в данном случае в том, что современное общество культивирует воспитание *несамостоятельности* в отношении политики, тогда как воспитывать следовало бы *самостоятельность*. Вторая возможность предполагает *приобретение* этих навыков *среди равных*, сверстников, непосредственно в публичной сфере: таким образом, воспитание остается прерогативой родителей лишь в приватном мире, по отношению к приватному опыту их детей. Именно на такую возможность указывает нам обнаруженная мной альтернативная, «радикальная» политическая этика моих информантов. На мой взгляд, мы должны стремиться к превращению в жизнь обеих этих возможностей.

Одновременно не всякие самостоятельность и ответственность могут оказаться продуктивными при превращении людей в (политических) субъектов. Рациональная индивидуалистическая ответственность, которая культивируется, например, взрослыми участниками последних протестов в отношении самих себя, принадлежит скорее либеральному хозяйствующему субъекту, равнодушному к чужому — тому, что находится за границей «своего». Речь должна идти об обретении этики неиндивидуалистической самостоятельности, ответственности и свободы, неспособных перерасти в эгоизм, тех, что будут совместно разделены с другими «во имя» неких общих целей (идеология). И именно подростковость в своей потенции указывает нам на такую возможность. Подросток — это тот, кто по-настоящему сильно ориентирован на участие в эгалитарных коллективах (пусть пока только приватных), кто

действительно стремится к поиску идеологий (вспомним музыкальные и анархические увлечения моих информантов), кто способен на не всегда прагматический (и незгоистический) бунт. Подростковость представляет собой интенсивное становление человека и в этом смысле действительно включает момент «незрелости». Но «незрелость» — это не обязательно что-то плохое; она, бесспорно, может оборачиваться зависимостью и покорностью, иными словами, потерей субъектности. Этот процесс мы наблюдаем сегодня в сфере политической социализации молодых людей. Но в ней же заложен потенциал для поиска альтернативы культивируемой «взрослым» обществом индивидуалистической либеральной самостоятельности и ответственности — ответственности совместной, рожденной через сопротивление и бунт. Если мы хотим найти путь к рождению нового политического субъекта в нашем обществе, мы должны задуматься о создании некой инфраструктуры, обеспечивающей самостоятельное публичное политическое участие молодых людей, в том числе и на этапах раннего взросления.

Библиография

1. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
2. *Бикбов А.* Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 — июнь 2012) // *Laboratorium*. 2012. № 2. С. 130—163.
3. *Воронков В.* Жизнь и смерть советской публичности // Дебаты и Кредиты. Медиа. Искусство. Публичная сфера / Под ред. Т. Горючевой, Э. Ключенберга. Амстердам: Центр культуры и политики «De Balie», 2003. С. 99—110.
4. *Гладарев Б.* Историко-культурное наследие Петербурга: рождение ответственности из духа города // От общественного к публичному / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 69—304.
5. *Димке Д.* «Коммуна Юных Фрунзенцев (1958—1964) как советский педагогический эксперимент: анализ практик и идеологии в перспективе уто-

пической концепции детства». Диссертация на соискание степени кандидата социологических наук. Рукопись, предоставленная автором.

6. *Ертылева С.* Политизация и политическое участие подростков в современной России. Выпускная аттестационная работа. Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге». Факультет политических наук и социологии. СПб., 2013.

7. *Ертылева С.* Протесты подростков в России и Европе: к вопросу о воспитании политической самостоятельности в демократических сообществах // Сделано в Европе: взгляд российских исследователей / Под ред. М. Ноженко, Е. Белокуровой. СПб.: Норма, 2014.

8. *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Загорающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 670 с.

9. *Кон И.* Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 256 с.

10. *Манен Б.* Принципы представительного правления. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 323 с.

11. *Ховард М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс, 2009. 190 с.

12. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 334 с.

13. *Alanen L.* Modern childhood?: Exploring the child question in sociology // Research report at the conference. Jyväskylä (Finland): University of Jyväskylä, 1992.

14. *Arnett J.G.* Stanley Hall's Adolescence: Brilliance and Nonsense // History of Psychology. 2009. Vol. 9. № 3. P. 186—197.

15. *Beck U., Beck-Gernsheim E.* Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. London: Sage, 2002. 221 p.

16. *Ennew J.* Time for children or time for adults? // Childhood matters: social theory, practices and politics / Qvortrup et al (Eds.). Aldershot: Avebury, 1994. 395 p.

17. *Christensen P., James A.* Research with children: perspectives and practices. NY: Routledge, 2008. 288 p.

18. *Hall S.* Adolescence: Its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion, and education. New York: D. Appleton & Co, 1994. 784 p.

19. *Kharkhordin O.* The corporate ethic, the ethic of samostoyatel'nost and the spirit of capitalism: reflection on market-building in post-soviet Russia // International Sociology. 1994. Vol. 9. № 4. P. 405—429.

20. *Qvortup J.* Childhood Matters: An Introduction // Childhood matters: social theory, practices and politics / Qvortrup et al (Eds.). Aldershot: Avebury, 1994. P. 1—23.

Часть 2

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
2011—2012 годов:
ПРЕДПОСЫЛКИ
И СПЕЦИФИКА ПРОТЕСТА

Анна Желнина

«Я В ЭТО НЕ ЛЕЗУ»: ВОСПРИЯТИЕ «ЛИЧНОГО» И «ОБЩЕСТВЕННОГО» СРЕДИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ¹

Введение

Серьезной проблемой для многих исследователей общественной мобилизации является исследование не-активистов, тех людей, которые по каким-то причинам не вовлекаются в гражданскую деятельность. При этом очевидно, что именно не-активисты в какой-то момент превращаются в активистов и становятся предметом интереса исследователей общественных движений. Изучение одних и тех же людей до и после активизации представляется методологически очень сложным, если не невозможным. Поэтому для понимания причин и характеристик аполитичности людей и их перехода к политической активности необходимо искать другие способы. В частности, представляется важным изучить особенности осмысления социального опыта самими гражданами: какие проблемы и в каких ситуациях переходят из категории приватного и личного в категорию общественно значимого.

«Большие» теоретические концепции являются для меня вторичными по отношению к жизненному миру информантов и тем схемам интерпретации, которые они задействуют в своей повседневной жизни. Такие понятия, как «политическое», «деполитизация», «персонализация политики», служат отправными пунктами в попытках разобраться,

¹ Статья основана на результатах исследовательского проекта MYPLACE (Memory, Youth, Political Legacy, and Civic Engagement), поддержанного в рамках седьмой рамочной программы ЕС [FP7/2007—2013] [FP7/2007—2011], грантовое соглашение FP7-266831. Российская часть проекта реализована на базе Центра молодежных исследований НИУ-ВШЭ в Санкт-Петербурге и НИЦ «Регион» (Ульяновский государственный университет).

как устроено мировоззрение и каковы политические установки современной российской молодежи. В этой главе я постараюсь показать, что грань между «политическим» и «личным» не фиксирована и может легко реинтерпретироваться людьми в зависимости от ситуации, при этом часто это переопределение не будет совпадать с теми определениями, которые дает политическая теория (см. Введение к настоящей монографии).

Сложности работы с таким материалом возникают с самого начала — еще при попытке выбрать, с каким эталонным определением политики сравнивать эмпирически выделяемые представления о политическом среди информантов. Очевидно, что концепция политического как публичного, которая ставит в центр коллективное, видимое действие, имеющее адресата¹, не работает в большинстве рассмотренных в этой главе случаев, когда действие предпринимается на индивидуальном уровне, хотя и оно движимо представлением о справедливости, общем благе. В этом смысле представляется правильным принять определение политического как публичного, но не обязательно коллективного: такое определение может включать коммуникацию смыслов и представлений о правильном, моральном в публичной сфере². Таким образом, политическое действие возникает тогда, когда действующий претендует на знание о том, что такое «общее благо», а осмысливается это действие в категориях общего интереса и смысла.

В этом контексте важно отметить также следующее. В последнее время в работах, посвященных различным аспектам политизации, все чаще появляется идея о том, что политика меняется / уже изменилась: бывшие представления о механизмах и областях проявления политического действия (общественные движения, партии и т.п. привычные формы реализации конфронтационной политики) более не работают, уступая место «персонализированной политике»³, творческой политике

¹ *Tilly C., Tarrow S. Contentious politics. Oxford, UK: Oxford University Press, 2006. 224 p.; Habermas J., McCarthy T. Hannah Arendt's communications concept of power // Social Research. 1977. № 44 (1). P. 3—24.*

² *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere.*

³ *Bennett L. The Personalization of Politics Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2012. Vol. 644. № 1. P. 20—39.*

прямого действия¹ и другим формам, не укладывающимся в классические схемы политических состязаний. Эти изменения, в частности, связаны с общим процессом индивидуализации общества, о котором пишет Ульрих Бек². В данной главе я попробую разобраться, насколько такая интерпретация изменений в формах и способах политического участия применима в российских условиях: можно ли говорить о том, что индивидуализация в нашем обществе приводит к появлению «персонализированной политики», или специфический деполитизированный контекст делает политическое действие практически невозможным в силу общественной разобщенности?

Поэтому основным фокусом данного текста будет ситуация определения моими информантами того, что является личным, а что — общественным, что касается индивида, а что нет: на примере молодых людей с разным жизненным (и политическим) опытом я продемонстрирую этот момент выбора и то, как он осмысляется и оправдывается. Внимание также будет уделено структурным условиям, которые благотворно или негативно влияют на политическое вовлечение (доверие к окружающим, возможность публичного обсуждения волнующих вопросов с единомышленниками и т.п.).

Особенности и механизмы политического вовлечения российской молодежи будут рассмотрены на основании фокус-групп и интервью, проведенных накануне (осень 2011) и сразу после (зима 2012/13) протестных событий. В выборку, на основании которой делаются выводы главы, попали молодые люди Северо-Западного региона (Санкт-Петербург и Выборг) с шестнадцати до двадцати пяти лет. В период накануне выборов в Госдуму, а именно в ноябре 2011 года, были проведены 5 фокус-групп, посвященных политическому участию и настроениям молодежи; в среднем 50 участников в двух городах, группы в Санкт-Петербурге формировались из экологически осознанных молодых людей (далее — экологи), волонтеров и представителей студактива (далее —

¹ Douglas G. Do-It-Yourself Urban Design. Paper presented at the international conference «Regular Session on Popular Culture». American Sociological Association, Las Vegas, August 21st 2011.

² Beck U. Freedom's children // Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. P. 156—171.

студактив), в Выборге — из студентов вузов и учащихся колледжей, средних профессиональных учебных заведений (далее — студенты сузов). Второй этап исследования включал 60 структурированных интервью с представителями той же возрастной группы в тех же городах и проводился уже в период спада протестного движения зимой 2012/13 года¹. В исследовании приняли участие как активисты, так и подчеркнуто аполитичные информанты, что позволило проследить трансформацию участия и политических взглядов у разных групп молодежи. Такое разнообразие открывает богатые возможности для сравнения установок и «активистских траекторий» в контексте социально-политических событий 2011—2012 годов.

Индивидуализация, молодежь и политика: международный и российский контекст

О значимости исследований «аполитичной молодежи» свидетельствует опыт «Арабской весны» и протестов в Греции, где именно молодежь, прежде воспринимавшаяся как абсолютно аполитичная, стала вдруг движущей силой восстаний². При этом российская ситуация и особенности политизации российской молодежи разительно отличаются от европейских: так, анализ СМИ, предпринятый Светланой Ерпылевой, показывает, что в Южной Европе (в т.ч. в Греции) подростки в последние годы демонстрируют высокую степень протестной активности, которая совершенно не проявляется в сходных ситуациях в российском случае³. Ерпылева также замечает, что интересы подростков и молодых

¹ В проведении интервью и фокус-групп принимали участие: Гюзель Сабирова, Яна Крупец, Маргарита Кулева, Алексей Зиновьев, Дарья Литвина, Сергей Сенатов, Наталья Федорова, Анна Фомина.

² Douzinas C. Athens rising // *European Urban and Regional Studies*. 2013. Vol. 20. № 1. P. 134—138; Cavatorta F. Arab Spring: The Awakening of Civil Society. A General Overview // Institut Europeu de la Mediterrània, 2012. URL: <http://www.iemed.org/observatori-en/arees-danalisi/documents/anuari/med.2012/arab-spring-the-awakening-of-civil-society-a-general-overview> (date of access 10.04.2014).

³ Ерпылева С. Протесты подростков в России и Европе: к вопросу о воспитании политической самостоятельности в демократических сообществах.

людей представляют и защищают в российских реалиях их родители, взрослые (ассоциации по проблемам школьного образования и т.п.)¹. В российской социологии проводились исследования дискурсов о молодежи, которые показали, что последняя воспринимается и дискурсивно конструируется как объект заботы или, наоборот, объект, представляющий опасность, а не как субъект действия. Об этом, в частности, пишет Елена Омельченко², отмечая «объектно-эксплуататорский» подход к молодежи в рамках молодежной политики как в России (СССР), так и на Западе. При этом такое дискурсивное конструирование отражается на том, как воспринимает и ведет себя сама молодежь (С. Ерпылева показывает, что подростки представляют себя «маленькими» и недостаточно взрослыми для общественного участия³). И если для молодежи Европы и Северной Америки политическое протестное участие — это одна из базовых репертуарных возможностей определенного жизненного этапа, то для российской молодежи политическая субъективизация не становится значимым элементом жизненной траектории.

Наравне с этим принципиальным различием, истоки которого нуждаются в специальном исследовании, можно обнаружить и ряд сходств российской ситуации с международным контекстом. Среди них, например, более низкий интерес к формальной, партийной политике и выборам среди молодежи по сравнению со старшим поколением⁴. Причем, как отмечалось выше, молодежь в Европе оказывается главным действующим лицом политических изменений последних лет⁵, и это красноречиво свидетельствует о том, что показатели голосования на выборах и членства в партиях не отражают реального уровня политической вовлеченности. Недавние события в мире, особенно в Европе, заставляют нас с осто-

¹ Там же.

² Омельченко Е. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 1. С. 59—86.

³ Ерпылева С. «На митинги я не ходил, меня родители не отпускали»: взросление, зависимость и самостоятельность в деполитизированном контексте (глава 3 в настоящей монографии).

⁴ The 2009 European Elections // European Commission. September 2008. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_299_en.pdf (date of access 10.04.2014).

⁵ Collin M. The Time of the Rebels: Youth Resistance Movements and 21st Century Revolutions. London: Serpents Tail, 2007. 216 p.

рожностью относиться к утверждениям об аполитичности молодежи и отсутствию у нее интереса к чему-либо, кроме собственных потребительских удовольствий. Так, массовое присутствие молодых людей на уличных протестных акциях в Греции и Северной Африке, а также на акциях «Оссуру» указывает на то, что переход из «неполитизированного» состояния в протестное происходит стремительно — привычные инструменты измерения политизации не подходят для того, чтобы предсказать этот переход. Возможно, это связано с тем, что политика приобретает новые формы; как пишет Лэнс Беннет в статье, посвященной движению «Оссуру Wall Street», во многих национальных контекстах мы можем наблюдать тенденцию персонализации политики, когда участие в коллективном действии становится ненужным и невозможным, что не означает при этом отказа от политического участия вообще. Беннет выделяет основные черты персонализированной политики: толерантное отношение к разным политическим точкам зрения; упрощение идентификации с общественными движениями и инициативами путем подключения «фреймов персонального действия», которые не требуют специфической социализации и включения в активистские сети; а также участие через социальные сети — «социальные технологии позволяют индивидам катализировать коллективное действие, просто активируя свои социальные сети»¹. Беннет отмечает, что при неолиберализме большое значение приобретает концепт личной свободы (это также хорошо заметно в наших интервью), что осложняет коллективное действие. Персонализированная политика не предполагает обязательного создания солидарного коллектива протестующих и делает возможными индивидуальное участие и индивидуальные лозунги (высказывания вроде «Верните мой голос», которые появляются на самодельных транспарантах участников митингов). Благодаря развитию технологий каждый индивид оказывается включен в обширные социальные сети, которые можно задействовать для мобилизации единомышленников, — что позволяет также говорить о «connected action» вместо «collective action». Именно индивиды, мобилизованные через социальные сети, выходят на уличные акции.

¹ *Bennett L.* The Personalization of Politics Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation. P. 22.

В то же время такая специфика организации уличных акций — не единственный показатель персонализации политики. Как пишет Беннет, индивидуальное политическое действие рождается в недрах общества потребления: специфические потребительские жесты — бай-коты (buy-cotts) и бойкоты по идейным соображениям входят в повседневность. Именно такие люди, индивидуализированно политизированные, вышли на протесты «Occupy Wall Street». На мой взгляд, в такой же вариант участия вылилось движение «За честные выборы» в 2012 году: «Оккупай Абай» и прочие схожие по форме (но не по содержанию) акции можно было наблюдать в Москве и некоторых крупных российских городах. Можно вспомнить и то, что к такой форме протеста российские граждане пришли не сразу, сначала перепробовав и раскритиковав традиционные митинги с лидерами и речами, которые не отвечали новым требованиям индивидуализированной эгалитарной политики.

Персонализация политики — результат общего процесса индивидуализации, описанного Ульрихом Беком в книге «Индивидуализация»¹, одна из глав которой («Freedom's Children») посвящена особенностям участия молодежи в общественно-политической жизни. Бек предложил рассматривать молодежь как принципиально антиполитичную, отвергающую всю систему формальной политики в силу того, что она не отвечает требованиям современности: молодые люди ненавидят организации за их формализм и лицемерные призывы к самоотверженному участию и поэтому реагируют на них противоположным образом — «они просто остаются дома»². Таким образом, можно рассматривать антиполитичность молодых людей как сознательный выбор, а не как лень или неинформированность, которые им нередко приписывают. «Индивидуализация» предполагает, что молодежь радикально антиполитична, на что у нее есть причины — традиционная политика национальных государств уже не отвечает требованиям нового, глобального общества, перед которым стоят совсем иные задачи. Бек утверждает, что молодые люди аполитичны, но аполитичны они принципиально политическим образом³.

¹ Beck U. Freedom's children // Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. P. 156—171.

² Ibid. P. 158.

³ Ibid. P. 159.

На имеющемся эмпирическом материале я, во-первых, продемонстрирую элементы персонализированной политики в нарративах молодых людей и, во-вторых, покажу сходства и различия в политическом мировоззрении информантов, заявляющих о себе как о политизированных и аполитичных соответственно. Поскольку выборы 2011—2012 годов можно рассматривать как триггер, приведший к мобилизации ранее аполитичных людей, выборка разделена на следующие подгруппы: молодые люди, заявившие о своей аполитичности до выборов (на материалах фокус-групп); молодые люди, представившиеся активистами до выборов (на материале фокус-группы с «экологами»); а также мобилизовавшиеся после выборов молодые люди, которые до этого момента считали себя аполитичными (на материале глубинных интервью, всего в нашей выборке из 60 интервью таких оказалось трое). Через нарративы представителей трех этих групп я прослежу настроения молодых людей непосредственно перед парламентскими выборами (мнения о государстве, обществе, отношение к коллективному действию, структура источников информации и проч.) и после них. Разнообразие позиций и включенности в потоки общественно-политической информации среди наших информантов позволит показать, что однозначное деление граждан на пассивных и активных не имеет смысла, поскольку политическое участие может приобретать разные формы и, в том числе, включать отказ от интереса к политической жизни как свое крайнее негативное проявление.

Участие аполитичных и ценность политической нейтральности

Несмотря на то что многие информанты заявляли о себе как об аполитичных людях, фактическая аполитичность (отсутствие информированности, интереса или минимального опыта взаимодействия с общественно-политическими институтами) оказалась довольно большой редкостью. Даже принципиально аполитичные молодые люди (особенно аполитичными объявили себя участники группы студактива) все же находились в поле политического: они были в курсе политических событий, анализировали их, некоторые в ходе обсуждения припоминали

различные эпизоды своей биографии, когда они принимали участие в общественных (и даже протестных) действиях. Примеры участия в каких-либо акциях, подписание писем поддержки и солидарности и прочие активистские опыты вспоминались информантами не сразу. То, что являлось помехой для них или несправедливостью по отношению к индивидуальным интересам, эти молодые люди воспринимали как личное и не классифицировали в качестве активизма, связанного с «политическим».

Например, Роман, заявив о своей аполитичности, чуть позже вспомнил о своем участии в «подполье» — борьбе против администрации общежития университета — и в акции против этнической преступности. Другой случай, который не сразу упомянул Роман, касался его трудовой биографии — незаконного увольнения, которое он оспаривал в разных инстанциях, несмотря на запугивания со стороны фирмы и советы друзей:

Зачем ты туда полез вообще, сиди тихо и спокойно. И было на самом деле страшно, потому что корпорация крупная, иностранная. И сверху ругались и говорили, что со мной будут разговаривать совсем по-другому за пределами предприятия. (Роман, Санкт-Петербург, студактив)

Интересно, что бороться Романа, по-видимому, заставило чувство собственного достоинства — то есть вполне индивидуалистический мотив, который вынудил его выйти из приватной жизни в публичную сферу: «Но настолько меня все задело, что как так, почему?!» (Роман). Молодой человек описывал каждый свой шаг в интернете, информацию распространял широко, обращался во все мыслимые инстанции — что и позволило этой истории завершиться в пользу Романа, который в результате сделал вывод: «Самое главное — не бояться, что-то делать, и все обязательно решится» (Роман). Приобретенный опыт сыграл свою роль в дальнейшей биографии Романа — он остался социально активным и стал применять свои новые навыки в волонтерской деятельности.

Практически для всех участников фокус-групп, вне зависимости от наличия или отсутствия у них активистской идентификации, важной оказалась ценность политической нейтральности: то есть они четко

разводили активизм и социальную ответственность, с одной стороны, и формальную политику — с другой:

Они (группа активистов-экологов. — А.Ж.) проводили много акций, связанных с уборкой мусора, на которых они не связывались никакими... скажем так — агитационными материалами других политических партий. Там были представлены только компании, мы можем сказать, что они — они практически нейтральны, но при этом делают благое дело. (Олеся, Санкт-Петербург, экологи)

Стратегию сознательного отказа от участия в политике практически единодушно поддержали и представители студенческого актива. Анализ нарративов участников этой фокус-группы показал, что «активная жизненная позиция» и публичный, политический активизм могут быть противопоставлены друг другу. Так, участники студактива, представители студенческих советов, профкомов и подобных организаций при вузах наиболее явно подчеркивали свое нежелание интересоваться политикой, «влезать в это», участвовать в каких-либо формах социально-политического действия. При этом молодые люди были достаточно хорошо осведомлены о новостях в стране, многие из них были настроены критично по отношению к текущей политической ситуации, однако решением, которое они предлагали, чаще всего оказывалась эмиграция. Практически все участники этой фокус-группы объявили о том, что не исключают или активно планируют отъезд за рубеж по окончании обучения.

Фокус-группа с экологами включала наибольшее количество молодых людей, идентифицировавших себя как активистов. Однако ее участники также продемонстрировали спектр различных форматов политизации: от стратегии «начни с себя» — до стратегии «агитируй друзей», а в некоторых случаях даже до полноценного коллективного действия в рамках группы единомышленников. Например, Константин именно так, дифференцированно, представил поле своей деятельности: отдельно осуществляется «официальная работа» в рамках экологической инициативы, отдельно — распространяются убеждения и образ жизни среди знакомых.

Константин в рамках группы экологов оказался самым включенным в коллективное действие участником. Его позиция разительно отличалась от позиций остальных — в первую очередь в его отношении к государству и «системе»:

Я думаю, если ты все равно живешь в системе и пользуешься в какой-то мере ее услугами, то нужно пытаться что-то в ней делать, а не просто отстраняться. (Константин, Санкт-Петербург, экологи)

Фокус-группы в Выборге, проводившиеся среди учащейся молодежи (как с активистским опытом, так и без), выявили еще одну позицию, которая редко встречалась в петербургских фокус-группах: резко критическое отношение к происходящему в стране, сопровождаемое ощущением безысходности. В таком ключе высказывались преимущественно студенты колледжей:

Им нужны просто наши деньги. Мы работаем, они зарабатывают на нас, никаких улучшений. Они будут делать нам такие условия, чтобы мы, не обращая ни на что [внимания], тупо работали и деградировали как вообще личности, способные думать, чтобы потом у них была тупо страна овощей, с которых потом можно, как с грядки, собирать плоды, урожай. (Михаил, Выборг, студенты сузов)

В выборгских фокус-группах также проявилась позиция, которую можно кратко охарактеризовать фразой «они дождутся». Это крайне критичное отношение тесно связано с отсутствием других каналов для реализации недовольства (по ощущению, выборгские участники едва ли не впервые публично обсуждали общественно-политические темы именно в рамках фокус-группы, в связи с чем испытывали смесь страха с воодушевлением):

О1: Надо к Белому дому танки направить на самом деле, чтобы народ собрался, все сожгли.

О2: Они дождутся этого.

О1: Все сожгли как бы, танки привели, и поставить против, поставить свои условия, не чтобы они их условия ставили. (Дима и Михаил, Выборг, студенты сузов)

Таким образом, различные позиции по отношению к политическому участию следует рассматривать как континуум, а не как дихотомию («пассивность/активизм»). На основании эмпирических данных, собранных до мобилизации, можно выделить несколько рамок интерпретации социально-политической ситуации, представленных среди информантов и включающих разную степень мобилизованности и разные стратегии поведения. Среди них: готовый мобилизованный фрейм экологических активистов (их вовлеченность в общественную деятельность основана на проработанных стратегиях действия и моделях интерпретации действительности, на которых я ниже останавлиюсь подробнее); фрейм недовольства и рационального отказа от вмешательства в события за пределами сферы индивидуального интереса; фрейм острого недовольства, в рамках которого чувствуется необходимость действия, но отсутствует понимание того, как именно действовать.

Коллективное и индивидуальное политическое действие

Вопрос об отношении к коллективному действию в целом является одним из важнейших для понимания особенностей политизации молодых людей. Как мы могли убедиться выше, решение индивидуальных проблем и задач, в которых информанты заинтересованы лично, не воспринималось ими в качестве активизма и общественно значимого дела, даже если эти задачи и проблемы лежали за пределами приватной сферы (например, помощь детским домам, участие в работе общественных организаций, ведение экологически осознанного образа жизни с целью сделать личный вклад в улучшение экологической обстановки и т.п.). Индивидуальное (политическое) действие (действие на «общее благо», в соответствии с принципами справедливости, ведущее к улучшению не только личного положения), таким образом, вполне возможно и допустимо для современных молодых людей в России, в то время как перспективу коллективного действия они отвергают.

Сложная взаимосвязь личного интереса и общего блага удачно прослеживается на материале фокус-группы с экологами. Среди экологов (которыми оказались как активисты различных коллективных инициатив, так и индивидуально активные и экологически сознательные люди) обозначилось несколько разных позиций по отношению к активизму. Эти позиции динамично развивались на протяжении дискуссии, информанты спорили и соглашались друг с другом, и их спор отражал многообразие подходов за пределами экологической «тусовки».

Интересно, что многие участники «экологической» группы описывали свою активность как «помешанность» или как специализацию, требующую навыков и компетенций, отсутствующих у рядовых (неактивных) граждан. Таким образом, в период до массовой мобилизации декабря 2011 даже активисты воспринимали свою позицию скорее как не-норму.

А вообще очень мало рекламы вот по поводу этого экомобиля. Вот если спросить обычного гражданина, который не помешан на эко, он даже об этом и не знает. (Рита, Санкт-Петербург, экологи)

Экологи сошлись во мнении, что любые изменения в обществе возможны при условии трансформации повседневности, в первую очередь своей собственной. Одна из наиболее популярных среди них стратегий влияния на ситуацию — «начни с себя»¹. Интересно, что ее придерживались все члены «экологической» группы: и те, кто принимал участие в коллективных инициативах, и те, кто действовал исключительно индивидуально. Эта стратегия является как бы базовой для включения в активистский фрейм, который впоследствии может привести к вовлечению в коллективное действие, а может остаться на уровне действия индивидуального — но уже политического.

Политическое действие, как я уже писала выше, я определяю вне его связи (или отсутствия таковой) с государственной политикой и «властью». Будучи направленным на трансформацию окружающей

¹ Эта же модель достаточно часто встречалась в глубинных интервью, проводившихся после массовой мобилизации декабря 2011 года, особенно среди тех, кто осознавал наличие общественных проблем, но не был готов включаться в коллективное действие.

среды в широком смысле слова, действие затрагивает не только своего субъекта, но и других членов общества, и поэтому может называться политическим. В этом контексте интересно, что многие участники фокус-групп формулировали тезис «государство — это не мы» или противопоставляли родину (как обитаемое и эмоционально значимое социальное пространство) и государство («люблю родину — ненавижу государство»). Однако стратегии поведения в такой ситуации раздвоения оказывались принципиально разными: активисты (экологи) придерживались тактики «вода камень точит» и пытались, изменив себя, повлиять тем самым на окружающий мир, остальные же приходили к полному отторжению государства и пытались минимизировать соприкосновение с ним и его влияние на свою жизнь. Осознание личной ответственности за окружающую среду и соответствующее выстраивание своего поведения — вот что отличает экологов от остальных критически настроенных, но не переходящих к действию информантов.

Возвращаясь к вопросу о персонализации политики в российском контексте¹, можно отметить, что молодые люди, мои информанты, обитают в крайне индивидуализированном мире и отвергают для себя возможность участия в коллективном действии. При этом они способны оценивать политическую ситуацию с точки зрения представлений о справедливости и общем благе, а также решать возникающие у них проблемы в индивидуальном порядке. Эта позиция не исключает также спонтанного вовлечения в гражданскую активность и коллективное действие при определенном стечении обстоятельств (ниже я продемонстрирую это на примере трех интервью с участниками движения «За честные выборы», мобилизовавшимися после пребывания в сознательно аполитичном состоянии). Интересным здесь представляется вопрос о том, при каком именно стечении обстоятельств молодые люди делают выбор в пользу политизации, а не в пользу сознательной аполитичности. На мой взгляд, для того, чтобы объяснить популярность сознательной аполитичности в России по сравнению с европейскими и североамериканскими странами, стоит обратиться к теории рационального действия. Эта теория, в ее приложении к исследованиям общественных движений, объясняет

¹ Журавлев О. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов (глава 1 в настоящей монографии).

в том числе, почему при высоком недовольстве политической ситуацией индивиды остаются в стороне: это происходит в случае, если действие требует отклонения от общественно приемлемых форм политического участия, а цели движения слишком глобальны (требуют изменения структуры управления, политики и т.п.)¹. Взвешивая личные выгоды и потери, оценивая структурные условия (силу оппозиции и вероятность успеха), российские молодые люди делают выбор в пользу неучастия, при этом восприятие ими выгод культурно, социально и персонально обусловлено. Так, Карл-Дитер Опп отмечает, что важную роль в оценке выгод играет не только ощущение несправедливости и возможного выигрыша для всего общества, но и вера в то, что гражданское участие важно и может на что-то повлиять². Наши эмпирические данные показывают, что именно эта вера в большинстве случаев отсутствует у молодых людей в современной России.

«Экологи», как уже было отмечено выше, существенно отличаются от остальных информантов тем, что допускают как индивидуальное политическое действие, так и коллективное участие — оба подхода рассматриваются как легитимные методы изменения мира к лучшему, трансформации в сторону более экологически ответственного общества. Каждый участник, разделяющий фрейм экологической осознанности, вовлекается в движение, но может выбирать формат — персонализированный или коллективный. Важно отметить, что экологическое движение — одно из устоявшихся «новых общественных движений», оно обладает разработанной идеологией и структурой действия. В этом смысле оно радикально отличается от тех движений, которые описывают теоретики «персонализированной политики», наличием организаций, институтов и даже политических партий, упрощающих связь личного и коллективного действия. Кроме того, в среде экологически осознанных граждан формируется своя рациональность, которая делает выбор в пользу вовлечения в движение более привлекательным: так, экологи отличались наиболее разработанной риторикой и способностью к объ-

¹ Muller E. N., Opp K.-D. Rational choice and rebellious collective action // The American Political Science Review. 1986. № 80 (2). P. 471—487.

² Opp K.-D. Theories of political protest and social movements: A multidisciplinary introduction, critique, and synthesis. New York: Routledge, 2009. 424 p.

яснению своего поведения (внутри движения политическое действие наделяется смыслом, устанавливается связь личного вклада и позитивных общественных изменений, что позволяет участникам реализоваться, объяснить самим себе и окружающим, в чем смысл их деятельности). Они воспринимают активизм как социальную практику: активно общаются с другими неравнодушными людьми и заряжаются от них идеями («сейчас больше стала общаться с людьми», Нина, Санкт-Петербург, экологи); круг общения, таким образом, оказывается ключевым элементом в формировании социально-политических позиций молодых людей, так как именно в общении участие может наполниться новым смыслом, рациональностью, которой не существовало в предыдущих контекстах взаимодействия.

Таким образом, экологи в контексте нашего эмпирического исследования могут рассматриваться как образец «классических» активистов и полноценного общественного движения. Концепция «персонализированной политики» больше подходит для описания стратегий, которые выбирают аполитичные на словах молодые люди из остальных фокус-групп, де-факто включающиеся в определенные политические процессы на индивидуальном уровне, однако отказывающиеся воспринимать эти действия как имеющие отношение к политике и обществу. Сравнивая экологов с участниками других фокус-групп, можно увидеть, что первые, включаясь в международный (можно сказать, универсальный) фрейм экологической осознанности, приобретают идеологию, стратегию и смысл своих действий. Тогда как остальные информанты, хотя и осознают национальные и локальные общественно-политические проблемы и задачи, не делают их частью фрейма, включающего руководство к действию. Гражданам самим приходится формулировать смысл происходящего и вписывать в него собственные жизненные планы; то есть в отличие от экологов, в чьем распоряжении есть готовая система взглядов и язык, которым описываются проблемы и пути их решения, здесь каждый гражданин вынужден проделывать самостоятельную работу по осмыслению ситуации и выбору путей воздействия на нее. В таком случае личное может быть определено как политическое, а может — как подчеркнуто не имеющее отношение ни к обществу, ни к политике. Этот выбор кажется индивидуальным, однако он также зависит от ряда социальных факторов, которые я рассмотрю в следующем параграфе.

Позже я вернусь к вопросу о том, в каких ситуациях личный интерес и индивидуальные задачи могут быть переведены в регистр политического, а сейчас только отмечу, что такое переключение — большая редкость в рамках рассматриваемой выборки.

Итак, молодые люди в целом разделяют критическое отношение к Российскому государству и его политике, однако находят разные выходы из такой ситуации: если для некоторых из них недовольство становится первым шагом на пути к активному (политическому) действию, то большинство выбирает путь отторжения и неучастия, фактически означающий снижение и потерю интереса к политическому. Активное политическое действие, к которому все-таки обращается часть наших информантов, в свою очередь, оказывается индивидуализированным (для большинства из них) или коллективным (для, соответственно, меньшинства). Коллективное действие затрудняется тотальным недоверием не только к государственным структурам, но и к структурам социальным, а также к индивидам, не принадлежащим к ближайшему социальному окружению; обзору факторов, осложняющих политическое вовлечение молодых людей, посвящен следующий параграф.

Проблема доверия и препятствия для мобилизации

Причины выбора в пользу аполитичности могут скрываться в особенностях социального окружения, а также в особенностях распространенного в обществе образа политической активности (как опасной, эффективной или бессмысленной, престижной или маргинальной). В этом параграфе я рассмотрю ряд причин, которые препятствовали активному гражданскому участию недовольных обществом и политикой информантов.

Наши фокус-группы и интервью показали, что недовольные не становятся участниками общественных движений в первую очередь потому, что отсутствуют социальные сети, которые бы поддерживали индивидуальную инициативу и предлагали рецепты для коллективного действия. Зачастую молодые люди, испытывая сильное недовольство, просто не знают, что делать дальше:

То есть, к сожалению, я ни в каких общественных организациях не состояла, не участвовала. Может быть, и был у меня такой план — что-нибудь создать. Но, видимо, боязнь чего-то такого, что меня не поймут, победила. То есть было много людей, которые хотели это все вот вырубить и ничего не сделать. А у меня это заканчивалось только на том, что я об этом подумала. И как бы рядом человека не было, который мог бы подсказать, что нужно делать. Поэтому это только в моих мыслях осталось. (Екатерина, Санкт-Петербург, экологи)

Для настройки фрейма коллективного действия необходимо, чтобы существовали адекватные структуры коммуникации единомышленников, в которых могли бы формироваться общая рациональность и уверенность в правильности выбранного пути и происходить координация действий (организации, дискуссионные площадки и т.п.)¹; при этом в ситуации недоверия не только к госструктурам, но и к согражданам эта задача осложняется. В отсутствие подобных структур взаимодействия (в которых к тому же могло бы формироваться определенное доверие между участниками) включение в коллективное действие недовольных, отторгающих политику или предпочитающих действовать индивидуально маловероятно. Несмотря на большую популярность социальных сетей среди молодежи, они не слишком способствуют формированию благоприятного для политического вовлечения климата: интернет-опосредованная коммуникация редко приводит к формированию доверительных связей.

При этом лично склонные к активному действию молодые люди ищут применения своим социальным амбициям и пытаются включаться в существующие офлайн-структуры: вступают в студсоветы, официальные, заготовленные в рамках учебных или других государственных заведений организации.

Интересно, что многие информанты выразили готовность выйти на уличную акцию протеста или принять участие в другом виде коллективного действия в том случае, если другие тоже это сделают. Ключевым

¹ См. также главу 2 в настоящей монографии, где анализируется важность локального публичного пространства для мобилизации: *Клеман К.* К вопросу о локальном и глобальном в низовых социальных движениях России в 2005—2010 годах.

элементом такого процесса, вероятно, является доверие. Однако доверие — это именно то, чего даже в студенческих коллективах оказывалось недостаточно, чтобы запустить мобилизацию. Например, участник одной из выборгских фокус-групп описывал конфликтную ситуацию, которую обсуждали, выражая солидарное недовольство, большинство студентов в городе, однако никто из них не был готов сделать свое недовольство публичным. Опыт Михаила, который пытался организовать протест, оказался негативным:

Дело кончилось тем, что остался всего я, да, и мои... Ну, там, еще двое-трое. Остальные все отпали. Они не верили в свою идею, они отпали. И после этого одни конфликты. То есть когда говорит, например, директор: «нет, мы не поменяем дире... ой, преподавателя», и все сразу: «ну че тут париться, че тут идти дальше», да? То есть... а когда есть идея до конца уже добиваться своего, то, как говорится в автомобильном деле, начал движение на перекрестке — двигайся дальше! Как... Поэтому — так и здесь. Поэтому я прекрасно понимаю и знаю, что это такое... с целью, с позицией, вроде общий вопрос — а тебе как бы сзади стоящие говорят: «не-не, мы не с тобой». (Михаил, Выборг, студенты сузов)

Коллективные выступления часто описываются в категориях «поддержки», тех самых коллективной солидарности и доверия, которых респонденты не ощущают в своем обычном (не самом близком) социальном окружении. Так, автор следующего высказывания отметил, что на реальном мероприятии участников оказалось в разы меньше, чем тех, кто записался в группу «ВКонтакте», посвященную митингу против этнической преступности. Он рассказал об этом с интонацией явного разочарования в единомышленниках, которые не смогли преобразовать свое недовольство в реальное действие:

Я вот был на Московской, потому что у меня есть свои взгляды на это, я решил ребят поддержать. Там было человек пятьдесят. В группу, то есть в мероприятие, во встречу около трехсот записалось, что мы точно придем. (Егор, Санкт-Петербург, студактив)

Егор, критично высказываясь о российских гражданах, неспособных превратить свое недовольство в нечто более осознанное, сравнивал российскую ситуацию с «арабской весной» как примером реальной мобилизации людей на основе социальных сетей:

Просто народ сам не поднимается, то есть там уже они настолько привыкли, что такая пассивность, апатия, уже никто ничего не хочет делать, просто существует, никто не может, не хочет. Все могут, каждый может, но никто не хочет просто поднимать, просто сделать свое дело, да, скажем так. А тут даже по социальным сетям вот, последняя революция произошла по социальным сетям, все собрались и сделали, потому что это реально надоело. А так в России все пишут, пишут, потом никто ничего не делает, потом кажется, людям просто или нравится, или привыкли, или все равно. (Егор)

Другие информанты также не были тотально пассивны, несмотря на свои декларации. Так, у некоторых имелся опыт сбора подписей под коллективными письмами или обращения с жалобами в государственные инстанции. В большинстве случаев молодые люди не сразу вспоминали о наличии подобного опыта; как я предположила выше, подобная «забывчивость» может быть связана с трудностями восприятия решения личных проблем и субъективно значимых вопросов в качестве активистской деятельности — эти проблемы не осмысливаются как политические. Даже представители студактива, наиболее конформные в выборке информанты, рассказывали в интервью о случаях противостояний и конфликтов:

Сейчас конфликт у нас на данный момент. У нас есть директор по внеучебной работе, в принципе всегда все мероприятия проходили под ее контролем. То есть мы ей давали, например, план программы, говорили смету писать, говорили, нам нужно столько-то денег на такое-то мероприятие, она отправляла письмо. Если его одобряли, давали деньги на это мероприятие, [мы] потом просто рассказывали, что там было. ...Ну, в общем, она начала там говорить о том, что вы, ребята, совсем откололись и так далее. В общем, сейчас у нас организуется новое сту-

денческое, так сказать, движение, которое будет называться «студенты для студентов», а не студактив, которое не будет закреплено ни под какими вот высшими властями, можно сказать, которые будут студенты, которые хотят что-либо делать, будут делать для студентов. То есть, ну как бы, у нас это довольно легко решается, потому что все это организует человек двадцать—тридцать, то есть компания людей, которая все это делает, поэтому это довольно все легко, вот сейчас мы уже двигаемся. (Олеся, Санкт-Петербург, студактив)

По этой цитате видно, что в результате формирования солидарного коллектива участникам удалось нарушить царившую в университете традицию согласия и подчинения. То есть опыт совместного действия в рамках формального студсовета позволил появиться коллективу, способному и на независимое действие, — информантка подчеркивает, что благодаря этому коллективу «все легко». Таким образом, создание офлайн-овых (в отличие от интернета) социальных структур усиливает потенциал самоорганизации и мобилизации; интернет при этом может играть роль информационного канала, но не канала мобилизации — поскольку он не рождает чувства доверия к остальным участникам процесса, воспринимается как пространство болтовни, а не действия и ответственности.

В этом смысле интересно сравнить ситуацию в Петербурге с ситуацией в Выборге. Участники выборгских фокус-групп демонстрировали гораздо более высокую степень недовольства политическими и социальными явлениями в стране, однако имели явно меньше возможностей для выхода своего недовольства или хотя бы публичного обсуждения существующих проблем. Выборгские фокус-группы изобиловали конкретными примерами разного рода несправедливостей, которые происходили с друзьями и знакомыми участников, а также с ними самими. Информация о таких случаях распространялась по сетям небольшого города достаточно оперативно, однако коллективный протест не формировался — ощущение страха и риска быть наказанным, лишиться тех немногих возможностей (учебы, трудоустройства), которые есть в городе, оказывалось каждый раз существенным препятствием. Поэтому недовольство копилось и циркулировало на уровне слухов, не выходя

в открытую публичную сферу¹. Фокус-группы продемонстрировали, что это недовольство осознается, а вина возлагается на городские власти:

Выхода во власть никто, по сути, не имеет. По сути дела. А вот вес, ну именно какие-то партии, которые имеют власть. Которые могут надавить на ту же администрацию и сказать, что вот, сделайте нам, чтобы все хорошо. Мы же платим вам налоги, мы же на вас горбатимся, работаем. А тут так все получается, что отдачи от властей никакой не идет жителям. (Илья, Выборг, студенты вузов)

Одна из участниц выборгской фокус-группы в качестве условия своего участия в коллективном действии называет появление одной большой проблемы вместо множества мелких:

Я не знаю, ну как бы, может быть, какие-либо... Просто люди там даже соберутся в той же самой организации, может, кому-то это нужно. Это, конечно, было бы здорово, но я думаю, что в определенный момент вот так же вот, как мы соберемся, с большой дискуссией, и не со многими проблемами в целях познания, а с одной и большой. (Дина, Выборг, студенты вузов)

Участники обеих выборгских фокус-групп упоминали конфликт, который мог бы стать такой «большой историей» для выборгской студенческой молодежи, однако так и не привел к мобилизации, еще больше разочаровав выборгских информантов в собственном социальном окружении. Все началось с того, что студентка на встрече с администрацией университета задала волновавший всех, но нежелательный для администрации вопрос, после чего ее представили к отчислению из вуза.

¹ Карин Клеман в настоящей монографии подробно рассматривает опыт мобилизации жителей малых российских городов; она говорит о необходимости формирования местной публичной сферы для формирования потенциала низовой мобилизации. Однако вопрос о том, при каких условиях в небольшом городе может сформироваться подобная публичная сфера, остается открытым — в Выборге, например, этого не происходит (См. главу 3 в настоящей монографии: *Клеман К. К вопросу о локальном и глобальном в низовых социальных движениях России в 2005—2010 годах*).

Какая коллективность. То есть казалось бы, да? Вместе учимся. Девочка задала такой вопрос. На месте ее однокурсников я, да, как бы, встал друг за друга, надо, чтобы вместе, был бы эффект. Например, когда достаточно большая толпа детей, да, а у детей есть взро... родители! У кого-то пара родителей, то есть уже получается большая составляющая. Кабы этот вопрос подняли бы, то вряд ли отчислили бы весь институт педагогический. Надо было туда родителей. (Тимофей, Выборг, студенты вузов)

Тот факт, что никто не встал на защиту этой студентки, лишний раз продемонстрировал информантам, что Выборг является невыгодным контекстом для любого проявления несогласия. Нужно отметить, что протестные события 2011—2012 годов не привлекли внимания большого количества участников, хотя некоторые жители Выборга отправлялись на акции в другие города (среди таких акций как митинги «За честные выборы», так и «Русские марши»). Вероятно, для мобилизации необходимо определенное качество окружения — не просто плотность социальных сетей, но и их разнообразие, наличие альтернатив, выбора, которые есть в Петербурге, но не в Выборге. Так, Рита, участница фокус-группы с волонтерами, указывала на важность включения в правильные социальные сети:

С этого года я активно начала заниматься волонтерством. Друзья есть, которые этим занимались до этого, познакомилась, позвали, стала участвовать. (Рита, Санкт-Петербург, волонтеры)

Подобную же логику вовлечения в активистскую деятельность можно наблюдать в случае Инны:

Сейчас стала больше общаться с людьми, которые как-то пытаются что-то делать. Сейчас некоторые знакомые участвовали в продвижении партии «Яблоко». Они там у нас в Питере стояли, собирали всякие голоса и так далее. В результате они добились, чего хотели. Я лично считаю, что нам повлиять на все, что происходит, очень сложно. (Инна, Санкт-Петербург, волонтеры)

Еще один фактор, который препятствует переходу к активному действию даже остро недовольных социально-политической ситуацией информантов, — это страх. Например, студенческие активисты объясняли свое нежелание критически и вообще публично высказываться о политике университетов или о политике в стране в целом опасениями последствий:

У нас в [вузе] есть [n] факультетов, у каждого факультета есть свой представитель, ну как мы его назовем, «председатель факультета». Над председателями у нас есть еще своя верхушка, там уже совсем другие слои, как говорится, опасно о них говорить, у стен есть уши. (Раиса, Санкт-Петербург, студактив)

Страх при этом испытывали не только они: в условно активистской группе экологов также звучали рассказы о преодолении собственного страха перед уличными акциями. Страх, очевидно, — одна из самых сильных эмоций, вмешивающихся в процесс формирования протестного поведения. Было бы интересно исследовать, в каких ситуациях и при каком стечении обстоятельств ее удастся побороть или перевести на второй план.

Особенно ярко эмоция страха проявилась в фокус-группе с представителями студактива. Выход на уличную акцию ассоциировался у этих молодых людей с риском физического насилия со стороны полиции, с санкциями в университетах; при этом сами действия сотрудников полиции участники акций также могли объяснять их страхом перед вышестоящими, перед начальством.

Но когда вот у нас отдается приказ пойти, подавить восстание, то подавить его любыми способами, им развязываются руки полностью. А люди, особенно те люди, которые работают в полиции, они очень жестоки, как бы это странно ни звучало. И поэтому вот эта вот их ярость, она намного сильнее, чем ярость тех, кто выступает. Потому что те, кто выступают, недовольны тем, что происходит сейчас, а те, кто работает в полиции, они недовольны тем, что с ними делали, когда они учились, что с ними делают постоянно, сколько им платят. Они ненавидят всех,

они выходят, и просто они, если им разрешили делать все, они делают все. (Игорь, Санкт-Петербург, студактив)

Страх перед полицейским аппаратом становится основным объяснением причин неактивности, в высказываниях информантов именно он представляется как сила, блокирующая самоорганизацию и волеизъявление граждан:

Ну, тогда, в таком случае у нас нет вообще никакой возможности самоорганизации людей. Потому что люди боятся, чтобы они ни делали, за что бы они ни выступали, их все равно остановят, и остановят неизвестно какими способами. Неизвестно, вернется ли этот человек живым или нет, вышел он постоять на Манежной. (Алекс, Санкт-Петербург, студактив)

Страх, блокирующий позитивную самоорганизацию, с другой стороны, может рассматриваться как механизм, который удерживает систему от краха; таким образом, страх как составляющая социально-политической жизни и как орудие в руках «власть имущих» легитимируется:

Я реально вот не вижу кандидатов. Просто если бы сейчас ушел бы Путин, просто развалилось, он хотя бы держит, хотя бы держит, хотя бы даже в страхе, но держит людей. (Лиза, Санкт-Петербург, студактив)

Преодолению страха, вероятно, может также способствовать доверие — к окружающим, к партнерам по общему делу. Между тем многие из приведенных цитат показывают, что отсутствие этого доверия (в первую очередь к другим гражданам) делает публичное действие гражданина маловероятным.

Таким образом, низкий уровень социального доверия (за пределами дружеских и семейных кругов), недостаток публичной сферы, в которой могли бы формироваться структуры для взаимодействия и кооперации, страх перед репрессивным аппаратом выступают в качестве основных препятствий для политического вовлечения молодых людей. Важно уточнить, что недоверие и страх являются здесь не столько объектив-

ными факторами, сколько характеристиками общества в восприятии информантов, на основании которых они выстраивают свое поведение и делают свой выбор. Отсутствие публичной сферы мешает не только формированию активистских сетей, но и поиску общественно разделяемого смысла политического действия.

Государство и формальная политика

Отношение граждан к государству (и к формальной политике в целом) — важный ключ для понимания причин (де)политизации. Отмечу, что отношение к государству практически идентично в массивах данных, собранных до и после протестов: минимизация контактов с формальными структурами, недоверие к государственным институтам, отсутствие позитивных ожиданий характеризуют политические взгляды информантов. Даже те молодые люди, которые пытаются активно изменять окружающую среду, не рассматривают контакты с государственными институтами как эффективный способ достижения своих целей. Иногда они переходят в поле альтернативного действия, где проще контролировать процесс и видеть результат. Однако участие в активистской деятельности так или иначе вынуждает их идти на контакт с «неприятным» государством — возможно, это также является одной из причин, блокирующих активизацию.

И я даже не знаю вообще: стоит это делать или нет? Это, конечно, тоже один из выходов, но пытаться достучаться именно до этих потолков в Кремле... но... честное слово: не знаю. Тоже... тут же все равно нужна ну какая-то помощь от... ну, государственных сил. Потому что сам ты просто придешь туда, вот так вот схватишься за клетку: «Нет! Ни в коем случае не запускайте!» — тоже ничего не выйдет. (Альбина, Санкт-Петербург, экологи)

Волонтеры чаще всего интересовались только теми проблемами, которые имели непосредственное отношение к приватной сфере их существования. Карина, например, говорит об активизме как о вынужденной мере:

Но если именно передо мной будет стоять выбор: ребенок мой будет четыре предмета изучать в школе или семь, как положено, естественно, я буду против четырех предметов. И как-то буду интересоваться и спрашивать, что я не хочу четыре предмета, я хочу нормальное образование. Но если у меня это не получится, но, наверное, мне будет проще самой как-то уделять время этому. Мне кажется, это будет и меньше нервов. (Карина, Санкт-Петербург, волонтеры)

Большинство участников фокус-групп (за исключением экологов) не видели связи между личными действиями и изменениями на общественном уровне. Вероятно, отсутствие инфраструктуры — готовых коллективов и структур взаимодействия в публичной сфере — делало вероятность включения этих молодых людей в коллективные политические действия минимальной.

Я мало чего как бы об этом знаю, я могу почитать, но мне это неинтересно, как бы если люди, которые вот в этих партиях, например, стремятся показать свою какую-то информацию о себе каким-то более доступным образом, чем я б сама рылась в этом и искала, за кого голосовать, то я не считаю нужным рыться, потому что как бы мне до них далеко, и как бы я делаю то, что мне нравится, я живу так, как мне хочется. Я не считаю, что с политикой это должно как-то связано быть. Моя позиция. (Лина, Санкт-Петербург, студактив)

Стратегия отказа от участия в политике — это сознательный выбор информированных и в принципе рефлексизирующих людей. Кира из группы волонтеров обобщила эту позицию, указав на распространенность подобной стратегии:

Мне кажется, очень много таких людей, которые живут своей жизнью, они знают, что государство им ничего не даст, не ждут ни помощи, ни поддержки, гарантий и так далее. Я не скажу, что я страдаю от того, что я как-то ни к какой... политически именно непричастна ни к чему. Мне и так нормально. (Кира, Санкт-Петербург, волонтеры)

Отказ от любых надежд на улучшение и трансформацию государства снижает вероятность политического действия. Интересно, что в ходе массовой мобилизации зимы—весны 2011/12 года у части людей подобные взгляды на время изменились — позже я еще обращусь к конкретным примерам этого изменения.

В ходе фокус-группы со студактивом между двумя ее участниками произошла показательная дискуссия, которая раскрыла механизм информирования молодых людей о событиях в стране, а также обнаружила тот факт, что этот механизм не слишком рефлексруется участниками. Людмила, желая подчеркнуть свою аполитичность, заявила, что не читает новостей и «ничего не знает» о политических событиях в стране. На это отреагировал Алекс, спросив, сколько времени прошло с момента катастрофы самолета, в которой погибла хоккейная команда «Локомотив», до момента, когда Людмила об этом узнала. Она признала, что благодаря социальным сетям информация дошла до нее практически сразу. В итоге большинство участников согласились с тем, что все они неплохо информированы о текущей, в том числе политической, ситуации. Информацию, которую молодые люди получали по телевидению и из официальных СМИ, практически никто из них не принимал за чистую монету; они иронизировали по поводу пропагандистских приемов журналистов и легко распознавали ложь и «показуху». Однако ни информированность, ни критическая позиция не приводят автоматически к желанию что-либо делать, активизироваться, участвовать в коллективном действии.

После протеста

Мобилизация 2011—2012 годов практически не изменила отношение к политике подавляющего большинства наших информантов, с которыми мы проводили интервью зимой 2012/13 года. Только трое из шестидесяти человек заявили, что активно участвовали в ДЗЧВ. Что отличает мобилизовавшихся информантов от молодых людей, не принявших участия в протесте?

Информанты, которые обозначили себя как активных участников ДЗЧВ, — это люди, которые имели опыт переезда (что можно рассма-

тривать как случайность, а можно — и как признак активной жизненной позиции). Так, Матвей (19 лет, студент), активный националист и участник всех протестных акций, включая «Оккупай Абай», переехал из Выборга в Москву и негативно оценивает свой родной город («Выборг всегда был, ну немножко, в некоторой степени отвратителен для меня»). Семен (25 лет, в.о., работает), тоже выходец из Выборга, принимал активное участие в протестах в Петербурге, в том числе на «Оккупай Исаакиевская». Серафима (22 года, в.о., работает), переехавшая учиться и работать из Вологды в Петербург, участвовала лишь в нескольких первых уличных акциях, впоследствии ограничившись чтением и распространением информации в сети (объяснила она это тем, что ей было физически страшно в толпе с ОМОНОм). Тем не менее она приняла участие в выборах в Координационный совет оппозиции и в момент интервью продолжала рассчитывать на прогресс движения. В этом смысле она отличалась от Семена, который успел разочароваться в движении, устать от политики и теперь старается меньше читать тревожащих новостей (для чего специально почистил свою ленту в социальных сетях). По-прежнему ожидал революцию Матвей, настроенный радикальнее остальных и уверенный в том, что грядет гражданская война.

Представления о политике мобилизовавшихся информантов отличаются от представлений тех, кто не имел опыта участия в общественной жизни. Так, Серафима в ответ на просьбу определить, что значит для нее политика, начала говорить о процессах мобилизации, в том числе в интернете, в то время как немобилизованные участники исследования давали отстраненное определение политики, вспоминая в первую очередь о «партиях», «государстве» и других формальных институтах. В целом Серафима отметила, что ее позиция по отношению к миру является более открытой, чем позиции ее родителей или знакомых:

Я не знаю, либо я просто стала больше об этом читать, просто появился «Твиттер», если читать каких-то наших оппозиционеров, они говорят об этом все время, и кажется, люди говорят об этом все время. Ну, например, мои родители, они все-таки больше смотрят телевизор, и они считают, что у меня какие-то либеральные взгляды, даже такие, что вот, например, я согласилась на это интервью, что мама моя сказала:

я бы, наверное, в жизни не пошла, даже дверь не открыла. (Серфима, 22 года, Санкт-Петербург)

Серафима пояснила, что ее точка зрения, так разительно отличающаяся от мнения ее родителей, оставшихся в Вологде, формировалась под влиянием друзей, среди которых были и более взрослые люди, работающие, в том числе, в чиновничьей среде. Кроме того, важный источник информации для нее — это оппозиционные СМИ и книги, которые она активно читала и до протестов.

Серафима, протестующая против нечестных выборов и настроенная критически по отношению к современной политической ситуации в России, определила свои взгляды как либеральные, имея при этом неожиданные соображения по поводу демократии в России:

О: У нас очень большая страна, чтобы ей управлять, нужна сильная власть. Поэтому у нас, наверное, демократии не будет, она и не нужна нам, нам нужен какой-то свой путь развития, и неважно, как это будет называться.

В: Свой путь, это скорее как ты видишь?

О: У нас какой-то будет один лидер, но в идеале... пусть это даже будет какой-то правящий, там, не знаю, грубо говоря, не то что тоталитарный режим, тоталитарный режим не подразумевает свободу слова, но сильная административная власть. Выбирать мэров, губернаторов — это будут люди, имеющие контакт с президентом, но будут те же самые СМИ и свобода слова. (Серафима)

Таким образом, видно, что Серафима, достаточно информированная, читающая, общающаяся с критически настроенными людьми, не имела позитивного видения целей движения и не находила лидеров, с которыми могла бы солидаризироваться, даже когда пыталась участвовать в протесте. В самом участии она также не видела особой ценности, а интерпретировала его скорее как временную вынужденную меру. Со всем другой позиции придерживался Семен: он искренне продолжал верить в то, что только активные коллективные протесты могут привести

к изменениям в политической системе, которую он, так же как и Серафима, воспринимал как насквозь коррумпированную.

Кейс Семена, на мой взгляд, заслуживает особого внимания. Он достаточно активно участвовал в движении, распространял информацию о нем, вел собственные блоги в сети и т.д., но в какой-то момент прекратил заниматься активистской деятельностью. Любопытно проследить причины и этапы этого процесса.

Семен — человек интернета, связанный с ним как профессионально, так и в качестве активного пользователя онлайн-социальных сетей.

Мою жизнь и мое мнение в последние годы формирует интернет, информация, которую я получаю там... Качество информации определяется тобой, потому что свою ленту ты формируешь себе сам. (Семен, 25 лет, Выборг/Санкт-Петербург)

В период митингов лента Семена в социальных сетях политизировалась — он сформировал ее из либеральных ресурсов и блогеров, а также сам стал создавать тематические аккаунты. Интересно, однако, что в какой-то момент политизированный фид превратился для Семена в такую же рутину, как и «котики», и он провел ревизию своей ленты, удалив много протестного контента:

Эта волна протестного движения России скатилась в унылое русло. Опять же, если возвращаться к разговору о политике, то когда все это началось в ноябре—декабре прошлого года, подготовка к выборам, до этого я, наверное, года три политикой не интересовался в силу разных личных, рабочих обстоятельств, мне как-то было неинтересно. И вот на волне этого всего в конце прошлого года мне все это стало интересно. Я начал там больше читать, больше смотреть, и на волне этого протестного движения, которое развивалось, я старался быть в курсе и следил за этим всем. Потом уже стало однообразно и скучно, надоело, что в моей ленте обсуждают котиков и красивые вещи, обсуждают, кто кого там обозвал на каких-то выборах, кто кого посадил, на кого нужно собрать деньги, чтобы его выпустить, это просто стало однообразным и скучным. (Семен)

Семен связывает свой интерес к социально-политическим проблемам с ситуацией в личной жизни, с отношениями с друзьями и т.п. — все это в совокупности привело его к осознанию того, что

нужно было идти дальше. Искать что-то новое в себе, для себя. Соответственно, этой осенью вышло на новый уровень сознания, что это мне интересно и этим надо заниматься. (Семен)

Это высказывание особенно важно в контексте «персонализированной политики»: Семен делал особый акцент на личной значимости этой деятельности. Здесь мы снова наблюдаем, как личный, иногда вполне прагматичный интерес становится основным мотивом политического вовлечения, то есть личное «оформляется» как элемент решения включиться в политическое действие. Это радикально отличается от того, что мы видели на примере аполитичных молодых людей, которые отказывались вписывать свое «личное» в социально-политический контекст даже в тех случаях, когда де-факто были вынуждены совершать некие действия в публичной сфере (защищать свои трудовые права и т.п.). Таким образом, границы «личного» и «общественного» проницаемы и гибки и выстраиваются в зависимости от персональной ситуации гражданина. Семен, например, связывает даже защиту собственного «Я» с необходимостью включиться в ДЗЧВ:

Я очень сильно сопереживал тому, что происходит, и призвал своих друзей идти и проголосовать, неважно за кого. Но, во-первых, свой долг исполнить и все такое, потому что мы защищаем свои голоса, свое «Я», свое право. То есть все это было мне близко, и я стремился донести это до окружающих. (Семен)

Ряд высказываний Семена сближал его с активистами-экологами: как и большинство экологов, он понимал, как связаны его собственное поведение и изменения на общественном уровне:

Самое правильное и умное — начать с себя. То есть не делать того, что ты считаешь ненужным: превышать скорость, не бросать фантики, не давать взятки. То есть если с этого начать... но это звучит как-то

утопически. Вот да, мы сейчас все вместе начнем, и все будет хорошо. Не верится в то, что будет все хорошо. Помимо того, что начать с себя, система должна работать. У тебя не должно быть возможности выбирать — делать так или не делать, нарушать или не нарушать. Ты просто должен знать, что нарушать нельзя. (Семен)

Напрямую связывая личное и политическое, Семен полагал, что только коллективное действие может привести к позитивному изменению для каждого отдельно взятого человека:

Я думаю, что только у этого (у коллективного действия и политического участия граждан. — *А.Ж.*) есть шансы. Потому что люди пытаются повлиять, потому что люди, которые в данный момент, сейчас у власти, им комфортно там. Зачем что-то менять, если у них все есть. Опять же, одним из моих главных требований на митинге... я хочу, чтобы власть была сменяемой. Сменяемость власти — она гарантирует какое-то развитие, на мой взгляд. Несменяемость власти — она позволяет тебе раствориться на том месте, на котором ты сидишь. (Семен)

Личные чувства — стыда, обиды¹ — объясняют, с точки зрения Семена, поведение и других участников:

Я просто вспомнил, слышал, видел истории, когда люди пошли на эти акции не потому, что у них украли голоса, а потому, что так получилось, что им стыдно, что они живут в полицейском государстве, когда половину людей задерживают ни за что, избивают ни за что. (Семен)

Находясь в Выборге, Семен пропустил один из митингов:

[Читая эмоциональный и интенсивный поток информации в «Твиттере», я] понимал, что в данный момент мне тоже хочется быть на какой-то передовой, не то что бить омоновцам головы... Ну, не знаю,

¹ О «личных» мотивах вовлечения в ДЗЧВ см. также главу 6 в настоящей монографии: *Завадская М., Савельева Н.* «А можно я как-нибудь сам выберу?»: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011—2012 годов.

защищать тех девушек, которых бьют. Для чего начал, вот если бы это касалось меня как-то напрямую, там, моей семьи, моих друзей, то если бы случилась какая-то беда, неприятность... то это дало бы мне силы участвовать в этом активнее, а не пассивно, как я участвую в этой политической борьбе. (Семен)

В этом контексте снова возникает тема личных связей, личного интереса, «личного» в целом для политической мобилизации современных молодых людей.

В отличие от Серафимы и Семена Матвей обитал в идеологическом политическом пространстве, имел четкую систему предпочтений и ориентиров, в том числе относительно потенциальных политических лидеров; он сразу обозначил себя в качестве активного гражданина и оппозиционера, а его высказывания были значительно радикальнее высказываний первых двоих молодых людей:

Ну, если вы в том плане, что именно можно сделать как гражданин, то я вот... Взять оружие в руки и пойти вот. (Матвей, 19 лет, Выборг/Москва)

Но даже Матвей порой испытывал страх, тормозящий его политическое вовлечение: например, опасаясь проблем в университете, он не стал вступать в движение «Солидарность», хотя и желал этого. Он оправдывал свое решение, ссылаясь на случаи, когда студентов «заваливали на экзаменах» и «портили им оценки» за оппозиционную деятельность.

Тем не менее Матвей посещал все митинги (в компании друзей), был наблюдателем, сопровождал автозаки с задержанными и т.п. О событиях он рассказывал без страха, описывая их, напротив, как приключение:

...и мы, как в каком-то «Форте Боярд», катались за ними по всему городу, за этим автозаком. В итоге приехали в УВД, я уже не помню какое. Лефортово, по-моему. Это уже было часа два ночи, мы вызвали адвокатов, ждали адвокатов, и в итоге, когда уже их отпустили, мы ушли домой. (Матвей)

Интересно, что мобилизованный Матвей не отличается от большинства участников домобилизационных фокус-групп в своем отношении к формальной политике и государству. Как и наши «аполитичные» информанты, политизированный Матвей разводит государство и страну, «нацию», а также скептически относится к традиционным формам политического участия:

Нет, вы понимаете, я поддерживаю свою нацию, а не государство. Грубо говоря, государство мне, ну да вот, пока есть какие-то чувства, еще остались, некая, может... Патриотизм такой есть, но мне кажется, уже через пару лет будет глубоко плевать, что здесь происходит, и вообще никакой политической деятельностью заниматься я не буду. (Матвей)

Сопоставление данных предпротестных фокус-групп и интервью с мобилизовавшимися участниками позволяет подтвердить огромное значение «личных мотивов» в качестве стимула к политическому действию, как индивидуальному, так и коллективному. Даже те молодые люди, которые принимали участие в коллективном действии (экологи, участники ДЗЧВ), объясняли это личным ощущением несправедливости. «Личное» при этом может пониматься по-разному: для кого-то личный протест против увольнения является частным случаем, который не помещается в более широкий общественно-политический контекст, а для кого-то вопрос о собственном достоинстве требует участия в коллективном, публичном действии, поскольку личное достоинство оказывается связано с осознанием себя как гражданина и члена общества. Наличие связки между «личным» и «общественным» характеризует мировоззрение тех молодых людей, которые имеют или имели опыт общественного участия: именно такое осмысление социально-политических процессов является ключевым для вовлечения человека в политическое действие. Собственные интересы и личные действия являются в таком случае частью «политизированных» фреймов (в нашем проекте к ним можно отнести экологов и участников ДЗЧВ), в то время как «аполитичные» фреймы исключают подобные связи, одновременно лишая человека возможности влиять на что-либо и снимая с него ответственность за происходящее вне пределов индивидуальной биографии.

Переопределение личного в терминах политического более вероятно в тех случаях, когда человек оказывается среди единомышленников (реальных или виртуальных), поддерживающих его или ее в коллективном действии и помогающих преодолевать страх.

Выводы

Анализ фокус-групп, проведенных до протестов 2011—2012 годов, позволил выделить континуум различных моделей политического участия и уйти от простой дихотомии «пассивность—активизм». Участие может характеризоваться разной степенью заинтересованности и вовлеченности в политические процессы, а также разными стратегиями поведения. Так, мной были выделены политизированные фреймы: связывающие личное и общественное, содержащие коллективное и индивидуальное политическое действие как осмысленные опции. К их числу относятся фрейм экоосознанности и оппозиционный фрейм участников ДЗЧВ, а также аполитичные фреймы (включают критическое осмысление ситуации в стране, но в качестве стратегии поведения предполагают индивидуализацию и разрыв «личного» с «общественным»). Подробный анализ политических установок информантов показал, что наибольшим потенциалом мобилизации обладает тот спектр тем и ценностей, которые описывают теоретики «персонализированной политики», а именно вопросы личного достоинства, свободы, права принимать решения относительно собственной жизни; однако эти вопросы должны быть осмыслены в связке с анализом социально-политической ситуации, в качестве ее элемента. Сопоставление результатов, полученных до протестов, с тем, что говорили участники движения «За честные выборы», позволило увидеть, что именно эти темы и привели к мобилизации наших информантов — участников протестов.

Между тем эта мобилизация оказалась краткосрочной и ситуативной, поскольку сработал один из самых устойчивых и отчетливых паттернов отношения к политике в российском обществе: отказ от активного участия в общественно-политических процессах как выбор, основанный

на приоритете личного над общественным, а также на кризисе доверия к политическим и общественным институтам.

Библиография

1. *Ертылева С.* Протесты подростков в России и Европе: к вопросу о воспитании политической самостоятельности в демократических сообществах // Сделано в Европе: взгляд российских исследователей / Под ред. М. Ноженко, Е. Белокуровой. СПб.: Норма, 2014.

2. *Омельченко Е.* Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 1. С. 59—86.

3. *Beck U.* Freedom's children // Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. London: Sage, 2002. P. 156—171.

4. *Bennett L.* The Personalization of Politics Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2012. Vol. 644. № 1. P. 20—39.

5. *Cavatorta F.* Arab Spring: The Awakening of Civil Society. A General Overview [Electronic resource] // Institut Europeu de la Mediterrània, 2012. URL: <http://www.iemed.org/observatori-en/arees-danalisi/documents/anuari/med.2012/arab-spring-the-awakening-of-civil-society.-a-general-overview> (date of access 10.04.2014).

6. *Collin M.* The Time of the Rebels: Youth Resistance Movements and 21st Century Revolutions. London: Serpents Tail, 2007. 216 p.

7. *Douglas G.* Do-It-Yourself Urban Design. Paper presented at the international conference «Regular Session on Popular Culture», American Sociological Association. Las Vegas, August 21st 2011.

8. *Douzinis C.* Athens rising // European Urban and Regional Studies. 2013. Vol. 20. № 1. P. 134—138.

9. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: MIT Press, 1991. 301 p.

10. *Habermas J., McCarthy T.* Hannah Arendt's communications concept of power // Social Research. 1977. № 44 (1). P. 3—24.

11. *Muller E.N., Opp K.-D.* Rational choice and rebellious collective action // The American Political Science Review. 1986. № 80 (2). P. 471—487.

12. *Opp K.-D.* Theories of political protest and social movements: A multidisciplinary introduction, critique, and synthesis. New York: Routledge, 2009. 424 p.

13. *Tilly C., Tarrow S.* Contentious politics. Oxford, UK: Oxford University Press, 2006. 224 p.

14. The 2009 European Elections [Electronic resource] // European Commission, September 2008. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_299_en.pdf (date of access 10.04.2014).

Максим Алюков

ОТ ПУБЛИК К ДВИЖЕНИЮ: КОНТРПУБЛИЧНЫЕ СФЕРЫ В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРЕД ПРОТЕСТОМ

Введение

Постэлекторальная протестная мобилизация конца 2011 года стала глотком свежего воздуха в душном климате деполитизированного общества. На фоне исчисляемых единицами мобилизаций она, безусловно, имела характер события в предельном философском смысле этого слова — события как непредсказуемого происшествия, которое прерывает любые рутинные процессы и процедуры. Однако, несмотря на свой неожиданный характер, событие всегда имеет под собой некоторую основу. В политическом тезаурусе Алена Бадью такая основа называется предполитической ситуацией — комплексом фактов, в котором обнаруживается неэффективность режима «счета-за-единицу». Бадью говорит о том, что в этой ситуации положение «существует некая Двоица» нередуцируемо, то есть обнаруживается элемент множества, который оказался не учтен структурой ситуации. На основе этого комплекса и вырастает, через событие, будущий политический субъект¹. В данной главе я попытаюсь очертить эту платформу, а также проанализировать роль, которую она сыграла в мобилизации 2011 года.

На мой взгляд, ее появление во многом связано с формированием контрпубличных сфер перед протестами. Пик этого процесса приходится на 2011 год, и выражается он в бурной дискуссии и множестве критических видео в интернет-пространстве. Как отмечает одна из акти-

¹ Бадью А. Можно ли мыслить политику? С. 61.

висток, которая интенсивно занималась художественно-политическими акциями в этот период,

постепенно сложилось виртуальное сообщество, которое сидело и комментировало регулярно новости, политику. Общественную жизнь. Оно уже выработало язык определенный, было подковано уже немного в интерпретации событий, научилось спорить за счет этого виртуального пространства. И вот это вот общество, это виртуальное сообщество, которое было уже объединено, хотя бы на уровне того, что они комментировали и читали одни и те же форумы... И, как мне кажется, это именно они вышли. (ж., 1988 г.р., высшее образование, аспирант, 13 марта 2013, Санкт-Петербург)

По сути, данный текст представляет собой длинный комментарий к этой цитате. Мой тезис заключается в том, что коллективный политический субъект, который вышел на сцену публичной политики в декабре 2011 года, отчасти сформировался через контрпубличные сферы до самих протестов. Эта субъективация стала возможной постольку, поскольку дискуссии в контрпубличных сферах выступили в качестве механизма производства коллективной идентичности участников протеста, необходимой для коллективного действия. При этом публичное интернет-пространство смогло стать медиумом мобилизации только в силу своего деполитизированного характера — отсутствия идеологической поляризации, сходства с сетями частных связей и т.д. Поэтому, мобилизовав людей, дискуссия в этом пространстве не привела, тем не менее, к созданию каких-либо долгосрочных политических структур и отношений, а произведенная им идентичность была лишена конкретного содержания. В этой главе я представляю классический вариант теории публичной сферы Юргена Хабермаса, подчеркивающий процедурный (создание условий для достижения консенсуса) и инструментальный (влияние граждан на политические решения государства) характер последней. Классической теории публичной сферы я противопоставляю критическую теорию, делающую акцент на субъективирующий потенциал публичного действия. Я покажу, как

в российской публичной сфере перед декабрем 2011 года происходило формирование коллективного субъекта (в социальных сетях «Facebook», «Twitter» и «ВКонтакте», на блог-платформе «LiveJournal», а также через видеоплатформу «YouTube»¹), и проанализирую особый характер этой публичной сферы, благодаря которому стало возможным вовлечение людей в публичную дискуссию и протестную мобилизацию в деполитизированном контексте и одновременно — невозможным создание новых структур и отношений.

В своем анализе я буду опираться на следующие данные. Во-первых, на собранный мной материал интернет-дискуссий со всех вышеперечисленных платформ. Для того чтобы проанализировать различия в субъективации на разных интернет-аренах, я обращусь к реакции пользователей разных платформ на одно и то же событие — обращение майора полиции Алексея Дымовского к Владимиру Путину по поводу коррупции. Во-вторых, я использую интервью, собранные мной вместе с коллегами из «Лаборатории публичной социологии» в рамках исследования по политической субъективации в 2011—2012 годах (на данный момент база содержит около 240 коротких полуструктурированных интервью с участниками митингов и 40 глубоких биографических интервью с участниками локальных активистских групп, родившихся на волне движения «За честные выборы»)². В-третьих, я обращаюсь к 15 интервью с активистами, организующими художественно-политические акции, которые были собраны мной в рамках работы над диссертацией о художественном активизме и формировании публичной сферы в 2008—2013 годах. Наконец, я использую результаты массовых опросов «Левада-центра» и ВЦИОМ, посвященные интернету и политическому участию, а также данные, собранные разными исследователями протестов и социальных сетей.

¹ Платформ «Одноклассники» и «Мой мир» я касаюсь не буду, так как степень их политизации минимальна — например, число участников протестных сообществ, связанных с мобилизацией, не превышает там 1000 пользователей.

² Интервью взяты в рамках исследовательского проекта «Лабораторией публичной социологии» в сотрудничестве с А. Магуном, А. Желниной, К. Ермошиной, М. Кулаевым.

Критическая теория публичной сферы: от «сторожевого пса над обществом» к производству идентичности

Как связаны политическая субъективизация и публичная сфера? Доминирующее процедурное определение публичной сферы исключает возможность ее анализа в качестве механизма субъективизации. Для того чтобы сделать возможной такую постановку вопроса и перейти затем к эмпирическому исследованию влияния контрпубличных сфер российского предпротестного интернет-пространства на мобилизацию 2011—2012 годов, я представляю критическую теорию публичной сферы.

Вообще оппозицию публичное/приватное можно рассматривать в качестве зонтичной. Как отмечает Джефф Вайнтрауб, существуют четыре основные традиции ее понимания: а) либерально-экономическая, публичное в ней означает государственное, а приватное — рыночную экономику; б) антропологическая, публичное — это режим текущей и полиморфной социабельности, а приватное — режим личной жизни в сегрегированной от остального общества семье (Ариес); в) феминистская, где приватное — это семья, а публичное — макроэкономический и макрополитический порядок; и г) республиканская, публичное здесь — это причастность политическому сообществу, отличному как от рынка, так и от государства¹. Понятно, что все эти традиции так или иначе связаны друг с другом, но центральной здесь для меня будет являться последняя — республиканская. Как соотносятся публичная сфера и субъективизация в этой традиции? Что такое публичная сфера — лишь пространство выражения для уже существующего политического субъекта или, наоборот, средство его производства? Данный вопрос является линией водораздела между более либеральными и более критическими подходами к публичной сфере в республиканской традиции.

Доминирующей в республиканской ветви парадигмой сегодня остается модель, представленная Юргеном Хабермасом в работе «Структурная трансформация публичной сферы»². Анализируя исто-

¹ *Weintraub J.* The Theory and Politics of the Public/Private Distinction // *Public and Private in Thought and Practice. Perspectives on a Grand Dichotomy* / J. Weintraub, K. Kumar (Eds.). Chicago: The University of Chicago Press, 1997. P. 7.

² *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere.

рию буржуазного общества, Хабермас вводит понятие либеральной публичной сферы, которая рождается на заре XVIII века и начинает приходить в упадок в начале XX века. Согласно Хабермасу, публичная сфера — это сфера инклюзивная, где свободные и равные граждане ведут рациональную дискуссию, которая должна влиять на государство и политические решения. Эта сфера обладает рядом характеристик. Во-первых, поскольку в пространстве этой сферы присутствуют буржуа и аристократы, статусы которых неравны, это неравенство элиминируется, «берется в скобки» (bracketing). Во-вторых, дискуссия в публичной сфере зиждется на рациональности и критическом разуме. В-третьих, эта публичная сфера строится на основе независимых медиа. В-четвертых, цель такой сферы — рациональная дискуссия среди граждан и формирование общественного мнения, влияющего на курс государства и политические решения. В-пятых, граждане, которые ведут дискуссию в публичной сфере, независимы, с одной стороны, от государства, с другой — от частных экономических интересов. Хабермас говорит, что либеральная публичная сфера начинает появляться на заре эпохи Просвещения и приходит в упадок в начале XX века. Процесс упадка публичной сферы, по Хабермасу, обусловлен несколькими факторами. Среди них: коммерциализация медиа, которые постепенно оказываются подчинены логике частных интересов (полосы газет заполняют реклама, появляются крупные и централизованные СМИ — телевидение и радио); расцвет государства всеобщего благосостояния (оно начинает контролировать все как будто бы независимые до этого сферы); и, наконец, развитие массовой культуры, традиционно критикуемой Франкфуртской школой. В конце концов Хабермас ставит публичной сфере диагноз «сфабрикованная публичность» и «не-публичное мнение», а также «рефеодализация», которая состоит в новом смещении публичного и частного. Вынося за рамки данной статьи критические замечания по каждому из перечисленных пунктов¹, я сосредоточусь на одном — субъективирующем характере публичной сферы.

¹ (А) буржуазная публичная сфера никогда не была универсальной, в ней всегда господствовал частный интерес господствующего класса — буржуа; б) буржуазная публичная

Критическая теория публичной сферы осмысляет политического субъекта преимущественно в терминах коллективной идентичности. Политическая субъективизация и коллективная идентичность — разные термины, один принадлежит языку политической философии, другой — языку социологии общественных движений. Однако в этом тексте я буду использовать их как синонимы, намеренно упрощая различия между ними. Политический субъект — это тот, кто способен осуществить коллективное действие.

Условием возможности этого коллективного действия является коллективная идентичность в том специфическом смысле, который придаётся ей социологией общественных движений. Как подчеркивают Донателла дела Порты и Марио Диани, коллективная идентичность делает возможным коллективное действие по нескольким причинам: позволяет определить акторов, вовлеченных в конфликт, и ставку конфликта; способствует «возникновению новых сетей отношений доверия между акторами движения, действующими внутри сложных социальных окружений»^{1, 2}; «приписывает некоторое общее значение опытам коллективного действия, разбросанным по пространству и времени»³, соединяя различные эпизоды в единый фронт борьбы. Эти факторы и делают группу людей, обладающую коллективной идентичностью, политическим субъектом.

Как отмечает Дэвид Сноу, существуют три пересекающихся типа идентичности: персональная («значения, приписываемые актором самому себе; они являются само-называниями и само-приписываниями»),

сфера эксклюзивна, из нее исключены женщины, рабочие и дети, более того, само деление на публичное и приватное — это механизм исключения; в) из нее исключены аффект, конфликт и гегемония; г) репрезентируя публичную сферу как монолитную, Хабермас упускает факт наличия множества конфликтующих контрпубличных сфер.

¹ Della Porta D., Diani M. *Social Movements. An Introduction*. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 94.

² Именно этот фактор позволяет решить знаменитую проблему безбилетника, сформулированную Олсоном: солидарность и общие ценности, производимые коллективной идентичностью, перевешивают траты на политическое участие: Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press, 1963. 186 p.

³ Della Porta D., Diani M. *Social Movements. An Introduction*. P. 95.

социальная («идентичности, приписанные или вмененные другим в попытке расположить их в социальном пространстве. Они укоренены в закреплённых социальных ролях, таких как «учитель» и «мать»»), а также коллективная. Последняя складывается из двух элементов — чувства «коллективной деятельности» (agency) и «разделяемого чувства «мы»»¹. Разделяемое чувство «мы» возникает в процессе узнавания, в ходе которого акторы «осознают себя как коллективность»². Именно этот момент и не учитывается в инструментальном определении публичной сферы, данном Хабермасом. Как показывают его критики, такое узнавание возможно только через публичную сферу. Например, Оскар Негт и Александр Кляге отмечают, что контрпубличная сфера — это не просто инструмент влияния (Хабермас), но и медиатор, который собирает воедино социальный опыт: «Публичная сфера обладает потребительной стоимостью, когда социальный опыт организует себя в ней»³. Публичная сфера по Негту и Кляге представляет собой набор институтов, определенных традиций мышления, медиа и практик, который позволяет интерпретировать частный опыт в более абстрактных категориях, таких как класс или экономическое и социальное положение, иными словами, позволяет соединить персональную идентичность с социальной и коллективной. В этом смысле с помощью теории контрпубличных сфер Негт и Кляге пытаются решить поставленный Марксом вопрос о разорванности человека между политической общностью как его родовой сущностью и атомизмом и индивидуализмом как характеристиками его частной жизни:

...там, где политическое государство достигло своей действительно развитой формы, человек не только в мыслях, в сознании, но и в *действительности*, в жизни ведет двойную жизнь, небесную и земную, жизнь в *политической общности*, в которой он признает себя *общественным*

¹ Snow D. Collective Identity and Expressive Forms. Working Paper. Center for the Study of Democracy, 2001. URL: <https://escholarship.org/uc/item/2zn1t7bj> (date of access 07.04.2014).

² Ibid.

³ Negt O., Kluge A. Public Sphere and Experience. Toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere. London: University of Minnesota Press, 1993. P. 3.

*существом, и жизнь в гражданском обществе, в котором он действует как частное лицо, рассматривает других людей как средство, низводит себя самого до роли средства и становится игрушкой чуждых сил*¹.

Отсюда следует, что публичная сфера, кроме своей инструментальной функции, также совершает «работу идентичности» или «соотнесение идентичности», то есть является механизмом производства социальных и коллективных идентичностей, а также осуществляет связь между «персональной и коллективной идентичностью»². Как отмечает Нэнси Фрейзер, «предпочтения, интересы и идентичности настолько же предшественники, насколько и итог публичной дискуссии, более того, они дискурсивно конституируются в ней и через нее»³.

Таким образом, суммируя вышесказанное, можно утверждать, что контрпубличная сфера имеет две функции: функцию влияния (как отмечает Йохай Бенклер, она подобна «сторожевому псу, бдящему над обществом» — *watchdog over society*⁴) и функцию производства идентичности. Эти функции интегрируются, например, в понятии «субальтерные контрпублики», введенном Фрэйзер. Контрпублики являются «параллельными дискурсивными аренами, где участники подчиненных социальных групп формулируют оппозиционные интерпретации своих идентичностей, интересов и нужд»⁵, которые в то же время обращены вовне: «Они работают как тренировочные площадки для агитационной деятельности, направленной на широкую публику»⁶.

Однако производимая российскими контрпубличными интернет-аренами коллективная идентичность имеет особый характер. В отличие от классовых идентичностей рабочего движения или идентичностей

¹ Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения (2-е изд.). Т. 1 (1839—1844). М.: Издательство политической литературы, 1955. С. 390.

² Snow D. Collective Identity and Expressive Forms.

³ Frazer N. Rethinking the Public Sphere... P. 72.

⁴ Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven: Yale University Press, 2006. P. 212.

⁵ Frazer N. Rethinking the Public Sphere... P. 67.

⁶ Ibid. P. 68.

студенческого и феминистского движений, привязанных к определенным социальным группам, она не имеет специфического содержания и воспроизводит лишь форму: «мы» против «они». Если антагонист движения еще может быть как-то определен («администрация президента», «Единая Россия», «чиновники»), то протагонист абсолютно абстрактен — это «народ», «простые люди», «граждане». Эрнесто Лаклау называет такую идентичность «народной»¹, а Марку Лонкила говорит об «антиидентичности»². Интерпретация Лаклау представляется неубедительной: он отвергает классовый характер современного общества, рассматривая дискурс в качестве остова коллективной идентичности. На мой взгляд, подобная коллективная идентичность без содержания — это результат невозможности артикуляции классового интереса, а не знак его отсутствия. Что касается термина, предложенного Лонкилой, — в нем нет акцента на пустоте, отсутствии содержания, являющихся ключевыми для идентичности российских протестующих. Поэтому я буду называть такую идентичность «абстрактной коллективной идентичностью». Особенности этой идентичности посвящена отдельная глава в настоящей коллективной монографии³. Я же сосредоточусь здесь на том, как одна из контрпубличных сфер российского предпротестного пространства, а именно локализованная в социальных сетях интернета, стала площадкой для производства абстрактной коллективной идентичности, впоследствии обусловившей общественную мобилизацию.

¹ *Laclau E.* On Populist Reason. London, New York: Verso, 2005. 276 p. О народной идентичности участников протеста 2011—2012 годов см. подробнее в: *Магун А.* Протестное движение 2011—2012 годов в России: новый популизм среднего класса (глава 9 в настоящей монографии).

² *Lonkila M.* Russian protest on- and offline. The role of social media in the Moscow opposition demonstrations in December 2011. FIIA briefing paper 98. The Finnish Institute of International Affairs, February 2012. URL: <http://www.fia.fi/en/publication/244/> (date of access: 07.04.2014). P. 6.

³ *Журавлев О., Алюков М., Савельева Н.* Мое и общее: почему у современного российского протеста нет идеологии? (глава 10 в настоящей монографии).

Контрпубличные сферы российского предпротестного интернет-пространства и формирование коллективного субъекта

В настоящий момент вопрос влияния интернета и социальных сетей (а также создаваемых ими «сетевых публичных сфер»¹) на социальные движения остается одним из самых непроясненных вопросов в исследованиях медиа. Некоторые исследователи-скептики утверждают, что новые медиа используются элитами для усиления своей власти², другие говорят, что социальные сети фактически бесполезны, поскольку не производят «сильных связей», необходимых для эффективного протеста³, третьи называют интернет «технологией освобождения»⁴. Одни исследования показывают, что социальные сети создают «революционные дискуссии», которые предсказывают мобилизации и приближают их за счет роста уверенности в их успехе⁵, другие находят, что социальные сети увеличивают уровень политического участия⁶, третьи просто не обнаруживают связи между интернет-мобилизацией и мобилизацией офлайн⁷. Правду, на мой взгляд, следует искать где-то посередине между

¹ *Benkler Y.* The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. P. 212.

² *Morozov Y.* The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York: Public Affairs, 2011. 409 p.

³ *Gladwell M.* Small Change. Why the Revolution Will Not Be Tweeted // The New Yorker. October 4, 2010. URL: http://www.newyorker.com/reporting/2010/10/04/101004fa_fact_gladwell?currentPage=all (date of access: 07.04.2014).

⁴ *Diamond L.* Liberation Technology // Journal of Democracy. 2010. № 21 (3). P. 70—71.

⁵ *Howard P., Hussain M.* The Role of Digital Media // Journal of Democracy. 2011. № 22 (3). P. 35—48.

⁶ *Swigger N.* The Online Citizen: Is Social Media Changing Citizens' Beliefs About Democratic Values? // Political Behavior. 2013. Vol. 35. № 3. P. 589—603; *Pasek J., More E., Romer D.* Realizing the Social Internet? Online Social Networking Meets Offline Civic Engagement // Journal of Information Technology & Politics. 2009. № 6 (3—4). P. 197—215.

⁷ *Groshek J., Dimitrova D.* Cross-Section of Voter Learning, Campaign Interest and Intention to Vote in the 2008 American Election: Did Web 2.0 Matter? // Communication Studies Journal. 2011. № 9. P. 355—375; *Kaufhold K., Valenzuela S., Gil de Zuniga H.* Citizen Journalism And Democracy: How User-Generated News Relates to Political Knowledge and Participation // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2010. № 87. P. 515—529.

этими позициями. С одной стороны, при постоянном развитии медиа-технологий невозможно отрицать их влияния на социальные движения (по опросам ФОМ, доступ к интернету по России с 2002 по 2012 год в общем и целом вырос с 8,7 до 43,3%¹; этот процесс сопровождается возрастанием количества электронных СМИ: к примеру, по данным «РосПечати», в 2005 году число электронных СМИ превышало число печатных общероссийских лишь на 11%, в 2006 году — на 16,5%, а в 2009-м — уже на 42%, среди них 42,3% — это общественно-политические СМИ², — а также ростом социальных сетей: с 2010 по 2012 год аудитория «Twitter» выросла с 2 до 9%, «Facebook» — с 5 до 18%, количество же пользователей «ВКонтакте» понизилось на 2%, но все равно остается доминирующим — 62% пользователей всего рунета³). Как показывают опросы, подавляющее большинство граждан узнают о протестных событиях через интернет. Согласно опросу «Левада-центра» на митинге 24 декабря 2011 года, два самых популярных варианта ответа на вопрос «Откуда вы узнали о сегодняшнем митинге» — это «интернет-издания» (56%) и «другие источники интернета» (33%)⁴. Статистически можно обнаружить положительные корреляции между использованием интернета и оппозиционными взглядами⁵. Однако кри-

¹ Эти наши интернет. История проникновения интернета в российские регионы от ФОМ // Фонд «Общественное мнение», 16 ноября 2012. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/10681> (дата обращения: 27.02.2014).

² По статистике Роспечати, в 2010 году было зарегистрировано на 8 процентов больше печатных СМИ, чем в 2009 году, а по сравнению с 2005 годом их число увеличилось на 34 процента // Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 13 января 2011. URL: <http://fapmc.ru/rospechat/newsandevents/newsagency/2011/01/item11169.html> (дата обращения: 27.02.2014).

³ Россияне «в сети»: рейтинг популярности социальных медиа // ВЦИОМ, 13 февраля 2012. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112476> (дата обращения: 27.02.2014).

⁴ Опрос на проспекте Сахарова 24 декабря // Левада-центр, 26 декабря 2011. URL: <http://www.levada.ru/26—2012—2011/opros-na-prospekte-sakharova—24-dekabrya> (дата обращения: 27.02.2014).

⁵ Неяскин Г. Интернет меньше любит Путина и Сталина // Слон.ру, 7 марта 2012. URL: http://slon.ru/russia/polzovateli_interneta_menshe_lyubyat_putina_i_stalina—762175.xhtml (дата обращения: 27.02.2014).

зис протестного движения на данный момент свидетельствует о том, что энтузиазм в отношении интернета неоправдан. Таким образом, вопрос этого текста не в том, повлияло ли интернет-пространство на мобилизацию (очевидно, что да), но в том, что лежит за этими 56 и 33%, какие процессы привели к массовому вовлечению людей в протесты. Итак, ниже я последовательно опишу особенности каждой из упомянутых платформ, а затем приведу примеры формирования коллективной идентичности через них.

«YouTube», «Facebook», «Twitter», «LiveJournal» и «ВКонтакте» как контрпубличные сферы

Итак, каковы отличия между «YouTube», «LiveJournal», «ВКонтакте», «Facebook» и «Twitter» с точки зрения возможностей, которые они предлагают для политизации и формирования коллективной идентичности?

Во-первых, они отличаются по своей популярности. Российский клон «Facebook», социальная сеть «ВКонтакте», собирает недостижимые для других платформ 62%¹ пользователей рунета (около 60 млн человек). За ним следует «YouTube»: за 2013 год платформа вышла на отметку 1 млрд посетителей в месяц в мире (причем количество его пользователей продолжает расти²), российская аудитория за 2013 год составила 51 млн активных пользователей³. Общая аудитория «Twitter» на данный момент насчитывает 650 млн пользователей. Появившись в 2006 году, к 2011-му он был русифицирован — российский сегмент сегодня составляет 7,9 млн пользователей и бурно растет⁴. Наконец, «Facebook»:

¹ Россияне «в сети»: рейтинг популярности социальных медиа.

² Месячная аудитория YouTube достигла миллиарда человек // Лента.ру, 21 марта 2013. URL: <http://lenta.ru/news/2013/03/21/youtube/> (дата обращения: 27.02.2014).

³ Ежемесячная аудитория YouTube в России превысила 51 млн пользователей // Digit, 24 апреля 2013. URL: <http://www.digit.ru/internet/20130424/400922734.html> (дата обращения: 27.02.2014).

⁴ Аудитория Twitter в России выросла почти в 2 раза за полгода // РИА НОВОСТИ, 31 октября 2013. URL: <http://ria.ru/technology/20131031/974016557.html> (дата обращения: 27.02.2014).

созданный в 2004 году как закрытая социальная сеть для студентов Гарварда, сегодня он является самой крупной социальной сетью в мире; в 2013 году была преодолена планка в 1 млрд пользователей¹. К 2008 году «Facebook» был русифицирован, а к 2011-му обогнал «LiveJournal». На данный момент размер российской аудитории «Facebook» составляет 7,4 млн пользователей. Платформа «LiveJournal» появилась в конце 1990-х, прежде всего как сайт для американских тинейджеров. Пионер в использовании таких знакомых нам теперь деталей дизайна, как «друзья», «сообщества», «группы», этот гибрид блога и социальной сети (Social Network System hybrid) крайне популярен в России. Даже при значительном падении популярности «LiveJournal» за последние годы (по оценкам ВЦИОМ, с 5 до 3%²) его российская аудитория остается второй по численности (2,6 млн пользователей) после американской (4,5 млн пользователей)³.

Во-вторых, неодинаковы политизированность всех этих интернет-площадок, наличие или отсутствие в них «лидеров мнений» и, как следствие, наличие публичного дебата и его влияние на формирование коллективной идентичности⁴. Порядок здесь несколько иной: «YouTube», «Facebook», «Twitter», «LiveJournal», «ВКонтакте». Что касается «YouTube», то оппозиционные видео на нем порой достигают огромных рейтингов. Можно вспомнить скандал вокруг видео майора Алексея Дымовского, в 2009 году обратившегося к Путину с вопросом по поводу

¹ Facebook преодолел отметку в миллиард пользователей // Лента.ру, 4 октября 2012. URL: <http://lenta.ru/news/2012/10/04/facebook1/> (дата обращения: 27.02.2014).

² Россияне «в сети»: рейтинг популярности социальных медиа.

³ Countries with the most LiveJournal users as of November 2012 // Statista. The Statistics Portal, 2012. URL: <http://www.statista.com/statistics/247737/countries-with-the-most-livejournal-users/> (date of access: 27.02.2014).

⁴ Дэвид Сигел выделяет четыре типа сетевых структур на основе того, насколько важны элиты для распространения информации: маленький мир (small world), деревня (village), иерархический (hierarchical), лидер мнения (opinion leader). В последней «большинство людей имеют несколько связей, а несколько — лидеры мнения — много». Хотя в фокусе его внимания находились коллективное действие и социальные сети в смысле связей между людьми, а не онлайн-сети, это понятие очень хорошо описывает механизм распространения информации в онлайн-сетях: Siegel D. Social Networks and Collective Action // American Journal of Political Science. 2008. № 53 (1). P. 122—138.

коррупции (1,3 млн просмотров)¹; видео хип-хоп-исполнителя Noize MC «Мерседес S-666»², снятое в феврале 2010 года и посвященное дорожной аварии, в которой вице-президент компании «Лукойл» Анатолий Барков насмерть сбил двух человек (600 тыс. просмотров); видео с разговором Путина и Юрия Шевчука, обвинившего президента в отсутствии в России гражданских свобод (5 млн просмотров)³. Огромные темпы роста, очень мягкая цензурная политика компании, а также специфика платформы (акцент на видео) сделали хостинг не только одним из центров альтернативной публичности в России, но и самой важной платформой для политизации не вовлеченных до этого в политику людей и формирования у них коллективной идентичности. Как отмечает М. Лонкила, «в отличие от “Живого Журнала” — арены для уже активной российской интеллигенции — популярные скандальные видео на “YouTube” политизировали новые группы русских, прежде незнакомых с политикой»⁴. Сам принцип организации «Facebook» (комментарии, посты и фото, в отличие от гораздо более непосредственного воздействия видео), а также значительно меньшая, чем у «YouTube», аудитория, опускают его на второе место. Однако похоже, что к 2011 году он начал перенимать политические функции «LiveJournal» — платформы, которая многие годы оставалась единственной крупной политизированной интернет-ареной. Начиная с 2008 года большинство оппозиционных политиков, имеющих блоги (Алексей Навальный, Илья Яшин, Илья Пономарев), формировали вокруг своих страниц оппозиционно настроенные публики, сначала соединяя блоги с «Facebook», а затем и вовсе сосредотачиваясь на последнем. Фактически они играли роль «лидеров мнения»: занимая важные позиции в сети, они усиливали и упрощали распространение и восприятие политической и критической информа-

¹ Видеообращение майора милиции к Путину (#1) [Видеозапись] // Youtube, 5 ноября 2009. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=2G3KbBfpg24> (дата обращения: 27.02.2014).

² Мерседес S 666 (Дорогу колеснице) [Видеозапись] // Youtube, 28 февраля 2010. URL: http://www.youtube.com/watch?v=XX5NPcg_FxE (дата обращения: 27.02.2014).

³ Юрий Шевчук и Путин (версия без цензуры) [Видеозапись] // Youtube, 11 октября 2010. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Oaxf7txb-l4> (дата обращения: 27.02.2014).

⁴ *Lonkila M.* Russian protest on- and offline. P. 8.

ции¹. Итогом стала достаточно большая степень политизированности «Facebook»: например, страница Навального в «ВКонтакте» имеет 170 тыс. подписчиков, а в «Facebook» — 90 тыс., при том что аудитория «ВКонтакте» превышает аудиторию «Facebook» в несколько раз.

Здравый смысл подсказывает, что в силу особенностей «Twitter» (максимальная длина сообщения там — 140 символов) его роль в предпротестной мобилизации могла быть лишь инструментальной и заключаться в координации протестов. Однако в реальности это не так. В силу большей популярности, упрощенных правил коммуникации и культуры дебата, а также простоты интерфейса в последние перед протестами годы он был не менее, а порой даже более значимой альтернативной публичной ареной, чем «LiveJournal». Можно сказать, что история «Twitter» как значимого момента в российской политике началась в 2009 году с Ильи Пономарева, который стал первым из более или менее известных оппозиционных политиков, создавших аккаунт на этой платформе. В 2010-м то же самое сделал Алексей Навальный. Постепенно дискуссионное ядро «Twitter» становилось настоящей контрпубличной сферой².

Несмотря на относительную непопулярность «LiveJournal» по сравнению с другими социальными сетями, а также на тот факт, что в организации протестов платформа уступила первенство «Facebook» и «ВКонтакте», сложно недооценить ее значимость в формировании

¹ *Reuter O., Szakonyi D.* Online Social Media and Political Awareness in Authoritarian Regimes // Social Science Research Network, April 18, 2013. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2148690 (date of access: 27.02.2014).

² Исследование Центра Беркмана, опираясь на 10 285 активных пользователей Twitter, обнаружило следующие кластеры в его дискуссионном ядре: «демократическая оппозиция», «проправительственная молодежь», «независимые политики», «TverAdmin», «IvanovoAdmin», «Эхо Москвы» и «Текущие события». В целом это ядро напоминает ядро LiveJournal, за исключением некоторых особенностей. Среди них: наличие существенного кластера проправительственных организаций, отсутствие четко артикулированного националистического кластера, наличие региональных кластеров Твери и Иваново, связанных с кластером проправительственных организаций и т.д.: *Etling B. et al.* Mapping Russian Twitter // Berkman Center Research Public, March 20, 2012. URL: https://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Mapping_Russian_Twitter_2012.pdf (date of access: 07.04.2014).

публичного дебата на протяжении предпротестного периода. Блог градозащитного движения «Живой город», блог Алексея Навального, блоги таких публичных фигур, как Антон Носик, Максим Кац, Эдуард Лимонов, оппозиционных депутатов Дмитрия Гудкова и Ильи Пономарева и многих других, генерировали вокруг себя альтернативную публичную арену начиная с середины 2000-х¹. Как отмечают исследователи Центра Беркмана, «новостная диета российских блогеров более независима, интернациональна и оппозиционна, чем таковая интернет-пользователей вообще, и уж тем более чем новостная диета людей, не пользующихся интернетом и полагающихся на федеральные ТВ-каналы, подконтрольные государству»².

Что касается социальной сети «ВКонтакте», то она представляет собой парадоксальную публичную арену. Будучи гораздо более универсальной, чем ее конкуренты (так, в сервисы «ВКонтакте» включены музыка и видео), до мобилизации она оставалась вне зоны оппозиционных дискуссий. Например, до выборов страница Алексея Навального содержала несколько обновлений и имела всего 60 подписчиков. Только после старта протестов Навальный решил наращивать свое присутствие в этой социальной сети: на данный момент количество подписчиков его страницы составляет 175 тыс. Таким образом, «ВКонтакте» был лишен тех самых «лидеров мнения», которые присутствовали в «Twitter» и «Facebook». Виртуальные протестные «события», при превышающей в десятки раз аудитории самой сети, собирали в «ВКонтакте» около 107,8 тыс. участников против 164 тыс. в «Facebook». Сообще-

¹ Исследование 17 тыс. активных блогеров Центром Беркмана показывает, что ядро дискуссии «LiveJournal» делится на несколько массивных кластеров: «интернационально-ориентированный публичный дискурс» (люди, обсуждающие политику со ссылками на интернациональные источники — «The New York Times», «Washington Post» и т.д.), «российско-ориентированный публичный дискурс» (аналогично, со ссылками на «Эхо Москвы», «Новую Газету», «Lenta.ru» и т.д.), «националистический кластер», кластер «демократической оппозиции», «бизнес, экономика и финансы», а также кластер «социальный и экологический активизм». *Etling B. et al. Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization* // Berkman Center Research Publication, October 19, 2010. URL: http://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/8789613/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere_2010.pdf?sequence=1 (date of access: 07.04.2014).

² Ibid.

ства, посвященные движению «За честные выборы», включали 20 тыс. пользователей в «ВКонтакте» и 44,8 тыс. — в «Facebook»¹.

«YouTube», «Facebook», «Twitter», «LiveJournal» и «ВКонтакте»: контрпубличные сферы и формирование коллективной идентичности

Как формировалась коллективная идентичность на всех этих аренах? Для того чтобы выявить особенности этого процесса на разных интернет-площадках, я опишу реакцию пользователей каждой платформы на одно и то же событие — публичное обращение майора полиции Алексея Дымовского к Владимиру Путину². Изначально это видеобращение было размещено на «YouTube». Реакции на него оказались довольно разнообразными: это и поддержка майора («конечно он недообразован, не особо хорошо говорит. Но лично мне он симпатичен, я поддерживаю его полностью. Добрых и честных людей не хватает»³), и критика МВД через свидетельство о собственном опыте работы в этой структуре («Я сам проработал там 4 года, и понял, что зря потерял время. Никогда не вступай в ряды МВД. Презрение со стороны простого народа, увеличивается к ним с каждым днем все больше и больше»), и поддержка намерений майора, но критика способа их осуществления («Дымовский У вас неверное хорошие намерения, но вы не к тому человеку обращаетесь! Глупец»).

Один из самых популярных жанров комментариев — идентитарное противопоставление «мы» и «они», которое и представляет собой остов коллективной идентичности: «Они готовы народ поднимать на борьбу токо в том случае если их это коснулось, как только условия

¹ Паченко И. Митинги «За честные выборы»: протестная активность в социальных сетях // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2012. № 7. Р. 149—54. URL: http://www.digitalicons.org/issue07/files/2012/06/7.5.5_Panchenko.pdf (дата обращения: 07.04.2014).

² Видеообращение майора милиции к Путину (#1) [Видеозапись].

³ Во всех случаях сохранены авторская орфография и пунктуация.

улучшаться так сразу побегут всех дубинками успокаивать». Здесь видно противопоставление некоего абстрактного «народа» и сотрудников полиции. Конкретные члены этого противопоставления могут заменять собой друг друга довольно свободно, например в следующем комментарии «начальство» легко превращается в абстрактную «власть»: «Начальство — и вся власть ублюдки, все для себя сделают, свою жопу прикрывают, а на нас простых людей, как всегда плевать, падлы». В других местах мы можем обнаружить противопоставление «патрициев» и «плебеев», «общественности» и «чиновников», «народа» и «правительства», «обычного народа» и «политиков», «власть имущих» и «России», «олигархов» и «людей» и т.д. Отдельное внимание стоит обратить на стиль ведения дискуссии и грамотность ее участников: яростный, эмоциональный стиль, наличие нецензурной лексики, грамматические и пунктуационные ошибки свидетельствуют о том, что «YouTube» вовлекает новые и широкие аудитории, для которых дискуссии в интернете еще не стали частью повседневной рутины (как для блогеров в «LiveJournal»). Такого рода дискуссии, спровоцированные острыми политическими и социальными видео, и формировали коллективную идентичность в предпротестный период на «YouTube».

Аргументы участников дискуссии в «LiveJournal», как правило, грамматически правильны и изобилуют устойчивыми словосочетаниями («неужели вас это удивляет? Я вот уже устал удивляться... постепенно привыкаешь жить в стране, где “закон, что дышло...”»), а сама дискуссия связна и последовательна (участники обращаются друг к другу и отвечают друг другу, в то время как на «YouTube» комментарии представляют собой скорее индивидуальное выражение позиции без оглядки на реплики других). Навыки ведения дискуссии, уровень сложности аргументов и осведомленность участников дискуссий в «LiveJournal» обратно пропорциональны размерам аудитории — это определяется тем, что за годы существования на этой арене были выработаны правила ведения публичной дискуссии. Во многом эти дискуссии касаются тем, которые требуют политической компетенции: «А теперь еще и Григорий Чекалин сидит. Вот и реформа МВД» — и ответ: «Реформа МВД подразумевает под собой объединение ФСБ и МВД под эгидой ФСБ, естественно... представляете?» В отличие от «YouTube» дискуссия

в «LiveJournal» гораздо более фактоориентирована и лишена эмоционального окраса. Соответственно, в ней гораздо сложнее обнаружить идентитарное измерение. Приведем пример:

Да, власть у нас в стране смешная. Люди в погонах выдают тоже смешные фразы. Настолько по-клоунски все выглядит. Не помню, какой для такой ситуации термин есть. Да и все мы понимаем, кто и зачем стоит на своих постах, если так внимательно приглядеться, но как же с ними бороться?

Как видно из цитаты, здесь также присутствует идентитарное измерение («мы» противопоставлены «власти»), однако оно намного менее явное, чем в «YouTube», и лишено эмоциональных компонентов. Это говорит не о том, что «LiveJournal» не работает как платформа для формирования коллективной идентичности (долгое время «LiveJournal» был чуть ли не единственной политизированной интернет-платформой в России), но о том, что блогеры давно обрели политические компетенции, а обсуждение политики для них — это рутина. Таким образом, «LiveJournal» формировал коллективную идентичность, но процесс этот начался гораздо раньше — во времена бурной активности «Живого города», протестов против строительства «Охта-центра» и т.д., а в движение «За честные выборы» он привнес уже опытных активистов и низовых политических экспертов.

Формат и содержание дискуссии в «Facebook» вокруг видео Дымовского напоминают характер этого обсуждения в «LiveJournal». Как и в «LiveJournal», здесь редко встречается чистое выражение поддержки или критика Дымовского: «Луч света в темном царстве. Алексей — молодец, с тобой вся Россия». Зато присутствуют длинные диалоги (как и в «LiveJournal», пользователи обращаются друг к другу, а не только выражают индивидуальную позицию), участники которых апеллируют к разным историческим и культурным контекстам. Популярным является обращение к фактам («Псков — 12 тыс. зарплата (средняя). Чебоксары — 13 тыс. (средняя). Петербург — 20 тыс. (средняя)») или к негативному опыту СССР или Перестройки:

Дымовский не к тем людям обращается. Разобраться надо с теми кто разворовывал страну в 90-е, а сейчас дергает за ниточки. Для начала хотя бы нужно отменить преступную приватизацию которую народ России не примет никогда; стране не даст развиваться... как раз отсутствие института частной собственности. Его еще три-четыре поколения будут созидать. А возврат все в госсобственность никаких проблем не решит — только воровать будут на порядок больше...

Другой важной исторической референцией для участников дискуссий в «Facebook» является досоветский опыт, точнее, его протестные и революционные черты:

Алексей, ну не услышит вас власть. Есть такая русская народная поговорка — сытый голодного не разумеет... вот если бы вы, вместо того чтобы послать видеообращение, гранату им за кремлевскую стену закинули, а чеку вложить забыли, тогда да, эффект... лет на десять-двенадцать, правда, личной свободы, но кто сказал, что в борьбе будет легко. Вспомните декабристов, разбудивших Герцена.

Наконец, здесь также можно обнаружить идентитарное измерение: в дискуссиях присутствует как апелляция к «мы» («людям хорошо? Вы что там совсем в зомби приворотились, посмотрите в какой нищете народ живет!!! Россия давно в джунгли превратилась»), так и к абстрактно понятой власти («А чего Дымовский привязался к власти? Везде нормально, людям хорошо. Они молчат и поддерживают ее. Так что нечего смуту наводить попусту. И ноябрьская революция не может состояться»). Конкретные определения этой власти могут смещаться в зависимости от контекста: если речь идет о девяностых, то это могут быть «воры», если о сегодняшнем дне — то, например, «чиновники». В то же время определения для «мы» достаточно однородны: «народ» или «простые люди», а если присутствует апелляция к досоветскому опыту — то «русские», «русский народ». Интересно, что наравне с идентитарным измерением участники дискуссии зачастую инструментализируют свое отношение к «мы» и «они», отстраняясь от идентификации: «в конце концов если так плохо то почему этот народ продолжает голосовать за нынешнюю власть? Умом россию и вправду не

понять». Относительную дистанцию также можно наблюдать и в смысле эмоциональных оттенков высказываний: по интенсивности они представляют собой что-то среднее между чрезвычайно эмоциональными комментариями на «YouTube» и рациональным и холодным стилем дискуссии в «LiveJournal». Таким образом, в отношении формирования коллективной идентичности и вовлечения новых, неполитизированных до этого аудиторий «Facebook» занимает промежуточную позицию — он не представляет собой такую сложившуюся арену для дискуссии, как «LiveJournal» (колонизация «Facebook» российскими аудиториями началась только в 2008—2009 годах), но и не является настолько новым и массовым средством политизации, как «YouTube».

Обратимся теперь к анализу формирования коллективной идентичности платформы «ВКонтакте». Я уже упоминал о ее несформированности как контрпубличной арены. Дискуссии в этой сети разительно отличаются по своему масштабу от дискуссий на других интернет-платформах: по сравнению с десятками тысяч комментариев на «YouTube», сотнями и тысячами в «Facebook» и «LiveJournal» в имеющем огромное преимущество по популярности «ВКонтакте» максимальное количество комментариев к роликам Дымовского не превышало 35. Не менее интересны сами комментарии — поддержка Дымовского в них встречается очень редко, однако критика повсеместна:

человек прочитал книгу риторика манипулирования:-))) но убедить не получилось, фактов мало, все сводится к бла бла бла... и вообще тут есть нотки зависти, если ты МУЖИК(ОБРАЩАЮСЬ К ДЫМОВСКОМУ) то иди зарабатывать деньги и живи себе хорошо:-)

Более того, основным типом комментария является насмешка над плохой речью и манерой поведения майора, которая не имеет отношения к содержанию послания Дымовского:

он бухой вроде?!);
реально какой то даун))) вспомните все с 1917 года ахаха))));
представьте бутылку с этим чудом распить))) вот он мозг вынесет!!!!);
«мужик хочет на пост президента».

Эти комментарии, как и комментарии в «YouTube», не складываются в дискуссию, в них отсутствуют обращения участников к друг другу и связь между высказываниями. Также, в отличие дискуссий в «LiveJournal» и «Facebook», в дискуссиях «ВКонтакте» нет апелляции к разным культурным и историческим контекстам, непопулярно и обращение к фактам. В отношении грамматических и пунктуационных ошибок, а также сложности построения речи «ВКонтакте» близок к «YouTube», однако по политизированности и оппозиционному настрою настолько же далек от него, насколько он далек от «LiveJournal» по популярности. Наконец, комментарии «ВКонтакте» напрочь лишены идентитарного измерения — какие-либо обобщающие категории для описания социальных и политических акторов практически отсутствуют. Таким образом, структура дискуссии вокруг видео Дымовского «ВКонтакте» подтверждает вывод, который мы сделали на основе анализа внешних характеристик этой социальной сети (количество участников протестных групп и встреч и т.д.): при максимальной популярности «ВКонтакте» сыграл наименьшую роль в мобилизации как в смысле формирования коллективной идентичности, так и в смысле организации протестов.

Дискуссия вокруг видео Дымовского в «Twitter» специфична по-своему. Как и в «YouTube», полноценный диалог между ее участниками отсутствует, однако этот факт обусловлен интерфейсом платформы: максимальная длина сообщений ограничена 140 символами, а преимущественный способ связи между комментариями — ретвит, копирование высказывания в свою ленту. Так же как и на «YouTube», в «LiveJournal» и «Facebook», здесь велика степень поддержки майора: «подло писать: скандально известный... Дымовский — это совесть полиции, которую они прячут»; «майор Дымовский молодец. Если есть такие менты — не все потеряно». Особенностью дискуссии в «Twitter» является присутствие в ней проправительственного сектора. Так, например, последнее обращение Дымовского комментирует депутат Государственной думы от партии «Единая Россия» Владимир Бурматов: «Дымовский рекомендует примус, кукурузную муку и фасоль. Такой же точно фрик как Навальный, только никто им не занимается». В силу формата платформы частота обращения к фактам и оперирование ссылками на другие ресурсы на ней очень велики: «Дымовский выйдет из СИЗО на свободу»; «Дымовский пообещал выложить в интернет

новое видеообращение <http://bit.ly/9EJdrw> ко дню космонавтики. Ну это к 12 апреля, кто не знает».

Обращения к разным культурным и историческим контекстам также отсутствуют в «Twitter» в силу формата, тогда как по грамотности и сложности предложений он не уступает «Facebook» и «LiveJournal». Наконец, в «Twitter» сложно обнаружить идентитарное измерение, однако, учитывая наличие огромных оппозиционных кластеров, о которых пишут исследователи из Центра Беркмана, невозможно сказать, что его нет. Его неявленность, на мой взгляд, обусловлена несколькими факторами, среди которых, опять-таки, ограничения интерфейса, а также время популяризации платформы — «Twitter» набирает популярность позже, чем «Facebook», и гораздо позже, чем «LiveJournal». В результате эти платформы имеют сильно пересекающиеся аудитории: большинство пользователей уже завели аккаунты в вышеперечисленных сетях и сформировали или не сформировали там свои оппозиционные установки.

Обобщая все примеры, можно проследить особенности формирования коллективной идентичности на этих платформах. В силу акцента на видео и популярности «YouTube» был крайне важен для политизации новых аудиторий и производства идентичности. Другие — «Facebook», «Twitter», «LiveJournal» — были не менее важны для протестов, но менее важны для формирования идентичности, так как представляют собой платформу для дискуссии между людьми с уже сформированными политическими взглядами и наличием политических компетенций. Роль же «ВКонтакте» в отношении формирования коллективной идентичности остается маргинальной — обнаружить там идентитарное измерение вообще не удалось.

От контрпубличных сфер к коллективному субъекту, от коллективного субъекта к мобилизации

Количественно сравнить сформированность альтернативных публичных арен на разных платформах можно, исходя из роста активности в социальных сетях на моменты протестных событий. Так, статистика, приводимая Рейтер и Сзакони, показывает, что митинги 12 и 24 декабря 2011 года сильнее всего отражались в «Twitter» и «Facebook», а только

затем — в «LiveJournal» и «ВКонтакте»¹. В данном случае «Twitter» вырывается вперед из-за своих функциональных качеств, которые заточены под мобильную коммуникацию.

Дискуссии на контрпубличных интернет-аренах подготавливали почву для будущей офлайн-мобилизации. Фактически сетевые контрпубличные сферы выполняли функцию политической социализации, предлагая некоторые концептуальные шаблоны для недовольства, которое накапливалось у граждан за годы путинского режима. Как показывает исследование Ирины Соболевой, одна из самых существенных характеристик, отличающих ядро протеста как от периферии, так и от ядра и периферии пропутинской контрмобилизации, — это участие в политических дискуссиях в интернете. На вопрос «Как вам больше нравится обсуждать политические вопросы: при личной встрече или онлайн?» ядро протеста чаще всего отвечает «онлайн». Как утверждает Соболева, «публичные медиа предоставляют "словесные полуфабрикаты", готовые ценностные позиции, помогая артикулировать позицию в условиях неразвитой публичной сферы»². Мы наблюдаем в данном случае действие второй функции контрпубличных сфер, о которых говорят Фрейзер, Негт и Ключе, — функцию организации социального опыта или производства идентичности. Как отмечает Лонкила,

до выборов русскоязычные социальные медиа переросли в альтернативную публичную сферу, заменяющую предвзятые сообщения национального государственного телевидения. Эта сфера аккумулировала растущее недовольство и создавала «анти»-идентичность среди части российского городского среднего класса³.

Последней каплей, превратившей дискуссии в интернет-пространстве в офлайн-протест, стало появление множества видеороликов о фальсификациях и brutality полиции в декабре 2011 года.

¹ *Reuter O., Szakoni D.* Online Social Media and Political Awareness in Authoritarian Regimes.

² *Соболева И.* Отличается ли электорат Путина от сторонников оппозиции? // *Слон.ру*, 29 апреля 2013. URL: http://slon.ru/russia/otlachaetsya_li_elektorat_putina_ot_storonnikov_oppozitsii—936938.xhtml (дата обращения: 27.02.2014).

³ *Lonkila M.* Russian protest on- and offline.

Они спровоцировали то, что Джеймс Джаспер называет «моральным шоком», то есть «чувства, которые появляются, когда событие или информация показывают, что мир является не тем, чем казалось»¹, и ведут к реартикуляции моральных принципов, а также втягивают людей в коллективное действие. В первую очередь триггером перехода субъективированных через контрпубличные сферы людей к коллективному действию было чувство несправедливости, вызванное роликами о фальсификациях. Вот как описывает его один из наших информантов:

Буквально десять штук, но они на меня страшно повлияли. Ты видишь, что тебя обманывают. Да. Видишь, что тебя обманывают. Тоже злорада внутренняя возникает, что за черт... (м., 1980 г.р., высшее образование, частный предприниматель, 23 марта 2013, Пушкин)

Затем гневу был придан новый виток за счет роликов, повествующих о brutality и насилии полиции во время протестов:

И что-то их как-то внезапно окружили омониторы и грубо скрутили. Это был переломный момент. После этого было как-то эмоционально все. Эмоции подтолкнули на оппозиционную деятельность. (м., 1980 г.р., высшее образование, частный предприниматель, 23 марта 2013, Пушкин)

Спровоцированные этими видео переживания вошли в одну из «моральных батарей» протеста, то есть «комбинацию позитивных и негативных эмоций, а также напряжение между ними, которые мотивируют действие»², эта комбинация — унижение/справедливость. Наши информанты говорили об обмане, лжи, нечестности, унижении, несправедливости:

Тема бесчестия, скажем так, тема нечестности. Она может многих объединять. То есть фактически элемент несправедливости, элемент

¹ *Jasper J. Emotions and Social Movements: Twenty Years of Theory and Research // Annual Review of Sociology. 2011. № 37. P. 290.*

² *Ibid. P. 292.*

фактически унижения. (м., 1990 г.р., неоконченное высшее образование, студент, 23 марта 2013, Пушкин)

Одновременно почти все участники движения «За честные выборы» описывают свой опыт в терминах достоинства и/или справедливости: «честность, справедливость, какие-то такие качества» (м., 1990 г.р., неоконченное высшее образование, студент, 23 марта 2013, Пушкин). Эти эмоции мобилизовали уже объединенных коллективной идентичностью людей, переведя дискуссию в действие.

Деполитизация контрпубличных сфер как условие политического вовлечения

Вовлечение людей в публичную дискуссию, которая была политической *rag excellence*, стало возможным в условиях постсоветского деполитизированного контекста, крайне затрудняющего любое политическое участие. Под деполитизацией¹ я понимаю прежде всего низкий уровень политического участия, который является следствием: представления об опасности низового политического участия и стигматизации участия профессионального («политика — грязное дело»), невозможности артикуляции идеологии и проекта будущего², вытеснения дискурсивного измерения политики в пользу «реальных дел»³, недоверия по отношению к политическим институтам и любым организационным структурам в политике⁴, коллапса публичной сферы и сведения жизни людей к сети неформальных приватных связей⁵. Таким образом, чтобы достичь политического вовлечения, контрпубличные сферы должны были дать возможность избежать стигматизации, а также предстать пространством, свободным от идеологии и других вышеперечисленных факторов.

¹ Подробнее о феномене деполитизации см.: Журавлев О. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов (глава 1 в настоящей монографии).

² Прозоров С. Второй конец истории: политика бездеятельности от перестройки до Путина [Электронный ресурс].

³ Матвеев И. Эффект подлинности [Электронный ресурс].

⁴ Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе.

⁵ Там же.

Прежде всего организация протеста через социальные сети обеспечивает видимость спонтанности и дает шанс избежать стигматизации. Репрезентация протеста как спонтанного — важная часть многих социальных движений. Например, как показывает Франческа Поллетта, нарративы студентов о спонтанности протеста во время студенческих забастовок в 1960-х годах совсем не значили, что протесты не были организованы и подготовлены. Риторика спонтанности была стратегической: во-первых, она отражала обвинения в том, что протестующие — «внешние агитаторы» (красные, коммунисты), а во-вторых — была призвана репрезентировать внешней аудитории разрыв с «прежней апатией студентов и с умеренностью взрослых»¹. Под «умеренностью взрослых» здесь подразумеваются бюрократизировавшиеся структуры и партии, которые традиционно организовывали протест и фактически стали синонимом низовой политики:

Мой анализ описаний студентов сидячих забастовок предполагает, что «спонтанный» не значил «непланируемый». В историях о сидячих забастовках, которые студенты рассказывали и пересказывали, спонтанность означала независимость от лидерства взрослых, безотлагательность, локальную инициативу и действие, обусловленное моральным императивом, а не бюрократическим планированием².

В случае же постэлекторальной мобилизации в России использование социальных медиа помогло преодолеть стигматизацию за счет того, что отделило официальную «политику», которая связана с дискредитацией режима, феноменом «карманных» политических партий и т.д., от «политики» спонтанной низовой мобилизации: так как проправительственные организации и политики слабо представлены в социальных сетях, у протеста, организованного через новые медиа, гораздо больше шансов избежать стигматизации.

Не менее важным является тот факт, что контрпубличные арены российского интернет-пространства лишены идеологической поляризации.

¹ *Polletta F.* «It Was Like a Fever...» Narrative and Identity in Social Protest // *Social Problems*. 1998. № 45 (2). P. 148.

² *Ibid.* P. 138.

«LiveJournal» может служить в этом смысле хорошим примером. Лада Адамик и Натали Гланс показывают, что в структуре блогосферы США присутствует гомофилия — тенденция акторов образовывать связи с себе подобными. В итоге блогосфера США оказывается идеологически поляризованной, она разделяется на два кластера — «либеральный/прогрессивный» и «консервативный», при этом только 15% блогеров из каждого кластера имеют связи с противоположным полюсом¹. В российской блогосфере этот эффект в два раза слабее. Как показывает исследование Центра Беркмана, 30% блогеров из кластера «демократическая оппозиция» имеют связи с националистическим кластером и 25% — наоборот. Как раз с этой неартикулированностью идеологии, отмечает Илья Матвеев, связан тот запрос на «подлинность» и факты, ответом на который стала антикоррупционная деятельность Навального, в частности демонстрация документов в блоге, а также чрезвычайная эффективность для мобилизации видео с фальсификациями².

Наконец, с деидеологизацией связана также невозможность утопии, то есть невозможность сформулировать проект будущего, который могло бы предложить движение. Как показывает в своем исследовании Юлия Лукашина, стратегии фреймирования протестных сообществ на «Facebook» слабы и слишком абстрактны в силу того, что сфокусированы на диагностическом и мотивационном фреймировании, в то время как прогностическое фреймирование практически отсутствует:

Это кейс-стади показало, что содержание, имеющее отношение к мотивационному измерению, перевешивает два других измерения. Предполагается, что обращение к негативному историческому опыту и такие фразы, как «Мы не», создадут доверие. Совместные мифы («Мы были на Болотной площади») — это хорошие стимулы, которые могут соединить людей вместе, создать общую идентичность, привязать

¹ *Adamic L., Glance N.* The Political Blogosphere and the 2004 U.S. Election: Divided they Blog. Proceedings of the 3rd international workshop on Link discovery, 2005. P. 36—43. URL: <http://www2.scedu.unibo.it/roversi/SocioNet/AdamicGlanceBlogWWW.pdf> (date of access: 07.04.2014).

² *Матвеев И.* Эффект подлинности [Электронный ресурс].

сторонников к сообществу, но они еще больше подчеркивают, что здесь нет идеи о том, как должно выглядеть будущее¹.

Подобный выбор стратегий, по мнению Лукашиной, связан преимущественно с историческим прошлым. Один из главных выделяемых ею дискурсов, которые опосредуют коллективные фреймы протеста, — это фрейм «страх возврата в СССР»:

как уже упоминалось, как у активистов, так и обычных сторонников этих организаций проблемы с описанием желаемого будущего, но они сильно сконцентрированы на обсуждении российского прошлого, которое их пугает².

Иными словами, как у активистов, так и у сторонников протеста любые формы утопии ассоциируются с тоталитарным прошлым.

Кроме того, что сетевые контрпубличные сферы позволяют избежать стигматизации и не продуцируют пугающих идеологии и утопии, они также позволяют отстраниться от политических институций. С одной стороны, как уже было отмечено выше, страх политических ассоциаций находит свой исток в отторжении исторического прошлого. Вместо позитивного проекта, которое предполагает прогностическое фреймирование, налицо лишь негативные его элементы: «мы не партия», «мы не начинаем революцию»³. Иными словами, как активисты, так и рядовые участники мобилизации боятся утопии, потому что понятные им способы ее реализации — партия и революция — отсылают к тоталитарному прошлому. С другой стороны, одна из множественных черт, которые российский политический режим унаследовал от СССР, — это высокая степень персонализации государственной власти. Коррелятом этой черты является неэффективность политических и социальных институций и низкий уровень доверия к ним. Как показывают опросы

¹ *Lukashina Y.* Collective Action Frames and Facebook Fan and Group Pages: the Case of the Russian Snow Revolution 2011—2013 // *Interface: a Journal for and about Social Movements*. 2013. № 5 (2). P. 436.

² *Ibid.* P. 441.

³ *Ibid.* P. 436.

«Левада-центра», доверие президенту в России на протяжении последних двенадцати лет колеблется в рамках 52—64%, доверие политическим партиям в рамках 5—12%, профсоюзам — 9—16%, судам — 13—21%¹. При таких показателях доверия желание избежать взаимодействия с этими институтами становится абсолютно понятным. При этом страх российских граждан не ограничивается политическими ассоциациями, налицо также их неприязнь к ассоциациям общественным. Кроме того, что социальные сети девальвируют значение организаций для протеста в принципе (например, Лэнс Беннет вводит понятие «соединительное действие» — connective action вместо традиционного «коллективного действия» — collective action; последнее построено на персонализированной коммуникации в интернете, а следовательно, позволяет избежать организационного давления в традиционных формализованных организациях социальных движений²), значимым фактором, обуславливающим низкий уровень участия в добровольных общественных организациях в России, как показывает Марк Ховард, является ассоциирование этих организаций с такими добровольно-принудительными организациями СССР, как партия или комсомол³. Избежать ассоциации со всеми этими стигматизированными институтами и организациями и помогают сетевые контрпубличные сферы. Все они построены на принципе пользовательского контента (user-generated content), который подразумевает активное участие пользователя, не регламентированное свыше ни партиями, ни организациями. Как отмечает Лонкила, «связи, создаваемые в социальных медиа и SNS (social network system), помогают обойти низкое доверие русских к большинству социальных институтов — среди них организации гражданского общества»⁴.

Наконец, наравне с возможностью избежать стигматизации, идеологии и утопии, а также ассоциирования с институтами и организа-

¹ Доверие институтам власти [Электронный ресурс] // Левада-центр, 7 октября 2013. URL: <http://www.levada.ru/07—10—2013/doverie-institutam-vlasti> (дата обращения: 27.02.2014).

² *Bennett L.* The Logic of Connective Action // Information, Communication & Society. 2012. № 5 (15). P. 739—768.

³ *Ховард М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. С. 110.

⁴ *Lonkila M.* Russian protest on- and offline.

циями, предоставляемой публичными интернет-аренами, важным для деполитизированного политического вовлечения фактором оказывается подобие между социальными сетями в интернете и сетями личных неформальных связей в повседневной жизни людей. Другая гипотеза, которой Ховард объясняет низкий уровень политического участия в постсоветской Европе, — это «важная роль остаточной устойчивости неформальных личных связей в сегодняшней повседневности»¹. Сети неформальных личных связей в СССР формировались как альтернатива официальной публичной сфере. В силу полной кооптации публичной сферы партий эти сети выступали как ее заменитель; например, проблемы решались не через публичную дискуссию и конфликт, а через патронаж и лояльность. Как отмечает Ховард, «экономический дефицит и неусыпный контроль КПСС за общественной сферой в течение долгих лет заставили людей выработать адаптивные механизмы поведения, уводящие их в частную жизнь и личные неформальные связи, которые лишь увеличивали пропасть между официальной и частными сферами»². По мнению Ховарда, этот паттерн закрепляется и передается через социализацию и другие механизмы. В социальных науках по этому поводу в общем и целом существует консенсус — результат этого процесса выражается в пресловутом «обществе клик»³ (доверие в котором, за исключением доверия среди «своих», сильно нарушено, что затрудняет коллективное действие), в «синдроме публичной немоты»⁴ (выливающимся в сложности с публичной коммуникацией и невыработанность языка общественных категорий) и т.д. Именно с этим паттерном и резонирует структура социальных сетей: коммуникация в них основана на сети «друзей», лишена институционального и организационного давления, необязательна и не требует серьезных навыков публичного дебата.

Сила таких социальных сетей, как «Facebook» и «ВКонтакте», в мобилизации основана на самой их структуре: эти сайты не только

¹ Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. С. 110.

² Там же. С. 19.

³ Хлопин А. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // Полития. 1997. № 3. С. 5—26.

⁴ Гладарев Б. Опыты преодоления «публичной немоты»: анализ общественных дискуссий в России начала XXI века.

отражают «естественно появляющуюся» человеческую социальность, но также подразумевают особый вид социальной жизни, основанный на модели сети личных связей. В этой модели социальная жизнь свободна от институций и вместо этого укоренена в фокальном индивиде, участниках ее сети и связях между этими участниками. Соответствие между этой личностно-центрированной моделью социальных сетей и *de facto* функционированием российского общества — аналогично основанного на личных связях — предлагает решение для проблемы доверия¹.

В этом смысле контрпубличные сферы предпротестного интернет-пространства можно назвать приватно-публичными²: выполняя функции публичной сферы, они сохраняют в себе инерцию постсоветской приватности.

Заключение

Итак, в этой главе я пытался ответить на вопрос о том, как происходит политическая субъективация в контрпубличных интернет-пространствах. Несмотря на многомерность понятия «политический субъект», я редуцировал его до понятия коллективной идентичности в том специфическом смысле, которые придает ему социология общественных движений, то есть способности акторов различать себя, других и ставку их отношений, необходимой для коллективного действия. Затем я представил классическую теорию публичной сферы Хабермаса, строящуюся вокруг процедурных и инструментальных аспектов последней, а также ее критику, подчеркивающую потенциал контрпубличных сфер как механизма производства идентичности в противовес процедурности

¹ *Lonkila M.* Russian protest on- and offline.

² Данное определение не стоит путать с идеей «приватно-публичной сферы», предлагаемой В. Воронковым (*Воронков В.* Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шаниной. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 168—200). Если в первом случае подразумевается обретение приватным пространством политических функций, то во втором процесс скорее обратный — наследование публичной сферой паттернов приватной сферы.

и инструментальности. Далее я показал особенности формирования коллективной идентичности на разных интернет-платформах. В силу акцента на видео и популярности «YouTube» оказался крайне важен для политизации новых аудиторий и производства идентичности. Другие — «Facebook», «Twitter», «LiveJournal» — были не менее важны для протестов, но играли меньшую роль в процессе формирования идентичности, так как представляли собой платформы для дискуссии между людьми с уже сформированными политическими взглядами и наличием политических компетенций. Роль же «ВКонтакте» в отношении формирования коллективной идентичности оставалась маргинальной — обнаружить там идентитарное измерение вообще не удалось.

Таким образом, сетевые контрпубличные сферы перед мобилизацией выступили в качестве одного из механизмов производства коллективной идентичности, которая была необходима для коллективного действия. Однако сыграть такую роль они смогли только из-за особых характеристик: будучи продуктом деполитизированного социального контекста, они унаследовали все его черты: деидеологизированность, идиосинкразию по отношению к организациям, политическим институциям, любому проекту будущего и доминирующую роль личных неформальных связей. Вследствие этого произведенная ими идентичность оказывалась абстрактной, лишенной специфического содержания, а следовательно — очень хрупкой и неспособной стать остоном движения. Мы с Олегом Журавлевым и Натальей Савельевой в 11-й главе настоящей монографии показываем, что эта идентичность имеет специфический характер: от коллективной идентичности как ощущения принадлежности к конкретной группе ее отличает либо очень абстрактный (принцип, не имеющий отношения к конкретным социальным группам), либо очень конкретный (персонализированный) характер¹. Впрочем, так или иначе, производство коллективной идентичности в публичной сфере — это лишь первый шаг на пути к социальным изменениям. Продолжением его должно было бы стать создание организаций, групп, институций и других элементов инфраструктуры протеста.

¹ Журавлев О., Савельева Н., Алюков М. Куда движется движение: идентичность российского протеста (глава 10 в настоящей монографии).

Библиография

1. Аудитория «Twitter» в России выросла почти в 2 раза за полгода [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ, 31 октября 2013. URL: <http://ria.ru/technology/20131031/974016557.html> (дата обращения: 27.02.2014).
2. Бадью А. Можно ли мыслить политику? Краткий курс метаполитики. М.: Логос, 2005. 240 с.
3. Воронков В. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 168—200.
4. Гладарев Б. Опыты преодоления «публичной немоты»: анализ общественных дискуссий в России начала XXI века. Доклад на конференции «Российское общество в поисках публичного языка: вчера, сегодня, завтра». СПб., Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.
5. Доверие институтам власти [Электронный ресурс] // Левада-центр, 7 октября 2013. URL: <http://www.levada.ru/07—10—2013/doverie-institutam-vlasti> (дата обращения: 27.02.2014).
6. Ежемесячная аудитория «YouTube» в России превысила 51 млн пользователей [Электронный ресурс] // Digit, 24 апреля 2013. URL: <http://www.digit.ru/internet/20130424/400922734.html> (дата обращения: 27.02.2014).
7. Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1 (1839—1844). М.: Издательство политической литературы, 1955. С. 382—413.
8. Матвеев И. Эффект подлинности [Электронный ресурс] // Русс.ру, 12 марта 2012. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Effekt-podlinnosti> (дата обращения: 27.02.2014).
9. Месячная аудитория «YouTube» достигла миллиарда человек [Электронный ресурс] // Лента.ру, 21 марта 2013. URL: <http://lenta.ru/news/2013/03/21/YouTube/> (дата обращения: 27.02.2014).
10. Неяскин Г. Интернет меньше любит Путина и Сталина [Электронный ресурс] // Слон.ру, 7 марта 2012. URL: http://slon.ru/russia/polzovateli_interneta_menshe_lyubyat_putina_i_stalina—762175.xhtml (дата обращения: 27.02.2014).
11. Опрос на проспекте Сахарова 24 декабря [Электронный ресурс] // Левада-центр, 26 декабря 2011. URL: <http://www.levada.ru/26—2012—2011/opros-na-prospekte-sakharova—24-dekabrya> (дата обращения: 27.02.2014).

12. *Панченко И.* Митинги «За честные выборы»: протестная активность в социальных сетях [Электронный ресурс] // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2012. № 7. Р. 149—54. URL: http://www.digitalicons.org/issue07/files/2012/06/7.5.5_Panchenko.pdf (дата обращения: 07.04.2014).

13. По статистике Роспечати, в 2010 году было зарегистрировано на 8 процентов больше печатных СМИ, чем в 2009 году, а по сравнению с 2005 годом их число увеличилось на 34 процента [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 13 января 2011. URL: <http://farmc.ru/rospechat/newsandevents/newsagency/2011/01/item11169.html> (дата обращения: 27.02.2014).

14. *Прозоров С.* Второй конец истории: политика бездеятельности от перестройки до Путина [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2012. № 2 (82). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/2/p12.html> (дата обращения: 10.04.2014).

15. Россияне «в сети»: рейтинг популярности социальных медиа [Электронный ресурс] // ВЦИОМ, 13 февраля 2012. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112476> (дата обращения: 27.02.2014).

16. *Соболева И.* Отличается ли электорат Путина от сторонников оппозиции? [Электронный ресурс] // Слон.ру, 29 апреля 2013. URL: http://slon.ru/russia/otlachaetsya_li_elektorat_putina_ot_storonnikov_oppozitsii—936938.xhtml (дата обращения: 27.02.2014).

17. *Хлопин А.* Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // Политика. 1997. № 3. С. 5—26.

18. *Ховард М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект-пресс, 2009. 190 с.

19. Эти наши интернет-сети. История проникновения интернета в российские регионы от ФОМ [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение», 16 ноября 2012. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/10681> (дата обращения: 27.02.2014).

20. «Facebook» преодолел отметку в миллиард пользователей [Электронный ресурс] // Лента.ру, 4 октября 2012. URL: <http://lenta.ru/news/2012/10/04/»Facebook»1/> (дата обращения: 27.02.2014).

21. *Adamic L., Glance N.* The Political Blogosphere and the 2004 U.S. Election: Divided they Blog [Electronic resource]. Proceedings of the 3rd international

workshop on Link discovery, 2005. P. 36—43. URL: <http://www2.scedu.unibo.it/roversi/SocioNet/AdamicGlanceBlogWWW.pdf> (date of access: 07.04.2014).

22. *Benkler Y.* The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven: Yale University Press, 2006. 515 p.

23. *Bennett L.* The Logic of Connective Action // Information, Communication & Society. 2012. № 5 (15). P. 739—768.

24. Countries with the most «LiveJournal» users as of November 2012 [Electronic resource] // Statistica. The Statistics Portal, 2012. URL: <http://www.statista.com/statistics/247737/countries-with-the-most-»LiveJournal«-users/> (date of access: 27.02.2014).

25. *Della Porta D., Diani M.* Social Movements. An Introduction. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 345 p.

26. *Diamond L.* Liberation Technology // Journal of Democracy. 2010. № 21 (3). P. 70—71.

27. *Etling B. et al.* Mapping Russian «Twitter» [Electronic resource] // Berkman Center Research Public, March 20, 2012. URL: https://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Mapping_Russian_»Twitter«_2012.pdf (date of access: 07.04.2014).

28. *Etling B. et al.* Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization [Electronic resource] // Berkman Center Research Publication, October 19, 2010. URL: http://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/8789613/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere_2010.pdf?sequence=1 (date of access: 07.04.2014).

29. *Frazer N.* Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Social Text. 1990. № 25/26. P. 55—80.

30. *Gladwell M.* Small Change. Why the Revolution Will Not Be Tweeted [Electronic resource] // The New Yorker. October 4, 2010. URL: http://www.newyorker.com/reporting/2010/10/04/101004fa_fact_gladwell?currentPage=all (date of access: 07.04.2014).

31. *Groshek J., Dimitrova D.* Cross-Section of Voter Learning, Campaign Interest and Intention to Vote in the 2008 American Election: Did Web 2.0 Matter? // Communication Studies Journal. 2011. № 9. 2011. P. 355—375.

32. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: MIT Press, 1991. 301 p.

33. *Howard P., Hussain M.* The Role of Digital Media // *Journal of Democracy*. 2011. № 22 (3). P. 35—48.
34. *Jasper J.* Emotions and Social Movements: Twenty Years of Theory and Research // *Annual Review of Sociology*. 2011. № 37. P. 285—304.
35. *Kaufhold K., Valenzuela S., Gil de Zuniga H.* Citizen Journalism And Democracy: How User-Generated News Relates to Political Knowledge and Participation // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2010. № 87. P. 515—529.
36. *Laclau E.* On Populist Reason. London; New York: Verso, 2005. 276 p.
37. *Lonkila M.* Russian protest on- and offline. The role of social media in the Moscow opposition demonstrations in December 2011 [Electronic resource]. FIIA briefing paper 98, The Finnish Institute of International Affairs, February 2012. URL: <http://www.fia.fi/en/publication/244/> (date of access: 07.04.2014).
38. *Lukashina Y.* Collective Action Frames and «Facebook» Fan and Group Pages: the Case of the Russian Snow Revolution 2011—2013 // *Interface: a Journal For and About Social Movements*. 2013. № 5 (2). P. 422—449.
39. *Morozov Y.* The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York: Public Affairs, 2011. 409 p.
40. *Negt O., Kluge A.* Public Sphere and Experience. Toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere. London: University of Minnesota Press, 1993. 305 p.
41. *Olson M.* The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge: Harvard University Press, 1963. 186 p.
42. *Pasek J., More E., Romer D.* Realizing the Social Internet? Online Social Networking Meets Offline Civic Engagement // *Journal of Information Technology & Politics*. 2009. № 6 (3—4). P. 197—215.
43. *Polletta F.* «It Was Like a Fever...» Narrative and Identity in Social Protest // *Social Problems*. 1998. № 45 (2). P. 137—159.
44. *Reuter O., Szakonyi D.* Online Social Media and Political Awareness in Authoritarian Regimes [Electronic resource] // *Social Science Research Network*, April 18, 2013. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2148690 (date of access: 27.02.2014).
45. *Siegel D.* Social Networks and Collective Action // *American Journal of Political Science*. 2008. № 53 (1). P. 122—138.
46. *Snow D.* Collective Identity and Expressive Forms [Electronic resource]. Working Paper. Center for the Study of Democracy, 2001. URL: <https://escholarship.org/uc/item/2zn1t7bj> (date of access 07.04.2014).

47. *Swigger N.* The Online Citizen: Is Social Media Changing Citizens' Beliefs About Democratic Values? // *Political Behavior*. 2013. Vol. 35. № 3. P. 589—603.

48. *Weintraub J.* The Theory and Politics of the Public/Private Distinction // *Public and Private in Thought and Practice. Perspectives on a Grand Dichotomy* / J. Weintraub, K. Kumar (Eds.). Chicago: The University of Chicago Press, 1997. P. 1—42.

Источники

1. Видеообращение майора милиции к Путину (#1) [Видеозапись] // «YouTube», 5 ноября 2009. URL: <http://www.»YouTube».com/watch?v=2G3KbBfpg24> (дата обращения: 27.02.2014).

2. Мерседес S 666 (Дорогу колеснице) [Видеозапись] // «YouTube», 28 февраля 2010. URL: http://www.»YouTube».com/watch?v=XX5NPcg_FxE (дата обращения: 27.02.2014).

3. Юрий Шевчук и Путин (версия без цензуры) [Видеозапись] // Youtube, 11 октября 2010. URL: <http://www.»YouTube».com/watch?v=Oaxf7txb-l4> (дата обращения: 27.02.2014).

Маргарита Завадская, Наталья Савельева

«А МОЖНО Я КАК-НИБУДЬ САМ ВЫБЕРУ?»: ВЫБОРЫ КАК «ЛИЧНОЕ ДЕЛО», ПРОЦЕДУРНАЯ ЛЕГИТИМНОСТЬ И МОБИЛИЗАЦИЯ 2011—2012 ГОДОВ

Введение

О причинах начала массовых протестов после выборов в Российскую Государственную думу 4 декабря 2011 года были высказаны самые разные предположения. Одни говорили о кризисе легитимности власти и устойчивом снижении рейтингов «Единой России» и «правлящего тандема» как предвестниках неминуемой катастрофы, связывая эту тенденцию с последствиями экономического кризиса и порожденным им запросом на «политические изменения»¹, в том числе — среди элит². Другие обращали внимание на критическую роль политической «рокировки», о которой В. Путин сказал на XII съезде партии «Единая Россия», заявив о своем намерении занять президентское кресло³. Третьи связывали возникновение волны протестов с эффектами «либерализации» и «оттепелью», наступившей при Д. Медведеве, которая, с одной стороны, породила общественные движения, ставшие затем резервом протестной мобилизации, а с другой — дала повод для возникновения завышенных ожиданий (как со стороны элит, так и определенной части общества),

¹ *Рогов К.* Гипотеза третьего цикла; Россияне о прошедших выборах и акциях протеста // Левада-центр, 28 декабря 2011. URL: <http://www.levada.ru/28—2012—2011/rossiyane-ob-aktsiyakh-protesta-i-proshedshikh-vyborakh> (дата обращения: 26.02.2014).

² *Белановский С., Дмитриев М.* Политический кризис в России и возможные механизмы его развития // Полит.ру, 28 марта 2011. URL: <http://polit.ru/article/2011/03/28/2011/> (дата обращения 26.02.2014).

³ *Гудков А., Дубин Б., Зоркая Н.* Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме.

которым так и не суждено было оправдаться в ходе электорального цикла 2008—2012 годов¹.

Помимо долгосрочных причин и длительных тенденций, имели значение и ситуативные факторы, триггеры мобилизации. Немаловажную роль в подъеме протестной волны в 2011 году сыграло публичное обнаружение фактов массовых фальсификаций, запустившее волну негодования и заставившее выйти на улицу даже тех, кто не имел предыдущего политического опыта. Хотя эти фальсификации были ожидаемы и в целом ненамного превысили фальсификации, имевшие место на предыдущих выборах², «новостью и событием», как отмечает Денис Волков, «стали не сами фальсификации, а обостренное внимание к этой проблеме и действия по этому поводу активной части общества, меньшинства»³. О роли «подлинных свидетельств» говорит Илья Матвеев: «Важно не столько то, что, собственно, доказывают эти свидетельства, сколько то, что создаваемая ими аура подлинности делает протест легитимным»⁴, позволяя протестующим превратить политический протест в гражданский, дистанцировавшись от «политиканов» с помощью апелляции к достоверности собственного опыта.

Ни в коем случае не умаляя значения всех вышеприведенных аргументов, нельзя не отметить следующее: предполагаем ли мы, что протесты были подготовлены целым рядом структурных факторов и тенденций, или признаем значимость обнаружения свидетельств фальсификаций, мы обнаружим, что парадоксальным образом в анализе движения «За честные выборы» самим выборам уделялось не слишком много внимания. В глазах комментаторов выборы — это финальная точка, в которой с неожиданной силой проявляются долгосрочные тенденции и противоречия; предлог, позволяющий оппозиции мобилизовать

¹ Гельман В. Режим, оппозиция и вызовы электоральному авторитаризму в России // Неприкосновенный запас. 2012. № 4 (84). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/ge4-pr.html> (дата обращения: 10.03.2014).

² Подробнее см.: Гудков А., Дубин Б., Зоркая Н. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме.

³ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 году: истоки, динамика, результаты.

⁴ Матвеев И. Эффект подлинности [Электронный ресурс].

тех, кто недоволен властью; или последний аргумент, наглядно демонстрирующий готовым к протесту гражданам всю «подлость режима» и позволяющий им легитимировать свое возмущение через апелляцию к «факту» «кражи голосов». Гораздо реже выборы рассматриваются как мобилизующее событие, обладающее самостоятельной ценностью. Можно сравнить выборы с черным ящиком, механизм работы которого кажется не имеющим значения для решения задач мобилизации в декабре 2011 года: поэтому мы всегда обнаруживаем себя или за минуту до, предвкушая развязку, или сразу после, когда факты подлога — на руках, оппозиция мобилизована, а возмущению граждан нет предела. Но что можно сказать о самих выборах как факторе мобилизации? Почему именно они «запустили» протест? Как свидетельства фальсификаций привели к такому всплеску возмущения?

В данной главе мы выдвигаем два тезиса. Первый тезис: в ходе массовой мобилизации зимой 2011/12 года выборы в Государственную думу были не только и не столько предлогом для выражения недовольства «рассерженных горожан», сколько событием, которое мобилизовало тех, кто в иной ситуации вряд ли бы стал участником уличных акций протеста. Событие выборов повлияло и на массовость протестов, которые могли быть гораздо менее многочисленными, будь на повестке дня другая тема. Без выборов массовая мобилизация произошла бы с гораздо меньшей вероятностью, имела бы другой вид и иные последствия¹. Второй тезис: благодаря усилению оппозиции и электронным медиа, значение выборов, которые еще четыре года назад никто не связывал с легитимностью режима и не рассматривал в качестве способа повлиять на положение дел в стране², превратились из «ничьей проблемы» в «личное дело» каждого считающего себя ответственным гражданином. Нервом этого перехода стало чувство оскорбленного достоинства, которое и вывело людей на улицы. В этом смысле трансформирующее событие выборов сработало в той же логи-

¹ В этом смысле событие выборов является частью общего события протеста. О событии протеста подробнее см.: Журавлев О. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов (глава 1 в настоящей монографии).

² Rose W., Mishler R. How Do Electors Respond to an «Unfair» Election? // The Experience of Russians Post-Soviet Affairs. 2009. № 2 (25). P. 118—136.

ке, которая запускает общественно-политическую мобилизацию в условиях деполитизации¹: в последнее десятилетие протесты в России, а именно градозащитные движения, забастовки уволенных работников или демонстрации бюджетников, лишившихся льгот, формировали политические повестки вокруг проблем, воспринимающихся как нечто глубоко личное². Немаловажную роль в подготовке такого обостренного восприятия фальсификаций сыграли факторы, связанные с неспособностью власти обеспечить выборам «процедурную легитимность»³. В данной главе мы проанализируем механику и динамику выборов как «трансформирующего события» и одной из причин возникновения ДЗЧВ, опираясь на данные интервью, собранные нами в ходе протестных акций в 2012—2012 годах, и на базу протестных лозунгов PEPS («Protest Events, Photos, and Slogans»), любезно предоставленную нам Михаилом Габовичем⁴. Сначала мы рассмотрим подходы к анализу роли выборов в протестных мобилизациях и в свете этих подходов обозначим особенности постэлекторального протеста в России. Затем обратимся к «национальным» факторам, повлиявшим на мобилизацию в России, и определим среди них место выборов. Наши основные тезисы мы проверим с помощью как качественных, так и количественных методов. Опираясь на анализ интервью с участниками митингов и их личные свидетельства, мы покажем, как выборы стали восприниматься в качестве «личного дела» и почему фальсификации произвели такой необычайно сильный мобилизационный эффект. Наконец, мы проверим две основные гипотезы — о выборах как о самостоятельном факторе мобилизации и «личном деле» — с помощью статистического анализа лозунгов протестного движения.

¹ О понятии деполитизации см.: Журавлев О. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов (глава 1 настоящей монографии).

² Гладарева Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города; Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России.

³ Case W. How Do Rulers Control the Electoral Arena? // Electoral Authoritarianism. The Dynamics of Unfree Competition / A. Shedler (Ed.). London: Lynne Rienner Publishers, 2006. P. 95—112.

⁴ Подробнее о проекте см.: База данных PEPS. URL: <http://gabowitsch.net/peps-ru/> (дата обращения 26.02.2014).

Фальсификации и постэлекторальные протесты

Традиционно в политической науке выборы рассматриваются в качестве «инструмента демократии»¹, который призван канализировать политическое участие и способствовать артикуляции публичных интересов². Вместе с тем наличие основных демократических институтов — выборов, референдумов, легислатуры и партий — является ключевой особенностью и современных авторитарных режимов. Это своего рода «джентльменский» институциональный набор, который надлежит иметь любой стране, считающей себя полноценным актором в системе международных отношений. В отличие от «классического» авторитаризма соревновательный, или электоральный, авторитаризм допускает участие различных партий или кандидатов в предвыборной гонке, однако на неравных условиях, благодаря которым победа достается инкубенту независимо от предпочтений избирателей³. Россия также относится к электоральным авторитарным режимам. Именно эта двойственность «выборов без выбора»⁴, предполагающих, что избиратели имеют право выбора, но не имеют возможности выбрать, становится слабым местом режима: в определенных условиях фальсификации способствуют возникновению массовых протестов или даже «цветных революций», которые, в свою очередь, могут закончиться отставкой инкубента и приходом к власти оппозиционного лидера, а затем и изменением самого режима (например, его демократизацией⁵).

Таким образом, несмотря на контроль правящих элит над представительными институтами, выборы иногда «дают сбой» и приводят к непредвиденным последствиям. Так, волна «цветных революций»

¹ *Powell B.* Elections as instruments of democracy: majoritarian and proportional visions. New Haven: Yale University Press, 2000. 312 p.

² *Dahl R.* Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971. 257 p.

³ *Гельман В.* Трещины в стене // Pro et Contra. 2012. Т. 16. № 1—2. С. 94—115.

⁴ Elections without choice / H. Hermet, R. Rose, A. Rouquié (Eds.). London, New York: Macmillan, 1978. 250 p.

⁵ *Bunce V., Wolchik S.* Defeating Authoritarian Leaders in Post-Communist Countries. New York: Cambridge University Press, 2011. 373 p.

в Сербии, Украине, Грузии и Кыргызстане и провал референдума в Чили времен Пиночета являются примерами непредвиденных последствий действия «авторитарных» институтов. В тех или иных условиях авторитарные «приводные ремни» перестают выполнять ожидаемые функции и приводят к неожиданным эффектам.

По словам Дугласа Норта, институты создаются не для того, чтобы быть эффективными, но в интересах тех, кто формирует новые правила¹. Однако, несмотря на то что институтами можно манипулировать, они также могут навязывать и свою логику событий. Валери Банс именует такие политические институты подрывными (*subversive*), так как они обладают долгосрочными последствиями, которые не были предусмотрены создателями².

Что подрывного в выборах? «Устанавливая электоральную игру (соревнование за голоса), они запускают две симметричные метаигры: игру авторитарных манипуляций, в которой правящие партии стремятся добиться нужных результатов, и игру институциональной реформы, когда оппозиционные партии требуют демонтажа недемократических ограничений, снижающих их шансы в борьбе за голоса»³. Иными словами, игра ведется и внутри существующих правил, и по поводу самих этих правил. При этом выборы — это не только институт, но и *событие* или *арена*, где акторы борются, вступают в коалиции, принимают решения. Зачастую от того, как именно взаимодействуют представители разных политических сил, как в ходе происходящего меняется их оценка ситуации, зависит исход всего события⁴.

Можно выделить три основных, тесно взаимосвязанных друг с другом довода в пользу того, почему фальсификации на выборах могут спровоцировать массовые акции протеста. Первый касается рациональных соображений участников, как рядовых граждан, так и пред-

¹ North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990. P. 16.

² Bunce V. Subversive institutions: the design and the destruction of socialism and the state. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 1999. P. 143.

³ Sheddler A. Electoral Authoritarianism. The Dynamics of Unfree Competition. London: Lynne Rienner Publishers, 2006. 267 p.

⁴ Ostrom E. Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action // The American Political Science Review. 1997. № 92 (1). P. 1—22.

ставителей элит, для которых выборы создают благоприятные с точки зрения соотношения выгод и издержек условия для выражения своего недовольства режимом; второй связан с эмоциями, порождаемыми расхождением ожиданий избирателей и реальных результатов голосования; третий рассматривает выборы как особую ситуацию, в которой практика голосования, повседневная и рутинная для каждого отдельного избирателя, способна сформировать «воображаемое сообщество» жителей всей страны, с одной стороны, конституируемое этой ситуацией, но с другой — выходящее за пределы ее эмпирического осуществления¹.

Томпсон и Кунц отмечают, что, хотя при электоральных авторитарных режимах выборы проходят с нарушениями, именно выборы обеспечивают режиму формальную легитимность, поскольку граждане верят в то, что с их помощью могут влиять на ситуацию. Явные фальсификации и «кража» голосов уничтожают, с точки зрения авторов, одну из основных опор легитимности режима и любые сомнения по поводу правильности протестных действий:

Неуважение к мнению электората глубоко задевает достоинство людей как граждан, вызывая сильное чувство моральной обязанности присоединиться к протестам, которое может перевесить воображаемые издержки участия и помочь преодолеть дилемму безбилетника².

К тому же в электоральных авторитарных режимах тот факт, что выборы проходят с нарушениями, менее очевиден для избирателей, которые разделяют определенные ожидания по поводу процедуры проведения выборов. Нарушения порождают возмущение, которого бы не возникло в ситуации, где такие ожидания безосновательны. В отличие от Томпсона и Кунца Марк Бейсингер³ связывает возмущение избира-

¹ О понятии «воображаемого сообщества» см.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2001. 333 с.

² *Kuntz P., Thompson M.R.* More than Just the Final Straw: Stolen Elections as Revolutionary Triggers // *Comparative Politics*. 2009. Vol. 41. № 3. P. 51.

³ *Beissinger M.R.* Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // *Perspectives on Politics*. 2007. Vol. 5 (2). P. 259—276.

телей «нечестными выборами» не с внутренними противоречиями электорального авторитаризма, а с отсутствием традиции фальсификаций, в результате чего избиратели, столкнувшиеся с ними впервые, оказываются удивлены и раздосадованы. Он отмечает факторы, которые делают участие в постэлекторальном протесте привлекательным с точки зрения соотношения выгод и издержек: смещение инкумбента сложнее осуществить после того, как он принял присягу и получил легитимное право управлять страной, а режимы в целом более уязвимы во время электорального цикла, когда уменьшается вероятность репрессий¹.

Томпсон и Кунц, как и Такер, проводят различие между разными типами фальсификаций. Последний различает два типа фальсификаций: незначительные (*minor*), которые воспринимаются (будущими участниками протестов) как мало повлиявшие на итоги выборов, и значительные (*major*), которые, напротив, считаются сильно повлиявшими на результат. Именно наличие значительных фальсификаций повышает вероятность успеха и одновременно снижает издержки индивидуального участия, что делает массовые протесты гораздо более вероятными. Томпсон и Кунц выделяют в отдельную категорию «украденные выборы» (*stolen elections*), в ходе которых манипуляции с подсчетом голосов или аннулирование самого результата выборов препятствуют реальной или ожидаемой победе оппозиционного кандидата. Особенность восприятия таких выборов — вера в то, что режим их проиграл, даже несмотря на попытки манипулировать результатами. И хотя вероятность преувеличения в этой ситуации не исключена, обычно требования оппозиции опираются на внушающие доверие свидетельства². Поэтому Томпсон и Кунц считают, что «украденные выборы» —

это не просто последняя капля, которая приводит к уничтожению авторитарного режима. Скорее, они являются мощным трансформирующим событием, которое коренным образом изменяет ход политической

¹ К двум последним аргументам также отсылает Джошуа Такер, см.: *Tucker J. Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // Perspectives on Politics*. 2007. № 3. P. 535—551.

² *Kuntz P., Thompson M.R. More than Just the Final Straw: Stolen Elections as Revolutionary Triggers // Comparative Politics*. 2009. Vol. 41. № 3. P. 253—272.

борьбы и поэтому должно быть отделено от других видов электоральных фальсификаций¹.

Хотя авторитарные режимы постоянно нарушают права своих граждан, лишь несколько событий затрагивают большую часть населения в одно и то же время. Выборы являются одним из них: «кража результатов создает воображаемое сообщество миллионов ограбленных избирателей»² и способствует массовой мобилизации. Кроме того, именно выборам предшествует рост ожиданий, которые затем могут остаться неудовлетворенными. Томпсон и Кунц, ссылаясь на Джеймса Джаспера, сравнивают эффект, производимый фальсификациями на выборах, с «моральным шоком» — эмоцией, которая подталкивает людей к участию в акциях протеста.

Парадокс фальсификаций на выборах 2011 года в Государственную думу, за которыми последовали массовые протестные акции, заключается в следующем: они были масштабными, но мы не можем отнести их к значительным (major) фальсификациям, как и не можем назвать эти выборы «украденными». С фальсификациями или без, партия власти все равно набрала бы большее количество голосов, чем другие партии (официальный результат составил 49,32% голосов за «Единую Россию»; по неофициальным подсчетам, он сокращался до 38%). Более того, несмотря на фальсификации, другие зарегистрированные партии получили большее количество голосов, чем на предыдущих выборах, и их представительство в Госдуме значительно возросло. У «Единой России» (как затем и у В. Путина на президентских выборах 2012 года) не было сильного соперника, который мог бы с полным на то правом заявить об украденной победе: КПРФ, которая занимает второе место после ЕР по количеству голосов (как по данным опросов, проводимых до выборов, так и по данным экзит-поллов), стабильно набирала в три-четыре раза меньшее число голосов, то есть разрыв между партиями был очевидно слишком велик для претензий на «кражу». Кроме этого, согласно опросам общественного мнения, фальсификации не были

¹ Ibid. P. 254.

² Ibid. P. 260.

неожиданностью (49% опрошенных ожидали подтасовок на выборах в декабре 2011-го¹), следовательно, говорить о «моральном шоке», вызванном расхождением ожиданий и реальных результатов выборов или «неожиданностью» фальсификаций (которые, увы, представляют собой явление, привычное для российских избирателей²), также не приходится. Однако фальсификации стали триггером — пусть не для «цветной революции», но для массовых демонстраций. Почему это произошло?

Выборы среди других факторов мобилизации

Первый тезис нашей статьи состоит в том, что выборы являются не просто предлогом для массовых протестов или «последней каплей», переполнившей чашу терпения граждан, но также событием, выступающим как самостоятельный фактор мобилизации, без воздействия которого последняя имела бы меньший масштаб и другой характер. Несмотря на то что выборы стали повесткой протестного движения, мобилизация была подготовлена множеством других факторов, среди которых: экономический спад, снижение рейтингов партии власти и ее лидеров, либерализация режима, относящаяся ко времени президентства Д. Медведева, роль «обратной замены». Однако, как мы покажем ниже, их было недостаточно для старта протеста, и чтобы понять характер и динамику массовой политизации, внезапно произошедшей зимой 2011 года, необходимо обратиться к самостоятельной роли события выборов.

Можно выделить долгосрочные и краткосрочные тенденции, повлиявшие на рост протестных настроений и недоверия к партии власти. К долгосрочным относятся в первую очередь последствия экономического кризиса, постепенное нарастание неопределенности коллек-

¹ Гудков А., Дубин Б., Зоркая Н. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме. С. 18.

² Например, в 2007 году подтасовок ожидало даже большее количество опрошенных (58%), чем в 2011-м. О фальсификациях выборов в России и отношении к ним см. также: McAllister I., White S. Public Perceptions of Electoral Fairness in Russia // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63 (4). P. 663—683.

тивных представлений россиян о власти и изменения политического ландшафта и механизмов власти, сложившихся в 2008—2011 годах. Кирилл Рогов¹, рассуждая о сценариях развития политической ситуации после 2010 года, отмечает, что кризис 2008—2009 годов положил конец «эпохе стабильности», сильно повлияв на ее тренды и в первую очередь отразившись на политических ожиданиях граждан, усилив запрос на многопартийность и конкурирующую сильную партию². Белановский и Дмитриев³ отмечают, что, согласно опросам 2009—2010 годов, силу набирает тенденция роста рейтинга «Проголосую за кого-то третьего, не за Д. Медведева или В. Путина». Параллельно с этим после кризиса 2008 года происходит постепенное падение доверия к «партии власти»⁴. Согласно данным опросов, возросло число тех, кто не мог назвать партию, которая выражала бы их интересы⁵; и вместе с этим более половины (52%) опрошенных накануне выборов не верили, что посредством электоральной процедуры в России можно заставить власть делать то, чего ждут от нее избиратели.

Наконец, поддержку партии власти подорвали демографические изменения ее электората в 2007—2011 годах. По сравнению с 2007 годом среди тех, кто не собирался голосовать, сократилась доля молодых людей, людей с высшим образованием, предпринимателей и руководителей, относительно обеспеченных, но при этом возросла доля пенсионеров и относительно бедных — постоянного электората В. Путина и партии власти.

Еще одна долгосрочная тенденция, подготовившая благоприятную почву для роста протестных настроений и последующей мобилизации, была связана с политическими изменениями, которые произошли во время президентства Д. Медведева. Владимир Гельман отмечает⁶, что

¹ Рогов К. Гипотеза третьего цикла.

² Там же.

³ Белановский С., Дмитриев М. Политический кризис в России и возможные механизмы его развития.

⁴ Гудков А., Дубин Б., Зоркая Н. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме.

⁵ В сентябре 2011 года 28% опрошенных ответили, что такой партии нет, а 13% — «затрудняюсь ответить» (Там же, С. 12).

⁶ Гельман В. Режим, оппозиция и вызовы электоральному авторитаризму в России.

нечеткое разделение полномочий между президентом и премьер-министром и неопределенность положения самого Медведева привели к дезориентации аппарата управления, а «кадровые чистки» вертикали власти завершились тем, что она «превратилась в инструмент, который должен в дни голосования обеспечивать требуемые Кремлем показатели лояльности электората, но при этом не связан с решением проблем регионов и городов страны»¹. «Либерализация», наступившая при Медведеве, имела ряд побочных эффектов, которые вели к непреднамеренно завышенным ожиданиям у части элит и общества², что способствовало усугублению разрыва между общественным спросом и государственным предложением. Другим непредвиденным последствием «оттепели» стало возникновение новых гражданских движений и новых политических лидеров, подавление которых противоречило бы курсу на либерализацию, а также политизация «новой общественности», ставшей потенциальным резервом для мобилизации со стороны оппозиции.

Основным краткосрочным фактором, усилившим протестные настроения, стала «рокировка». Объявление об «обратной замене» во время XX съезда партии «Единая Россия» оказало крайне негативное влияние на настроения избирателей и привело к обострению интереса к выборам у оппозиционно настроенной части общества, до этого вяло реагировавшей на предстоящую кампанию³. Гудков, Дубин и Зоркая

¹ Как в своем интервью, посвященном мобилизации 2011 года, отметил Илья Бударайтский, «те механизмы, которые стратеги управляемой демократии считали своими самыми удачными изобретениями, оборачиваются против них сегодня», что порождает растерянность власти и приводит к неадекватной реакции на протесты, а также усиливает эффекты последних (Историк Илья Бударайтский — о том, почему протесты в России могут быть только мирными // Радио Свобода. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24424813.html> (дата обращения: 03.04.2014).

² «...риторика властей стимулировала нарастание спроса на либерализацию и верховенство права, но сами власти при этом не заботились о воплощении соответствующих лозунгов в жизнь» (Там же).

³ Так, в январе 2011 о своем интересе к выборам заявили только 39% опрошенных, в апреле и августе — 40%, в ноябре уже 60%. При этом среди тех, кто ответил на вопрос, интересуют ли его (ее) предстоящие в Государственную думу выборы, количество ответивших «определенно да» с января по ноябрь выросло почти в три раза (с 8 до 22%), а с августа по ноябрь — больше чем в два раза (с 10 до 22%). В то же время почти в два раза

делают вывод: «рокировка» *«стала фактором, усиливающим и кристаллизующим недовольство — особенно для части более активных, критичных, образованных и самостоятельных слоев населения, — как возмутительное свидетельство циничного отношения высшего руководства к роли всеобщих выборов, к ценности права граждан на выбор и к самой Конституции (курсив авторов. — М.З., Н.С.)»*¹. О высоких издержках «обратной замены», обсуждая причины массовой мобилизации, говорит также Владимир Гельман².

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что волну мобилизации, начавшуюся после парламентских выборов в декабре 2011 года, подготовили различные факторы, отразившиеся на том результате, который, вопреки фальсификациям, получила «Единая Россия», и способствующие росту протестных настроений. Однако, несмотря на события, которые оказали сильное влияние на рейтинги правящей партии, «недовольные горожане» вышли на улицу не после «рокировки», а после выборов. Демонстрации, посвященные теме «честных выборов», проводились как после «рокировки», так и до. Но, во-первых, они не были массовыми, а во-вторых — в них участвовали в основном «профессиональные» активисты, в то время как после 4 декабря к ним присоединились «новички», не принимавшие участия в уличных акциях и не входившие в какие-либо политические организации до декабря 2011 года. Почему именно фальсификации подтолкнули людей к участию в уличных демонстрациях?

сократилось число тех, кого выборы «определенно не интересуют», а в период с конца октября до конца ноября произошло довольно заметное падение готовности россиян поддержать ЕР, сопровождавшееся при этом небольшим (8%) ростом поддержки партий «системной» оппозиции. См.: Гудков А., Дубин Б., Зоркая Н. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме.

¹ Гудков А., Дубин Б., Зоркая Н. Российские парламентские выборы... С. 15—16. Здесь же нужно отметить, что, несмотря на это, лишь 24% опрошенных в сентябре оценили «рокировку» как «сговор политиков за спиной народа», в то время как 24 и 42% отметили соответственно, что это «нормальная процедура» и что правительство действовало «по заранее согласованному плану». 41% опрошенных отметили, что это не вызвало у них каких-либо особых чувств.

² Гельман В. Режим, оппозиция и вызовы электоральному авторитаризму в России.

«Украденные выборы» vs «украденные голоса»:
выборы как «личное дело»

Согласно определению Джаспера, «моральный шок», часто являющийся первым шагом на пути присоединения к социальному движению, происходит тогда, когда какое-то неожиданное событие или информация провоцирует чувство негодования, подталкивающее человека к участию в политическом действии¹. Авторы, которые писали о выборах как мобилизующей повестке, явно или неявно использовали модель, где эмоции порождает расхождение ожиданий и реальности: подъем надежд на победу кандидата во время предвыборной гонки и ее «кража»; вера в возможность повлиять на режим посредством голосования и внезапное осознание, что это невозможно; неожиданное использование фальсификаций там, где опыт фальсификаций отсутствует. Однако фальсификации на выборах 2011 года не были ни первыми в истории постсоветской России, ни неожиданными для избирателей². Хотя самые массовые митинги произошли там же, где был зафиксирован высокий уровень фальсификаций (не принимая во внимания Чечню и т.п.), на эти митинги парадоксальным образом вышли те, кто меньше всего доверял власти и больше всего был склонен рассматривать выборы как заведомо нечестные, то есть был больше всего готов к фальсификациям. Но, несмотря на то что в случае протеста в России отсутствует часть факторов, которые делают выборы благоприятной для мобилизации повесткой, фальсификации, тем не менее, становятся триггером протеста. На наш взгляд, это происходит потому, что особенности российского контекста, связанные с деполитизацией, создают условия для того, чтобы именно *выборы*, при заданных условиях

¹ Jasper J. Emotions and Social Movements: Twenty Years of Theory and Research. P. 409.

² См., например: Гудков А. О разочарованных в «Единой России» // Левада-центр, 9 декабря 2011. URL: <http://www.levada.ru/09—2012—2011/lev-gudkov-ozacharovannykh-v-edinoi-rossii> (дата обращения: 26.10.2013). Кроме того, в течение 2011 года обсуждалось, что предвыборная кампания ведется с большими нарушениями. В СМИ попадали сообщения о незаконной агитации с использованием административных ресурсов, непосредственно за несколько недель до выборов стала появляться информация о подготовке к фальсификациям.

и благодаря особенностям этой повестки как таковой, стали фактором мобилизации. Выборы — это идеальная форма, обеспечивающая возможность для массовой мобилизации в деполитизированном контексте, поскольку участие в них позволяет ощутить единство с другими — но не с помощью коллективного действия, а через индивидуализированный и частный акт собственного волеизъявления, обеспечивающий личную, непосредственную вовлеченность каждого отдельного голосующего¹. Таким образом, фальсификации, несмотря на «незначительность», все же создают «воображаемое сообщество ограбленных наблюдателей», обеспечивая массовость, хотя и не всеобщность участия. Кроме этого, сама индивидуализированность процедуры голосования делает возможным переживание фальсификаций, несмотря на их ожидаемость, как «морального шока», и поэтому не «украденные выборы», а «украденные голоса» становятся триггером протеста.

Борис Гладарев² и Карин Клеман³, описывая социальные движения в России последних десяти лет, подчеркивают, что основной причиной вовлечения в них людей становится непосредственная угроза их собственному благополучию⁴, или «поломка» на уровне «режима близости», если использовать терминологию Лорана Тевено. Толч-

¹ По предположению Олега Журавлева, «тема выборов как повод для массового протеста — это *форма*, соответствующая состоянию деполитизации и потребности в ее преодолении. С одной стороны, атомизация и отчуждение достигли своего предела и люди чувствуют потребность в объединении с как можно большим количеством других людей, а с другой стороны, действия в рамках этого объединения неизбежно остаются деполитизированными, индивидуализированными, частными. Фальсификации при подсчете голосов в рамках выборов — идеальный механизм для подобной конфигурации: он позволяет объединиться всем и почувствовать единство со всеми, а с другой стороны, он действует индивидуализированно — через чувство оскорбленного достоинства из-за украденного голоса» (Преодолевая деполитизацию: диалог участников Коллектива исследователей политизации // Политическая критика. 2013. № 1. С. 212—227).

² Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города.

³ Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России.

⁴ Так, например, К. Клеман выделяет три основные протестные повестки: льготы, жилье и труд (Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России).

ком для мобилизации может послужить вторжение в то, что связано с непосредственным существованием человека, — или же в то, что он воспринимает в качестве такового. Например, жители Петербурга присоединяются к градозащитным инициативам не потому, что они буквально владеют зданиями и землей города, но потому, что они воспринимают Петербург как личное, свое пространство и изменение его облика для них равнозначно вторжению в их собственный дом¹. На наш взгляд, выборы стали мобилизующей повесткой потому, что для тех, кто принял участие в голосовании, а затем — в митингах, они превратились из ничьей проблемы в «личное дело». Предвыборная кампания и особенно ее финал были восприняты как вторжение в сферу личного, которое не могло не задеть будущих участников протеста и на которое они не могли не ответить. Отданный голос — «мой голос», «украденный голос» — сыграл роль смычки между актом индивидуального волеизъявления и действиями власти. Таким образом, как и в движениях, проанализированных Клеман и Гладаревым, мы имеем дело с реактивным протестом, ответом на вторжение власти в близкую сферу. Однако в случае движения «За честные выборы» почва для подобного восприятия — и реакции на него — была подготовлена деятельностью оппозиционных политиков, СМИ и сознательной гражданской активностью самих людей. Можно сказать, что сценарий реактивного протеста был инсценировкой, в которой «украденный голос» выполнил функцию опосредования между актом индивидуального волеизъявления и действиями властей, создав тем самым взрывоопасное соединение разных элементов «реактивной мобилизации»².

Ян Макалистер и Стефен Уайт отмечают, что, в отличие от внешних наблюдателей, избиратели сами опускают свои бюллетени в урну

¹ Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. О «персонализации» участия в политике в России также см. главу 4 в настоящей монографии: Желнина А. «Я в это не лезу»: восприятие «личного» и «общественного» среди российской молодежи накануне выборов.

² В этом и состоит «политизирующий», преодолевающий деполитизацию эффект мобилизации 2011 года: факты, связанные с «личным делом», перестают быть причиной мобилизации и становятся ее технологией, сама мобилизация становится самоценной, а техника предъявления факта — важным средством обоснования политизации. Подробнее см. главу 1 в настоящей монографии: Журавлев О. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов.

и поэтому в некотором смысле обладают «правом собственности» на результат выборов¹. Очевидно, однако, что это «право собственности» не всегда становится основанием для недовольства фальсификациями². Можно предположить, что в случае мобилизации в декабре 2011 года «присвоение» собственного голоса и восприятие его в качестве «собственности» происходило не без помощи СМИ, где самые разные оппозиционные политики, и среди них Немцов и Навальный, предлагали стратегии протестного голосования, которые, в свою очередь, широко обсуждались блогерами, журналистами и экспертами³. Благодаря этому в месяцы, предшествующие выборам, произошла канализация абстрактного недовольства людей и недоверия власти в планирование определенных действий, которые могли бы это недовольство выразить, но не через коллективное действие, сопряженное с большими издержками, а через действие индивидуальное, совершенное в рамках легитимной процедуры, а именно — участие в выборах. В результате само это действие было наделено дополнительными смыслами: из рутинного и ничего не меняющего оно превратилось в манифестацию собственной позиции избирателя и его отношения к власти.

В нашем случае мы можем видеть, что право собственности распространяется на отданный голос, воспринимаемый как вещь, принадлежащая конкретному человеку. Поэтому фразу «мой голос украли» стоит воспринимать буквально, а не только как метафору. Например, один из участников Движения наблюдателей объясняет, что он решил стать наблюдателем, чтобы проследить, куда уходят его голоса. И поскольку он лично удостоверился в том, что с его голосом все в порядке, он не стал участвовать в протестах:

На митинги не пошел, потому что у меня голос не крали, потому что я сидел наблюдателем, смотрел, где мои голоса, и считал. (м., рабочий, 15 сентября 2012, Санкт-Петербург)

¹ McAllister I., White S. Public Perceptions of Electoral Fairness in Russia.

² Например, этого не происходило на выборах в предыдущие годы.

³ Подробнее об оппозиционных дискуссиях в СМИ накануне протестов см. главу 5 в настоящей монографии: *Алюков М.* От публик к движению: контрпубличные сферы в российском интернет-пространстве перед протестом.

Однако «голос» был не просто украденной собственностью. Благодаря дебатам по поводу стратегий голосования и настойчивого внимания СМИ к предстоящим нарушениям, а также нарастающему недоверью существующей властью формальный акт голосования, как уже отмечалось выше, был наделен дополнительной моральной и смысловой нагрузкой. Один из наблюдателей рассказывает:

Многие приходили с искренней верой в то, что их решение важно... было видно, что для многих людей это важно, что это не просто какая-то дань традиции, что они пытаются принять решение о своем будущем¹.

Обе стратегии протестного голосования — «За любую партию, кроме «Единой России»», предложенная А. Навальным, и «НаХ-НаХ», к которой призывал Б. Немцов, — будучи различными по сути, предполагали стратегию «голос», а не «выход»². При этом выбор в пользу конкретной партии был менее значим, чем сам факт участия и возможность распорядиться своим голосом самостоятельно, не отдав его «партии власти». Отобрать это право означало не просто нарушить Конституцию или другой универсальный свод правил: «...последнее, что осталось у человека в России, — свобода выбора — они [власть] попирают это» (ж., около пятидесяти пяти лет, среднее специальное образование, на пенсии, 20 октября 2012, Москва). Именно поэтому лозунг «Я не голосовал за этих сволочей, я голосовал за других! Верните мой голос!» во время зимних и весенних протестов звучал намного чаще, чем лозунги в поддержку отдельных партий или кандидатов³. Таким образом, если в случаях мобилизации, описанных Гладаревым и Клеман, поломка на уровне режима близости была причиной мобилизации, которая затем приводит к политизации некоторых активистов, то в нашем случае «личное дело» — выражение собственного мнения,

¹ Разгневанные наблюдатели. Фальсификации парламентских выборов глазами очевидцев. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 224.

² Хиршман А. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009. 156 с.

³ Количество последних исчисляется единицами, и такие лозунги звучат только во время региональных митингов, организованных системной оппозицией.

кристаллизовавшееся в акте голосования, — изначально встроено в политическое, а именно в систему репрезентации, которая в отсутствие институционализированной системы артикуляции политических интересов становится своеобразным механизмом самопредставительства¹. Возвращаясь к нашему первому аргументу о выборах как самостоятельной мобилизующей повестке, можно сказать: они являются не только поводом и последней каплей, но и событием, особенным в ряду предыдущих мобилизующих повесток, потому что именно во время выборов в 2011 году происходит схождение личного и политического, которое затем станет одной из определяющих черт будущих практик политического участия активистов ДЗЧВ.

Можно резюмировать причину возмущения участников митингов в одной фразе: «Мой голос украли, нагло и цинично». Указание на кражу является указанием на конкретный факт нарушений на определенных участках, где было проведено голосование, и одновременно, как и в случае «украденных выборов» или «значительных фальсификаций», — на веру в то, что фальсификации имели место. Если в первом случае речь идет о конкретном голосе, то во втором — о самом принципе подсчета, из-за которого даже голоса, которые не были «украдены» на конкретных участках, потеряли свою ценность в глазах избирателей, так как были «украдены» другие, а вбросы и пересчеты в пользу партии власти изменили конечный результат голосования. Но участники протестов были возмущены не только фактом фальсификаций, но и тем, какими они их увидели, — их «циничностью», «наглостью» и «неприкрытостью».

...Ну-у, мне очень не понравилась фальсификация, бессовестность и наглость. Не люблю такой цинизм. Поэтому вот на волне этого беспредела и пришла [на митинг]. (ж., немолодая, учитель, 4 февраля 2012, Санкт-Петербург)

А что завело лично меня — когда прошли парламентские выборы, они не сочли за труд спрятать то, как они воровали голоса. Мы заходим

¹ Подробнее об индивидуальном самовыражении в рамках политической системы репрезентации см. главу 10 в настоящей монографии: *Журавлев О., Савельева Н., Алюков М.* Куда движется движение: идентичность российского протеста.

на сайт Бутовской управы или чего-то, где я живу. Понимаете, микрорайон Бутово — достаточно компактное поселение однородной массы. Мы смотрим по участкам: «Единая Россия» — 32%, 40%, фига! — 89%! Все лежало в открытом доступе. Я понял, что я живу на участке, где вбросили. Вот эта беззастенчивость — она вывела из себя. (м., 1970 г.р., высшее образование, менеджер среднего звена, работает в корпоративном PR, 12 июня 2012, Москва)

Когда фальсификации незаметные, маленькие, да, они на каждых выборах были. Но когда это происходит настолько массово, неприкрыто и нагло, когда у нас почему-то чиновники решают, кто будет президентом, а не народ волеизъявляется, то это уже странно. (ж. 1987 г.р., среднее специальное образование, работник сферы услуг, 25 февраля 2012, Санкт-Петербург)

Можно предположить, что и внимание, и сама «неприкрытость» фальсификаций стали результатом нарушения «процедурной легитимности» (*performance legitimacy*), которая в авторитарных режимах компенсирует дефицит демократии. Эта роль «процедурной легитимности» делает авторитарные режимы «чрезвычайно зависимыми от мастерства и навыков, с помощью которых контролирующие механизмы регулируются правящими группами»¹. По свидетельствам экспертов, наблюдавших за ходом избирательной кампании 2011 года, шаги, предпринятые властью, выглядели настолько неуклюжими и непродуманными, что это могло стать поводом для политического недовольства. Иными словами, элиты дали сигнал о том, что они не полностью контролируют ситуацию². С одной стороны, период либерализации породил новых оппозиционных лидеров и социальные движения, благодаря усилиям которых во многом и было обеспечено «обостренное внимание» к предстоящим выборам и проблеме фальсификаций, а с другой — «зачистка» «вертикали власти», ослабившая ее позиции в регионах, и преждевре-

¹ *Case W. How Do Rulers Control the Electoral Arena?*

² Гельман В. Как Кремль своими руками нанес удар по «Единой России» // Слон.ру, 6 декабря 2011. URL: http://slon.ru/russia/kak_kreml_svoimi_rukami_nanes_udar_po_edinoj_rossii—722192.xhtml (дата обращения: 09.03.2014).

менное заявление о рокировке, уже вызвавшей негодование широкой общественности, привели к дезориентации элиты и предопределили ее промахи во время проведения предвыборной кампании:

Поскольку Путин и Медведев уже назначили себя новыми главами государства и правительства задолго до дня голосования, и спецоперация должна была лишь подтвердить принятое ими ранее решение на ближайшие 6, а то и на 12 лет, то никаких новых стимулов к достижению более высоких результатов голосования Кремлем предложено не было, а старые (особенно на фоне благостных прогнозов за несколько месяцев до 4 декабря) уже не действовали. Поэтому неудивительно, что и ЕР, и вся «вертикаль власти» вели кампанию, скорее, по инерции, и даже снижение уровня поддержки статус-кво, фиксировавшееся опросами в течение осени, не повлияло на какие-либо коррективы. Собственно, даже масштабные фальсификации итогов голосования на местах тоже отчасти стали экспромтом, вызванным паникой после получения первых данных экзит-пулов и результатов ЕР с Дальнего Востока. Если бы фальсификации готовились, говоря словами Жванецкого, «тщательнее», то и их разоблачение было бы не столь крупномасштабным и не имело бы столь обширного публичного резонанса¹.

То есть реакция на фальсификации стала результатом схождения двух различных тенденций: *моральной инвестиции в голосование*, ставшей в том числе результатом деятельности оппозиционных лидеров и СМИ и позволившей пережить нарушения как нечто глубоко личное, и *нерасторопности самих фальсификаторов*. А повышенное внимание к выборам, личный опыт участия в наблюдении и опыт друзей, многочисленные свидетельства и документальные подтверждения способствовали тому, что даже «ожидаемые» фальсификации, ставшие реальностью, произвели эффект разорвавшейся бомбы. Особенно ярко этот контраст между «ожидаемыми» и «настоящими» фальсификациями проявляется в комментариях наблюдателей, которые столкнулись с ними лично:

Перед думскими выборами я полагал, что будут фальсификации, но я не предполагал увидеть это бесчестие. И сейчас, когда я был на

¹ Там же.

президентских выборах в качестве наблюдателя, я увидел человеческую подлость во всей красе. (м., ок. 1989 г.р., студент, работает в сфере PR, 15 февраля 2012, Санкт-Петербург)

Таким образом, в основе диссонанса, породившего «моральный шок» и вылившегося в негодование, которое подтолкнуло прежде аполитичных людей к участию в массовых акциях, лежит противоречие между «ожидаемыми» (то есть абстрактными и далекими от повседневного опыта) фальсификациями, с одной стороны, и, с другой стороны, — фальсификациями, с которыми люди столкнулись лично: во-первых, благодаря собственному опыту наблюдения и опыту своих друзей, а также документальным свидетельствам, которые сделали фальсификации осязаемо близкими, во-вторых — благодаря сильной моральной и смысловой нагруженности самого акта голосования. Совпадение этих факторов позволило будущим участникам протестов пережить столкновение с фальсификациями как личный опыт, даже когда фактически они не были их непосредственными свидетелями. Если, как пишет Сергей Прозоров¹, для ситуации деполитизации характерно, что власть и общество находятся в параллельных мирах, никак не соприкасаясь друг с другом, то выборы на какое-то время образовали публичную сферу, которая сделала государство и общество акторами, действующими в одном пространстве. Однако со стороны протестующих восприятие этого взаимодействия оставалось деполитизированным, о чем говорит персонификация обоих акторов этого взаимодействия. Фальсификации были восприняты как личное оскорбление, а действия власти — как выражение «неуважения». Можно сказать, что это взаимодействие в рамках публичного пространства было перекодировано протестующими в формат «личных отношений», благодаря чему высказывания участников митингов наполнились непривычной для политических мероприятий риторикой персональной коммуникации («мне не понравилось, как со мной поступили», «меня обидело такое отношение», «они считают нас за идиотов», «меня унизили», «хватит

¹ Прозоров С. Второй конец истории: политика бездеятельности от перестройки до Путина [Электронный ресурс].

нас игнорировать»), квинтэссенцией которой стал лозунг: «Ты сделал мне больно!» На эту персонификацию взаимодействия в публичном пространстве и восприятие фальсификаций как «личного дела» указывают высказывания самих участников митингов, которые, вспоминая о том, как они приняли решение выйти на первый митинг, говорят об опыте унижения и чувстве оскорбленного достоинства:

...самым, наверное, большим толчком стало практически мое личное унижение господином Путиным, когда он назвал меня, в частности, какими-то мерзкими, отвратительными словами. После первого митинга, на котором меня не было, он всех людей назвал бандерлогами, с презервативами ходящими, и это меня... Он унизил в этот момент лично меня. Я посчитал делом собственной чести принять участие во всех последующих акциях. (м., около тридцати лет, высшее образование, менеджер, 4 февраля 2012, Москва)

Да, я думаю, что важно, [чтобы выборы были честными. — *М.З., Н.С.*], потому что считаю, что хоть какие-то выборы, но они должны быть честными, не надо забывать, что мы не дураки, что у народа есть глаза и ум, что мы все понимаем прекрасно, и считать нас за дураков. Я не уверен, что мы сможем этого Путина сдвинуть, потому что за ним большие структуры финансовые. Глава страны, что там говорить. Но на самом деле хотя бы показать то, что, блин, мы не тупые было, то, что мы видим эти нарушения, то, что мы знаем, что ты обманываешь. Зачем ты это все делаешь? (м., около тридцати лет, высшее образование, историк, 5 марта 2012 года, Санкт-Петербург)

Одна из наблюдательниц, на чьем участке произошли фальсификации, которые ей не удалось предотвратить, так описывает свой опыт:

В пять утра пришла домой и расплакалась. Мне нанесли глубокую личную обиду¹.

¹ Разгневанные наблюдатели. Фальсификации парламентских выборов глазами очевидцев. С. 106.

Не менее ярко, чем в интервью, эти эмоции проявляются в лозунгах: «Нас нае**ли», «Ты меня обидел», «Мы не быдло», «Мы не стадо», «Хватит делать из нас дураков», «Меня надо уважать» и т.д. Вторым чувством, которое одновременно и указывает на порождающий его механизм «личного дела» и личной ответственности, и мобилизует на дальнейшие действия, является стыд. Именно стыд испытывают те, кто не смог «отстоять» чужие голоса, переживая это как личный провал; стыд перед другими заставляет выходить на митинги и становиться наблюдателем:

Меня выпроводили из ТИК Арбат. Еще одну жалобу, как мне предложили, я писать не стал. Думал, умру от стыда. На улице начинался дождь, щеки горят. На автопилоте доехал до дома. Выхожу из машины и чувствую, что слезы обжигают щеки. А я думал, я уже забыл, как это. Как безумно стыдно, что я не справился, не справился с той ответственностью, которую возложили на меня 697 избирателей нашего участка. Владимир Натанович, извините, я не смог спасти ваш голос, попросите прощения у Анны Юльевны, я и ее голос не уберег. Мама, ты тоже прости. И все 697 избирателей участка № 6, простите меня¹.

На самом деле я ничего от этого митинга не жду. Стыдно было не прийти, и я пришел. (м., 1986 г.р., высшее образование, журналист, 13 января 2013)

Таким образом, восприятие выборов как «личного дела» превратило факт голосования в смычку между отдельным индивидом и «системой»; наличие этой смычки сделало выборы потенциально мобилизующей повесткой. Благодаря этому фальсификации, несмотря на их ожидаемость, стали катализатором протеста. Чиновники не смогли должным образом провести предвыборную кампанию и проконтролировать результаты выборов, а допущенные на участки наблюдатели сделали факт неряшливых подтасовок достоянием общественности. Так будущие участники протестов, получив в распоряжение личные свидетельства и копии

¹ Разгневанные наблюдатели. Фальсификации парламентских выборов глазами очевидцев. С. 189.

протоколов, узнали, что их голос не просто «украли», а «украли» «нагло» и «беззастенчиво». «Власть» не только не учла этот голос, тем самым как бы отказав им в самом факте существования, но и «унизил» их беззастенчивостью фальсификаций. *Поэтому участие в митингах стало закономерным продолжением участия в выборах: основной целью и тех и других было продемонстрировать «власти», что те, кого она игнорирует, существуют и они недовольны.* Отказ власти признавать это породил негодование, которое питало две мобилизующие эмоции: унижение и стыд. Эти эмоции взаимосвязаны (унижение порождает стыд, в первую очередь — перед самим собой), и они обе указывают на то, что затронуто было *достоинство* индивида, что-то, что находится в самом основании его личности и самоощущения. Именно эта связь определяет третью особенность этих эмоций: они всегда требуют сатисфакции. Выражением этого требования и желания «отстоять честь» стала массовая мобилизация, которая воспроизвела то же послание, которое было заключено в акте голосования, но уже в формате уличных демонстраций.

Анализ данных

Вторая часть нашей главы посвящена проверке двух обозначенных выше тезисов о роли выборов в массовой мобилизации с помощью количественного анализа. Мы проверим три гипотезы.

Гипотеза 1. Существует непосредственная связь между массовостью протестов и неудовлетворенностью процедурной стороной проведения выборов. Другими словами, мы обращаем внимание на ситуативность мобилизации и проверяем ее привязанность к событию выборов — как с точки зрения времени и места их проведения, так и с точки зрения осознания нечестности выборов декабря 2011 года как центральной политической проблемы страны. Для проверки этой гипотезы мы проанализируем роль фреймов¹, то есть схем интерпретаций ситуаций

¹ Snow D., Burke R., Steven K., Benford R. Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation // American Sociological Review. 1986. № 4 (51). P. 464—481.

и событий, позволяющих индивидам установить связь между собственным недовольством и коллективной повесткой, которые производили мобилизующий эффект на разных этапах протеста с декабря 2011-го по апрель 2012 года.

Гипотеза 2. Восприятие выборов как «личного дела» является сильным мобилизующим фактором. Для проверки этой гипотезы мы выделим типы лозунгов, различающиеся по субъекту высказывания (от первого лица единственного числа — «Я», от первого лица множественного числа — «мы» и безличные высказывания), и проанализируем их вклад в масштаб протестных акций¹.

В качестве контрольной переменной, позволяющей удостовериться в релевантности или выявить нерелевантность первых двух, мы будем использовать фактор репрессий со стороны государства. Отсюда наша последняя гипотеза:

Гипотеза 3. Фактор репрессий со стороны государства — миноритарный предиктор частоты и массовости протестов. То есть мы предполагаем, что репрессии не оказали решающего влияния на массовость протестов.

Как известно, репрессии являются одним из ключевых коррелятов любых массовых протестных акций, несмотря на то что характер соотношений между вероятностью и масштабом протеста и репрессиями до сих пор является спорным вопросом в литературе по социальным движениям². На первый взгляд кажется, что репрессии не сыграли определяющей роли в динамике протестов 2011—2012 годов. Так ли это? Снижают ли репрессии вероятность возникновения протеста или же, наоборот, «подливают масла в огонь»? Представляют ли эти отношения линейную зависимость или же более сложную U-образную функцию? Мы попытаемся отчасти затронуть и эти вопросы, анализируя

¹ О том, каким образом были выделены разные типы фреймов и субъекты высказываний, подробно будет рассказано ниже.

² *De la Calle L., Sánchez-Cuenca I.* Social Mobilization and Political Violence: What Link? // Paper prepared for the workshop on «Typologies of Political Violence», European University Institute, Firenze, 13—14 May, 2013; *Carey S.* The Dynamic Relationship between Protest and Repression // *Political Research Quarterly*. 2006. № 59. P. 1—11; *Davenport C.* State Repression and Political Order // *Annual Review of Political Science*. 2007. № 10. P. 1—23.

эмпирические данные, хотя данный сюжет и не является центральным для нашей статьи.

Нами была сформирована база данных за 2011 и 2012 годы, содержащая информацию о частоте протестов, типах лозунгов и об ответных репрессиях за каждый день на основе коллекции протестных лозунгов PEPS¹ (Protest Events, Photos, and Slogans), собранных за период с ноября 2011-го по октябрь 2012 года, и базы событий GDELT (Global Data on Event, Location, and Tone)². Выбор этих источников не случаен.

Количественный анализ протестов всегда был слабым звеном практически в любом исследовании, так как достоверно зафиксировать частоту и численность протестных акций крайне сложно, равно как и определить жанр происходящего. Иногда используются данные правоохранительных органов, но их достоверность часто сомнительна. Альтернативой является использование опросов, проведенных в день протестов. Однако такие данные редко доступны для всех протестов, которые имели место даже в относительно короткий период (4—5 месяцев, как в нашем случае), и для всех регионов. Еще одна альтернатива — использование материалов средств массовой информации (интернет, печатные издания). В частности, стоит упомянуть популярные базы данных, содержащие сведения о частоте тех или иных протестных событий: Banks' Cross-National Time-Series Data Archive (CNTS)³ и World Handbook of Political and Social Indicators (WHPS). Но эти данные не могут быть использованы в нашем исследовании по двум техническим причинам: данные о частоте протестов агрегированы на уровне года, а набор СМИ, на основании сообщений которых происходит кодировка, не является репрезентативным⁴.

По этой причине предпочтение было отдано новой базе данных GDELT. Как и предыдущие источники, она основывается на сообще-

¹ База данных PEPS. URL: <http://gabowitsch.net/peps-ru/> (дата обращения 26.02.2014).

² База данных Global Data on Events, Location, and Tone (GDELT): URL: <http://gdeltproject.org/data.html> (дата обращения 26.02.2014).

³ Banks A. Cross-National Time-Series Data Archive (CNTS) 1815—2008. Binghamton, New York, 2012.

⁴ Например, до недавнего времени в CNTS в качестве источника использовались исключительно материалы из «New York Times».

ниях новостных агентств и ключевых СМИ (AfricaNews, Agence France Presse, Associated Press, Associated Press Online, Associated Press Worldstream, BBC Monitoring, Christian Science Monitor, Facts on File, Foreign Broadcast Information Service, The New York Times, United Press International, and The Washington Post), а также охватывает локальные медиа, включая русскоязычные и российские. Сбор информации производится автоматизированным способом по формуле «кто, сделал что, кому и когда». Как указано на официальном сайте проекта: «GDELT опирается на десятки тысяч репортажей, печатных и онлайн-сообщений практически со всех уголков земного шара на более чем 100 языках, начиная с 1979 года»¹.

Необходимо отметить, что данный источник информации имеет также и ряд недостатков. Так, в базе фиксируются в основном сообщения СМИ о том или ином событии, что отнюдь не является прямым измерителем численности или частоты протестов. Однако частота сообщений, как правило, достаточно точно схватывает медийную значимость события (salience) и хотя бы косвенно отображает масштаб протестов. На основе этой базы данных мы определили частоту сообщений, отображающих протестную активность (демонстрации, бойкоты, голодовки, участие протестующих в насильственных акциях) за каждый день, зафиксированную на территории Российской Федерации с 1 ноября 2011-го по 1 мая 2012 года.

Помимо этого, составленная нами база содержит информацию о количестве зафиксированных различными СМИ репрессивных действий. На основе данных GDELT мы отфильтровали действия, которые могут быть охарактеризованы как политические репрессии. Поскольку база позволяет идентифицировать субъект и объект действия, мы сфокусировались исключительно на репрессивных действиях со стороны государственных агентов (государство, правительство, полиция, спецслужбы, военные и т.д.).

Коллекция лозунгов PEPS на данный момент содержит лозунги, зафиксированные во время акций, посвященных «честным выборам»,

¹ База данных Global Data on Events, Location, and Tone (GDELT): URL: <http://gdeltproject.org/about.html#datasources> (дата обращения 26.02.2014).

с ноября 2011-го по октябрь 2012 года, однако наиболее полный комплект данных собран с начала декабря 2011-го по май 2012-го. Наши выводы будут касаться именно этого временного отрезка, охватывающего период между двумя выборами — в Государственную думу РФ (4 декабря 2011) и президентскими (4 марта 2012). База содержит данные об акциях как на всей территории России, так и за ее пределами. По ряду параметров PEPS отличается от существующих баз количественных данных об акциях протеста: основным источником данных являются материалы непосредственных очевидцев и участников акций протеста — записи в блогах, фотоотчеты и т.п.; база включает в себя каждый задокументированный лозунг, что позволяет изучать требования и формы самовыражения протестующих на беспрецедентном в научной практике уровне детализации; в PEPS сохранены копии использованных фотографий, а также всех иных электронных источников (новостных статей, записей в блогах и т.д.). Хотя коллекция лозунгов PEPS не охватывает абсолютно все протестные акции, зафиксированные в исследуемый период, мы допускаем, что на данный момент — это самый достоверный источник информации о лозунгах, который максимально полно охватывает столичные, региональные и зарубежные протесты. Последнее обстоятельство дает уникальную возможность проследить, как именно формулировали свою мотивацию участники протестов¹.

Далее, на основе анализа более 6 тыс. лозунгов для каждого протестного действия (митинга, демонстрации, пикета и т.д.) нами была зафиксирована частота и относительная доля лозунгов, которые мы закодировали по двум основаниям: типу фрейма и субъекту высказывания².

Фрейм в литературе по общественным движениям — это схема интерпретации, которая позволяет индивидам локализовывать, осознавать, идентифицировать и маркировать различные события и ситуации³. Поэтому, независимо от особенностей движения, необходимым условием

¹ База данных PEPS. URL: <http://gabowitsch.net/peps-ru/> (дата обращения 26.02.2014).

² Поскольку кодирование лозунгов является субъективной процедурой, в качестве теста на надежность и непротиворечивость кодировки 1000 лозунгов независимо кодировали три специалиста. Доля совпадений в кодировке составляет 79—80%.

³ *Snow D., Burke R., Steven K., Benford R.* Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation. P. 464.

участия в нем является фреймирование (frame alignment): это процесс, обеспечивающий связь индивидуальных интерпретаций и интерпретаций, предлагаемых движением или его ключевыми игроками, в результате которого индивидуальные интересы, ценности и представления становятся соотносимыми с деятельностью, целями и идеологией этого движения. Как отмечает Лассе Линдекильде, анализ фреймов, уделяя основное внимание причинам участия и мобилизации, фокусируется прежде всего на том, как определенные идеологические конструкции стратегически используются для того, чтобы фреймировать определенную тему¹.

Принимая во внимание тот факт, что ни до начала массовых акций, ни после них у движения «За честные выборы» не существовало какого-либо одного или даже нескольких лидеров и организаций, с деятельностью которых можно было бы однозначно связать появление различных мобилизующих фреймов, мы используем это понятие, подразумевая, что появление определенных фреймов было результатом деятельности не только лидеров движения, но и его рядовых участников². Таким образом, мы выделяем семь основных мобилизующих фреймов³, которые были артикулированы с помощью лозунгов: фрейм «честные выборы», «оппозиционный» фрейм, «правовой» фрейм, фрейм «солидарность», фрейм «социальные требования» и фрейм «выражение эмоций». К последней, седьмой категории мы отнесли абстрактные высказывания, связанные с такими призывами, как «Вставай, страна огромная!», которые не смогли приписать какому-либо конкретному фрейму⁴.

¹ Lindekilde L. Discourse and Frame Analysis: In-depth Analysis of Qualitative Data in Social Movement Research // Methodological Practices in Social Movement Research (forthcoming) / D. della Porta (ed.).

² О фреймах, спонтанно конструируемых рядовыми участниками общественных движений, см. работы Гэмсона, напр.: Gamson W. Talking politics.

³ Для интерпретации лозунгов и отнесения их к тому или иному типу фрейма мы также обращались к данным интервью, проведенных на митингах, используя их в качестве ресурса для интерпретации, который позволял определить, какой смысл участники митингов вкладывали в тот или иной лозунг, рассматривая и интервью, и лозунги как часть одного «текста» движения. О соотношении фрейм-анализа и дискурс-анализа подробнее см.: Lindekilde L. Discourse and Frame Analysis: In-depth Analysis of Qualitative Data in Social Movement Research.

⁴ Этот фрейм во многом служит строительным материалом для «абстрактной коллективной идентичности», утверждающей самоценность солидарности; подробнее об

Первый мобилизующий фрейм — это фрейм «честных выборов». В основе относящихся к нему лозунгов лежит недовольство фальсификациями на выборах, выраженное тем или иным образом: через требование «честных выборов», проведения перевыборов, пересчета голосов, отставки Чурова, через обличение организаторов фальсификаций, демонстрации свидетельств подтасовок, отказ в легитимности выбранной «нечестным» путем власти («Мы вас не выбирали!»). Кроме того, в эту категорию также попадают лозунги, указывающие на факт «кражи голоса» («Мой голос украли!», «Верни мой голос, волшебник!» и т.д.) и на эмоции, связанные с фальсификациями и реакцией на них руководства страны («Нас обманули!», «Мы не быдло!», «Вы достали меня этими выборами!»). Наконец, к этой категории мы также отнесли лозунги, в которых обозначен ответ на официальную реакцию властей и провластных СМИ на проведение митингов, требующих «честных выборов» («Я сетевой хомячок!», «Я не макака с г**доном, я гражданин с голосом!», «Я — НЕ оппозиция, я гражданин своей страны!», «Я против лжи!» и др.).

Второй фрейм мы назвали «оппозиционным» потому, что он объединяет лозунги, в которых в той или иной форме выражено недовольство существующим режимом и его ключевыми фигурами: В. Путиным, Д. Медведевым и партией «Единая Россия». К этой категории относятся требование отставки В. Путина, высказывания, обличающие тех, кто руководит страной, или указывающие на личное (негативное) отношение к ним («Путин, уходи!», «За 3 [третий] срок... на нарах», «Я за любимую, а не за Единую», «Единая Россия — партия жуликов и воров!», «Едро в ведро!», «И ЭТО мой президент?!», «Я готов менее одеваться» и т.д.).

Третий фрейм связан с требованиями соблюдения законов РФ и конституционных прав граждан: свободы голоса и свободы СМИ, освобождения политических заключенных, пресечения коррупции, контроля над работой судов, милиции и т.д. Их объединяет апелляция к правилам и процедуре, поэтому они, с одной стороны, отделены от социальных требований (которые скорее обращаются к аргументам социальной справедливости) и, с другой стороны, от требования «честных

этом см. главу 10 в настоящей монографии: Журавлев О., Савельева Н., Алюков М. Куда движется движение: идентичность российского протеста.

выборов» (например, регистрации оппозиционных партий, возвращения графы «против всех» или порога явки), которые, судя по интервью, не в последнюю очередь также отсылают к необходимости налаживания работы «системы в целом», но, согласно поставленным нами задачам, выделены в отдельную категорию.

Четвертый фрейм — «солидарности» — объединяет лозунги, выражающие солидарность с протестующими в других городах или странах («Мы с вами!», «Уфа, Гамбург с Вами» и т.д.).

Пятый фрейм, связан с выдвижением конкретных социальных требований и привлечением внимания к социальным проблемам отдельных людей или социальных групп («Где доступное жилье, б**ть?», «Город для пешеходов и велосипедистов», «Верните вклады с 1991 г. Как прожить на пенсию?», «БЦБК — угроза Всемирному природному наследию!», «Бензин слишком дешевый», «Привет от участников юмористической программы “Молодой семье — доступное жилье!”», «Против коммерциализации образования!» и др.).

Наконец, седьмой фрейм, не вполне точно названный нами «выражение эмоций», не связан с какими-либо требованиями. В отличие от всех предыдущих фреймов, которые объединили лозунги, обращенные в первую очередь к власти как к основному референту высказывания и к протестующим в других городах (фрейм «солидарность»), этот фрейм объединяет высказывания, которые участники конкретного митинга адресуют другим участникам этого же митинга (в том числе стражам порядка и ораторам, выступающим со сцены) и всем тем, кто «такие же, как они». Эти высказывания, основным содержанием которых действительно являются эмоции, связаны с созданием коммуникативного пространства непосредственно внутри митинга («Nice to meet you!», «Полицейский, помни: в этой толпе — твой сын!», «Спасибо, что пришли!», «Завтра улыбнемся по-настоящему», «Омон, вспомни — ты не винтик, ты человек», «Эй, на сцене! Вы нам программу, мы вам поддержку», «Развивай сам свой город и свою страну или давай вместе!», «С днем рождения, гражданское общество!», «Вместе мы сможем!» и др.). Также в эту категорию мы отнесли лозунги, выражающие позитивные эмоции и пожелания, не связанные непосредственно с какой-либо политической повесткой или требованиями «честных выборов» (например, «Люди, будьте добрее!»).

Следующий важный параметр, который мы считаем ключевым для исследования, — это различение субъекта высказывания. Анализируя каждый лозунг, мы фиксировали, от какого лица сформулировано высказывание, и разбили все лозунги на три категории: от первого лица единственного числа («Мой голос украли», «Путин не мой президент» и т.д.), от первого лица множественного числа («Мы не оппозиция, мы ваши работодатели», «Верните наши голоса» и т.д.) и безличные («требуем...», «Путин вон!», «Россия, вставай» и т.д.). Использование местоимения «Я» в данном случае указывает на высокоперсонализированное восприятие ситуации. Цитаты из кинофильмов, художественных произведений или выступлений публичных лиц, содержащие местоимения «Я» или «Мы», кодировались как безличные, так же как и те случаи, когда субъект высказывания был обозначен с помощью обобщающих категорий «народ», «граждане», «страна» и др.

Данные по протестам агрегированы на двух уровнях: по дням и по месяцам. Динамика по дням максимально детально и приближенно к реальности отображает ход протестных акций, в то время как динамика по месяцам выглядит более сглаженной и имеет меньше флуктуаций. Иными словами, анализируя динамику по месяцам, мы сможем на расстоянии увидеть некоторые закономерности, «очищенные» от случайных помех.

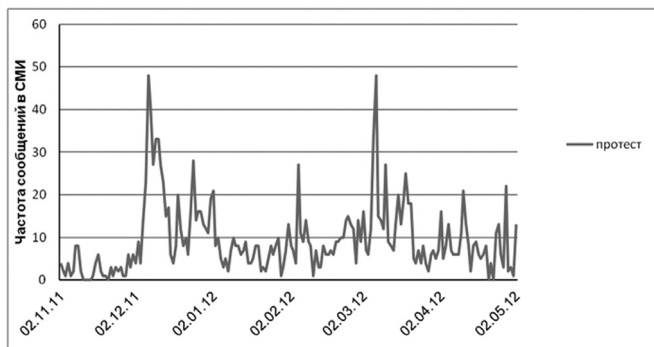
Для анализа данных использованы как методы описательной статистики, так и анализ временных рядов, или ARIMA (autoregressive integrated moving average, интегрированная модель авторегрессии — скользящего среднего, или модель Бокса—Дженкинса), что позволило не только визуализировать динамику протестов, но и попытаться выявить причинно-следственные связи.

Обсуждение результатов

Если обратиться к Графикам 1 и 2, очевидно, что максимальная частота протестов наблюдается в декабре 2011-го и марте 2012 года, при наличии всплесков в феврале и апреле 2012-го¹. Уровень протестных

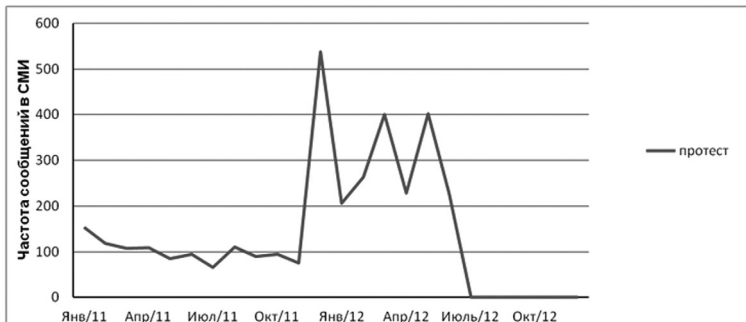
¹ Напомним, что эти данные не являются зеркальным отражением реальности; они лишь отображают частоту сообщений в СМИ и потому имеют склонность игнорировать

График 1
Частота сообщений в СМИ о массовых протестных акциях
(2011—2012) по дням

Источник: GDELT

График 2
Частота сообщений в СМИ о массовых протестных акциях
(2011—2012) по месяцам

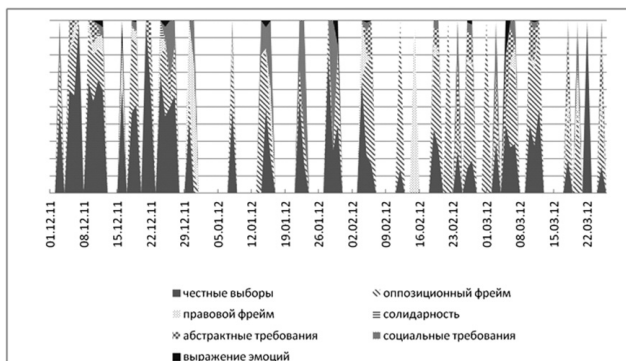

настроений остается довольно высоким между парламентскими и президентскими выборами, в то время как протестная волна довольно резко идет на спад после президентских выборов.

менее масштабные протестные акции (conservative bias). Иными словами, есть опасность недоучета каких-то событий.

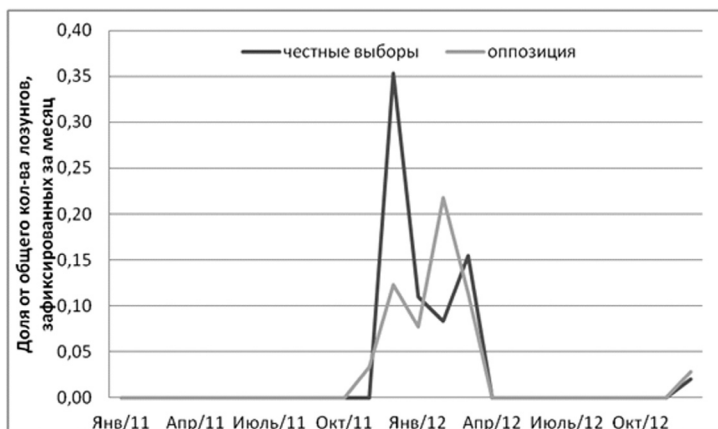
Если обратиться к анализу конфигурации или композиции различных фреймов, способов определения, экспликации событий, то можно заметить, что в ежедневной перспективе (График 3) в декабре

График 3
Композиция фреймов во время протестов 2011—2012 годов

Источник: GDELT, PEPS

График 4
Динамика фреймов «честные выборы»
и «оппозиция» по месяцам
(доля от общего числа лозунгов, зафиксированных за месяц)

наблюдается преобладание мотивов, связанных с нечестными выборами и украденными голосами. Оппозиционный фрейм также важен, однако второстепенен. Затем происходит снижение количества лозунгов, апеллирующих к качеству электоральных процессов, они как будто замещаются оппозиционными и более социально ориентированными. Возможно, это связано с тем, что во многих регионах повестка протестующих в конце января и феврале была перехвачена местными отделениями партий (например, КПРФ)¹. Мотив честных выборов и украденных голосов несколько запоздало возникает лишь в апреле 2012-го. Наиболее отчетливо этот паттерн виден на Графике 5, где фреймы «честных выборов» и процедурной легитимности меняются местами с антирежимным и антипутинским фреймом, который зачастую обосновывает свои лозунги не через право и факты, а через эмоции, мораль и политические предпочтения.

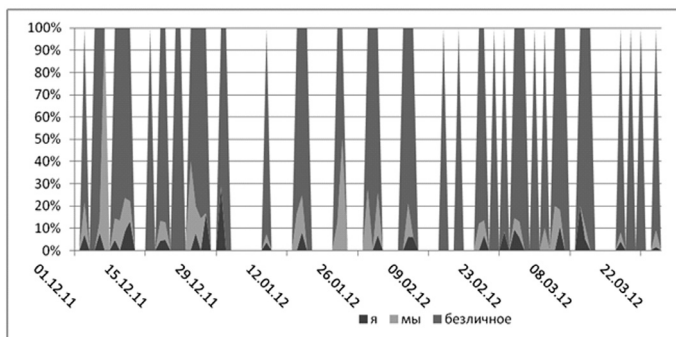
Подавляющее большинство лозунгов не содержат указания на субъект высказывания (График 6). Тем не менее, говоря о связи с тем или иным фреймом, именно высказывания от первого лица (я-идентификация) наиболее сильно и значимо связаны с фреймом «честных выборов» и «личной обиды, оскорбления» (см. Таблицы 1, 2). Каждый лозунг, содержащий высказывание от первого лица, на 12—18² единиц увеличивает упоминаемость протестных акций, а следовательно, и их масштабность. Мы-идентификация как высказывание от лица коллектива встречается чаще. Однако подобные высказывания не имеют таких же сильных связей с частотой того или иного фрейма в сравнении с высказываниями с местоимением «Я» (каждый лозунг с высказыванием от второго лица множественного числа увеличивает упоминаемость протестных акций на 5—9 единиц).

Согласно нашей первой гипотезе, «нечестные выборы» можно рассматривать как самостоятельную мобилизующую повестку, а не только как предлог для выражения недовольства властью. За этой гипотезой стоит предположение о том, что декабрьские протесты могли быть

¹ Лобанова О., Семенов А. Гражданско-политическая активность в России в декабре 2011 — сентябре 2012: Тюменская область // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 1. С. 5—19.

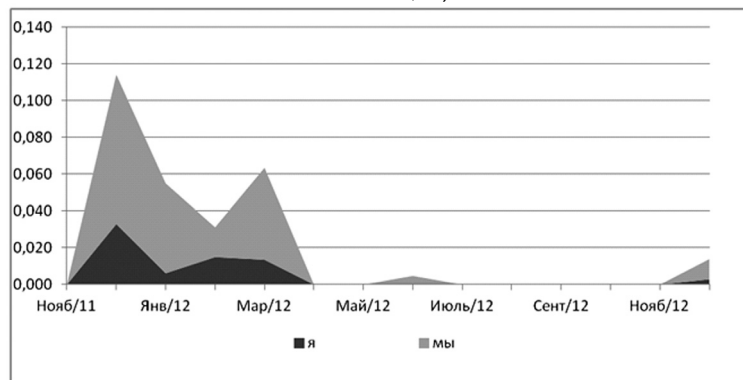
² Точное значение величины эффекта (b-коэффициента) зависит от спецификации модели.

График 5
Субъект высказывания
 (доля от общего количества лозунгов, по дням)

Источник: PEPS

График 6
Субъект высказывания
 (доля лозунгов от первого лица относительно безличных лозунгов, по месяцам)

Источник: PEPS.

спровоцированы иной комбинацией факторов, нежели последующие протестные волны. То есть в возникновении каждой протестной волны и даже каждого протеста ключевая роль могла принадлежать различным

фреймам. Для этого обратимся к Графику 5, где сопоставлены доли лозунгов, отражающих недовольство властью (оппозиционный фрейм), и лозунгов, обсуждающих качество выборов (фрейм «честные выборы»).

Примечательно, что в декабре преимущественно оппозиционные лозунги составляют лишь 13—14%, в то время как лозунги, связанные с электоральной повесткой, составляют около 35% всех лозунгов¹. Так или иначе, этот факт свидетельствует в пользу нашей гипотезы о том, что часть лозунгов принадлежит не столько убежденным оппозиционерам, сколько «рассерженным» избирателям и наблюдателям. Именно этот фрейм был спонтанно сформирован и собрал под одним «смысловым зонтиком» тех, кто ранее либо не испытывал симпатий к оппозиции, либо находился вне политики, либо не верил, что все действительно настолько плохо². Затем доля подобных лозунгов резко сокращается, что отражает снижение актуальности выборов как мобилизующей повестки. Доля чисто оппозиционных лозунгов увеличивается и во время второй мартовской волны уже превышает 20%. Качество электоральных процессов по-прежнему волнует протестующих, однако этот мотив становится миноритарным (менее 16%).

Анализ временных рядов (ARIMA)

Для тестирования гипотез нами была использована техника анализа временных рядов ARIMA (autoregressive integrated moving average); она учитывает автокорреляцию во времени между наблюдениями, наличие трендов и прочих явлений, игнорирование которых делает применение линейных регрессионных моделей некорректным. Основной независимой переменной является частота сообщений о протестных акциях за день и за месяц в период с сентября 2011-го по июнь 2012 года. Основной формой протеста являлась мирная демонстрация, реже — пикеты и разного рода перформансы.

¹ Разумеется, многие лозунги при этом «накладываются» друг на друга в смысловом отношении, и оппозиционный настрой не исключает обвинений в адрес избирательных комиссий и Чурова.

² Разгневанные наблюдатели. Фальсификации парламентских выборов глазами очевидцев. С. 12.

Независимыми переменными являются:

- 1) частота встречаемости лозунгов, соответствующих выделенным нами фреймам;
- 2) частота встречаемости лозунгов, в которых субъектом высказывания является «Я» или «Мы».

Ключевой контрольной переменной является частота сообщений о репрессивных действиях со стороны государства.

Поскольку моделирование процессов во времени и тем более выявление каких бы то ни было причинно-следственных связей представляется заведомо рискованным мероприятием, мы сначала представим модели протестов, где единицей агрегирования является день, а затем — модели, где частота протестов агрегирована по месяцам за 2011 и 2012 годы. Первое позволит проанализировать силу сиюминутных, более конъюнктурных факторов, в то время как анализ более крупных интервалов позволит выявить долгосрочные факторы мобилизации протестов.

В Таблице 1 мы собрали простейшие модели эффектов различных фреймов, выделенных нами на основе анализа лозунгов протестующих, по дням. Каждая модель учитывает тот факт, что наблюдения не являются независимыми во времени. Эта проблема (так называемая проблема автокорреляции) корректируется введением в «нулевую» модель (т.е. модель без предикторов, Модель 1) так называемого лага, или запаздывания в одну единицу (Y_{t-1}), в качестве независимой переменной. Лаг предполагает, что какие-то эффекты наступают не мгновенно, а с некоторым запаздыванием. Затем в данную модель поочередно добавляются в качестве предикторов или независимых переменных (1) частота репрессий, (2) типы фреймов и (2) тип субъекта высказывания. В-коэффициенты отражают величину краткосрочного влияния (моментную оценку) переменной на частоту протестов. Иными словами, в-коэффициент говорит о том, насколько изменится зависимая переменная (частота сообщений о протестах) при изменении значения независимой переменной на одну единицу. Чтобы избежать ложных связей, которые могут быть вызваны эффектом суммы (например, чем больше масштаб протеста, тем больше частота встречаемости тех или иных фреймов), мы вычислили относительную долю каждого фрейма от

Таблица 1. Моделирование

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Лаг 1(Lag)	0.68*** (0.03)	0.68*** (0.03)	0.66*** (0.03)	0.68*** (0.03)	0.68*** (0.03)	0.68*** (0.03)	0.68*** (0.03)
Репрессии		0.10 (0.27)					
Честные выборы			0.71** (0.32)				
Правозащитный				1.40* (0.77)			
Солидарность					13.30 (19.2)		
Неясные требования						1.38 (1.21)	
Социальная справедливость							0.01 (1.40)
Выражение эмоций							
Я (% от общего кол-ва лозунгов)							
Мы (% от общего кол-ва лозунгов)							
% опп. лозунгов от общего кол-ва							
Константа (средний уровень ряда)	7.73*** (1.60)	7.61*** (1.63)	7.56*** (1.51)	7.65*** (1.57)	7.66*** (1.57)	7.67*** (1.57)	7.72*** (1.60)
N	243	243	243	243	243	243	243
Степени свободы (df)	1	2	2	2	2	2	2
-2 Лог. правд-с*	-771.7	-771.6	-770.4	-770.7	-767.7	-771.3	-771.7

Стандартные ошибки в скобках *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1 *-2Логарифмическое правдоподобие

частоты протестов (t = день)

(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)	(16)	(17)	(18)
0.68***	0.50***	0.52***	0.52***	0.66***	0.67***	0.67***	0.65***	0.63***	0.63***	0.67***
(0.03)	(0.11)	(0.11)	(0.11)	(0.03)	(0.03)	(0.03)	(0.03)	(0.03)	(0.03)	(0.03)
				0.13					0.11	
				(0.27)					(0.27)	
				0.73**			0.79**	0.93**	0.95**	
				(0.32)			(0.34)	(0.36)	(0.37)	
								1.32*	1.91*	
								(0.74)	(0.75)	
-0.44										
(0.63)										
					13.24*		15.32*	18.53**	18.45**	
					(7.76)		(8.04)	(7.96)	(7.98)	
						7.95***		9.28***	9.28***	
						(1.29)		(1.23)	(1.23)	
										3.52**
										(1.54)
7.75***	11.02***	11.97***	11.97***	7.41***	7.62***	7.53***	7.42***	7.06***	6.92***	7.48***
(1.61)	(2.96)	(2.96)	(2.96)	(1.54)	(1.58)	(1.50)	(1.48)	(1.34)	(1.37)	(1.57)
243	53	53	53	243	243	243	243	243	243	243
2	2	2	2	3	2	2	3	5	6	2
-771.4	-189.6	-190.5	-190.5	-770.3	-770.8	-768.1	-769.3	-763.7	-763.6	-769.8

(-2LogLikelihood)

«оппозиционного» фрейма, который является самым распространенным. Мы не анализируем долю лозунгов относительно общего числа по двум причинам. Во-первых, фреймы не всегда являются взаимоисключающими. Оппозиционность проходит ключевым мотивом через большинство протестов вообще. Во-вторых, так мы можем оценить эффект каждого фрейма относительно оппозиционности, вместо того чтобы оценивать удельный вес каждого фрейма относительно всех остальных. Интерпретация в первом случае является более содержательной.

Итак, сопоставим величину эффекта и статистическую значимость каждого коэффициента. Репрессии как основной коррелят протестов оказываются незначимыми (модель 2). Возможно, мы не наблюдаем значимых изменений этого параметра потому, что анализируем довольно короткий период времени. Большинство количественных исследований репрессий, насилия и массовых протестов, как правило, анализировали более продолжительные периоды¹.

Мотивы, связанные с защитой политических прав — прав политзаключенных, цензурой и правом собраний, — являются наиболее мощным коррелятом частоты протестов (модель 4). В то время как фрейм «честных выборов» обладает похожим мобилизующим краткосрочным потенциалом (модель 3). Остальные фреймы, как ни странно, не связаны статистически значимым образом с частотой протестов.

Напомним: поскольку оппозиционный фрейм был выбран в качестве референтного, следует удостовериться в том, что именно этот фрейм обладал также существенным мобилизационным потенциалом относительно остальных фреймов. Последняя модель оценивает эффект доли оппозиционных лозунгов в общем числе лозунгов. Данный эффект достаточно велик и проходит тест на статистическую значимость.

Обращаясь к анализу субъектов высказываний в лозунгах, мы обнаружили существенный по величине и значимости эффект Я-идентификации: каждый дополнительный лозунг от первого лица увеличивает частоту сообщений о протестах на 18,5 единицы. Схожая

¹ *Ghandi J., Bhasin T. Government Accommodation and Repression in Non-Democratic Elections // Paper presented on the Pre-IPSA Workshop, Challenges of Electoral Integrity, Madrid, 2012.*

картина наблюдается и в отношении Мы-идентификации, хотя эффект в два раза меньше — каждый дополнительный лозунг, высказанный от первого лица множественного числа, увеличивает количество сообщений о протестах на 9 единиц. Иными словами, есть основания предполагать, что лозунги, отражающие личную вовлеченность, часто личное оскорбление или личное свидетельство о наличии грубых нарушений прав избирателей, являются катализаторами протестов. Это указывает на то, что наша гипотеза о «личном деле» может быть состоятельным объяснением механизма трансформации предпочтений во время выборов.

В Таблице 2 мы собрали результаты анализа причинно-следственных связей между частотой сообщений о протестах, типами фрейма, субъектом высказывания и репрессиями, по месяцам.

Как и ожидалось, оппозиционный фрейм и фрейм «честных выборов» являются значимыми коррелятами протестов. Вместе с тем, обращаясь к относительной доле каждого фрейма от оппозиционного, мы обнаруживаем, что фреймы солидарности и «деполитизированного» выражения эмоций демонстрируют наиболее яркий эффект (хотя это и может быть артефактом того, что таких лозунгов было сравнительно немного). Остальные лозунги также положительно связаны с частотой протестов. Репрессии — как и в предыдущих моделях — остаются незначимыми. А вот тип субъекта высказывания, в соответствии с нашей исходной гипотезой, также статистически значимо ассоциирован с протестами: Я-идентификация при этом в четыре раза сильнее связана с протестами, нежели высказывания от второго лица (Мы). Таким образом, данный анализ лишь дает дополнительные эмпирические свидетельства того, что наш аргумент верен, хотя и нельзя полностью исключить альтернативных интерпретаций событий. Гипотеза о политизации из-за качества электоральных процессов (*legitimacy performance*) и политизации за счет восприятия «украденного голоса» как «личного дела», личного оскорбления, хотя и требует дальнейшего исследования, отражает наиболее правдоподобный механизм политизации и мобилизации граждан в декабре 2011 года. Можно предположить, что в марте 2012-го механизм мобилизации изменился, так как изменился доминирующий фрейм — требование «честных выборов» уступило место артикулированному недовольству властью.

Таблица 2. Моделирование

	(1)	(2)	(3)
Лар 1(L.ar)	0.46*	0.32	0.68***
	(0.27)	(0.22)	(0.16)
Доля оппозиционных лозунгов от общего кол-ва		1,41***	
		(392.6)	
Доля лозунгов, связанных с качеством выборов, от общего кол-ва			1,30***
			(490.9)
Репрессии			
Честные выборы			
Правозащитный			
Солидарность			
Неясные лозунги			
Социальная справедливость			
Выражение эмоций			
Я (доля от общего кол-ва лозунгов)			
Мы (доля от общего кол-ва лозунгов)			
Константа (средний уровень ряда)	136.2	103.5*	95.58
	(92.61)	(54.80)	(64.24)
N	24	24	24
Степени свободы	1	2	2
-2Логарифмическое правдоподобие	-149.8	-146.4	-135.9

Стандартные ошибки в скобках *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

частоты протестов (t = месяц)

(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
0.33	0.67***	0.71***	0.68***	0.48**	0.25	0.35	0.64***	0.53***
(0.31)	(0.18)	(0.18)	(0.19)	(0.24)	(0.21)	(0.21)	(0.17)	(0.16)
3.79								
(3.38)								
	403.8*							
	(242.0)							
		1,25***						
		(382.8)						
			10,360***					
			(2,364)					
				2,16***				
				(377.5)				
					1,207***			
					(329.4)			
						15,75***		
						(4,170)		
							12,958***	
							(4,509)	
								4,773***
								(1,128)
26.32	102.3	108.2	115.9	102.4*	112.6**	118.4**	96.37	93.94**
(201.6)	(68.09)	(80.47)	(84.22)	(56.73)	(52.94)	(56.17)	(60.57)	(40.92)
24	24	24	24	24	24	24	24	24
2	2	2	2	2	2	2	2	2
-146.9	-138.1	-137.2	-139.7	-143.5	-147.7	-147.7	-137.3	-140.3

Заключение

Возвращаясь к выборам как фактору мобилизации, мы трактуем их как уникальное событие, которое не просто послужило поводом для выражения уже накопившегося недовольства, но стало самостоятельной мобилизующей повесткой, позволив аполитичным (до этого) гражданам стать участниками массовых уличных демонстраций. Хотя мобилизация и была подготовлена различными факторами — от либерализации режима, дезориентировавшей элиты и давшей возможность развиваться низовым движениям и окрепнуть оппозиционным лидерам, до последствий экономического кризиса и падения рейтингов власти, — ни одно из предшествующих декабрю 2011 года событий (даже «рокировка», вызвавшая недовольство значительной части населения) не вылилось в массовую мобилизацию. Именно выборы стали идеальной повесткой для деполитизированного протеста, с одной стороны — благодаря предшествующей им работе по воспитанию чувствительности к этой проблеме и нерасторопности фальсификаторов, с другой — благодаря особенностям самой процедуры. Процедура голосования способствовала возникновению специфической ситуации, в которой сугубо индивидуальный опыт был разделен миллионами, составившими воображаемое сообщество (в пределе) всех россиян, и смог вылиться в массовый протест при этом все-таки атомизированных избирателей. Более того, мобилизовав будущих участников протеста в соответствии с уже привычным сценарием (когда вовлечение в политические или гражданские кампании происходит в результате поломки на уровне «режима близости»), выборы, будучи политической повесткой *per se*, позволили деполитизированным участникам включиться в настоящую политическую борьбу.

Просчеты в организации избирательной кампании и самих выборов дали повод многим сомневающимся убедиться в их «нечестности», а деятельность СМИ и оппозиционных политических лидеров, политизация блогосферы позволили будущим участникам протестных митингов воспринять участие в выборах в качестве «личного дела», наделив акт голосования дополнительной моральной и смысловой нагрузкой. Поэтому даже ожидаемые фальсификации вызвали «моральный шок», который в данном случае был связан не с расхождением между ожида-

ниями и реальностью, а с личным опытом переживания этой реальности как таковой, и многократно усилен «наглостью» и «неприкрытостью» фальсификаций. Несмотря на то что часто, как показывают исследования «цветных революций», для того, чтобы выборы стали триггером протеста, необходимо присутствие определенных условий (сильной оппозиции, «значительных фальсификаций» и др.), их отсутствие в случае российской мобилизации не помешало выборам запустить волну массовых демонстраций. Как и обманутых дольщиков или жильцов попавшего под снос дома, участников движения «За честные выборы» на время объединила индивидуально пережитая беда. Однако то, что до этого отвращало людей от участия в любых политических инициативах (а именно стигматизация политики и замыкание на частную жизнь), на сей раз стало движущей силой именно политической мобилизации, позволив множеству атомизированных индивидов одновременно выйти на улицы благодаря деполитизации и персонификации изначально политической повестки.

Библиография

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2001. 333 с.
2. *Белановский С., Дмитриев М.* Политический кризис в России и возможные механизмы его развития [Электронный ресурс] // Полит.ру, 28 марта 2011. URL: <http://polit.ru/article/2011/03/28/2011/> (дата обращения 26.02.2014).
3. *Волков Д.* Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 году: истоки, динамика, результаты [Электронный ресурс] // Левада-центр, сентябрь 2012. URL: <http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse—2011—2012-gg> (дата обращения: 26.10.2013).
4. *Гельман В.* Как Кремль своими руками нанес удар по «Единой России» [Электронный ресурс] // Слон.ру, 6 декабря 2011. URL: http://slon.ru/russia/kak_kreml_svoimi_rukami_nanes_udar_po_edinoj_rossii—722192.xhtml (дата обращения: 09.03.2014).
5. *Гельман В.* Режим, оппозиция и вызовы электоральному авторитаризму в России [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2012.

№ 4 (84). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/4/ge4-pr.html> (дата обращения: 10.03.2014).

6. *Гельман В.* Трещины в стене // Pro et Contra. 2012. Т. 16. № 1—2. С. 94—115.

7. *Гладарев Б.* Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общест-венности из духа города // От общественного к публичному / Под ред. О. Хар-хордина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 69—304.

8. *Гудков А.* О разочарованных в «Единой России» [Электронный ресурс] // Левада-центр, 9 декабря 2011. URL: <http://www.levada.ru/09—2012—2011/lev-gudkov-o-razocharovannykh-v-edinoi-rossii> (дата обращения: 26.10.2013).

9. *Гудков А., Дубин Б., Зоркая Н.* Российские парламентские выборы: электро-ральный процесс при авторитарном режиме // Вестник общественного мнения. 2012. № 1 (111). С. 5—32.

10. *Ильичев Г.* «Утиная» социология [Электронный ресурс] // Новая газета, 14 декабря 2011 URL: <http://www.novayagazeta.ru/comments/50034.html> (дата обращения: 26.02.2014).

11. Историк Илья Бударйтскис — о том, почему протесты в России могут быть только мирными [Электронный ресурс] // Радио Свобода. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24424813.html> (дата обращения: 03.04.2014).

12. *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. За-рождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 670 с.

13. *Лобанова О., Семенов А.* Гражданско-политическая активность в России в декабре 2011 — сентябре 2012: Тюменская область // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 1. С. 5—19.

14. *Матвеев И.* Эффект подлинности [Электронный ресурс] // Русс.ру, 12 марта 2012. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Effekt-podlinnosti> (дата обращения: 13.03.2014).

15. Преодолевая деполитизацию: диалог участников Коллектива исследова-телей политизации // Политическая критика. 2013. № 1. С. 212—227.

16. *Прозоров С.* Второй конец истории: политика бездействия от пере-стройки до Путина [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2012. № 2 (82). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/2/p12.html> (дата обращения: 27.02.2014).

17. Разгневанные наблюдатели. Фальсификации парламентских выборов глазами очевидцев. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 272 с.

18. *Pogov K.* Гипотеза третьего цикла // Pro et Contra. 2010. № 4—5. С. 6—22.

19. Россияне о прошедших выборах и акциях протеста [Электронный ресурс] // Левада-центр, 28 декабря 2011. URL: <http://www.levada.ru/28—2012—2011/rossiyane-ob-aktsiyakh-protesta-i-proshedshikh-vyborakh> (дата обращения: 26.02.2014).

20. *Хиришман А.* Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009. 156 с.

21. *Banks A.* Cross-National Time-Series Data Archive (CNTS) 1815—2008. Binghamton, New York, 2012.

22. *Beissinger M.R.* Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // Perspectives on Politics. 2007. Vol. 5 (2). P. 259—276.

23. *Bunce V, Wolchik S.* Defeating Authoritarian Leaders in Post-Communist Countries. New York: Cambridge University Press, 2011. 373 p.

24. *Carey S.* The Dynamic Relationship between Protest and Repression // Political Research Quarterly. 2006. № 59. P. 1—11.

25. *Case W.* How Do Rulers Control the Electoral Arena? // Electoral Authoritarianism. The Dynamics of Unfree Competition / A. Shedler (Ed.). London: Lynne Rienner Publishers, 2006. P. 95—112.

26. *Dahl R.* Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971. 257 p.

27. *De la Calle L., Sánchez-Cuenca I.* Social Mobilization and Political Violence: What Link? // Paper prepared for the workshop on «Typologies of Political Violence», European University Institute, Firenze, 13—2014 May, 2013.

28. *Davenport C.* State Repression and Political Order // Annual Review of Political Science. 2007. № 10. P. 1—23.

29. *Gabowitsch M.* Social Media, Mobilisation and Protest Slogans in Moscow and Beyond / M. Gabowitsch // Digital Icons. Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2012. № 7. P. 213—225.

30. *Ghandi J., Bhasin.* Government Accommodation and Repression in Non-Democratic Elections // Paper presented on the Pre-IPSA Workshop, Challenges of Electoral Integrity, Madrid, 2012.

31. Elections without choice / H. Hermet, R. Rose, A. Rouquié (Eds.). London; New York: Macmillan, 1978. 250 p.
32. *Jasper J.* Emotions and Social Movements: Twenty Years of Theory and Research // *Annual Review of Sociology*. 2011. № 37. P. 285—304.
33. *Kuntz P., Thompson M.* More than Just the Final Straw: Stolen Elections as Revolutionary Triggers // *Comparative Politics*. 2009. Vol. 41. № 3. P. 253—272.
34. *Lindekilde L.* Discourse and Frame Analysis: In-depth Analysis of Qualitative Data in Social Movement Research // *Methodological Practices in Social Movement Research* (forthcoming) / D. della Porta (Ed.).
35. *McAllister I., White S.* Public Perceptions of Electoral Fairness in Russia // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63 (4). P. 663—683.
36. *North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990.
37. *Ostrom E.* Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action // *The American Political Science Review*. 1997. № 92 (1). P. 1—22.
38. *Powell B.* Elections as instruments of democracy: majoritarian and proportional visions. New Haven: Yale University Press, 2000. 312 p.
39. *Rose W., Mishler R.* How Do Electors Respond to an «Unfair» Election? // *The Experience of Russians Post-Soviet Affairs*. 2009. № 2 (25). P. 118—136.
40. *Shedler A.* Electoral Authoritarianism. The Dynamics of Unfree Competition. London: Lynne Rienner Publishers, 2006. 267 p.
41. *Snow D., Burke R., Steven K., Benford R.* Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation // *American Sociological Review*. 1986. № 4 (51). P. 464—481.
42. *Tucker J.* Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // *Perspectives on Politics*. 2007. № 3. P. 535—551.

Источник

База данных PEPS [Электронный ресурс]. URL: <http://gabowitsch.net/peps-ru/> (дата обращения 26.02.2014).

Часть 3

СУБЪЕКТ, ИДЕНТИЧНОСТЬ
И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
В ДВИЖЕНИИ
«ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ»

Светлана Ернылева, Максим Кулаев

МИТИНГИ В РОССИИ 2011—2012 ГОДОВ: ВЕРНУЛАСЬ ЛИ ПОЛИТИКА НА УЛИЦУ?

Массовые протесты в России в 2011—2012 годах известны прежде всего как мирные протесты. Их участники всегда были радикальными противниками какого-либо насилия по отношению к власти и избегали конфликтов внутри движения. Спустя два года политический кризис в другой бывшей советской республике, в Украине, указал нам на возможность выхода на сцену совершенно иной политики — в которой враг, другой, заслуживает своего физического истребления. Является ли последняя политикой в исходном смысле слова?

Разумеется, не все согласятся с тем, что политика функционирует как война, что в политике врага надо уничтожать, как и на поле боя. Милитаризированное понимание политики является точкой зрения радикальных теоретиков (как левых, так и правых). Марксизм говорит о политике как о войне классов, в которой пролетариат в конце концов должен уничтожить буржуазию¹. К. Шмитт определяет политическое через наличие противостояния друзей—врагов, где враг в пределах должен быть уничтожен физически². Тексты А. Грамши пестрят милитаристскими метафорами: позиционная война, маневренная война, партия как штаб со старшими и младшими офицерами³. Его современные по-

¹ Фактически с этой идеи начинается «Манифест коммунистической партии»: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии* // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. М.: Издательство политической литературы, 1966. Т. 1. С. 107.

² *Шмитт К. Понятие политического* // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37—67.

³ *Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая*. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.

следователи Э. Лаклау и Ш. Муфф специально отмечали, что лексикон левых теоретиков (включая Грамши) следовало бы демилитаризовать¹. Однако в этом отношении умеренные либеральные теоретики недалеко ушли от радикалов, несмотря на кажущиеся фундаментальными противоречия. Либеральные теории также рассматривают политику как столкновение различных групп, однако эти столкновения не перерастают в квазиевоенные действия. Й. Шумпетер определяет политику как сферу, в которой элиты *конкурируют* за признание избирателей². В либерализме политика — это не война, а скорее ведение переговоров между несогласными сторонами. При этом некоторые либеральные теоретики полагают, что конфликтующие стороны могут достичь рационального консенсуса; такой точки зрения придерживается, например, Д. Ролз³. Концепции, которые находятся в промежутке между радикализмом и либерализмом, отрицая как возможность консенсуса, так и стремление соперничающих групп к уничтожению друг друга, говорят, тем не менее, о наличии напряженности между этими группами. В частности, Ш. Муфф и Ж. Рансьер смягчают радикализм антагонизма, снимают его военную составляющую, но все-таки настаивают на «агонизме» или «диссенсусе»⁴. Таким образом, большинство политических теорий XX века (хотя, безусловно, не все — так, Х. Арендт определяет политическое прежде всего как сферу публичной активности, не делая никакого акцента на конфликте⁵) сходятся в том, что политика неизбежно подразумевает в своем основании некоторый принципиальный конфликт. Разница — лишь в оценке степени напряжения между сторонами и прогнозируемом исходе противостояния. Мы будем иметь в виду эту важную конфликтную составляющую политики, анализируя события, произошедшие в 2011—2012 годах в России.

Наряду с другими авторами этой коллективной монографии мы рассматриваем мобилизацию 2011—2012 годов в контексте проблемы

¹ *Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 240 p.*

² *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.

³ *Rawls J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 1993. 401 p.*

⁴ *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (42). С. 180—197; *Рансьер Ж.* На краю политического. М.: Праксис, 2006. 240 с.

⁵ *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни.

массового вовлечения в политику после долго равнодушия к ней. Люди, прежде пугавшиеся слов «митинг» и «протест», вдруг вышли на площади городов, чтобы защитить собственное достоинство. В ситуации тотального отторжения «активистской» политики, ее стигматизации медленно начал происходить сдвиг. Об этом сдвиге написано и сказано множество слов, и со многими из них мы, безусловно, солидаризуемся¹. Однако мы должны признать, что деполитизированный контекст, описанный нами во Введении к монографии, а также О. Журавлевым в первой ее главе², не мог не повлиять на этот протест, порождая аналитикам повод задуматься о собственно «политической» составляющей мобилизации. Вслед за множеством исследователей мы также задаемся вопросом: вернулась ли политика, в полном и сильном смысле этого слова, в российское общество после затяжного периода деполитизации?

С нашей точки зрения, эта политика и в самом деле появилась, но она несла на себе родимое пятно исходной аполитичности. «Аполитичность» той политики, которую мы могли наблюдать во время митингов «За честные выборы» в крупных городах страны, безусловно, и сделала возможным участие в ней массы воспитанных в постсоветской России людей. Вместе с тем эта же «аполитичность» стала, на наш взгляд, одним из тормозов развития движения, заставив его столкнуться с рядом сложностей и противоречий и в конце концов сойти на нет. В этой главе мы рассмотрим одну из ключевых особенностей протеста, а именно нежелание его участников иметь дело с политическим конфликтом, в первую очередь внутренним (в частности, нежелание обращать внимание на политическую гетерогенность движения и обсуждать ее), — что ведет к невозможности всякого политического самоопределения.

В центре нашего внимания будет начальный этап развития движения «За честные выборы»: от первых акций протеста в декабре 2011 года

¹ См., напр.: *Волков Д.* Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 году: истоки, динамика, результаты [Электронный ресурс]; НИИ митингов. Публикации. URL: <http://niimitingov.wordpress.com> (дата обращения 23.11.2013); Антропологический форум. 2012. № 16; *Gabowitsch M.* Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur. Berlin: Suhrkamp, 2013. 438 s.

² Введение к настоящей монографии; глава в настоящей монографии: *Журавлев О.* Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов.

до митинга, собравшегося в начале марта после выборов президента РФ. Мы используем семьдесят интервью, взятых в этот период, из базы данных, собранной нашей исследовательской группой. Лишь в Заключении главы мы обратимся к следующим этапам развития протестов, чтобы проиллюстрировать ряд наших выводов.

Неприязнь к политическому противостоянию

Одна из наиболее ярких черт протеста 2011—2012 годов — неприязнь его участников к любой конкуренции, противостоянию, борьбе, особенно выраженным в очевидно идеологической форме. Эта особенность, а следовательно, и противоречие между распространенным утверждением наблюдателей событий о возвращении политики в общество и отказе субъектов этой политики считать свои действия политическими были описаны уже много раз.

Большинство аналитиков сходятся на том, что это противоречие только видимое, т.е. ненастоящее. Д. Волков считает, что дистанцирование протестующих от политики — временное явление: поняв, что их требования не могут быть реализованы в рамках существующей системы, они начнут открыто позиционировать себя в качестве противников власти¹. Г. Юдин утверждает, что о политике мы можем говорить уже постольку, поскольку наблюдаем за рождением новых форм *прямого* политического участия, идущих рука об руку с отказом в доверии политическим представителям и кризисом политической репрезентации². Однако, на наш взгляд, говорить о кризисе репрезентации в современной российской, в том числе протестной, политике все еще рано. Большинство рядовых посетителей митингов (не участвующих в деятельности оргкомитетов или политических групп)

¹ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011—2012 гг.: истоки, динамика, результаты [Электронный ресурс].

² Юдин Г. Ловушка нелегитимности — 2. От фрагментации к презентации // Русский Журнал, 16 января 2012. URL: <http://russ.ru/pole/Lovushka-nelegitimnosti>—2 (дата обращения: 16.11.2013).

доверяли лидерам оппозиции¹, полагая, что многие из них так или иначе способны представить их интересы, интересы всего протестного движения. Многие митингующие даже настаивали на необходимости делегировать право заниматься политикой «профессионалам», не желая быть с ней связанными.

Демонстрация отдельными группами своей «политической» составляющей вызвала откровенное недовольство у большинства участников митингов. Организационное позиционирование, казалось, неизбежно приведет к конфликту между ними, а значит, по определению является угрозой единству движения²:

Можно сказать, в самих митингах надо добиться большего единения среди активной части граждан. Потому что очень много организаций, которые часто ссорятся между собой. (м., 1985 г.р., высшее психологическое образование, продавец, 5 марта 2012, Санкт-Петербург)

Мне нравится, что все идут вместе. Мне не нравятся попытки отдельных вот организаторов кого-то отсечь по каким-то идеологическим соображениям. (м., ок. 1970 г.р., высшее юридическое и экономическое образования, университетский администратор, 4 февраля 2012, Санкт-Петербург)

Не нравится? Действительно, что вроде как пришли все вместе, а здесь как-то выдвигаются свои партии и говорят, что то... что только мы правы, и не слушайте других. Хотя вроде все едины. (м., высшее образование, геодезист, 4 февраля 2012, Санкт-Петербург)

¹ Впрочем, участники митингов оказывали доверие «новым» лидерам, тем, чьи имена почти не звучали на политической сцене России до протестов. «Старые», известные в течение последних десяти лет оппозиционеры, такие как Б. Немцов или С. Миронов, ассоциировались митингующими скорее с «продажной властью».

² Об идеологической борьбе как угрозе единству протестующих подробнее см. в главе 10 в настоящей монографии: *Журавлев О., Савельева Н., Алюков М.* Куда движется движение: идентичность российского протеста. О стремлении к объединению, единству по ту сторону политических различий (через идентификацию себя с категорией «народ») подробнее см. главу 9 в настоящей монографии: *Магун А.* Протестное движение 2011—2012 годов в России: новый популизм среднего класса.

Соответственно, рядовые участники митингов были готовы протестовать плечом к плечу со всеми, безотносительно к их политическим взглядам и аффилиациям. Политические различия становились для митингующих невидимыми, незначимыми и почти несуществующими:

В: Есть ли среди тех, кто приходит на эти митинги, те, кто вам нравится, и те, кто вам не нравится?

О: Я не делю вообще людей на тех, кто мне нравится, и тех, кто не нравится. Мы сейчас все занимаемся одним общим делом, и личные какие-то «нравится / не нравится» — абсолютно неважно сейчас... Неважно там, какая партия, неважно, националисты, «Справедливая Россия», «Воля Петербурга», «Яблоко». Неважно абсолютно. У нас общее дело. Мы занимаемся одним и тем же. (ж., ок. 1985 г.р. 26 февраля 2012, Санкт-Петербург)

В: Тут присутствуют самые разные политические силы — и левые, и правые, — вы симпатизируете кому-то? Или, может быть, вам кажется, наоборот, кому-то следовало бы не приходить сюда?

О: Мне кажется, всем бы следовало приходить сюда. И мне как раз не очень нравилась разрозненность. (м., 1992 г.р., неполное высшее образование в гуманитарной сфере, студент, работник банка, 5 марта 2012, Москва)

Из следующего отрывка из интервью видно, что идеологические различия, которые интервьюер невольно пытался навязать своему информанту в качестве значимых, не имеют для последнего никакого смысла. Информант продолжал оценивать участников митинга в соответствии с критериями этикета, «приличного поведения», как будто публику на приеме или в театре:

В: Есть ли среди этих людей те, которые вы бы не хотели, чтобы сюда пришли?

О: Смотря как они вести себя будут. Если прилично, то пусть приходят, почему.

В: В идеологическом аспекте нет тех людей, которые вас расстраивают?

О: Если они будут вести себя прилично и нормально, в рамках, ну как сказать, общественного какого-то порядка, соблюдения порядка, тогда конечно. (ж., ок. 1950 г.р., высшее архитектурное образование, художник, 26 февраля 2012, Санкт-Петербург)

Метафоры театральной или концертной пубрики вскоре стали популярны среди исследователей и аналитиков, описывающих происходящее на митингах. Так, например, Г. Суворов пишет:

Это были тысячи, но не сторонников оппозиции, а спонтанно собравшихся недовольных. Их объединила «белая лента», за которой не стояло никакой программы, идеологии, только невнятный протест. Если бы 20 человек на трибуне не произносили речи, а пели и плясали, отличный бы вышел концерт (кстати, на последних митингах уже так и было)¹.

Протестующие, как можно увидеть из цитат, приведенных выше, редко усматривали угрозу движению в идеологическом противостоянии — их опасения вызывало скорее само наличие в движении различных организованных групп (иными словами, бояться следовало не того, что левые поссорятся с правыми и либералами, а того, что политическая группа А вступит в борьбу с политической группой Б за некий ограниченный политический ресурс — власть, влияние и т.п.). Что касается идеологий, то отторжение у участников митингов вызывала лишь такая политическая ориентация, которая казалась им радикальной по определению. Чаще всего в этой роли выступал национализм, а иногда и различные проявления левой идеологии. Здесь митингующие сталкивались с неким неразрешимым для себя противоречием: с одной стороны, выступая за единство всех со всеми, они не могли противиться участию в протесте какой-либо политической силы, в том числе радикальной,

¹ Суворов Г. Общество анонимных революционеров // Слон.ру, 20 марта 2012. URL: http://slon.ru/russia/obshchestvo_anonimnykh_revolyutsionerov—765700.xhtml (дата обращения: 26.10.2013).

с другой стороны, они понимали, что радикализм может стать угрозой этому единству как таковому. Однако принципиальное нежелание вступать на территорию, где идеологические различия начинают играть существенную роль, в результате одерживало победу. Митингующие, недовольно оглядываясь в сторону политических радикалов, высказывались при этом за их включение в движение:

Я хотел бы, чтобы все приходили. С националистами я не очень солидарен. Мы все знаем, как эти ребята бритоголовые выглядят. В принципе я не разделяю их взгляды и даже их действия. Они постоянно какие-то беспорядки на митингах устраивают. Но в целом — пусть приходят. Больше людей — лучше. (м., 1988 г.р., высшее образование, программный администратор, 26 февраля 2012, Москва)

Таким образом, участники протеста одобряли присутствие разных политических сил на митингах, но лишь до тех пор, пока оно работало как объединяющая тенденция: политические противники вдруг начинали говорить об одном и том же. Как только последние вновь переходили к конкуренции или явным образом демонстрировали свою специфическую политическую окраску (например, в буквальном смысле — черный флаг), участники митингов начинали испытывать дискомфорт. Митингующие желали протестовать рядом с приятными, вежливыми, прилично ведущими себя и расположенными друг к другу людьми. В этом смысле политический митинг в воображении его участников напоминал дружескую или приятельскую кампанию, которая не терпит ссор и противостояний, тем более когда они имеют отношение к «грязной» политике¹. Будучи недовольными организационным дроблением движения, отказываясь придавать значение идеологическим различиям, закрывая на них глаза, не замечая их, протестующие отдавали дань осой политикой — политике без конфликта. При этом парадоксальным образом основными их требованиями оставались требования честных

¹ Развитие этого тезиса подробнее см.: Журавлев О., Магун А. Новый популизм: как протестному движению выжить в 2013 году и добиться успеха в 2014-м // Слон. ру, 27 декабря 2012. URL: http://slon.ru/russia/protestnomu_dvizheniyu_ne_khvataet_populizma—869844.xhtml (дата обращения: 01.09.2013).

выборов, т.е., по сути, требования честной *конкурентной* политики, политики, основанной на противостоянии и конфликте. Добиваясь либерализации политического законодательства, предполагающей упрощение процедуры регистрации партий, снижения барьера на входе в парламент и т.п., они вносили свой вклад в усиление и укрепление конкурентной логики на политической сцене.

Конфликт внешний и внутренний

Впрочем, каково значение отсутствия внутреннего конфликта для движения, намеренно позиционирующего свое единство перед лицом, казалось бы, внешнего врага? Многие исследователи считают, что подобная «бесконфликтность» движения является не столько знаком его аполитичности, сколько специфической чертой той политики, которую практикуют участники протестов. В частности, О. Журавлев полагает, что именно чувство единения, утвердившее на митингах первостепенность солидарности, стало основной формой политизации в рамках ДЗЧВ¹. А. Магун, также подчеркивая первостепенное значение такого единства для протеста, пишет о «важности именно солидарности и единства (а не размежевания)» для митингующих в контексте нехватки этой солидарности в российском обществе в целом². Магун развивает этот тезис в настоящей монографии, анализируя популистскую самоидентификацию протестующих в качестве «народа», противостоящего власти³. О роли противостояния власти пишет также Н. Савельева в статье «Единство разных: репрезентация и популизм в движении “За честные выборы!”»:

Именно власть или режим, которые могут быть персонифицированы в лице Путина, Чурова и отдельных чиновников, как это произошло

¹ Преодолевая деполитизацию: диалог участников Коллектива исследователей политизации.

² Там же.

³ Магун А. Протестное движение 2011—2012 годов в России: новый популизм среднего класса (глава 9 в настоящей монографии).

на митинге против «закона Димы Яковлева», выступают в качестве общего врага, против которого ведется борьба. Противодействие этому врагу консолидирует движение, позволяя на время забыть о внутренних противоречиях, и, одновременно, через него участники движения обретают свою идентичность и субъектность¹.

В целом мы соглашаемся с этими тезисами. Однако, на наш взгляд, здесь должны прозвучать как минимум два уточнения.

Во-первых, на начальном этапе развития движения, который является предметом нашего интереса здесь, протестующие, вопреки расхожему мнению, не рассматривали режим, персонифицированный в фигурах Путина, Медведева или Чурова, в качестве своего «внешнего» врага. По крайней мере, этого не делала значительная их часть. В большинстве проанализированных нами интервью информанты прямо подчеркивали, что не борются «против» кого-либо, у них нет «врага». Причина недовольства митингующих — нарушение процедуры как таковое:

Дело в том, что я не то чтобы против того, чтобы Путин был у власти, я за то, чтобы соблюдались права граждан, чтобы все было по существующей конституции. Я, конечно, не за Путина... Но если бы выборы прошли честно и выбрали Путина, то я бы принял эту точку зрения наших граждан, если россияне считают, хорошо, пусть будет так. (м., 1985 г.р., высшее психологическое образование, продавец, 5 марта 2012, Санкт-Петербург)

Требования Болотной площади — это простые требования, в которых нет ничего такого, что могло бы вызвать непонимание у любого нормального, здравомыслящего человека. Безусловно, кроме коррупционеров. Безусловно. Поэтому, если эти требования будут выполняться, мне на самом деле все равно — Путин будет у власти или нет. Я не вижу вообще никакой разницы. (м., 1963 г.р., военное образование, военный пенсионер, бизнесмен, 26 февраля 2012, Санкт-Петербург)

¹ Савельева Н. Единство разных: репрезентация и популизм в движении «За честные выборы!» // Социология власти. 2013. № 4. С. 75.

Участники митингов в защиту В. Путина — казалось бы, противники, «враги» митингующих на Болотной площади — вызывали у последних скорее легкое снисхождение и, отчасти, понимание: ведь этим людям пришлось выйти на митинг, им заплатили, но их и заставили — будучи зависимыми от государства работниками, они просто не могли сказать «нет». Только в четырех из семидесяти интервью нам удалось обнаружить вырисовывающуюся фигуру врага, которым оказывался Путин. М. Завадская и Н. Савельева, анализируя в настоящей монографии динамику лозунгов в ДЗЧВ, показывают, что плакаты, посвященные Путину и власти в целом, в гораздо меньшей степени присутствовали в первые месяцы протеста — их количество начало возрастать с марта 2012 года¹. Таким образом, представление себя в качестве антипутинского не было свойственно движению с первых дней его развития. Этот по-настоящему поворотный момент в динамике митингов «За честные выборы» можно датировать президентскими выборами марта 2012 года, а затем — инаугурацией президента в мае и последовавшими за ней уличными протестами. Только с этих пор мы можем с уверенностью говорить о наличии у протестующих некоего внешнего врага.

Во-вторых, в реальности движение никогда не было и не могло быть монолитным — что зачастую отказывались замечать его рядовые участники. Например, в Петербурге роль (квази)руководящей силы в первые месяцы протесты пытались взять на себя сразу несколько структур. Протесты в Санкт-Петербурге, как и в других городах России, вспыхнули спонтанно. В течение первой недели после парламентских выборов люди массово выходили к Гостиному Двору, месту, где проходила «Стратегия—31». Разумеется, ни о каком руководстве со стороны «Другой России» речи не шло — выбор места, вероятно, был продиктован его ассоциацией с наиболее известными в городе протестами. Эти несанкционированные декабрьские акции, происходившие по сценарию «Стратегии-31», но вне влияния ее лидеров, серьезно задевали профессиональных оппозиционеров. Поэтому спустя короткое время

¹ *Завадская М., Савельева Н.* «А можно я как-нибудь сам выберу?»: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011—2012 годов (глава 6 в настоящей монографии).

в Петербурге сформировались две группы либеральных политиков, каждая из которых претендовала на роль лидера протеста. С одной стороны это были Ольга Курносова из Объединенного гражданского фронта вместе с националистическими группами во главе с Николаем Бондариком. С другой — умеренные либералы из «Яблока» и гражданские активисты, которые категорически отказывались иметь дело с националистами. Конфликт между двумя группами привел в конце концов к расколу оргкомитета на две части: Гражданский комитет (Курносова, Бондарик; далее — ГК) и движение «За честные выборы» («Яблоко» и т.п.). С декабря по февраль они пытались ужиться друг с другом: то вновь объединялись, то снова раскалывались. При этом надо отметить, что ДЗЧВ с самого начала испытывало существенное влияние оппозиционных партий петербургского Законодательного собрания — КПРФ, «Справедливой России» и «Яблока». ГК, в свою очередь, дистанцировался от партий, но зато сумел привлечь на свою акцию 25 февраля столичных «звезд» — Навального, Удальцова и Каспарова. Уже в марте раскололся и сам ГК. Подавляющее большинство организаций, входивших в него, обвинило Курносову и Бондарика в узурпации власти в оргкомитете и образовало новую, третью структуру. Внутри ДЗЧВ тоже не было настоящего единства: либералы и парламентские партии пытались выдавливать немногочисленных радикальных левых, принимающих участие в собраниях оргкомитета. Оба оргкомитета начали постепенно сходиться со сцены вместе с ослаблением протеста в целом. Например, несанкционированный митинг 5 марта состоялся уже без какого-либо их участия. Кризис оргкомитетов окончательно завершился маршами и митингами 12 июня и 15 сентября 2012 года. Оба раза противостояние оставшихся групп привело к проведению двух не связанных между собой акций. В сентябре ДЗЧВ преобразовалось в «Демократический Петербург» — довольно рыхлую коалицию старых либеральных и правозащитных организаций. Осенью 2013 года эта коалиция проводила традиционные акции вроде «Марша против ненависти» или Дня политзаключенных. Из Гражданского комитета вышли все, кроме националистов, сам «бренд» исчез. Фактически к осени 2013 года все вернулось на исходные позиции — расстановка политических сил снова напоминает ту, что сложилась до декабря 2011-го.

Тем не менее на уровне оргкомитетов движения мы наблюдали типичное течение политического процесса: различные группы заключали альянсы и раскалывались, конкурируя между собой. Однако все эти события проходили мимо рядовых участников митингов. Большинство из них были не только и не столько неспособны разобраться в деталях этих противостояний, сколько не желали их видеть, сознательно дистанцировались от них. Эти конфликты рассматривались митингующими как «политические», а значит, как предметы некоего табу, как что-то нечистое, то, о чем не следует знать или следует молчать.

Напряженность внутри одной, складывающейся группы — это важная, на наш взгляд, составляющая политической борьбы, необходимая для ее успеха. Такая напряженность нужна для формирования политической идентичности. Отсутствие политической (или социальной) идентичности, самоопределения¹, в свою очередь, является тормозом любой долгосрочной мобилизации: способствуя массовости движения в один конкретный момент, оно препятствует объединению людей в какие-либо устойчивые структуры гражданского общества. Ведь в этот момент прежде скрытые от посторонних различия во взглядах выходят на поверхность и мешают длительной работе плечом к плечу.

Еще один аргумент в пользу необходимости для движений осознать внутренние различия формулируют К. Клеман, Б. Гладарев и О. Мирясова в книге «Городские движения России в 2009—2012 годах: на пути к политическому»². Они проводят границу между «социальными» движениями, группами граждан, объединенными специфическими интересами, отличными от интересов других групп, и движениями «граж-

¹ О. Журавлев, Н. Савельева и М. Алюков в главе 10 настоящей монографии последовательно доказывают отсутствие неких специфических групповых идентичностей в ДЗЧВ. Идентичности, рожденные движением, оказываются либо предельно конкретными, персональными, либо, напротив, абстрактными. Авторы связывают невозможность движения выработать специфическую групповую идентичность как с инерцией постсоветской деполитизации, так и с размытой классовой структурой российского общества. На наш взгляд, это объяснение должно быть дополнено анализом отказа движения замечать противоречия внутри самого себя (*Журавлев О., Савельева Н., Алюков М.* Куда движется движение: идентичность российского протеста).

² Заключение: городские движения, «Болотное движение» и политика // *Городские движения России в 2009—2012 годах: на пути к политическому.*

данскими» — «абстрактными людьми, которые не имеют специфических интересов и тем более не придерживаются отдельных взглядов»¹, а только лишь противопоставляют себя некой «власти». Исследователи, обобщая результаты исследований социальных движений, представленных в сборнике, полагают, что только люди с определенными интересами и запросами, четко осознающие и отделяющие их от интересов и запросов других людей, способны создать устойчивые каналы мобилизации, тогда как «абстрактный протест» может по определению вызывать лишь разовый интерес — ведь «абстрактных людей» ничто по-настоящему не объединяет. Так или иначе, неприязнь к внутренним конфликтам в движении «За честные выборы», которые могли бы привести к самоопределению как движения в целом, так и отдельных групп внутри него, нежелание замечать эти конфликты на уровне оргкомитетов стали, на наш взгляд, одним из серьезных тормозов развития протеста. Мы еще вернемся к этому вопросу в Заключении к главе.

Риторика протеста

Итак, участники митингов стремились избегать политических конфликтов и не замечать идеологических различий внутри движения. Полагать при этом, что они воспринимали митинги как принадлежащие приватной сфере, — также неверно. Митинги, в их понимании, учреждали некое пространство добра, которого нет в повседневной жизни. Это пространство, где встречаются добрые люди с благими намерениями. «Политическую» составляющую, которая может запятнать это доброе дело, необходимо нейтрализовывать. В этом смысле решение по поводу участия в митингах для большинства наших информантов не имело никакого отношения к их политическим взглядам и предпочтениям.

Например, выражая недоверие ключевым ораторам или сомневаясь в целях и задачах оппозиционного движения в целом, сам митинг его участники зачастую оценивали положительно, как событие, не имеющее прямого отношения к своему политическому содержанию:

¹ Заключение: городские движения, «Болотное движение» и политика. С. 526.

В: То есть к сегодняшним силам вы не готовы присоединиться? Вы не чувствуете с ними солидарности?

О: Да, да, да.

В: Что вам нравится и что не нравится на этом митинге?

О: Да, в общем, мне все нравится пока. (ж., ок. 1985 г.р., высшее художественное образование, художник-аниматор, 24 декабря 2011, Москва)¹

Избегание языка политических и социальных различий могло приводить, на наш взгляд, к по-настоящему парадоксальным и противоречивым ситуациям. Некоторые авторы, в том числе наши соавторы по монографии, отмечают сугубо формальный или процедурный² характер требований протеста. Вместе с тем не так широко известен тот факт, что недовольство значительной части протестующих выходило за пределы процедуры и касалось широкого круга социальных и общественных проблем. Мы проанализировали на этот предмет сорок два интервью, взятые в Санкт-Петербурге на митингах 4, 25 и 26 февраля 2012 года. В двадцати из этих интервью информанты перечисляли не только формальные и процедурные («система не работает»), но и волнующие их содержательные проблемы. Причем в восемнадцати случаях они делали это самостоятельно, без наводящих вопросов со стороны интервьюера:

Но, блин, эти нищенские пенсии. Я извиняюсь за выражение, да пошли они на х... со своими этими. ...У нее [чиновника] пенсия сорок тысяч, а у бабушки, которая тридцать лет там, сорок лет там, не помню, работала директором школы, у нее пенсия десять тысяч. Ну что это за хрень. То есть у нас чиновникам платят в три раза дороже? Которые даже не являлись чиновниками. (м., 1989 г.р., рабочий, 4 февраля 2012, Санкт-Петербург)

Ну и культура в загоне, здравоохранение в загоне, образование в загоне у нас. На оборону тратится гораздо больше денег, чем на эти вещи,

¹ Авторы благодарят НИИ митингов за предоставленные материалы интервью с митинга 24 декабря 2012 года на проспекте Сахарова в Москве.

² Мамсеев И. Основное противоречие // Klassenkampf, 10 марта 2012. URL: <http://klassenkampf.ru/?p=107> (дата обращения: 18.11.2013).

а это самое главное. (м., 1928 г.р., высшее образование, д.ф.н., бывший физик, пенсионер, 15 февраля 2012, Санкт-Петербург)

Проблемой, чаще всего упоминавшейся в интервью, стал упадок образования, медицины и культуры (под которым подразумевалось понижение качества услуг вместе с повышением их стоимости). На втором месте оказалась коррупция, с которой информанты сталкивались на бытовом уровне, следом шли социальное неравенство и низкие социальные выплаты (например, пенсии), а также высокие цены на жилье, коммунальные услуги и транспорт. Как мы знаем, ни одно из этих требований (за исключением коррупции) не было частью официальной риторики протеста: не вошло в резолюции, принимаемые после каждой акции протеста, не обсуждалось в СМИ, не звучало в ответ на вопрос «зачем вы вышли на этот митинг?». В каком-то смысле, критикуя политическое самоопределение внутри протеста, люди активно выступали за замалчивание своих же собственных интересов. О. Журавлев, Н. Савельева и М. Алюков показывают, что отказ протестующих от артикуляции каких-либо иных требований, помимо требования «честных выборов» (и связанных с ним отставки Чурова и проч.), был в каком-то смысле сознательным — большинство участников митингов, выступая за максимальное единство движения, считали, что любые специфические требования будут работать на его разъединение¹. На наш взгляд, выбор, пусть сознательный, подобной стратегии имеет в своем основании отсутствие навыка использования политического языка у российских граждан, инерцию стигматизации политического, представляющей любую рознь в качестве опасной или «грязной»².

¹ Журавлев О., Савельева Н., Алюков М. Куда движется движение: идентичность российского протеста (глава 10 в настоящей монографии).

² Существует, однако, и альтернативное объяснение морального языка протестов 2011—2012 годов, предложенное нашими коллегами О. Журавлевым, И. Матвеевым и Н. Савельевой в докладе «Культурное потребление и протест» в рамках конференции ЕУ СПб ВДНХ-7. Оно заключается в том, что условный «новый средний класс», являющийся гегемоном ДЗЧВ и в реальности не ощущающий социального недовольства, навязывал процедурную и моральную риторику всему протестному движению. Впрочем, на наш взгляд, две эти гипотезы не противоречат, а скорее дополняют друг друга. Жу-

Заключение: после энтузиазма

В этой главе мы задались вопросом о политической составляющей массовой мобилизации 2011—2012 годов. Во Введении мы рассмотрели основные теории политического и показали, что большинство из них так или иначе отводят место конфликту в пространстве политики. Затем, анализируя интервью, взятые в течение первых трех месяцев протеста, мы зафиксировали одну из ключевых установок митингующих: нежелание иметь дело с политическими различиями внутри движения. Отвечая на возможные возражения наших оппонентов, мы указали, во-первых, на то, что в течение первых месяцев протеста его участники отказывались не только от внутреннего, но и от внешнего конфликта, не желая рассматривать никакую из политических сил или фигур в качестве своего врага, и, во-вторых, на то, что политический конфликт на организационном уровне объективно существовал в движении — просто «рядовые» митингующие не хотели его замечать. Далее мы поставили под вопрос продуктивность отказа от внутреннего самоопределения движения для его способности быть устойчивым и воспроизводиться во времени. Наконец, мы показали, что страх политического и идеологического отражается на риторике протеста, лишая протестующих инструментов для артикуляции своих собственных интересов.

Тем не менее этот страх едва ли должен нас удивлять. Странно было бы ожидать чего-то другого от людей, которые долгое время не пересекали границ приватной сферы и только начинают делать первые шаги на пути к публичности. Но, на наш взгляд, важно не закрывать глаза на описанные нами феномены, потому что именно их развитие во многом определило нынешнее состояние движения. То, что оно так и не смогло выработать собственную идентичность, ставит перед нами вопрос: может ли сообщество, претендующее на универсальность и стремящееся изначально быть бесконфликтным внутри самого себя, стать политическим субъектом?

равлев О., Матвеев И., Савельева Н. Культурное потребление и протест [Видеозапись] // Доклад на конференции «ВДНХ-7», Европейский университет в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург, 2013. URL: <http://www.lektorium.tv/lecture/?id=14919> (дата обращения: 23.02.2014).

Если противопоставление себя внешнему «врагу» со временем стало частью ДЗЧВ, то избегание внутренних конфликтов и противоречий так и осталось неизменной его особенностью. Осенью 2012 года стартовали выборы в орган, способный представлять движение в целом, — т.н. Координационный совет оппозиции. Одна из глав настоящей монографии затрагивает это событие; в ней О. Журавлев, Н. Савельева и М. Алюков описывают логику, в соответствии с которой избиратели осуществляли выбор своих представителей. Они показывают, что, даже испытывая симпатии к тому или иному политическому лагерю (как мы помним, участникам выборов предлагалось проголосовать по четырем спискам: «левому», «либеральному», «националистическому» и «общегражданскому»), протестующие стремились выбрать равное количество делегатов из каждого списка — чтобы добиться идеальной репрезентации движения через единство разных¹. Спустя еще один год стало очевидно, что КСО не справился со своими задачами и разочаровал избирателей: его членам редко удавалось договориться между собой, часть избранных представителей покинули Совет, еще часть настаивала на его роспуске в связи с неэффективностью².

Весной 2012 года, на волне ДЗЧВ, из групп наблюдателей, объединившихся в рамках своих районов для предотвращения нарушений на президентских выборах, стали создаваться новые локальные гражданские инициативы, занятые решением проблем своих территориальных сообществ. Казалось бы, такая локализация должна привести, в том числе, к социальному и политическому самоопределению. Однако активистские группы унаследовали от широкого протестного движения стремление объединить всех без разбора под лозунгами «делать реальные дела». Исследуя динамику их развития, уже к январю 2013 года мы могли наблюдать, как противоречия в интересах и взглядах на мир, незаметные на волне энтузиазма от нового опыта коллективности, по мере спадания этого энтузиазма становились серьезным препятствием для совместной работы³.

¹ Журавлев О., Савельева Н., Алюков М. Куда движется движение: идентичность российского протеста (глава 10 в настоящей монографии).

² Там же.

³ Журавлев О., Савельева Н., Ерпылева С. Разобщенность и солидарность в новых российских гражданских движениях (глава 13 в настоящей монографии).

К. Клеман, Б. Гладарев и О. Мирясова в уже упоминавшейся коллективной монографии предполагают, что для преодоления такого рода противоречий участники движений должны «притереться» друг к другу и совместно, «снизу», выработать собственную политическую позицию (иными словами, понять, с кем *именно* они заодно и кто *конкретно* является их противником)¹. Возможно, только борьба за те проблемы, которые являются личным, частным интересом каждого из активистов (в отличие от более абстрактных мотивов «быть активным гражданином вне зависимости от конкретной повестки», которыми руководствуются активисты ДЗЧВ и инициатив, созданных на его волне), и способна дать движению необходимое время на «притирку». Ведь, будучи кровно заинтересованными в решении некоей проблемы, люди могут работать плечом к плечу с «политическими противниками», принимая это решение рационально, а не убеждая себя в том, что «все мы одинаковые». Возможно, не непосредственная солидаризация, а только последовательное прохождение этапов от защиты *личных* интересов до борьбы за общее благо вместе с пониманием того, кто такие эти «мы», которым это благо принадлежит (и кто такие «они», по направлению к которым, возможно, когда-то придется идти с оружием в руках), может быть основой для создания устойчивых структур гражданского общества? В настоящий момент этот вопрос остается открытым.

Библиография

1. Антропологический форум. 2012. № 16.
2. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
3. *Волков Д.* Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 году: истоки, динамика, результаты [Электронный ресурс] // Левада-центр, сентябрь 2012. URL: <http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg> (дата обращения: 26.10.2013).
4. Городские движения России в 2009—2012 годах: на пути к политическому / Под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 544 с.

¹ Заключение: городские движения, «Болотное движение» и политика.

5. *Грамии А.* Тюремные тетради. Часть первая. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.

6. *Журавлев О., Магун А.* Новый популизм: как протестному движению выжить в 2013 году и добиться успеха в 2014-м [Электронный ресурс] // Слон.ру, 27 декабря 2012. URL: http://slon.ru/russia/protestnomu_dvizheniyu_ne_khvataet_populizma—869844.xhtml (дата обращения: 01.09.2013).

7. *Журавлев О., Матвеев И., Савельева Н.* Культурное потребление и протест [Видеозапись] // Доклад на конференции «ВДНХ-7», Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, 2013. URL: <http://www.lektorium.tv/lecture/?id=14919> (дата обращения: 23.02.2014).

8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. М.: Издательство политической литературы, 1966. Т. 1. 640 с.

9. *Матвеев И.* Основное противоречие [Электронный ресурс] // Klassenkampf, 10 марта 2012. URL: <http://klassenkampf.ru/?p=107> (дата обращения: 18.11.2013).

10. *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (42). С. 180—197.

11. НИИ митингов. Публикации [Электронный ресурс]. URL: <http://niimitingov.wordpress.com/> (дата обращения 23.11.2013).

12. Преодолевая деполитизацию: диалог участников Коллектива исследователей политизации // Политическая критика. 2013. № 1. С. 212—227.

13. *Рансьер Ж.* На краю политического. М.: Праксис, 2006. 240 с.

14. *Савельева Н.* Единство разных: репрезентация и популизм в движении «За честные выборы!» // Социология власти. 2013. № 4. С. 58—78.

15. *Суворов Г.* Общество анонимных революционеров [Электронный ресурс] // Слон.ру, 20 марта 2012. URL: http://slon.ru/russia/obshchestvo_anonimnykh_revolyutsionerov—765700.xhtml (дата обращения: 26.10.2013).

16. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37—67.

17. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.

18. *Юдин Г.* Ловушка нелегитимности — 2. От фрагментации к презентации [Электронный ресурс] // Русский Журнал, 16 января 2012. URL: <http://russ.ru/pole/Lovushka-nelegitimnosti—2> (дата обращения: 16.11.2013).

19. *Gabowitsch M.* Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur. Berlin: Suhrkamp, 2013. 438 s.

20. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 240 p.

21. *Rawls J.* Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 1993. 401 p.

«ДВЕ РОССИИ»: КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА И КОНСТРУИРОВАНИЕ «НАРОДА» В ХОДЕ ПРОТЕСТОВ 2011—2013 ГОДОВ

Согласно Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф, «любой объект конституирован как объект дискурса»¹. В одном из их излюбленных примеров землетрясение или падающий сверху кирпич могут быть представлены как «естественное явление» или же как «выражение гнева Господня» — в зависимости от того, что они называют «дискурсивным полем», то есть в зависимости от элементов, которые в данное время еще не выстроены в четкий дискурс и представляют собой так называемые «плавающие означающие», исходный языковой материал, попавший на поле борьбы идеологий, которые сражаются за гегемонистскую позицию в данном обществе. И хотя подход Лаклау и Муфф критиковался за то, что вопросы общества и политики сводятся в нем к вопросам языка и дискурса, для моего анализа использование этого подхода представляется целесообразным.

Структура дискурсивного поля и борьба за гегемонию важны для понимания российских протестов 2011—2012 годов. Эти протесты приняли форму массовых митингов, численность которых в Москве зимой 2012 года доходила до 100 тыс. человек. Фотографии масштабных демонстраций на улицах Москвы и Санкт-Петербурга впечатляют, но что можно сказать об этом движении? Что означают эти демонстрации, если не брать в расчет непосредственные требования «честных выборов»? Иными словами, что за люди вышли на улицу и чего они хотели?

Ответы на эти вопросы, очевидно, зависят от дискурсивной рамки, в которой конструируются протесты. Борьба за определение этой рамки продолжается с самого начала движения. Как именно определяется «го-

¹ *Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics.* P. 108.

ризонт интерпретации» протестов — это, разумеется, вопрос политический. Тем не менее, чтобы правильно подготовить почву для этого вопроса, необходимо прояснить один важный аспект: недавние протесты в России действительно являются объектом дискурса, однако в той мере, в какой они оказываются объектом публичного дискурса и дискуссии, они представляют собой особый случай, историческую и социальную специфичность которого я и надеюсь здесь продемонстрировать.

После падения Советского Союза в российской политике доминировали т.н. «политические технологии»: различные фракции элиты использовали политическую систему и СМИ как инструменты для продвижения собственной (зачастую скрытой) повестки, а специалисты по выборным кампаниям и связям с общественностью, не стесняясь, называли себя именно «политтехнологами»¹. Такой подход к политике создал огромный разрыв между словами и поступками, поскольку любая публикация в прессе, любое появление в СМИ и вообще любая публичная деятельность могли быть поданы и проданы как дорогостоящий продукт, нацеленный на прямое манипулирование общественным мнением. В результате преобладания политтехнологий в России сформировалась культура стойкого недоверия к публичной жизни как таковой, распространившаяся среди большинства населения (в сознании людей публичная жизнь была и во многом остается всего лишь фасадом для той или иной непрозрачной внутриэлитной схемы)², а также произошла общая деполитизация граждан, препятствовавшая возможности подрыва этого циничного и чисто манипулятивного понимания политики³.

¹ Существуют организации с соответствующим названием, такие как Центр политических технологий (<http://www.cpt.ru>), проводятся слеты политтехнологов (см., например: Рубин М. Политтехнологи удваивают ставки // Известия, 29 мая 2012), практика обобщается в книгах (Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. М.: Русская панорама, 2006. 680 с.; Матвейчев О. Уши машут ослом. Сумма политтехнологий. М.: Эксмо, 2008. 640 с.).

² См. также: Wilson A. «Political technology»: why is it alive and flourishing in the former USSR? // openDemocracy, 17 June 2011. URL: <http://www.opendemocracy.net/od-russia/andrew-wilson/political-technology-why-is-it-alive-and-flourishing-in-former-ussr> (date of access: 22.11.2013).

³ Разумеется, деполитизация в России — сложное и многогранное явление, причины которого нельзя свести к одному лишь влиянию политтехнологий и манипулятивных под-

Однако недавние протесты разорвали этот порочный круг. Столь масштабных демонстраций в Москве не было с 1993 года. Стотысячный оппозиционный митинг, в основном состоявший из «обычных людей», не активистов, никак не мог быть продуктом прямой манипуляции или какой-либо политехнологической схемы — такую возможность исключал сам масштаб. Протесты оказались первым настоящим политическим событием за долгие годы — событием публичной жизни с собственными внутренними причинами, несводимыми к внутриэлитным конфликтам. В этом смысле, по-видимому, их единственным за последние десять лет аналогом, сравнимым по масштабу, были выступления против монетизации льгот в 2005 году.

В таком виде протесты и вошли в дискурсивное поле — в качестве подлинного, реального события, которое не могло быть интерпретировано как эффект манипуляций¹. В силу этого они требовали иного типа объяснения. Тем не менее в публичной сфере дискурсивное обрамление и интерпретация протестов сразу начали приобретать знакомые очертания. Очень скоро в дебатах вокруг протестов была реанимирована идеология «двух России»: примитивная идеологическая схема, разделяющая российское общество на активное, просвещенное, вестернизированное прозападное меньшинство и — пассивное, конформистское, лояльное власти большинство.

Эта идеология в целом укладывается в антипопулистскую тенденцию в постсоветских странах, уже попадавшую в поле зрения социальных исследователей. Так, Агнеш Гадьы связывает антипопулизм

ходов в политике. Не менее важны такие факторы, как индивидуализм и слабые социальные связи того типа, который мог бы привести к возникновению коллективных политических субъектов, стигматизированность политической деятельности как таковой. В целом деполитизация является следствием как советского периода с присущей ему социальной организацией, так и Перестройки, завершившей этот период и вместе с тем способствовавшей дальнейшей деполитизации из-за негативного, индивидуалистического импульса протеста против советского режима. Теоретический анализ деполитизации осуществил Олег Журавлев в настоящей монографии: *Журавлев О.* Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов.

¹ О значении протестов для российской публичной сферы и о логике подлинности см. также: *Матвеев И.* Эффект подлинности.

в Восточной Европе (определяемый как «восточноевропейский опыт и словарь обесценивания “народа”»¹) с постколониальным синдромом неприятия своего народа как недостаточно вестернизированного и европеизированного (этот аспект присутствует и в идеологии «двух России», многие варианты которой, как уже отмечалось, предполагают, что Россия расколота на прозападное, европейское меньшинство и «азиатские» массы). Россен Джагалов в статье «Антипопулизм постсоциалистической интеллигенции» указывает, что исторический союз интеллигенции и народа в России был разрушен в сталинский период, антипопулистские тенденции еще усилились в советском диссидентском движении (особую роль в этом сыграл дискурс прав человека, исключавший социальное измерение), а после падения Советского Союза все это привело к безусловной поддержке интеллигенцией радикальных рыночных реформ, несмотря на их катастрофические последствия для населения². Мишель Ривкин-Фиш также связывает антипопулистские установки в среде российской интеллигенции с наследием советского периода. Причина этих установок, указывает она, — в представлении о том, что советская власть действовала против интеллигенции, создав искусственную и «ненормальную» ситуацию, когда интеллигенция лишена материальных привилегий, а народ возведен на пьедестал. При этом, пишет Ривкин-Фиш, «интеллигенция» и «народ» воспринимаются как эссенциализированные, неисторические общности с раз и навсегда определенными свойствами, а надежды людей, отождествляющих себя с интеллигенцией, связаны с тем, что в рыночном обществе есть шанс восстановить «нормальную» ситуацию, при которой моральное и культурное превосходство интеллигенции воплощается и в высоком материальном статусе³.

¹ *Gagyí A.* Anti-populism as an Element of Postsocialism. Paper presented at the annual meeting of the Association for Slavic, East European and Eurasian Studies 44th Annual Convention, New Orleans Marriott, New Orleans, LA, 19 November 2012.

² *Джагалов Р.* Антипопулизм постсоциалистической интеллигенции // Неприкосновенный запас. 2011. № 1 (75). С. 134—153.

³ *Rivkin-Fish M.* Tracing landscapes of the past in class subjectivity: Practices of memory and distinction in marketizing Russia // *American Ethnologist*. 2009. Vol. 36. № 1. P. 79—95.

В то время как складывалось консюмеристское общество и его образы блеска (*glamour*) и процветания все больше определяли социальные представления о желанном, практически не велась дискуссия с целью заново создать образ рабочего, поощрить сопереживание с социально и экономически маргинализированными группами¹.

Это проявилось, в частности, в киноискусстве. Рассуждая об исчезновении образов рабочих из постсоветских фильмов, Луи Менаш выявляет мировоззренческую установку, сложившуюся еще в позднесоветскую эпоху и сохранившую свое влияние в постсоветской России:

Когда идеологическое давление ослабло или идеология потерпела полное поражение, рабочие пропали со сцены. Режиссеры потеряли к ним интерес или даже изображали их со скрытым пренебрежением. ...Старый элитизм, разделяющий *нас*, интеллигенцию, и *их*, темных людей внизу, вернулся в новой форме².

Таковы исторические и социальные корни идеологии «двух России» в период протестов 2011—2012 годов, транслировавшейся в основном либеральными журналистами и политическими комментаторами. В поисках наиболее характерных примеров этой идеологической конструкции я просмотрел большое количество статей в различных изданиях, так или иначе затрагивающих проблему культурного разрыва в России. Составить полную выборку публикаций, разумеется, невозможно, поэтому особое внимание я уделял авторам, которых можно отнести к одному и тому же московскому журналистскому сообществу. Довольно размытые контуры этого сообщества можно определить, если посмотреть на список авторов в номере журнала «Афиша», посвященном гражданским манифестам (я ссылаюсь на манифест Дмитрия Ольшанского из этого номера), или, например, на список участников благотворительно-журна-

¹ *Rivkin-Fish M.* Tracing landscapes of the past in class subjectivity: Practices of memory and distinction in marketizing Russia. P. 89.

² *Menashe L.* Buttons, Buttons, Who's Got the Workers? A Note on the (Missing) Working Class in Late- and Post-Soviet Russian Cinema // *International Labor and Working-Class History*. 2001. Vol. 59. P. 58.

листского проекта «Нужна помощь», о котором я также буду говорить в этой главе.

Анализируя тексты, отобранные по указанным выше основаниям, я выделил две полемические стратегии, с помощью которых их авторы разделяют российское общество на две далекие друг от друга группы.

Первая стратегия заключается в составлении списка культурных черт, якобы определяющих два «народа» или, точнее, «народ» и некое меньшинство. Так, журналист Валерий Панюшкин пишет о различии между теми, кто любит пельмени, и теми, кто предпочитает устрицы, себя, конечно, объявив любителем устриц¹. Он перечисляет и другие критерии, ставя на одну сторону Глена Гульда, а на другую — певца Стаса Михайлова и т.д. Политические комментаторы активно использовали такие сопоставления для конструирования культурного разрыва и наделения получающихся в итоге групп конкретными чертами. Разумеется, те, кто впервые вышел на улицы в декабре 2011 года, представляли для них меньшинство с более высоким культурным капиталом.

Вторая распространенная полемическая стратегия заключалась в обращении к личному опыту столкновения с «другими». Этот опыт, как правило, заканчивается либо подтверждением того, что «другие» («народ») безнадежны, либо катарсическим моментом неожиданного взаимопонимания. В обоих случаях «народ» предстает совершенно иным и непознаваемым².

Сторонники идеи «двух России», как правило, предлагают один из двух вариантов дальнейших действий. Некоторые, как публицист Дмитрий Ольшанский, заявляют, что можно лишь ждать, пока большинство станет более культурным, благодаря чему возникнут условия для более

¹ Панюшкин В. Что общего у меня с народом // Сноб.ру, 3 апреля 2012. URL: www.snob.ru/selected/entry/47631 (дата обращения: 22.11.2013).

² При этом, как показывает в главе 9 настоящей монографии Артемий Магун, другая использовавшаяся в понимании протестов дискурсивная стратегия была обратной и заключалась в самоотождествлении с народом, причем «народ» зачастую все равно оставался мистической сущностью. Это показывает, что «народ» и разрыв интеллигенции с народом — давняя тема российской общественной жизни — стали в данной ситуации политическим вопросом и полем полемики (Магун А. Протестное движение 2011—2012 годов в России: новый популизм среднего класса).

прогрессивного политического режима¹. Это можно назвать жестким подходом к проблеме культурного разрыва. Другие же осуждают подобную позицию, сохраняя при этом изначальное противопоставление «народа» и меньшинства (но делая из этого совсем другие выводы). Так, журналист Андрей Лошак пишет о «культурной экспансии» из Москвы в провинцию с целью объяснить «народу» реальное положение вещей, чтобы на следующих выборах он избрал уже правильного президента². Такой неокOLONIALISTСКИЙ дискурс с его мягким подходом к проблеме культурного разрыва заменяет «бремя белого человека» бременем московского интеллигента, черпая вдохновение из истории народнического движения 1870-х годов с его кампанией «хождения в народ». И если сторонники жесткого подхода мыслят изоляционистски, считая, что интеллигенция должна защищать себя и свои ценности от нападков «народа» (и воспринимают репрессивное государство как отражение жестокого и невежественного «народа»), то сторонники мягкой позиции говорят об образовании и просвещении «народа», воспринимая последний как бессильную, страдающую массу, ввергнутую в состояние варварства.

Несмотря на различия в стратегии, оба подхода к проблеме культурного разрыва имеют общие основополагающие черты. И тот и другой оперируют на уровне культуры и говорят о непреодолимом разрыве между большинством и меньшинством. Меньшинству предлагается либо просто ждать, либо заняться просвещением народа и повышением его культурного уровня. Вместе эти концепции образуют достаточно влиятельную тенденцию в московской политической журналистике³.

¹ Музыканты, писатели, журналисты, поэты и другие жители страны о том, что делать: Дмитрий Ольшанский, журналист // Афиша.ру, 18 мая 2012. URL: <http://www.afisha.ru/article/dmitrij-olshanskij-zhurnalists/> (дата обращения: 22.11.2013).

² Лошак А. В офлайн! // OpenSpace.ru, 29 марта 2012. URL: <http://os.colta.ru/society/projects/201/details/35508> (дата обращения: 22.11.2013).

³ В частности, упоминаемые в тексте журналисты Андрей Лошак и Валерий Панюшкин на момент написания статьи работали на телеканале «Дождь», занимающем пятое место по цитируемости среди всех российских телеканалов, по версии Информационно-аналитической системы «Медиалогия» (Федеральные СМИ — октябрь 2013 // Медиалогия. URL: http://www.mlg.ru/ratings/federal_media/2727/2013/10/ (дата обращения:

Разумеется, эти стратегии имеют свои последствия. Составление списка культурных различий и его последующая публикация в журнале с красноречивым названием «Сноб» уже представляют собой акт агрессивной социальной стигматизации. Но и отношение к народу как к безмолвной массе, которую нужно окультуривать и просвещать, — симптом квазиколониализма в традиции русского народничества. Что еще важнее, эта установка существует отнюдь не в вакууме: ей противостоит машина официальной пропаганды, эксплуатирующая и усугубляющая все признаки культурной войны.

Кремль использует все эти примеры социальной стигматизации против самих представителей «культурного меньшинства». Он обвиняет оппозиционное движение в элитизме и противопоставляет культурную элиту «народу», которому выгодна т.н. «стабильность». Кроме того, правительственные пропагандисты создают публичных персонажей, якобы представляющих голос рабочих, — таких как Игорь Холманских, начальник цеха, которого в СМИ часто называют «рабочим»¹. Холманских начал свою политическую карьеру с агрессивной речи в адрес протестующих, выступая на прямой линии с Владимиром Путиным. Сейчас он является официальным представителем Путина в Уральском федеральном округе.

Либеральные политические комментаторы, мыслящие в системе «двух России», могут лишь принять правила этой полемики, навязанной им Кремлем, и воспринимать созданный кремлевскими пропагандистами образ «народа» как точное отражение того «народа», о котором пишут они сами. В этой культурной войне обе стороны играют на руку друг другу.

Более пристальный взгляд на культурную войну «двух России» открывает нам две ее отличительные черты. Во-первых, она отражает

22.11.2013)). Иван Давыдов на момент написания статьи был колумнистом издания «Лента.ру», первого по цитируемости среди всех российских интернет-СМИ, согласно тому же источнику. Дмитрий Ольшанский на момент написания статьи был колумнистом интернет-версии журнала «Эксперт» (шестое место по цитируемости среди российских журналов, согласно тому же источнику).

¹ См., напр.: Кудрин обеспокоен, что рабочий-радикал Холманских стал полпредом // Московский комсомолец, 18 мая 2012.

«статусную панику» (status panic)¹ либеральной интеллигенции. В своей книге о появлении нового среднего класса в США Чарльз Райт Миллс писал о двух типах обществ, исходя из их отношения к престижу. В одном типе обществ «престиж каждого четко определен и неамбивалентен». В другом «престиж предельно неустойчив и амбивалентен: притязания индивида, как правило, не признаются другими»². Согласно Миллсу, США в начале 1950-х были ближе к неустойчивой и амбивалентной модели:

Наслаждение престижем зачастую сопровождалось тревогой и беспокойством... Основания престижа, выражение притязаний на престиж и то, как эти притязания получают признание, сегодня сильно меняются, что нередко вводит людей в состояние статусной паники³.

Здесь можно провести параллель между США 1950-х годов и Россией 2000-х. В эти периоды в обеих странах формируется новый средний класс. В случае США это был новый класс наемных работников: клерков, консультантов и других «белых воротничков». В России 2000-х (пост) советская интеллигенция завершала свое преобразование в средний класс новой капиталистической страны. Доход этой социальной группы, возможно, до сих пор остается невысоким, однако ее идентичность все больше формируется вокруг потребления и социального статуса, тем самым оправдывая использование понятия «средний класс». Как и в США 1950-х, новый средний класс в России ощущает, что его притязания на престиж не получают должного признания. На это он отвечает социальным высокомерием, которое, в свою очередь, подливает масла в огонь культурной войны.

В 2002 году Татьяна Толстая опубликовала рассказ под названием «Стена». Примечательно, что он был напечатан в «Architectural Digest» — журнале об архитектуре и дизайне, устанавливающем

¹ Mills C.W. White Collar: The American Middle Classes. Oxford, UK: Oxford University Press, 2002. P. 240.

² Ibid. P. 239.

³ Ibid. P. 240.

новейшие тренды «культурного» потребления. Местом действия автобиографического рассказа Толстой служит ее собственная квартира: делая ремонт, она снесла стену между кухней и гостиной, в результате чего ей пришлось постоянно находиться в одной комнате со своей домработницей. Домработница Надежда Терентьевна с ее грубыми манерами и постоянной болтовней сделала жизнь Толстой невыносимой. Она не могла работать и, следовательно, зарабатывать, в результате чего домработницу пришлось уволить.

Сломав стену, я не просто уничтожила границу двух зон, я нарушила культурный и классовый баланс, я разорвала невидимые круги, очерчивающие мир хозяйки и мир прислуги, охраняющие их друг от друга. Я разрушила спасительную иерархию¹.

Стена в квартире Толстой символизирует стену между двумя классами и двумя культурами — между двумя Россиями. Если бы в российском обществе престиж был устойчивым и неамбивалентным, не было бы нужды в грубой символизации и подобных вспышках снобизма. Рассказ Толстой демонстрирует как раз отсутствие «спасительной иерархии», а не ее наличие. В действительности два класса не разделены непреодолимым разрывом, и именно поэтому возникает потребность возвести между ними символическую стену.

Вторая особенность идеологии «двух России» заключается в том, что она представляет собой часть доксы, неотрефлексированных общих мест, говоря языком Пьера Бурдьё. В качестве культурного артефакта эта концепция является продуктом стихийной социологии журналистов, а не подлинного теоретического мышления, учреждающего радикальный разрыв со здравым смыслом. Любые рассуждения о «двух Россиях» строятся на максимально грубых обобщениях. Десятки статей, заголовки которых содержат вариацию на тему «двух России», демонстрируют явный общий паттерн: когда автору нужно быстро обобщить определенные факты и данные, он прибегает к тезису о «двух Россиях», что позволяет с минимальными затратами создать некое подобие концеп-

¹ Толстая Т. Стена // Толстая Т. Не кысь. М.: Эксмо, 2013. С. 569—570.

ции¹; журналисты нередко прибегают к подобной стратегии. Но ведь тон в общественной дискуссии задают именно журналисты: в России мало публичных интеллектуалов, сочетающих глубокие знания с известностью и влиянием на общественное мнение. В условиях практически полного отсутствия независимых политических партий, движений, того, что Миллс называл «контрпубликами», где «действительно обсуждались бы альтернативные представления об общественной жизни» и которые имели бы «возможность оказывать реальное влияние на решения, имеющие структурные последствия»², журналистское мышление во многом совпадает с мышлением протестующих. Печатные и сетевые СМИ (в отличие, например, от абсолютного большинства федеральных телеканалов) могут сохранять определенную автономию, и вследствие этого они играют особую роль в российском политическом процессе. В России влияние того, что Бурдьё называет «журналистским полем»³, на другие социальные поля крайне велико.

Сферой, в которой оперирует идеология «двух России», является культура. В протестах 2011—2012 годов исключительную роль сыграли журналисты, писатели и другие профессиональные деятели культуры — во многом из-за того, что ключевые лидеры либеральной оппозиции, такие как Владимир Рыжков и Борис Немцов, были дискредитированы и не имели доверия среди людей. Поэтому в дело пришлось вступить другим лидерам, наделенным моральным авторитетом и находящимся на определенной дистанции по отношению к миру политики. Они пришли из мира культуры: журналист Леонид Парфенов, писатель Григорий Чхартишвили (литературный псевдоним Борис Акунин), поэт, писатель и публицист Дмитрий Быков. Будучи профессиональными деятелями культуры, они имеют склонность делать обобщения именно на уровне культуры, а не на социальном, политическом и экономическом уровнях,

¹ Напр., Андрей Колесников с помощью образа «двух России» обобщил данные мониторинга инновационного поведения населения, проводимого НИУ ВШЭ (*Колесников А. Две России — умытая и немытая // Новая газета, 15 июля 2011*).

² Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Издательский дом «NOTA BENE», 2001. С. 216.

³ Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. С. 89—104.

и сама природа этих обобщений несет на себе отпечаток их профессиональной деятельности. Даже если они не желают вести культурную войну со «второй Россией», они все равно ограничены проблематикой «двух России». Они описывают политику при помощи языка культуры, тем самым ее культурализируя. Так, в июне 2011 года, за несколько месяцев до начала протестов, Григорий Чхартишвили и поэт Лев Рубинштейн обсуждали идею о том, чтобы физически разделить Россию «литературы, культуры, духовного поиска, сопротивления произволу» и Россию «государственного насилия, унижения, стукачества», отдав последней богатые нефтью регионы, а первой — экономически депрессивные области, которые интеллигенция быстро превратит в процветающие. Любопытно, что если Рубинштейну эта идея показалась «утопичной» (хотя и «симпатичной»), то Чхартишвили считал ее важной для «общего целеполагания»¹. Именно обобщения вроде тех, что встречаются в диалоге Чхартишвили и Рубинштейна, определяют политическое мышление лидеров либеральной оппозиции.

Подобная проблематика всегда порождает порочный круг. Например, публицист Иван Давыдов в статье под названием «Другие мы» призывает «нас» (высокообразованное и культурное меньшинство) быть менее высокомерными и воздерживаться от саркастичных комментариев в адрес людей, которые проявляют свою «инаковость» через публикацию отредактированных в Photoshop фотографий на своих страницах в социальных сетях:

Нет, это на самом деле смешно. Но ведь есть помимо смеха что-то еще. Что-то прячется за смехом умеренно приятное. Порыв возвести еще одну стену. Провести грань².

Тем самым Давыдов дистанцируется от тех, кто, подобно Толстой, как раз и хочет возвести стену, провести грань и т.д. Однако предлагаемое им решение звучит очень знакомо:

¹ Рубинштейн Л., Чхартишвили Г. Занимательное страноведение // Большой город, 30 июня 2011. URL: http://bg.ru/society/zanimatelnoe_stranovedenie—8872/ (дата обращения: 22.11.2013).

² Давыдов И. Другие мы // Свободная пресса, 25 апреля 2013. URL: <http://svpressa.ru/society/article/67295/> (дата обращения: 22.11.2013).

Все это значит, что с ними можно говорить. Можно пытаться объяснить им, что не так в стране... Для этого ведь надо сначала сказать себе одну крайне неприятную вещь: «они» — не они. Они — это мы. Просто другие мы¹.

Несложно увидеть в этом плане очевидный изъян: сам жест объяснения «им» чего-либо эссенциализирует «нас» и «их» как социальные и культурные группы. Возведение стены и проведение грани происходят в самой попытке разрушить стену и стереть грань.

Чтобы выйти из этой закольцованной логики, сменим место действия. В марте 2012 года, когда протесты против нечестных выборов все еще были сильны, а публицисты посвящали теме двух России колонку за колонкой, в провинциальной Калуге разразился совсем другой протест.

Рабочие «Бентелер Аутомотив», поставщика компонентов для соседнего завода «Фольксваген», вышли на забастовку с требованием признать первичную организацию МПРА (Межрегионального профсоюза работников автопрома) на предприятии. После вмешательства региональных властей бастующие добились признания профсоюза и затем, через три месяца сложных коллективных переговоров, подписали один из наиболее выгодных коллективных договоров в своей отрасли.

Поскольку рабочие вышли на забастовку с единственным требованием — признать их профсоюз, — очевидно, что их протест не был мотивирован исключительно материальными требованиями. Они боролись за свои права, а именно за право на объединение и коллективные переговоры, точно так же, как люди в Москве и других больших городах боролись за свое право на честные выборы. Протест рабочих с завода «Бентелер» был далеко не стихийным — ему предшествовали месяцы упорной организационной работы. Юридические навыки членов профсоюза далеко превосходили навыки политических протестующих. При этом мы никоим образом не можем считать рабочих завода «Бентелер» частью «культурного меньшинства». Их пример показывает, что борьба за права и собственное достоинство отнюдь не ограничена интеллигенцией и что люди из других слоев общества также способны к социальному и политическому действию, а значит, не стоит снисхо-

¹ Давыдов И. Другие мы.

дительно относиться к ним как к массе, которую нужно просвещать, демонизировать их и представлять беспощадной толпой¹.

Благодаря чему стал возможен протеста на заводе «Бентелер»? Самое короткое объяснение будет таким: рабочие получили то, что по-английски принято называть словом *empowerment*², через процесс самоорганизации, которому содействовали профсоюзные организаторы и левые активисты. Примечательно, что в русском языке эквивалента слову *empowerment* не существует — как не существует эквивалентного понятия и практики в российском оппозиционном движении, сосредоточенном на «объяснении», а не организационной работе, на «культурной экспансии», а не на коллективном действии.

Эти качества либеральной части оппозиционного движения проявились в период волонтерской кампании в Крымске. В июле 2012 года этот небольшой город на юге России и несколько близких к нему поселений пострадали от мощного наводнения. Общее число погибших превысило 170 человек, тысячи людей потеряли свои дома. За трагедией последовала впечатляющая всероссийская волонтерская кампания: сотни человек приезжали в Крымск, помогали местным жителям очищать дома, распределяли продукты и другие предметы первой необходимости. Многие волонтеры (включая нескольких лидеров кампании) были активистами или симпатизантами оппозиционного движения. Однако, насколько известно, не было никаких систематических попыток организовать самих жителей Крымска (города с населением 57,3 тыс. человек)³. В то

¹ К схожим выводам приходит Карин Клеман в настоящей монографии (глава 2). Она показывает, что социальные протесты, такие как протест против монетизации льгот, имели в центре не просто материальные требования, но борьбу за достоинство: «Значимость риторики “достоинства” подчеркивает сходство протеста против монетизации льгот с движением “За честные выборы”, при этом участники первого придают достоинству коллективный характер, солидаризируются со всеми, кто активно отстаивает свое задетое достоинство, в то время как этика участия в ДЗЧВ преимущественно индивидуалистическая» (Клеман К. К вопросу о локальном и глобальном в низовых социальных движениях России в 2005—2010 годах).

² *Empowerment* (англ.) — усиление, расширение возможностей группы благодаря коллективной организации.

³ Подробнее о волонтерском движении помощи Крымску, а также о вкладе активистов ДЗЧВ в это движение см. главу 11 в настоящей монографии: Невский А. Крымск 2012: Мобилизация волонтеров в контексте политических протестов.

же время в США активистские группы вроде ACORN (Association of Community Organizations for Reform Now) уделяли огромное внимание коллективной организации самих жителей Нью-Орлеана и Нью-Йорка после ураганов Катрина и Сэнди.

Некоторые активные участники волонтерской кампании в Крыму позже запустили собственные благотворительные инициативы. Так, Дмитрий Алешковский, фотограф, волонтер и оппозиционный активист, основал организацию под названием «Нужна помощь». Представляя собой смесь информационного агентства и благотворительного фонда, эта группа привлекает внимание к индивидуальным случаям «социального героизма» и мобилизует помощь для тех, кому она нужна. Среди «социальных героев» можно встретить сотрудников НКО и бюджетников, например сельского врача. Такой подход к благотворительности естественен для интеллектуального ядра оппозиционного движения. Характерно, что многие известные журналисты (среди них и упомянутый выше Давыдов) принимали участие в работе группы. Однако, несмотря на то что группа помогает отдельным людям, временами взваливая на себя прямые обязанности государства, ее не интересуют случаи коллективной борьбы в бюджетном секторе. К примеру, в мае 2013 года педиатры из Ижевска организовали независимый профсоюз и устроили «итальянскую забастовку», выступая против увеличения рабочей нагрузки и за повышение зарплат. Крайне редкий пример трудового протеста бюджетников был в общем и целом проигнорирован либеральными СМИ, включая и те информационные ресурсы, что работают с группами вроде «Нужна помощь». Протесты на рабочих местах (предполагающие коллективную организацию и *empowerment*) и оппозиционные протесты существуют как будто в параллельных реальностях — и важную роль в этом играет идеология культурного разрыва, связанная с образом бездействующего, пассивного «народа».

Лидеры оппозиционного движения даже не пытаются организовывать различные группы российского населения — они продолжают говорить о двух Россиях. А Кремль по-прежнему зеркально отражает эту риторику в дискурсе «простых рабочих». Прокремлевские идеологи и эксперты собираются вокруг фигур вроде уже упомянутого Холманских. Например, Алексей Чадаев, автор книги «Путин. Его идеология»,

принял участие в круглом столе, на котором председательствовал Холманских, а потом опубликовал об этом статью в «Известиях»¹. Круглый стол был посвящен фигуре «человека труда». В своей статье Чадаев заявлял, что у нас действительно есть две России: одна ориентирована на потребление, а вторая — на созидание. Любопытно, что последняя, по Чадаеву, включает в себя как рабочего, так и предпринимателя. Оба являются «производителями», в то время как протестующие — лишь потребители. В его определении традиционная либеральная аргументация оказывается перевернутой с ног на голову.

Идеология «двух России» конструирует онтологию российской политики, натурализуя различия в образе жизни, поведении и вкусах (которые в ином случае могли бы быть критически объяснены социальными и экономическими условиями существования различных слоев общества и их генеалогиями) и превращая эти различия в «изначальные», вечные качества, обрекающие своих носителей на неразрешимую неисторическую конфронтацию. Сконструированная таким образом дискурсивная рамка дает простой ответ на вопрос о том, кто вышел на улицы и кто остался дома. Молчаливое большинство продолжает упрямо поддерживать Путина в силу неких внутренних качеств вроде сопротивления переменам, в то время как просвещенное меньшинство участвует в протестах, отчаянно пытаясь пробудить остальную Россию. Эта идеологическая конструкция используется и в либеральной публицистике, и (в измененной форме и с противоположным знаком) в кремлевской пропаганде, которые таким образом взаимно поддерживают друг друга.

Перманентная культурная война двух России оставляет большинство российского населения безмолвным и безвластным. Однако некоторые группы российских левых осознали этот порочный круг и попытались из него вырваться, внедряя культуру организационной работы и коллективного действия в протестное движение 2011—2012 годов. Так, за недолгий период существования лагеря «Оккупай Абай» в Москве в мае 2012 года различные радикальные левые группы играли ключевую роль в организации всеобщей ассамблеи и распространении практик прямой демократии. И хотя среди протестующих на «Оккупаете», как и в оппо-

¹ Чадаев А. Самураи Тагила // Известия, 15 апреля 2013.

зиционном движении в целом, преобладали либералы, левым удалось придать процессу динамику самоорганизации и низового активизма.

Популярность темы «двух Россией» в политической журналистике заметно зависит от динамики оппозиционного движения и других политических и социальных факторов. В период, когда массовые оппозиционные митинги и альтернативные акции в поддержку Кремля обеспечивали наглядную репрезентацию неких общественных групп, требовавшую объяснения, идеология «двух Россией» занимала видное место в дебатах в СМИ. Когда оппозиционная активность и уличная политика пошли на спад, тема «двух Россией» также утратила популярность. Однако она никогда не уходит из публичной дискуссии полностью и в любой момент может снова стать центром дискурса. Исторические корни деления на «две России» и те формы, которые оно принимает в современной публичной дискуссии, должны стать предметом дальнейшего исследования и анализа.

Библиография

1. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. С. 89—104.
2. Джагалов Р. Антипопулизм постсоциалистической интеллигенции // Неприкосновенный запас. 2011. № 1 (75). С. 134—153.
3. Матвеев И. Эффект подлинности [Электронный ресурс] // Русский журнал, 12 марта 2012. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Effekt-podlinnosti> (дата обращения: 02.04.2014).
4. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Издательский дом «NOTA BENE», 2001. 264 с.
5. Федеральные СМИ — октябрь 2013 [Электронный ресурс] // Медиа-логия. URL: http://www.mlg.ru/ratings/federal_media/2727/2013/10/ (дата обращения: 22.11.2013).
6. Gagyi A. Anti-populism as an Element of Postsocialism. Paper presented at the annual meeting of the Association for Slavic, East European and Eurasian Studies 44th Annual Convention, New Orleans Marriott, New Orleans, LA, 19 November 2012.

7. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 240 p.

8. *Menashe L.* Buttons, Buttons, Who's Got the Workers? A Note on the (Missing) Working Class in Late- and Post-Soviet Russian Cinema // *International Labor and Working-Class History*. 2001. Vol. 59. P. 52—59.

9. *Mills C.W.* White Collar: The American Middle Classes. Oxford, UK: Oxford University Press, 2002. 416 p.

10. *Rivkin-Fish M.* Tracing landscapes of the past in class subjectivity: Practices of memory and distinction in marketizing Russia // *American Ethnologist*. 2009. Vol. 36. № 1. P. 79—95.

11. *Wilson A.* «Political technology»: why is it alive and flourishing in the former USSR? [Electronic resource] // *openDemocracy*, 17 June 2011. URL: <http://www.opendemocracy.net/od-russia/andrew-wilson/political-technology-why-is-it-alive-and-flourishing-in-former-ussr> (date of access: 22.11.2013).

Источники

1. *Давыдов И.* Другие мы [Электронный ресурс] // *Свободная пресса*, 25 апреля 2013. URL: <http://svpressa.ru/society/article/67295/> (дата обращения: 22.11.2013).

2. *Колесников А.* Две России — умытая и немывтая // *Новая газета*, 15 июля 2011.

3. Кудрин обеспокоен, что рабочий-радикал Холманских стал полпредом // *Московский комсомолец*, 18 мая 2012.

4. *Лошак А.* В офлайн! [Электронный ресурс] // *OpenSpace.ru*, 29 марта 2012. URL: <http://os.colta.ru/society/projects/201/details/35508> (дата обращения: 22.11.2013).

5. *Малкин Е., Сучков Е.* Политические технологии. М.: Русская панорама, 2006. 680 с.

6. *Матвейчев О.* Уши машут ослом. Сумма политехнологий. М.: Эксмо, 2008. 640 с.

7. Музыканты, писатели, журналисты, поэты и другие жители страны о том, что делать: Дмитрий Ольшанский, журналист [Электронный ресурс] // *Афиша*.

ру, 18 мая 2012. URL: <http://www.afisha.ru/article/dmitrij-olshanskij-zhurnalist/> (дата обращения: 22.11.2013).

8. *Панюшкин В.* Что общего у меня с народом [Электронный ресурс] // Сноб.ру, 3 апреля 2012. URL: www.snob.ru/selected/entry/47631 (дата обращения: 22.11.2013).

9. *Рубин М.* Политтехнологи удваивают ставки // Известия, 29 мая 2012.

10. *Рубинштейн Л., Чхатишвили Г.* Занимательное страноведение [Электронный ресурс] // Большой город, 30 июня 2011. URL: http://bg.ru/society/zanimatelnoe_stranovedenie—8872/ (дата обращения: 22.11.2013).

11. *Толстая Т.* Стена // Толстая Т. Не кысь. М.: Эксмо, 2013. 608 с.

12. *Чадаев А.* Самурай Тагила // Известия, 15 апреля 2013.

Артеми́й Магу́н

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ 2011—2012 ГОДОВ В РОССИИ: НОВЫЙ ПОПУЛИЗМ СРЕДНЕГО КЛАССА¹

В 2011—2012 годах мы все наблюдали взрыв массовой политики в авторитарном государстве, для которого ранее был характерен низкий уровень протестной активности, и в обществе, где политика долгое время считалась занятием то ли наивным, то ли продажным. В этой связи меня будут интересовать два вопроса. Во-первых, кто является коллективным политическим субъектом этих протестов (если таковой вообще имеется)? Во-вторых, какова идеология движения (если она вообще есть)? На основе эмпирических данных, в основном собранных нами на протестных акциях 2011—2012 годов в Санкт-Петербурге и Москве путем частично структурированных интервью, я покажу, что субъект данного движения самоопределяется не только в групповых (классовых), но и в *популистских* терминах.

Проблема политической субъективности и субъективизации является для меня одной из центральных². Правда, мы не обнаруживаем классического политического субъекта в современной России, где (как это показано во Введении) налицо скорее своеобразная *аполитичная политика*, или бессубъектная субъектность «народа». Однако такая

¹ Другая версия данной главы ранее была опубликована в журнале «Стасис» (2014, № 2).

² Вопрос о субъекте подразумевает и вопрос о коллективной «идентичности», обычный для более позитивно ориентированной социологии. Идентичность и самоидентификация по определению отсылают к чему-то самотождественному, тогда как «политический субъект» предполагает трансформирующее действие и самопреодоление. В либеральных демократиях социальные движения обычно представляются как регулярное явление, которое можно изучать нейтральным взглядом, с птичьего полета, я же склонен скорее рассматривать их в исторической и политической перспективе, как мобилизацию ранее скрытых социальных групп, имеющую непредсказуемые последствия.

самоидентификация может быть началом возникновения политического субъекта, который ранее был подчинен, а теперь пытается придать своему подчиненному статусу универсальную значимость. Другими словами, это ставка на появление в будущем демократической солидарности.

Методология нашего коллективного качественного исследования подробно изложена во Введении. Качественная методология была нужна нам для понимания внутренней логики протестующих, их самоидентификации, рефлексии и для оценки перспектив. В то же время результаты такого исследования могут использоваться только вместе с другими данными, такими как массовые опросы участников и данные о лозунгах митингов. В данной главе я буду в особенности полагаться на опросы «Левада-центра»¹ и на архив плакатов и других дискурсивных материалов с митингов, собранный Михаилом Габовичем². Ограничение наших интервью — их география (Санкт-Петербург и Москва): они позволяют изучать события в столицах, но для изучения особенностей происходящего в регионах России эти данные относительно бесполезны. Архив Габовича содержит множество данных с митингов за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, поэтому соединение его с данными наших интервью релевантно только в плане общих черт протестов в России в целом. Как мы увидим, такие общие черты, преодолевающие географическую стратификацию, существуют.

Коллективное исследование задумывалось и проводилось одновременно с разворачивающимися событиями. Поэтому для меня, как и для моих коллег, важным было не только классифицировать или объяснить эти события внешним образом, но также понять их, нащупать как их политически слабые места, так и точки потенциального развития. Движение «За честные выборы» можно рассматривать в разных контекстах. В нем были и родовые черты, присущие многим постэлекторальным протестам в авторитарных странах³, черты, общие

¹ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 году: истоки, динамика, результаты.

² Я благодарю Михаила Габовича за предоставленную возможность использования собранной им и его коллегами базы лозунгов REPS (База данных REPS [Электронный ресурс]).

³ Подробнее см. главу 6 в настоящей монографии: *Завадская М., Савельева Н.* «А можно я как-нибудь сам выберу?»: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011—2012 годов.

для глобальной волны протестных движений 2010—2012 годов (частью которой они по факту явились), и, наконец, исторические черты, отражающие специфику российского общества в последние двадцать лет. То есть отчасти мы можем объяснить (*explain away*) это движение и тем самым «снять» как исторический фактор. Но я рассматриваю здесь ДЗЧВ как в его типичности, так и в его историчности, то есть глобальности и непредсказуемости. Возможно, мы присутствуем при становлении новых классовых структур¹, возможно — при формировании глобального плебса и становлении мобилизованной демократии движений, а возможно — при реактуализации «народа» как авторитарно ведомой нации в противовес космополитическому слою интеллектуальной рабочей силы. Моя задача как исследователя — рассмотреть движение в его динамике, в его внутренних противоречиях и зонах ближайшего развития.

Теория

Теоретическая основа данной статьи неоднородна. Я считаю важным находиться в диалоге со всеми важнейшими традициями концептуализации субъекта и идеологии протестов. Одна из существующих традиций — социология социальных движений, другая — современная социальная теория, третья — постмарксистская школа анализа идеологии. К сожалению, эти традиции нечасто связываются между собой, хотя каждая из них ставит существенные проблемы и предлагает важные интуиции по поводу природы и стратегии современных социальных движений. Это разделение связано не только с различиями теоретических традиций и дисциплинарных принадлежностей, но также и с имплицитными политическими позициями исследователей. Однако это не должно становиться преградой для теоретического синтеза.

¹ Подробнее см. главу 10 в настоящей монографии: Журавлев О., Савельева Н., Алюков М. Куда движется движение: идентичность российского протеста.

Субъект

Первый вопрос, возникающий в отношении протестов в России: кто протестует? Это двойственный вопрос: он относится к объективным социальным группам, участвующим в движении и определяющим его повестку, но это также вопрос о самоопределении участников. Налицо старая марксистская тема «класса-в-себе» и «класса-для-себя», которая становится актуальной в обществе, где классовые границы более не самоочевидны. Эти два аспекта субъективности неразделимы, поскольку, с одной стороны, современная классовая структура подвижна, не поддается простой объективизации и зависит от социального конструирования, а с другой стороны, «идентичность» протестующих, производимая ими совместно с медиа, не может быть полностью отделена от их объективной определенности. Вовсе необоснованная самоидентификация (борьба за признание хоббитов, или готов, или, что существеннее, «воображаемых» этнических идентичностей) может существовать, но вряд ли долго продержится без сколько-нибудь значимого содержания. Современные теоретики политической субъективности, в особенности Ален Бадью, стремятся показать, как субъект одновременно конституируется и некоторой ранее не признанной социальной группой, и непредсказуемым событием ее прорыва, и свободным актом осознания этой группой или ее отдельными членами произошедшего события собственного прорыва, и дальнейшим хранением верности и тому и другому¹.

В случае протестов в России (2011—2012) объективные социальные определения были сразу же произведены и социологами, и СМИ, которые называли события «протестом среднего класса», «протестом креативного класса» или, как выразился В. Сурков, используя формулу, впервые употребленную в отношении протестов в Германии, протестами «рассерженных горожан». Некоторые (Сергей Удальцов — изнутри движения², Александр Бикбов и Алексей Левинсон — из академической

¹ Badiou A. Being and Event. New York: Continuum, 2005. 526 p.

² Сергей Удальцов на митинге-шествии 4 февраля 2012 [Видеозапись] // Youtube, 4 февраля 2012. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=bYGsyU8djO8> (дата обращения 10.04.2014).

среды¹⁾ пытались оспорить это определение, рискуя, однако, оставить социальную структуру без внимания или представить ее как чистый результат «социального конструирования». Бикбов категорически отвергает медийное определение протестов как «среднего класса», показывая, насколько непопулярной была такая самоидентификация у самих протестующих. Михаил Габович в своей книге о протестах также отказывается от использования социальных категорий в отношении протестов:

Такие термины, как «средний класс», «поколение» или «рантье», обозначают реально существующих коллективных акторов... В случае современной России этого нет: институты конструирования идентичности, за исключением государства, слабы, и люди обычно воздерживаются от включения себя в социальные и профессиональные группы².

Габович предлагает вместо этого говорить о «движении», которое является «не группой, а состоянием»³. Алексей Левинсон, сотрудник «Левада-центра», вскоре после митингов написал газетную статью, заявив, что это были движения универсального «мы», а не среднего класса⁴. Несмотря на то что на митингах присутствовало много обеспеченных людей, экономические различия между протестующими были огромны:

...[н]е может быть единым классом общность с такими имущественными различиями. Классом быть не может, а обществом, народом, нацией — может. Не средний класс вышел с протестом. Это общество в целом выслало своих гонцов сказать, что оно собирается жить по-другому⁵.

¹ Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма; Левинсон А. Наше «мы»: это не средний класс, это все // Ведомости, 21 февраля 2012. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1509376/eto_ne_srednij_klass_eto_vse#ixzz2fNoRdMCr (дата обращения: 26.10.2013).

² Gabowitsch M. Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur.

³ Ibid.

⁴ Левинсон А. Наше «мы»: это не средний класс, это все [Электронный ресурс].

⁵ Там же.

В этой реакции Левинсона чувствуется не только озабоченность человека, симпатизирующего движению, но и антимарксистская энергия исследователя, принадлежащего к последнему советскому поколению (хотя, разумеется, термин «средний класс» не имеет никакого отношения к марксистским классам). «Да, классовый подход заведет куда не надо», — добавляет он¹.

С подобной точкой зрения согласны и многие рядовые протестующие. Вот что, например, говорит один петербургский наблюдатель на выборах:

То есть вот я не согласен с той идеей, что это протест так называемого среднего класса, то есть я не признаю такое понятие — средний класс, потому что это деление людей по доходам, но не по их классовой принадлежности. То есть это не то что деление: буржуазия, пролетариат. Это уже другое что-то. То есть выходят очень разные люди. И поэтому я не согласен с теми людьми, которые говорят, что это люди выходят богатые, креативный класс, это всё. Это выходят люди очень разные, поэтому это в каком-то смысле и хорошо, что люди разные, то есть это говорит как раз о том, что этот вопрос, эта проблема — она задевает очень разных людей, а не только людей какой-то одной профессии или социальной группы. (м., 1977 г.р., высшее образование, инженер, 7 марта 2012, Санкт-Петербург)

С другой стороны, Денис Волков, также сотрудник «Левада-центра», возражает, что движение «смотрелось изнутри так, как будто “все” или “очень разные люди” пришли на митинг (прежде всего потому, что толпа была очень пестрой, там были самые разнообразные лозунги, одежда, запросы). Но для среднего россиянина, наблюдавшего за событиями на экране телевизора, они должны были выглядеть как собрание обеспеченных людей»², и подконтрольное государству телевидение настойчиво подчеркивало классовую определенность протестующих

¹ Левинсон А. Наше «мы»: это не средний класс, это все [Электронный ресурс].

² Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 году: истоки, динамика, результаты [Электронный ресурс].

(«средний класс», «креативный класс», «сытые» и т.п.). Выборы 5 марта 2012 года, как кажется, подтвердили эту точку зрения, раз Путин набрал большинство голосов даже в больших городах, где его поддержка была наиболее низкой¹. Как заметил Грэм Робертсон, один из ведущих специалистов по российским протестам,

[р]аскол, возникший между более богатыми и образованными горожанами, в особенности жителями Москвы и Санкт-Петербурга, и остальной страной, глубок, и он останется надолго².

Оценки Волковым состава протестующих основаны на московских протестах, однако движение «За честные выборы» никоим образом не сводится к Москве или даже к Москве и Санкт-Петербургу. За неимением статистики по России в целом мы можем предположить, изучая фотографии, что социальные характеристики протеста в регионах были не так специфичны, как в Москве³. Однако, имея в виду сравнительно небольшое количество участников в протестах «За честные выборы» в провинциальной России, можно сделать вывод о том, что у этого массового протеста было свое социальное лицо. Протест 2011—2012 годов резко отличался, например, от выступлений против монетизации льгот, которые не были сосредоточены в Москве и Санкт-Петербурге и в которых массово участвовали пожилые граждане.

Эти приблизительные оценки делают российское движение «За честные выборы» похожим на новые социальные движения, характер-

¹ Поддержка Путина, конечно, не означает активной политической позиции. Это результирующая двух тенденций: принятия его политики и общего предпочтения его личности немногочисленным альтернативным фигурам. Тем не менее данные опросов показывают, что доверие к Путину остается относительно высоким и достигает 57% в сентябре 2013 года. Россияне о Владимире Путине // Левада-центр, 27 сентября 2013. URL: <http://www.levada.ru/27-09-2013/rossiyane-o-vladimire-putine> (дата обращения 10.04.2014). См. также интересный анализ путинского «большинства»: *Рогов К.* Сверхбольшинство для сверхпрезидентства // *Pro et Contra*. 2013. № 3—4. С. 102—125.

² *Robertson G.* Russian Protesters: Not Optimistic but Here to Stay // *Russian Analytical Digest*. 2012. № 115. P. 4.

³ *Gabowitsch M.* Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur.

ные для западных стран после 1960-х. Большая часть исследований этих движений, вне зависимости от того, можем мы назвать их «новыми» или нет, указывает на определенность социальной группы, лежащей в их основе. Эта социальная группа часто идентифицировалась исследователями как средний класс¹ или, чаще, новый средний класс², или отдельные профессиональные подгруппы среднего класса³. В любом случае новые социальные движения, возникающие в 1960-х годах, перенимают репертуар действий и некоторую часть повестки у старых социальных движений, которые в большей мере были основаны на низших классах, таких как рабочие и крестьяне, но в их повестке появляются новые проблемы — проблемы идентичности, свободы самовыражения и других «постматериалистических» ценностей. С одной стороны, протесты такого рода стали общим местом и свойственны новой «демократии демонстраций»⁴ или «контрдемократии»⁵, с другой стороны — сегодня на Западе эти движения обычно теряют свою радикальную антагонистическую природу, редко стремятся свергнуть режим либеральной демократии и еще реже продвигаются в этом направлении. В последнее десятилетие новые социальные движения эволюционируют в новые формы борьбы с авторитаризмом, такие как социальные форумы 1990—2000-х или недавняя волна движений «Оссиру». Эти движения возвращаются к левой идеологии, но одновременно ставят все больший акцент на своем *присутствии* в публичной сфере (например, на оккупации), а не на содержательных политических требованиях. Некоторые исследова-

¹ *Huntington S.* The Third Wave, Democratization in the late 20th Century. Norman, Oklahoma: The University of Oklahoma Press, 1991. 384 p.

² *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999. 578 с.; *Gouldner A.* The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. New York: Continuum, 1979. 121 p.; *Eder K.* The New Politics of Class: Social Movements and Cultural Dynamics in Advanced Societies. London: Sage, 1993. 223 p. Эдер обращает внимание на ценности нового среднего класса: консенсус и солидарность.

³ *Kriesi H.* New Social Movements and the New Class in the Netherlands // The American Journal of Sociology. 1989. Vol. 94. № 5. P. 1078—1116.

⁴ *Etzioni A.* Demonstration Democracy. New York: Gordon and Breach, 1970. 108 p.

⁵ *Rosanvallon P.* Counter-democracy. Politics in the Age of Distrust. New York, Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 348 p.

тели¹ даже называли их «новыми новыми социальными движениями», в отличие от более сконцентрированных на субъекте и утверждающих идентичность, но менее революционно ориентированных «новых социальных движений». Однако подобная характеристика — простое удвоение «новизны» в названии — показывает, что точная социально-политическая роль этих движений пока никому не ясна.

С учетом того, что лозунги недавних российских протестов в основном касаются политики и морали² («честные выборы», репрезентация, коррупция) и уделяют мало внимания социальному неравенству, бедности и угнетению, а также того, что протесты имели умеренный и ненасильственный характер, они могли бы попасть в ту же категорию, что и «новые» или «новые новые» социальные движения в развитых странах, хотя их непосредственная цель (авторитаризм, фальсификация выборов) более типична для стран полупериферийных.

В адрес идеи «протеста среднего класса» можно высказать три претензии. Во-первых, то, что на протестах представлен средний, а конкретнее — «когнитивный» или «креативный» класс, может быть итогом сбоя некоего движения с более широким классовым составом: движения, неспособные получить широкую поддержку, оказываются исторически привязаны к своим инициаторам-интеллектуалам. Левые протесты XIX века также запускались интеллектуалами, принадлежащими к среднему классу, но получали поддержку эксплуатируемых рабочих, крестьян и деклассированных элементов³. В современном развитом обществе движение среднего класса, будучи движением относительно богатых и привилегированных граждан, не может быть совершенно антагонистичным по отношению к существующему общественному строю.

Во-вторых, понятие среднего класса — сомнительный продукт отказа от марксистской классовой теории с ее определением класса через структуру разделения труда. Это понятие редуцирует сложность социальной структуры до количественной гомогенности. Конечно, оно

¹ Ханп.: *Goldfarb J.* «The Politics of Small Things» Meets «Monstration» On Fox News, Occupy Wall Street and Beyond // *Divinatio*. 2012. № 35. P. 63—79.

² О морализме и идеализме протестующих подробнее см. главу 7 в настоящей монографии: *Ертылева С., Кулаев М.* Митинги в России 2011—2012 годов: вернулась ли политика на улицу?

³ *Della Porta D., Diani M.* Social Movements. An Introduction. P. 56.

описывает определенную социальную группу, отчасти объединенную доходами, стилем потребления и стилем жизни. Однако это не проясняет темы антагонизма и конфликта, помимо промежуточного статуса группы и ее умеренных взглядов. Здесь важно единственное: средний класс — это класс, которому (как Марксовой «буржуазии») есть что терять, и поэтому он воздерживается от по-настоящему радикальной политики. Но интересно, почему и как этот «класс» может вступить в антагонистический конфликт с другими.

В-третьих, как уже было сказано, «средний класс» или любая подобная характеристика — это плохой кандидат на должность самоименования движения. Как объективная характеристика, эта формула никак не связана с той работой самопрезентации и самоименования, которая очень свойственна современным движениям. Люди строят свою идентичность посредством культурных, половых, биосоциальных характеристик, но не посредством социально-политических категорий, как в XIX и начале XX века. Поэтому проблема субъекта расщепляется данным анализом на два различных аспекта: объективный и субъективный, что не очень помогает в работе по пониманию социальных групп в эпоху «рефлексивной современности»¹.

Ряд эмпирических исследований пытались оспорить «классовые» теории новых протестов. Например, Далтон, Кюхлер и Берклин утверждают, что новые социальные движения выстраиваются на рассеянной базе общенародной поддержки, а не на классовой или этнической базе². Как мы увидим далее, случай российских протестов говорит в пользу «общенародной» версии, хотя необходимо быть осторожными и отличать «объективную» классовую характеристику и политическую идентичность движения.

Альтернативой теориям «среднего класса» стала итальянская неомарксистская политическая теория и политическая экономия. Речь

¹ *Beck U., Giddens A., Scott L. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press, 1994. 228 p.*

² *Dalton R., Russell J., Kuechler M., Burklin W. The Challenge of the New Movements // Challenging the Political Order: New Social and Political Movements in Western Democracies / R. Dalton, J. Russell, M. Kuechler (Eds.). New York: Oxford University Press, 1990. P. 3—20. См. также: Buechler S. New Social Movement Theories // The Sociological Quarterly. 1995. Vol. 36. № 3. P. 441—464.*

идет о разрабатываемом Антонио Негри и Паоло Вирно понятии «множеств», которое обозначает новый квазикласс работников «нематериального труда» — субъектов, продающих на рынке труда свои интеллектуальные («когнитивные») и коммуникативные навыки: гибридная форма между буржуазными интеллектуалами и наемными рабочими¹.

В отличие от классов XIX века множества — это не единая группа, а гетерогенная глобализованная среда, которую крайне сложно политически организовать. Но, согласно Негри и Хардту, эта группа растет и становится все более подчиненной, даже угнетенной и в экономическом, и в моральном смысле (ее труд недооплачивается, отчуждается, и она не может гарантировать себе стабильных условий существования). Поэтому она объективно антагонистична по отношению к существующему порядку вещей. Наиболее вероятный способ ее восстания — негативный: скорее «исход», нежели революция. Тем не менее эта сила в долгосрочной перспективе должна ниспровергнуть систему.

Этот новый классовый подход важен тем, что он объясняет антагонистическую борьбу между различными группами в обществе (а не сваливает ответственность за поражение освободительных социальных движений на одно лишь авторитарное правительство). Множества — не единственная группа в обществе, и понятно, что она наталкивается на сопротивление. Слабость же его состоит, во-первых, в том, что «множества», точно так же как и «средний класс», вряд ли могут стать самоименованием серьезной оппозиционной силы. Во-вторых, несмотря на различную концептуализацию, Негри и Вирно соглашались с упомянутыми выше социологами в том, что главный субъект протеста сегодня — образованный городской профессионал, разница лишь в том, как мы его определяем.

Таким образом, вызов для исследователей социального движения сегодня состоит в том, чтобы понять его политическую субъективность и ее социальную основу, согласовывая тем самым его объективную и субъективную стороны. И ключевым вопросом тогда становится

¹ Негри А., Хардт М. Множество: Война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.; Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.

вопрос о том, как именно участники движения осознают социальную идентичность — свою и своих соратников.

Идеология

Повестка дня, или идеология современных протестов и социальных движений, неоднократно становилась предметом анализа исследователей. Существует несколько широко признаваемых выводов, которые здесь необходимо отметить:

1). Повестка новых движений и протестов возникла в 1960-х годах и сильно отличается от традиционных социалистических, марксистских идеологий. Это означает, что проблемы «надстройки» приобрели как минимум такое же большое значение, как и проблемы социально-экономического «базиса», и что степень радикальности протестных движений (за недостатком идеи неотвратимой революции) резко снизилась. Основные идеологические ценности новых движений — это окружающая среда, социальная солидарность, достоинство и уважение и т.д.¹, хотя социально-экономические темы, такие как антикапитализм, протест против неравенства, миграция и т.д., также присутствуют в их повестке дня.

Оживление движений в последние тридцать лет стало итогом кризиса традиционных партий и идеологий, которые утратили свои стабильные социальные основания, бюрократизировались и сдвинулись к центру, так что их программы стали зачастую неразличимы. Новые политические партии становятся при этом идеологически эклектичными, а их отношение к избирателям приобретает черты предпринимательства: тенденция, которая в XX веке часто обозначалась как «популизм» (уничижительно) или как «catch-all» — в отношении партий². А не-

¹ *Mellucci A.* Challenging Codes. New York, Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 441 p.; *Touraine A.* 1985: An Introduction to the Study of Social Movements // *Social Research*. 1985. № 52. P. 749—788.

² *Kirchheimer O.* The transformation of Western European Party Systems // J. La Palombara, M. Weiner (Eds.). *Political Parties and Political Development*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966. P. 177—199.

формальные «новые» движения, наоборот, предъявляют конкретные радикальные требования, связанные с моральными ценностями, правами групп или с иной частной социальной проблемой.

2). Ключевая идеология многих движений данного типа — их собственная идентичность (этническая, сексуальная и т.п.). Они являются скорее движениями типа «мы здесь», нежели движениями, ставящими себе целью прийти к власти и диктовать политику¹. Поэтому их программы неизбежно приобретают черты самовыполнения: сам по себе факт выступления уже отчасти реализует запрос на солидарность и коллективное существование². Эти движения ставят реальные проблемы непризнания групп³ и иногда требуют трансформации всего общества в данном отношении (признание гомосексуальных браков переопределяет брак и т.п.). Тем не менее выход на первый план проблемы признания (со стороны уже существующего режима) указывает на большую умеренность и рутинизацию этих движений в сравнении со старыми революционными восстаниями.

3). Зеленые, «социальные форумы» и анархистские оппозиционные группы (такие, как «Tiqqun») унаследовали сильное утопическое чувство, что сближает их со старыми левыми. В то же время новые социальные движения двух последних десятилетий частично заражены также крайне правой идеологией (национальная идентичность и протест против миграции)⁴.

И все же, если говорить в терминах традиционных идеологий, большинство протестных движений последних пятидесяти лет склоняются к либерализму (язык прав, полное принятие либерально-демократиче-

¹ Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics*. New York, Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

² Buechler S. *New Social Movement Theories* // *The Sociological Quarterly*. 1995. Vol. 36. № 3. P. 441—464.

³ Taylor C. *The Politics of Recognition* // *Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition* / A. Guttman (Ed.). Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 25—75; Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge, Boston: Polity Press, 1996. 215 p.; Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics*.

⁴ Mouffe C. *On the Political. Thinking and Action*. New York: Routledge, 2005. 144 p.; Virno P. *Theses on the New European Fascism* // *GreyRoom*. 2005. Vol. 21. P. 21—25.

ского государства и апелляция к нему за признанием). Это даже более верно, если рассматривать не Запад, а протесты на периферии и полупериферии современного мира. Протест против различных форм тирании в незападных странах чаще всего обращается к либерализму: отсюда теории «демократизации»¹, «либеральной революции»² и т.д. Восточноевропейские движения против коммунизма в 1980-х, с их запросами на либерально-демократические конституции и свободный рынок, — классический пример этой тенденции, как и «цветные революции» 2000-х в бывшем СССР. То же свойственно протестам 1989 года в Китае, 2010-го — в Иране, в 2011—2012 годах — в России, в 2013-м — в Турции и т.д. Отношение между этими либеральными или неолиберальными политическими движениями за «демократизацию» и новыми социальными движениями — все еще не решенный вопрос.

Результаты исследования

Теперь обсудим результаты нашего эмпирического исследования в той части, в которой оно затрагивает самоидентификацию протестующих. Хотя движение в основном концентрировалось на «честных выборах» и не рассматривало презентацию идентичности как важную проблему (не будучи, таким образом, стандартным движением за признание), самоидентификация, тем не менее, имела место. Как минимум существовала *потенция* для самоидентификации в том или ином направлении, что важно для понимания возможного развития движения в политическую силу. Самоидентификация, или самоименование, — важный, хотя не единственный момент политической субъективации.

В вопросник для интервью мы включили два прямых вопроса на эту тему: «Как вы считаете, какие люди ходят на эти митинги?» и «Относите ли вы себя к какой-либо социальной группе, слою, классу?». Однако идентификация протестующих присутствовала в ответах и на другие вопросы. В транскриптах есть, во-первых, 51 идентификационное

¹ Huntington S. The Third Wave, Democratization in the late 20th Century.

² Ackerman B. The Future of Liberal Revolution. New Haven: Yale University Press, 1994. 160 p.

упоминание «среднего класса» в 38 интервью (из 165 проанализированных). Также есть 6 самоописаний как «креативного класса». Таким образом, средний и креативный класс дают 26% самообозначений.

«Средний класс» упоминается почти исключительно как ответ на вопрос «Относите ли вы себя к какой-либо социальной группе, слою, классу?», тогда как иная самоидентификация — «народ» (о которой ниже) — возникает в разнообразных контекстах, в том числе в отношении собравшихся на митинг или тех, кого они «представляют». Примечательно, что в 9 из 38 интервью самоидентификация через «средний класс» сопровождается оговорками:

Это [вышел] городской средний класс. Если так, конечно, среднего класса в России как такового нет, но если говорить о как-то более-менее уровне материального благосостояния, то это более или менее люди молодые, среднего возраста. (м., ок. 1975 г.р., высшее образование, администратор, 4 февраля 2012, Санкт-Петербург)

Ну, я себя отношу не к среднему классу, но в принципе я там. (м., 4 февраля 2012, Москва)

Хотелось бы к среднему классу, но, наверное, недотягиваю. (м., 1967 г.р., техник, 15 февраля 2012, Санкт-Петербург)

Наверное, я зачаток среднего класса. (м., ок. 1990 г.р., Волгоград)

Станным образом в современном российском дискурсе дескриптивное понятие «средний класс» изначально приобрело нормативное утопическое значение. Таким образом, эта идентификация, хотя она и на слуху, представляется нашим информантам проблематичной. Они идентифицируются не столько со средним классом, сколько с вопросом среднего класса.

Некоторые ответы четко определяют протестующих как более образованную и более привилегированную страту — информанты соглашались, таким образом, с либеральным описанием протеста как движения небольшого, вестернизированного среднего класса против более отсталой и неразвитой массы:

Ну предприниматели, ну люди такого среднего, скажем так, достатка. Я не могу сказать, что я много зарабатываю, но люди, когда они имеют такой минимум уже, им вот хочется чего-то уже другого, не только колбасы и хлеба. Я понимаю, что сейчас очень много народу, людей, особенно в провинции, которые хотят хлеба и колбасы. Грубо говоря. В том же самом Петербурге, в той же Москве, я думаю, есть такие. Но вот когда ты доходишь до... меняется выражение. Хочется чего-то... хочется честности, правды. (м., ок. 1975 г.р., 4 февраля 2012, Москва)

Такое впечатление, что этот информант читал полные собрания сочинений Маслоу и Инглхарта. Подобная самообъективация и рефлексивность¹ очень свойственны для данного движения. И, как мы увидим далее, тенденция объективировать себя может играть как блокирующую, так и потенциализирующую роль для перспектив движения.

Илья Матвеев в настоящей монографии² верно улавливает эту тенденцию к псевдосоциологическому самоописанию протестующих и сочувствующих протестам как продвинутой и в то же время преуспевающей элиты общества, которая далее ведет к риторическому преувеличению и нагнетанию социального антагонизма между зажиточным и образованным меньшинством и малокультурным послушным большинством.

Для самоописания движения как «среднего класса» есть объективные основания, но если бы оно было единственной и доминирующей формой самосознания демонстрантов, то их протест был бы заведомо безнадежным делом в условиях сильного авторитарного режима, который использует выборы для своей легитимизации. Движение «элитного» меньшинства, за неимением идеологической гегемонии, вряд ли может рассчитывать победить такой режим посредством внепарламентского протеста. И многие из самих выступающих, даже те, кто по всем объективным классификациям однозначно принадлежали бы к «среднему классу», понимают это.

¹ *Touraine A.* The Self-Production of Society. Chicago: The University of Chicago Press, 1977. 468 p.; *Idem.* An Introduction to the Study of Social Movements.

² *Матвеев И.* «Две России»: культурная война и конструирование «народа» в ходе протестов 2011—2013 годов (глава 8 в настоящей монографии).

Однако «средний класс» — далеко не единственная доминирующая форма самоидентификации протестующих. Другое, менее частое, но также весьма распространенное их самоописание — «народ». В проанализированных мной интервью всего встречается 80 упоминаний «народа» как идентификации самих протестующих или некой большей группы, которую они представляют, и эти упоминания сосредоточены в 16 интервью (10% от всех интервью).

Самоидентификация протестующих через «средний класс» неудивительна, с учетом популярности термина в СМИ и применения этой категории к протестующим в социальных науках. Но вот название «народ» кажется объективно неадекватным (протестующие не могут реалистично рассчитывать на то, чтобы представлять большинство или быть изгоями общества) и противоречит как официальным, так и либеральным СМИ (которые называли протестующих «средним классом», «хипстерами» и т.д.). Тем не менее данные однозначно указывают на частоту употребления этой категории.

В: Относите ли вы себя к какой-либо социальной группе, слою, классу?

О: Ну к простому, к народу. (м., 1939, бывший рабочий, 25 февраля 2012, Санкт-Петербург)

Интересно, что 5 из 16 информантов, говорящих о народе, также идентифицируют себя как «средний класс». То есть для них эти категории не являются взаимоисключающими.

Ясно, что «народ» обозначает массу людей, противопоставленную правительству. Классифицируем значения «народа», следуя Маргарет Кэнован¹, как либеральное, националистическое и социальное. Либеральными будем считать те упоминания, в которых под «народом» понимается правовая инстанция, конституционный суверен; националистическими — когда народ представляется как русская нация; и социальными — когда это обозначение простых людей, объединив-

¹ *Canovan M. Trust the People! Populism and the two Faces of Democracy // Political Studies. 1999. Vol. XLVII. P. 2—16.*

шихся против элит. В таком случае мы обнаружим около 14 апелляций к «Народу» в конституционном смысле, как к некоей абстрактной сущности, подлежащей репрезентации, напоминаний о том, что «народ» — действительный суверен, который «нанимает» правительство. Три упоминания отсылают к «русскому народу» (плюс еще одно, негативное, как чего-то, до чего информанту «нет дела»); 8 раз речь идет явно о «простом народе», противопоставленном элитам и властям:

[Вот как] бывает в странах, где власти не обращают внимания на то, что происходит внизу. На народ. (м., ок. 1960 г.р., не работает, 4 февраля 2012, Москва)

Большинство упоминаний, однако, неопределенны: они отсылают к собравшимся на площади как к «народу» или как к части «народа» и требуют ему власти в реальном смысле слова: «Власть должна принадлежать народу». Вот один из самых красноречивых ответов:

В: Скажите, а что вы ждете от этого митинга?

О: То, что поменяется общество и государство в лучшую сторону. Что власть будет с народом.

...

В: А как вы считаете, какие проблемы в стране нужно решать в первую очередь?

О: В первую очередь коррупция — это то, что правительство считает народ быдлом, что можно народные деньги направлять на свои нужды, а народ — это расходный материал, так скажем. (м., 1987 г.р., высшее образование, историк, 4 февраля 2012, Санкт-Петербург).

Обратим внимание на то, что здесь делается сложный риторический ход. Обычно слово «быдло» означает необразованные бескультурные массы и иногда используется как раз в отношении того большинства, которое поддерживает Путина, противопоставляется ДЗЧВ. Наш же информант, интеллектual, использует это слово как несобственное самоопределение: указывая на наличие социального разделения и в то же время отрицая его, приписывая его властям, которые плохо обращаются

со всем народом. Таким образом достигается риторическое объединение с предполагаемым «быдлом».

Из 16 информантов, так или иначе характеризующих протестующих как «народ», 4 человека могут быть отнесены к нетипичным для данного протеста группам, не принадлежащим к среднему, или «городскому образованному», классу. Это рабочий, пенсионер из бывших рабочих, механик и бывшая медицинская работница, теперь моющая полы. Поэтому выделенная мною популистская подгруппа протестующих с определенным основанием указывает на свою социальную разнородность. Но говорить, что «народ» — это по преимуществу самосознание тех протестующих, кто принадлежит к более низким классам общества, нельзя. Их только 4 из 16 (25%). В то же время в общей совокупности наших интервью число «нетипичных» информантов, то есть тех, кто не относится к представителям когнитивного или коммуникативного труда и при этом не является предпринимателем, равно 27 из 165, то есть примерно 18%. Учитывая небольшое количество случаев, эти доли (25 и 18%) значимо не отличаются, поэтому выводов об особом социальном составе «популистов» ДЗЧВ сделать нельзя. Эта группа столь же разнородна, как и основная масса протестующих, и в то же время в ней столь же явно выделяется ядро городского образованного класса. А большинство участников, занимающихся ручным или иным низкоквалифицированным трудом, ни про какой народ в своих интервью не говорят.

Слово «народ» звучало также и в публичном дискурсе протестов, хотя встречалось неравномерно. Систематически его использовал и использует один из лидеров ДЗЧВ Алексей Навальный. Навальный давно и последовательно обращается к «народу» в своей риторике. Как известно, он начал свою политическую карьеру в социально-либеральной партии «Яблоко», одновременно сотрудничая с лидерами ортодоксально-либерального СПС. Во второй половине 2000-х Навальный стал искать более широкую платформу и в 2008 году, вместе с С. Гуляевым и другими единомышленниками, стал сооснователем «национально-демократического движения» «Народ». Как тоже хорошо известно, Навальный участвовал в ряде мероприятий, организованных оппозиционными русскими националистами. В 2010 же году Навальный

начал вести блог «РосПил», посвященный отслеживанию и осуждению коррупции в сфере государственных расходов. Навальный — классический «популистский» политик, и вряд ли в его случае легко провести границу между возможными прагматическими, тактическими ходами либерала по убеждениям и искренней преданностью националистическому и антисистемному кредо. Обращения к «народу» звучат практически в каждой публичной речи Навального, как и выразительно агрессивные характеристики элит («жулики и воры» и т.п.). Вот характерная цитата из его речи на памятном митинге 6 мая:

Понятно, что сюда на улицу вышло что-то огромное, мощное и кому-то страшное... Я часть этого огромного и страшного, и я его не боюсь. Это огромное — это Народ¹.

В характерно возвышенной стилистике² Навальный делает здесь двойной жест, одновременно говоря о Народe как о чем-то чужом и необъятном («Я не боюсь») и идентифицируясь с ним.

Эта двусмысленность соответствует проблематичной задаче идентификации протеста, преимущественно объединившего городских профессионалов, со всем народом, и более того — с народом как иррациональной стихийной силой. В принципе следует бояться этой массы — но если ты настоящий революционер, то ты не боишься. Навальный делает сильную ставку, придерживаясь одновременно либерально-демократических и националистических позиций, которые в России традиционно принадлежат к различным социальным средам и дискурсам. Во время митинга националистов «Хватит кормить Кавказ», который состоялся незадолго до начала протестов «За честные выборы», Навальный противопоставил «нормальных» обитателей

¹ TVКсер: Говорит Навальный на митинге 6 мая на Болотной площади [Видеозапись] // Youtube, 6 мая 2013. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=3ZtUWR1SQFQ>, 0:55—1:05 (дата обращения 25.08.2013).

² «Возвышенное» в строгом смысле слова описывает конечную точку зрения на бесконечную силу или величину, превосходящую наше воображение: см.: Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с. «Народ» поэтому — понятие, хорошо подходящее для возвышенного языка.

Кавказа диловатому «быдлу», которое приезжает оттуда, — уничижительное название плебса, уже встречавшееся нам в этой статье¹. Недавно, по случаю «Русского марша» в ноябре 2013-го, он сделал неоднозначный жест, не придя на марш, но выразив, тем не менее, свою симпатию к нему². Правда, в своих комментариях Навальный воздерживается от очевидного шага отождествления «народа» с русской нацией, однако отсылает к «большинству», противопоставляя его предположительно опасным мигрантам. Он пытается также артикулировать национализм через либерализм, подчеркивая, что защищает европейские ценности от не-европейских мигрантов и т.п.³ Эта попытка сконструировать популистский национализм обычна в европейском контексте, где в последние годы мы также видим подъем правого демократического популизма, и Навальный сам открыто апеллирует к таким европейским партиям⁴. Но в России подобный синтез пока остается на уровне заявки — мы еще увидим, удастся ли Навальному выстроить из этого гибрида дискурсивную и политическую конструкцию.

Риторика «народа» широко встречается и в лозунгах, которые протестующие демонстрировали на митингах. Креативность в изготовлении транспарантов и плакатов свойственна новым социальным движениям еще с 1968 года. В случае ДЗЧВ мы имеем дело с огромным количеством креативных и остроумных лозунгов (это не было характерно ранее для

¹ Речь Навального на митинге «Хватит кормить Кавказ» 24.10.2011 [Видеозапись] // Youtube, http://www.youtube.com/watch?v=V8AtH44_39c (дата обращения 04.11.2013).

² Запись в Живом Журнале А. Навального [Электронный ресурс] // Живой Журнал. URL: <http://navalny.livejournal.com/877154.html> (дата обращения 04.11.2013). Эта и другие записи из блога А. Навального ныне недоступны в силу блокировки данного ресурса Роскомнадзором.

³ Запись в Живом Журнале А. Навального [Электронный ресурс] // Живой Журнал. URL: <http://navalny.livejournal.com/874403.html> (дата обращения 04.11.2013); Запись в Живом Журнале А. Навального [Электронный ресурс] // Живой журнал. URL: <http://navalny.livejournal.com/875207.html> (дата обращения 04.11.2013). Эти и другие записи из блога А. Навального ныне недоступны в силу блокировки данного ресурса Роскомнадзором.

⁴ *Азар И.* Ущемленный русский. Почему Алексей Навальный не хочет кормить Кавказ [Электронный ресурс] // Лента.ру, 4 ноября 2011. URL: <http://lenta.ru/articles/2011/11/04/navalny/> (дата обращения 04.11.2013).

социальных движений в России). Михаил Габович и его группа собрали информацию о более чем 8 тыс. протестных событий, а также фотографии и тексты лозунгов с этих событий и любезно предоставили нам возможность изучить созданную ими базу данных PEPS¹. Слово «народ» в этой базе — в смысле некой силы, противопоставленной правительству, — используется 222 раза, что составляет 3% всех лозунгов². При этом обращение к «среднему классу» отсутствует вообще; «рабочий класс» упоминается дважды (на митингах не в Москве), «креативный класс» — единожды («Креативный класс — это про нас!»). Классифицируем лозунги, упоминающие «народ», сообразно тройной модели, использованной выше: те, в которых «народ» используется как правовая инстанция, суверен по конституции (либеральное значение); те, где он означает русскую нацию (националистическое); и те, где он отсылает к простому народу, объединенному в противовес элитам (социальное значение)³. В категорию либеральных очевидным образом попадают 44 лозунга («Народу нужно сменить менеджера», «Власть принадлежит народу по Конституции»); лишь 8 обращались к русской нации, а все остальные (170) — либо социальные (например, «власть народу, а не политикам», «власть простому народу» и т.п.), либо немаркированные, но близкие к социальным, где народ представляется как реальная, но неопределенная сущность: «вся власть народу» — лозунг, выходящий за рамки стандартной модели представительной демократии, или известный слоган немецкого антисоциалистического движения 1989 года «Wir sind das Volk»; в обоих случаях «народ» представляется как реальная сила, противостоящая режиму снизу.

¹ База данных PEPS. URL: <http://gabowitsch.net/peps-ru/> (дата обращения 10.04.2014). См. также проведенный самим Габовичем анализ этих данных в его книге (наиболее полным на сегодня описанием российских протестов 2011—2012 годов): *Gabowitsch M. Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur.*

² См. комментарий самого Габовича о стремлении протестующих отождествить себя с народом, выступающим против власти, которое он критикует как причину неудачи, как «обострение позиции в конфликте с оппонентом»: *Gabowitsch M. Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur.*

³ См. аналогичную классификацию Маргарет Кэнован: *Canovan M. Trust the People! Populism and the two Faces of Democracy.*

Обсуждение

Итак, что все это значит? Почему образованные городские профессионалы и присоединяющиеся к ним гетерогенные социальные группы обращаются к «народу» и, более того, к «простому народу»? Что это говорит нам об идеологии протестов, о содержащемся в них потенциале гегемонии и политической субъективизации?

Использование означающего «народ» подсказывает, что мы имеем дело с «*популистским*» дискурсом¹. Изначально использовавшийся для описания конкретных социальных движений в России первой половины XIX века («народничество») и в США конца XIX века, в первой половине XX века термин «популизм» начал употребляться в уничижительном смысле. Некоторым образом он предполагает «плохой» вариант народной политики, противопоставленный ее «хорошему» варианту в парламентском *демократическом* дискурсе. Основой «демократии» по определению является народ как суверен, но когда начинают апеллировать к «народу» как тотальности или к «народу», противопоставленному правительству, то предполагается, что это знак безответственного «популизма». Популизм в XX веке связывался не только с неумеренным использованием термина «народ», но также с *риторическим*, нечестным использованием речи² и с «экзальтацией/энтузиазмом» в риторике³. Понятие «популизм» обычно использовалось при обсуждении движений, ориентированных на харизматических лидеров, с неясной идеологией, эксплуатирующих чувства социального негодования и озлобления (*ressentiment*). Несколько более благожелательные, хотя все равно осуждающие подходы, например Пьера-Андре Тагиеффа⁴, подчеркивают, что популистские движения являются ре-

¹ Ср. со словами Маргарет Кэнован: «Что объединяет все “популизмы”, так это обращение к понятию “народа” как предельному источнику легитимности» (*Canovan M. The People. Cambridge: Polity Press, 2005. P. 80*).

² *Minogue K. Populism as a Political Movement // Ionescu G., Gellner E. Populism. London: Macmillan, 1969. P. 197—211; Laclau E. On the Populist Reason. New York: Verso, 2005. 276 p.*

³ *Canovan M. Populism. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1981. 351 p.*

⁴ *Taguieff P.-A. Le populisme et la science politique. Du mirage conceptuel aux vrais problèmes // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1997. № 56. P. 4—33.*

акцией на кризис политической репрезентации и что их объединяет отказ от нее. Тем не менее Тагиефф видит в популизме «деформацию» демократии, рассматривая идею нерепрезентативной народной власти как «иллюзию».

В последние годы, с началом проблематизации «демократии» как общепринятой руководящей ценности, понятие популизма вновь стало актуальным и было теоретически и практически реабилитировано. Так, можно рассматривать идеологию масштабных политических протестов 2010—2012 годов в Европе (в Испании, Франции, Греции, Италии и т.д.) и США как популистскую. Наиболее ярким примером служит слоган движения «Occupy Wall Street» в Нью-Йорке: «Мы — 99%». Он является популистским в том смысле, что противопоставляет «низы» и «верхи» [общества], а также использует рискованный риторический прием, идентифицируя 10 тыс. человек, находящихся в Зукотти-парке, с 99% населения США. Венди Браун писала по следам этого движения:

Ошеломляющее богатство верхов и демонтаж социального государства усилили новое популистское политическое сознание. [Находясь] вне разрушенных традиционных форм солидарности и атак на демократию как таковую, новый этос масс становится более рельефным: умеренно демократический, возможно, еще в меньшей степени эгалитарный, но определенно принадлежащий к чему-то большему, чем индивидуальные, частные или партийные интересы¹.

С этим согласна Шанталь Муфф, высказавшаяся в более нормативном ключе:

[После движения «Occupy»] на кону стоит построение — через объединение усилий внепарламентской и парламентской борьбы — левого популистского движения, которое обеспечит коллективную волю,

¹ Brown W. Occupy Wall Street: Return of a Repressed Res Publica // Theory & Event. 2011. Vol. 4. № 4. URL: http://muse.jhu.edu/journals/theory_and_event/v014/14.4S (date of access: 10.04.2014).

необходимую для того, чтобы бросить действенный вызов неолиберальной гегемонии¹.

Теоретически понятие популизма возродилось в работах Маргарет Кэнован, которая от нейтральной позиции — в своей книге 1981 года² — перешла к более сочувственному рассмотрению популизма как симптома внутреннего напряжения демократии — в статье 1999-го³ и книге 2005-го⁴. В двух последних работах она говорит о поднимающемся «новом популизме» внутри стабильных буржуазных обществ Западной Европы и США, где это явление могло бы показаться неожиданным.

Однако решающим шагом в конструировании понятия и его реабилитации для левой политики стала опубликованная в 2005 году книга Эрнесто Лаклау «О популистском разуме»⁵. Лаклау, как и Кэнован, рассматривает популизм как неотъемлемую часть демократической политики. Действительным источником популизма в современных капиталистических обществах являются размывание устойчивых классовых границ и вытекающая отсюда неопределенная гибкость политической идеологии и идентичности. Больше нет коллективного субъекта, который бы существовал до всякой политики, и поэтому он конституируется в самом событии политического действия. Используя логику гегемонной «артикуляции», которую он разработал вместе с Шанталь Муфф еще в 1983 году⁶, Лаклау объясняет популизм как выстраивание «цепи эквивалентностей» между на первый взгляд гетерогенными проблемами и идентичностями, стягивающимися к одному конкретному вопросу, который становится «точкой пристежки» («quilting point») идеологии. Популизм является такого рода артикуляцией, которая формулирует *антагонизм* между «обычными людьми» и властями. Абстрактный

¹ Mouffe C. Constructing Unity Across the Difference: The Fault Lines of the 99% // Tidal. 2011. № 1. P. 5.

² Canovan M. Populism.

³ Canovan M. Trust the People! Populism and the two Faces of Democracy. P. 2—16.

⁴ Canovan M. The People.

⁵ Laclau E. On the Populist Reason.

⁶ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics.

характер этой оппозиции происходит из отсутствия содержательных оснований, на которых различные группы и протесты могли бы объединиться. Пустота слова «народ» и других популистских слоганов заполняет пустоту социального целого, как утверждает Лаклау, опираясь на негативную онтологию Лакана. Лаклау фиксирует эту идеологическую пустоту и эклектизм протестных движений, хотя подобные тенденции уже давно были замечены менее ангажированными исследователями политики в стратегиях парламентских партий, которые смещаются от классовой политики к политике максимального электорального охвата («catch-all»)¹.

Лаклау приветствует популизм как пример подлинной *политики* в деполитизированной среде неолиберального капитализма. Размытость социального определения для него — не минус, а плюс, потому что таким образом движение приобретает открытость будущему и не подчиняется догматической логике. Именно популизм, с его пустым и открытым означающим, может, по Лаклау, стать по-настоящему объединяющим и по-настоящему освободительным для современных обществ, именно популизм радикализирует конвенциональную «демократию».

В терминологии Лаклау социальные движения, возникавшие по всему миру в 2010—2012 годах, как раз и могут быть описаны как *популистские*. Однако на Западе (по Валлерстайну, «ядре» капиталистической мир-системы) и в странах «полупериферии» вроде Греции, России и Турции эти протесты не сумели мобилизовать широкие народные массы и были относительно просто нейтрализованы правительствами указанных стран, более жестоко на «полупериферии», менее жестоко — в «ядре». Левая или либеральная популистская гегемония, по определению являясь риторической претензией, еще не стала действительным фактом. В этом отношении новые популисты уступают правому националистическому дискурсу, который также является популистским и сознательно используется авторитарными лидерами типа В. Путина.

На основании результатов эмпирического исследования я предлагаю внести некоторые коррективы в теорию популизма Лаклау в приложении к России и другим подобным странам.

¹ Kirchheimer O. The transformation of Western European Party Systems.

Во-первых, в странах, подобных России, пустота возвышенных слоганов и «народа» является результатом политизации *аполитичного* общества. Изначально здесь не существует вообще никакого политического самосознания, и «народ» возникает как его замена лишь *потенциально*. До сих пор не было ни одной серьезной попытки сделать новый «народ» основой новой гегемонной политической платформы. Поскольку означаемое «народ» пусто, то оно подходит для того, чтобы заечь и объединить протестующих, однако может стать помехой в подержании движения в долгосрочной перспективе.

Чего не видит Лаклау, отказываясь от размышлений о социальной базе популизма, так это того, что сегодня в большинстве стран не плебс представляет себя как «народ», но скорее образованная буржуазия (или «новый средний класс», выражаясь более эмпирическим языком), претендующая, без большого успеха, на мобилизацию этого плебса. Таким образом, перед нами не столько альянс многих социальных групп, сколько парадоксальная инверсия их ролей. И это совсем не значит, что мы имеем дело с обманом. Инверсия, о которой идет речь, имеет диалектический характер и означает важный критический момент в развитии современной демократии. Демократические контрэлиты, восставшие против антидемократического большинства, являются — потенциально — сегодняшним «народом».

Все это связано с трансформацией труда в постфордистской экономике: место наемного рабочего занимает творческий образованный интеллект, таким образом сочетая роли идеологической элиты и подчиненного исполнителя. Сегодня традиционный престиж интеллектуалов в публичной сфере приходит в упадок, и вторая роль постепенно вытесняет первую, несмотря на то что интеллектуалы до сих пор склонны идентифицироваться с субъектами принятия решений, шаги которых они научились понимать и оценивать. Таким образом, под влиянием неолиберальной политики идет процесс ослабления «среднего класса» и утраты им своего веса в обществе и своих политических возможностей (*disempowerment*). Гаятри Спивак даже утверждает, что он проходит через процесс «подчинения» (*subalternization*) в смысле Грамши¹,

¹ Spivak C. The General Strike // Tidal. 2011. № 1. P. 8—9.

однако, возможно, она слишком поспешно доверяет представлениям протестующих о самих себе: парадоксального в их протесте может быть даже больше, чем была бы готова признать Спивак.

Бывшие элиты или полуэлиты (интеллигенция) выступают в роли и форме, которые раньше были характерны скорее для «простецов». Этот парадокс пока не имеет разрешения, но может привести к реконструкции всего политического универсума, который ранее основывался, огрубляя, на борьбе левых «бедняков» с «имущими» правыми.

«Популистские» технологии массовой манипуляции остаются отличительной чертой таких движений, однако сегодня можно сказать, что они применяются протестующими субъектами по отношению к самим себе. Не лидер манипулирует массами, но протестующая масса чрезвычайно рефлексивна, постоянно себя объективирует и стремится к формированию союзов, расширяя свои лозунги. И это — позитивная черта сегодняшнего популизма: он допускает открытость и выстраивание гегемонии на основе гетерогенного недовольства: если («если»!) есть достаточно упрямства и политической воли.

Некоторые наши информанты комментируют гетерогенную природу движения и, принимая рефлексивную позицию (или «метапозицию»), начинают обсуждать возможные изменения идеологии:

В: А [какие требования] должны быть?

О: Не знаю. Если бы знал — баллотировался бы (*смеется*). Не, ну мне тяжело сказать, какая идея должна быть, потому что силы настолько разнонаправленны и разнополярны, что мне, например, в голову ничего не приходит.

...

В: А как вы считаете, могут ли требования этого движения включить в себя какие-то социальные требования?

О: Да, разумеется. Нет, разумеется. Ну, потому что протест, который за демократизацию и либерализацию, — это такая столичная история. Ну вот мы отъезжаем куда-нибудь, вот на Урал, например, — да им все равно на эту демократизацию, у них у протеста совсем другие требования. Поэтому нужно как-то, мне кажется, эту базу расширить. Нужно социальные требования, разумеется, включать. Мне даже кажется, что они

должны на первый план выйти. (м., 1977 г.р., высшее образование, фотограф и учитель английского языка, 21 октября 2012, Санкт-Петербург)

В: А как вы думаете, это движение «За честные выборы» может включить в себя социальные требования какие-то или политические?

О: Теперь да уже, теперь да. Другое дело, что никто эти требования выполнять не собирается. Но мне кажется, что если социальные требования, то это больше привлечет сторонников... (1943 г.р, врач, 26 февраля 2012, Москва)

Подобные комментарии весьма распространены: 20 информантов согласны с выдвижением социальных требований, 15 отказываются от этой идеи, как правило используя либеральный аргумент о том, что политические свободы помогут разрешить социальные проблемы, и все остальные избегают вопроса. Некоторые информанты даже вступают в эксплицитное обсуждение *популизма*:

В: А как вам кажется, движение «За честные выборы», оно может включить какие-то социальные требования?

О1: Может, наверное. А какие вы имеете в виду социальные требования?

В: Ну, например, что-то связанное с бесплатными медициной, образованием, что-то связанное с коррупцией.

О1: Может, конечно.

О2: Но это будет звучать популизмом все равно, понимаете? Нужно решать радикальные проблемы. (О1 — ж., 1967 г.р., высшее образование, бывшая учительница, домохозяйка; О2 — м., 1967 г.р., среднее образование, фотограф, оба: 5 марта 2012, Москва)

Как мы видим, участники протестов *рефлексивны* и готовы себя объективировать. Это приводит их, с одной стороны, к трезвому восприятию ограничений их движения, но, с другой стороны, заставляет искать, иногда даже в цинических макиавеллистских формах, пути преодоления этих ограничений. Однако классическая либеральная идеология, отдающая предпочтение легальным формам протеста и конституционной

фикции как его языку (где предполагается, что народ уже является полновластным сувереном), делает «популизм» ругательным словом и мешает тем самым расширению социального потенциала движения.

Вернемся к определению популизма. По существу, мы можем вывести три его основных элемента:

- эклектичная идеология и социальная база;
- антагонизм масс и элит;
- использование слова «народ».

Третий элемент показывает, что мы имеем дело не просто со структурной социально-политической констелляцией, но с конкретным историческим феноменом. «Народ» не случайно является «точкой пристрастия» гетерогенного движения популистского толка. Народ — это господствующее означающее современной политической культуры и новоевропейской политической идеологии вообще. Со времен Римской республики и в особенности в Новое время различные формы правления обращались к «народу» как высшей инстанции власти. Но в последние двести лет эти слова приобрели буквальный смысл, и возникли попытки институционализировать власть этого «народа» через введение всеобщего избирательного права. В крупных капиталистических государствах была создана либеральная «демократия». Поскольку демократизация достигалась отчасти с помощью периодических революций, то «народ» понимался двусмысленно: как целое население и как мятежные угнетенные массы¹. И так как институционализация либеральной представительной демократии предполагает, что тотальность народа присутствует лишь в момент тайного, индивидуального и свободного голосования, то всегда остается место для того, чтобы заявить: демократия в опасности и место суверенного народа узурпировано элитами. «Популизм» тогда обнажает и использует тот факт, что природа политической репрезентации — лишь конвенция. При этом популизм претендует на поиск *истинного* народа, этой мистической силы, которую никто не может реально увидеть, и в то же время играет на том, что эта сила не может

¹ Magun A. Taking Democracy Seriously // Decentring the West. The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony. V. Morozov (Ed.). Farnham, Surrey: Ashgate Publishing, 2013. P. 23—45.

ни присутствовать где-либо физически, ни рационально описываться через социальные категории. «Народ» является пустым означающим антагонистической политики. Причем это имя не «пустого места власти», как считал Клод Лефор¹, а отсутствующего Бога или, скорее, демона (поскольку он восстает из темного «низа» общества) политики Нового времени — фокус его политической теологии.

Но в эмпирической реальности (и это правильно показывает Лефор) мы имеем не «народ» в целом, а отдельного индивида или группу, которая говорит, не совсем легитимно, от имени тотальности и от имени угнетенных и пытается представить свое дело как универсально обоснованное и значимое, игнорируя при этом существующие социально-политические разрывы. Такая претензия на гегемонию всегда отчасти нелегитимна: «весь» «народ», даже если вычесть из него элиты, едва ли может где-то присутствовать или даже быть представленным как единое целое. Это приводит, с одной стороны, к нелегитимности любого отдельного правящего лица в демократическом режиме (Лефор), но, с другой стороны, — к относительной *легитимности* учредительной власти (Сийес): во время революции, кто бы ни действовал против старого порядка от лица народа, он делает это просто по факту занятия властных институций, а признание и голосование приходят позже.

Сложная ситуация городского образованного класса, который формирует ядро текущих протестов, в России, так же как и в Европе и США, состоит в том, что он привык отличать себя от большинства населения, и это большинство населения действительно голосует за статус-кво. Илья Матвеев в настоящей монографии ярко описывает специфический «социальный расизм», который распространен в этой связи среди российского образованного класса (в отличие от западного). Но другая часть этого класса, следуя примеру современной западной интеллигенции, делает популистскую ставку («мы 99%»), стараясь отделаться от существующего социального разрыва (апеллируя к «очевидным» истинам и демонизируя правящий режим) и заключить союз с необразованной «толпой», которую они надеются убедить своей упрощенной риторикой (хороший пример этому в России — Навальный).

¹ Lefort C. Democracy and Political Theory. Cambridge, Boston: Polity Press. P. 86.

Популизм для России — не новое западное веяние. Именно здесь в XIX веке народничество возникло как понятие, еще до того, как слово было переведено на английский и французский и приобрело негативный оттенок. Причем негативное словоупотребление само связано с полемикой против народников, которую развернули марксисты-большевики в России в начале XX века. Первое народничество сильно отличалось от нынешнего глобального тренда, однако и оно было идеологией интеллигенции. Русские народники в своих разнообразных направлениях стремились к тому, чтобы на политическую сцену вышел «народ», но понимали этот «народ» в ориенталистском духе, как темную и неизвестную стихию¹. Сейчас, напротив, интеллектуалы сами видят себя угнетенным народом (см. выше — Спивак об их «подчинении»).

Во время Перестройки 1980-х либерально-демократические интеллектуалы успешно мобилизовали широкие массы в свою поддержку, вступив в союз с популистским партийным лидером Ельциным. Однако, как утверждает Борис Кагарлицкий, уже с середины 1970-х годов они покинули свою традиционно демократическую позицию в пользу вестернизирующего либерализма, и [их идеология] «перестала быть народнической», так что популизм 1980-х был краткосрочным тактическим альянсом².

Поэтому в 1990-х образованный класс обнаружил себя в меньшинстве и продолжил поддерживать режим Ельцина, несмотря на обнищание и деморализацию значительной части населения, что заставило многих комментаторов утверждать, что они предали народное дело ради группового эгоизма. Вплоть до настоящего момента либеральные партии поддерживаются 5—7% населения, и существует растущий разрыв между вестернизированными ценностями образованного городского класса и консервативным национализмом, господствующим среди относительного большинства (опять отсылаю к главе Матвеева об эмоциях части интеллигентов по этому поводу). В этом контексте отождествление

¹ См.: *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). М.: Новое литературное обозрение, 1998. 688 с.

² *Кагарлицкий Б.* Отрицание отрицания. О колебаниях генеральной линии // Сайт Бориса Кагарлицкого, 1 февраля 2002. URL: <http://www.kagarlitsky.ru/publikacii/otricanie-otricaniya-o-kolebaniyah-generalnoy-linii> (дата обращения: 26.10.2013).

городских профессионалов с народом — рискованная игра. Однако в некотором смысле это перевернутое возвращение русского популизма XIX века. Вновь этот таинственный «огромный» «народ», в котором видят сознательного субъекта протеста, но теперь уже сами интеллектуалы рассматривают себя как его органическую и наиболее угнетенную часть. И они в чем-то правы, поскольку, как свойственно «народу», они, похоже, мало понимают, что происходит и ради чего они бунтуют. Риторика и эклектика популизма связаны не только с манипулятивностью, но и с непониманием субъектами причин и природы своей мобилизации (причины могут выясниться позднее, в исторической перспективе). Можно рискнуть и предположить, в психоаналитических терминах, что это бессознательный, демонически-демократический народ *внутри них* призывает их восстать.

Заключение

В данной главе я, опираясь на собранные нами эмпирические данные, проследил процесс формирования новой политической субъективности в ходе протестов, которые внезапно политизировали до того аполитичные (в России) городские множества людей. Конституционная рамка либеральной демократии, особая ситуация, в которой политизация была направлена на глубоко аполитичное общество¹, а также текущий глобальный антиавторитарный тренд вместе создали движение, которое сочетает черты вестернизирующей либеральной политики среднего класса с *популизмом*. Популизм пока не артикулирован и полностью не осознан: он представляет скорее зону ближайшего развития, нежели завершенную идеологию или сложившийся тип субъективности. Как таковой, он является не только многообещающим, но и теоретически интересным феноменом, поскольку основывается на разрыве между объективно привилегированным статусом участников движения, их положением меньшинства и их самосознанием как простого «народа», несправедливо оклеветанного властью и третируемого ею как «быдло».

¹ См. подробнее Введение к настоящей монографии.

Тот факт, что в современной «демократии» самопровозглашенный «народ» оспаривает власть в социальных движениях, вытекает не просто из суверенитета этого народа, но также из того, что в последние десятилетия «демократический» элемент политики все более сдвигается в сторону гражданского общества. Более того, это не просто «гражданское общество», прочно разделенное на классы или институционализированное в НКО; это во все в большей степени — гражданское общество спорадических социальных движений¹. Если мы ищем демократию не в государстве, а в низовой активности масс и в конфликтном гражданском обществе, то неудивительно, что коллективным субъектом оказывается аморфный и неопределенный «народ», а не четко определенная и единая идеологическая партия. Изначально понятие гражданского общества как противоположности государства понималось Гегелем как аморфная масса абстрактных и жалких индивидов, которые противопоставлялись организованному государству², а марксистская традиция обернула это представление против государства, указав на то, что фрагментированный характер гражданского общества сводит на нет символическую интеграцию, осуществляемую государством³. Но идея гражданского общества как распадающегося государства присутствует, тем не менее, и у Гегеля, и у Маркса. Сегодня, когда гражданское общество (в смысле Маркса и особенно Грамши — как главное место политической борьбы, где коллективность противопоставляется частным и узкоклассовым интересам) стало рассматриваться в качестве носителя подлинной демократии, этот латентный смысл гражданского общества как места распада возвращается, и «новые новые» социальные движения бросают вызов государству с точки зрения неопределенного единства распыленной публики, взывая к объединению распадающегося общества.

Задача мысли и практики, таким образом, состоит в поиске новых специфических форм объединения обширных и многообразных мно-

¹ Etzioni A. Demonstration Democracy; Rosanvallon P. Counter-democracy. Politics in the Age of Distrust.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 464 с.

³ Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 243—283.

жеств людей (иных, чем государство). Современная философия неоднократно и плодотворно поднимала этот вопрос. Одно из полезных понятий — это уже упоминавшееся понятие несводимых «множеств» у Вирно и Негри: множества как способ собирания многообразных, прекарных и непокорных индивидов таким образом, что их множественность сохраняется и в результате не возникает никакого единого «государства». Другой подход представлен понятием «родового» единства постреволюционных субъектов Алена Бадью. На языке математической теории множеств он доказывает возможность искусственного конструирования («форсирования»), в данной ситуации, «родового множества» таким образом, что получающееся образование *избегает* любой частной характеристики или дефиниции, доступных в рамках исходной ситуации¹. Понятие гегемонного и антагонистического «народа» Лаклау является более слабой, но также релевантной версией такого объединения, которое сохраняет в себе свободу и многообразие. Все это — теоретические понятия, однако они пересекаются с самопониманием действующих масс и полезны при попытке представить пути выхода из текущего кризиса демократии, зажатой между полюсами государства и гражданского общества.

Библиография

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999. 578 с.
2. Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 — июнь 2012) // Laboratorium. 2012. № 2. С. 130—163.
3. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.
4. Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 году: истоки, динамика, результаты [Электронный ресурс] // Левада-центр, сентябрь 2012. URL: <http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg> (дата обращения: 26.10.2013).

¹ Badiou A. Being and Event. NY: Continuum, 2005. 526 p.

5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мир книги, Литература, 2009. 464 с.
6. Кагарлицкий Б. Отрицание отрицания. О колебаниях генеральной линии. [Электронный ресурс] // Сайт Бориса Кагарлицкого, 1 февраля 2002. URL: <http://www.kagarlitsky.ru/publikacii/otricanie-otricaniya-o-kolebaniyah-generalnoy-linii> (дата обращения: 26.10.2013).
7. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
8. Левинсон А. Наше «мы»: это не средний класс, это все [Электронный ресурс] // Ведомости, 21 февраля 2012. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1509376/eto_ne_srednij_klass_eto_vse#ixzz2fNoRdMCr (дата обращения: 26.10.2013).
9. Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 243—283.
10. Негри А., Хардт М. Множество: Война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
11. Рогов К. Сверхбольшинство для сверхпрезидентства // Pro et Contra. 2013. № 3—4. С. 102—125.
12. Россияне о Владимире Путине [Электронный ресурс] // Левада-центр, 27 сентября 2013. URL: <http://www.levada.ru/27—09—2013/rossiyane-o-vladimire-putine> (дата обращения 10.04.2014).
13. Эткюд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М.: Новое литературное обозрение, 1998. 688 с.
14. Ackerman B. The Future of Liberal Revolution. New Haven: Yale University Press, 1994. 160 p.
15. Badiou A. Being and Event. NY: Continuum, 2005. 526 p.
16. Beck U., Giddens A., Scott L. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press, 1994. 228 p.
17. Brown W. Occupy Wall Street: Return of a Repressed Res Publica [Electronic resource] // Theory & Event. 2011. Vol. 4. № 4. URL: http://muse.jhu.edu/journals/theory_and_event/v014/14.4S (date of access: 10.04.2014).
18. Buechler S. New Social Movement Theories // The Sociological Quarterly. 1995. Vol. 36. № 3. P. 441—464.
19. Canovan M. Populism. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1981. 351 p.
20. Canovan M. The People. Cambridge: Polity Press, 2005. 161 p.
21. Canovan M. Trust the People! Populism and the two Faces of Democracy // Political Studies. 1999. Vol. XLVII. P. 2—16.

22. *Dalton R., Russell J., Kuechler M., Burklin W.* The Challenge of the New Movements // *Challenging the Political Order: New Social and Political Movements in Western Democracies* / R. Dalton, J. Russell, M. Kuechler (Eds.). New York: Oxford University Press, 1990. P. 3—20.
23. *Della Porta D., Diani M.* Social Movements. An Introduction. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 345 p.
24. *Eder K.* The New Politics of Class: Social Movements and Cultural Dynamics in Advanced Societies. London: Sage, 1993. 223 p.
25. *Etzioni A.* Demonstration Democracy. New York: Gordon and Breach, 1970. 108 p.
26. *Gabowitsch M.* Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur. Berlin: Suhrkamp, 2013. 438 s.
27. *Goldfarb J.* «The Politics of Small Things» Meets «Monstration» On Fox News, Occupy Wall Street and Beyond // *Divinatio*. 2012. № 35. P. 63—79.
28. *Gouldner A.* The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. New York: Continuum, 1979. 121 p.
29. *Honneth A.* The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge, Boston: Polity Press, 1996. 215 p.
30. *Huntington S.* The Third Wave, Democratization in the late 20th Century. Norman, Oklahoma: The University of Oklahoma Press, 1991. 384 p.
31. *Kirchheimer O.* The transformation of Western European Party Systems // *Political Parties and Political Development* / J. La Palombara, M. Weiner (Eds.). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966. P. 177—199.
32. *Kriesi H.* New Social Movements and the New Class in the Netherlands // *The American Journal of Sociology*. 1989. Vol. 94. № 5. P. 1078—1116.
33. *Huntington S.* The Third Wave, Democratization in the late 20th Century. Norman, Oklahoma: The University of Oklahoma Press, 1991. 384 p.
34. *Laclau E.* On the Populist Reason. New York: Verso, 2005. 276 p.
35. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 240 p.
36. *Lefort C.* Democracy and Political Theory. Cambridge, Boston: Polity Press. 100 p.
37. *Magun A.* Taking Democracy Seriously // *Decentring the West. The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony* / V. Morozov (Ed.). Farnham, Surrey: Ashgate Publishing, 2013. P. 23—45.

38. *Mellucci A.* Challenging Codes. New York, Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 441 p.
39. *Minogue K.* Populism as a Political Movement // Ionescu G., Gellner E. Populism. London: Macmillan, 1969. P. 197—211.
40. *Mouffe C.* Constructing Unity Across the Difference: The Fault Lines of the 99% // Tidal. 2011. № 1. P. 5—6.
41. *Mouffe C.* On the Political. Thinking and Action. New York: Routledge, 2005. 144 p.
42. *Robertson G.* Russian Protesters: Not Optimistic but Here to Stay // Russian Analytical Digest. 2012. № 115. P. 2—5.
43. *Rosanvallon P.* Counter-democracy. Politics in the Age of Distrust. New York, Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 348 p.
44. *Spivak C.* The General Strike // Tidal. 2011. № 1. P. 8—9.
45. *Taguieff P.-A.* Le populisme et la science politique. Du mirage conceptuel aux vrais problèmes // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1997. № 56. P. 4—33.
46. *Tarrow S.* Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics. New York, Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 352 p.
47. *Taylor C.* The Politics of Recognition // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition / A. Guttman (Ed.). Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 25—75.
48. *Touraine A.* An Introduction to the Study of Social Movements // Social Research. 1985. № 52. P. 749—788.
49. *Touraine A.* The Self-Production of Society. Chicago: The University of Chicago Press, 1977. 468 p.
50. *Virno P.* Theses on the New European Fascism // GreyRoom. 2005. Vol. 21. P. 21—25.

Источники

1. *Азар И.* Ущемленный русский. Почему Алексей Навальный не хочет кормить Кавказ [Электронный ресурс] // Лента.ру, 4 ноября 2011. URL: <http://lenta.ru/articles/2011/11/04/navalny/> (дата обращения 04.11.2013).
2. База данных PEPS [Электронный ресурс]. URL: <http://gabowitsch.net/peps-ru/> (дата обращения 10.04.2014).

3. Запись в Живом Журнале А. Навального [Электронный ресурс] // Живой Журнал. URL: <http://navalny.livejournal.com/877154.html> (дата обращения 04.11.2013).

4. Запись в Живом Журнале А. Навального [Электронный ресурс] // Живой Журнал. URL: <http://navalny.livejournal.com/874403.html> (дата обращения 04.11.2013).

5. Запись в Живом Журнале А. Навального [Электронный ресурс] // Живой Журнал. URL: <http://navalny.livejournal.com/875207.html> (дата обращения 04.11.2013).

6. Сергей Удальцов на митинге шествии 4 февраля 2012 [Видеозапись] // YouTube, 4 февраля 2012. URL: <http://www.YouTube.com/watch?v=bYGsyU8djO8> (дата обращения 10.04.2014).

7. TVКер: Говорит Навальный на митинге 6 мая на Болотной пл. [Видеозапись] // YouTube, 6 мая 2013. URL: <http://www.YouTube.com/watch?v=3ZtUWR1SQFQ>, 0:55—1:05 (дата обращения 25.08.2013).

Олег Журавлев, Наталья Савельева, Максим Алюков

КУДА ДВИЖЕТСЯ ДВИЖЕНИЕ: ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОГО ПРОТЕСТА

Введение: что приводит движение в движение?

В социальных науках, как и в общественно-политических дискуссиях, субъекты социальных изменений часто именуются термином «общественные движения». Гражданскую мобилизацию 2011—2012 годов, произошедшую в ответ на обнаружение фальсификаций на выборах в Госдуму, также стали называть движением «За честные выборы». Метафора движения неслучайна: цель *social movements* — это социальные перемены, обновление общества. Протестные движения порождают и ускоряют социальную динамику: они меняют и общество в целом, придавая его развитию новые ритмы и смыслы, и отдельных индивидов, превращая их «из обывателей в активистов»; однако этих перемен движения достигают за счет того, что развиваются и меняются сами. В «18 брюмера Луи Бонапарта» Карл Маркс обрушивается с критикой на вторую Французскую революцию, разоблачая ее уродливую эволюцию, которая вместо обновления общества обращает его вспять; Маркс критикует имитацию революционного движения, за которой в действительности скрываются неподвижность и регресс — именно в этом смысл его знаменитой формулы, согласно которой революции происходят «первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса»¹.

Протесты, общественные движения и революции неразрывно связаны с захватывающим опытом — и предчувствием — нового. С одной

¹ *Маркс К.* 18 Брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1957. Т. 8. С. 116.

стороны, новизна заключается в самом разрыве с темпоральностью и укладом повседневной жизни, который осуществляют мобилизации, привнося в жизнь индивидов опыт единства на массовых демонстрациях, новые способы самовыражения через политическую репрезентацию, выработку и проверку на прочность своих политических убеждений в публичных дискуссиях. С другой стороны, новизна протестов — это социальные перемены: тектонические сдвиги, последствия которых остаются в обществе на годы вперед. Движения являют собой новый образ общественного устройства — Альберто Мелуччи¹ называет их «расколдованными пророками», имея в виду, что они являются первыми ласточками тех социальных и политических форм, которые в будущем будут инсталлированы в институциональный порядок; подобно пророкам, они рождаются как еретики, но вскоре их видение мира становится канонем.

Ключевым механизмом динамики общественных движений и осуществляемых ими социальных перемен являются конструирование и артикуляция коллективных идентичностей. Протесты форсируют перемены, выводя на сцену истории новых социальных агентов, добиваясь признания их прав и интересов, но в первую очередь — самой их субъектности. Уже давно общим местом в марксизме стало положение о том, что необходимым условием революционного социального обновления выступает созревание в самом процессе общественно-политической борьбы нового субъекта истории. Важно подчеркнуть, что политические протесты — не просто инструмент выдвижения интересов и требований нарождающихся общественных групп, они являются *самостоятельным фактором формирования социальных общностей и их политической субъективации.* Оформление коллективных идентичностей, происходящее в гуще мобилизации, позволяет новым субъектам стать видимыми для общества и самих себя и заявить о себе и своих притязаниях на место в истории. В своем знаменитом исследовании, посвященном Французской революции, Уильям Сьюелл показывает², как

¹ Melucci A. The Symbolic Challenge of Contemporary Movements // Social Research. 1985. Vol. 52. № 4. P. 801.

² Sewell W. Historical events as transformations of structures: Inventing revolution at the Bastille // Theory and Society. 1996. № 25. P. 841—881.

в ходе взятия Бастилии в публичных дебатах изобретается гражданская идентичность, которая оформляет рождение нового коллективного субъекта — французского народа. Он подчеркивает динамичность изобретения гражданской нации и самостоятельную роль мобилизации в конструировании ее облика: в течение нескольких дней новая идентичность буквально носится в воздухе; она артикулируется, называется, записывается и произносится в публичных речах и дебатах; она вдруг захватывает протестующих, осознающих себя ее частью, и таким образом становится движущей силой великой революции¹.

Однако протестные движения достигают перемен в обществе за счет того, что развиваются, движутся сами. А как показывают многочисленные исследования, лишь движения, которым удалось выработать сильную коллективную идентичность, имеют шанс на институционализацию, развитие и долгосрочную деятельность, позволяющую им последовательно отстаивать программу перемен². Как отмечают Скотт Хант и Роберт Бэнфорд, интеграция индивида в коллективное тело политического движения, а также солидарность между его активистами «требуют распознавания коллективного целого и идентификации его участников с телом входящих в это целое акторов»³. Необходимо отметить: несмотря на известную точку зрения, утверждающую, что институционализация противоречит движению и новизне, поскольку предполагает рутинизацию и бюрократизацию протестной деятельности, приходится признать, что закрепление протестных движений и коллективной идентичности как условия их воспроизводства означает закрепление самой возможности общественно-политических изменений. Напротив, деполитизированное общество, в котором нет *институтов* публичной политики, неподвижно. Не зря Ханна Арендт настаивала на том, что единственный способ сохранить и передать новым поколениям дух освобождения и обновления, который несут в себе революционные взрывы, — это учреждение само-

¹ Sewell W. Historical events as transformations of structures: Inventing revolution at the Bastille.

² См., напр.: Klandermans B. The Demand and Supply of Participation: Social-Psychological Correlates of Participation in Social Movements // The Blackwell Companion to Social Movements. P. 360—379.

³ Hunt S., Benford R. Collective Identity, Solidarity, and Commitment // The Blackwell Companion to Social Movements. P. 439.

управляемых «институтов свободы», чья деятельность, в отличие от революций и восстаний, является долгосрочной¹.

Итак, с одной стороны, протесты и общественные движения — это публичная среда, которая ускоряет и направляет конструирование и артикуляцию новых коллективных идентичностей, оформляющих новые социальные субъекты — субъекты перемен. С другой стороны, движения — это развивающиеся из опыта протеста институты перемен, институционализацию формы и непрерывность деятельности которых обеспечивает коллективная идентичность, интегрирующая индивидуальных членов движения в его коллективное тело. Сама коллективная идентичность, вопреки ассоциациям со статичным «содержимым сознания», навязанным массовыми опросами, также является подвижным образованием. Так, Дэвид Сноу говорит о «работе идентичности», тем самым подчеркивая динамический и рукотворный аспекты существования в обществе идентитарных конструкций, которые производятся, воспроизводятся и трансформируются индивидами и социальными группами.

Таким образом, гражданские мобилизации — это не просто процесс нагнетания эмоций или инструмент отстаивания уже сложившихся интересов за счет выдвижения шаблонных требований. Они представляют собой настоящую социальную фабрику, внутри которой появляются и движутся новые и по-новому артикулируются уже существующие коллективные идентичности.

¹ Хотя, как показывают исследователи организаций протестных движений начиная с Вебера и Михельса, риск бюрократизации и обездвиживания всегда остается очень высоким. См. также работы П. Бурдьё о воспроизводстве политического поля, которое не позволяет появляться новым идеям и социальным делениям в горизонте политически мыслимого. *Вебер В.* Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью, 2002. 353 с.; *Michels R.* Political Parties. New York: Free Press, 1968. 380 p.; *Zald M., Ash R.* Social movement organizations: Growth, decay and change // *Social Forces*. 1966. № 44. P. 327—341; *Бурдьё П.* Делегирование и политический фетишизм // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/delegirovanie-i-politicheskij-fetishizm>—0 (дата обращения: 28.03.2014); *Бурдьё П.* Политическое представление. Элементы теории политического поля // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/politicheskoe-predstavlenie-elementy-teorii-politicheskogo-polja> (дата обращения: 28.03.2014).

В данной главе мы проанализируем динамику возникновения и артикуляции коллективных идентичностей в движении «За честные выборы» на примере трех процессов, традиционно рассматриваемых в качестве идентитарных механизмов: создания лозунгов, выдвижения требований и голосования. Опираясь на интервью с участниками митингов «За честные выборы», состоявшиеся в Москве, Санкт-Петербурге, Париже и Волгограде в 2012—2013 годах, и на базу протестных лозунгов PEPS, собранную М. Габовичем, М. Исаевой и О. Свешниковой¹, мы покажем, каким образом «работа идентичности» повлияла на динамику протестного движения. Мы увидим: несмотря на то что движение «За честные выборы» было динамичным и продуктивным и, более того, будто бы вернуло в российское общество публичную политику после двадцати лет деполитизации, оно, вместе с тем, не смогло выработать и артикулировать *специфических* коллективных идентичностей, которые репрезентировали бы новые социальные субъекты и институционализировали бы само движение «За честные выборы» в виде долгосрочного политического объединения. Таким образом, отсутствие идентичности обусловило кризис протеста — движение как бы топталось на месте, не сумев сформулировать свое видение мира и самого себя, и в итоге так и не привело к переменам в обществе. На наш взгляд, одной из причин этого кризиса стала инерция постсоветской деполитизации², механику воздействия которой на идентичность протестного движения мы проследим в данном тексте.

Идентичность и репрезентация

Политические события порождают новые и по-новому артикулируют существующие коллективные идентичности не только потому, что объ-

¹ На данный момент в базе собрано более 6,5 тыс. лозунгов с протестных митингов, посвященных повестке «честных выборов», в разных российских и зарубежных городах. Наиболее полный набор лозунгов относится к периоду с начала декабря по середину апреля. Подробнее о проекте см.: База данных PEPS [Электронный ресурс].

Мы благодарим М. Габовича за предоставленную возможность использования собранной им и его коллегами базы.

² О понятии деполитизации см. подробнее главу 1 в настоящей монографии: Журавлев О. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов.

единяют индивидов в публичном пространстве, провоцируя чувство общности, но также потому, что задействуют механизмы репрезентации и саморепрезентации: лозунги, списки требований, выдвижение кандидатов — все эти традиционные процедуры отнюдь не только конвенциональной, но и протестной политики, именуют, символизировать и тем самым наделяют существованием коллективных субъектов, а также закрепляют принадлежность индивидов к коллективному целому. Из теорий политической репрезентации мы знаем, что последняя не ограничивается делегированием полномочий, но задействует конструирование коллективных идентичностей, то есть включает в себя процесс производства символических конструкций, в которых индивиды осознают себя частью коллективного тела. Так, Ханна Питкин пишет о дескриптивном типе репрезентации, в рамках которого последняя не может быть редуцирована до делегирования мандата: по ее мнению, репрезентация «предполагает, что представитель не действует вместо... но *означает* представляемых (*stand for them*)», является их уменьшенной копией. Представитель должен быть «подобен карте или зеркалу, в сущности, пассивному предмету, устроенному так, чтобы наблюдатель мог бы составить по нему представление о... целом»¹. Франклин Анкерсмит утверждает, что политическая репрезентация «существует не просто потому, что... невозможно собрать на одной... площади-агоре весь народ, чтобы он весь участвовал в принятии политического решения», но потому, что «без репрезентации нет репрезентируемого; ...ибо политическая реальность возникает только тогда, когда народ осознает себя представленным»². Пьер Бурдьё подчеркивает, что репрезентация — это не только воплощение политического единства в личности представителя, но фундаментально присущий политике процесс опосредования, в котором индивиды узнают себя в качестве группы, благодаря движению с его символами, знаками, флагами, речами и лозунгами: «Акт символизации, благодаря которому... конституируется движение, совпадает с актом конституирования группы. Здесь знак создает означаемое являе-

¹ Pitkin H. The Concept of Representation. Oakland, California: University of California Press, 1972. P. 81.

² Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия: эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. 2004. № 2 (42). С. 28.

ние, означающее идентифицируется с означаемым»¹. Выступая против репрезентации как политического института, Бурдьё в своих работах эксплицирует ее эксплуатирующую механику:

Представляемая, символизируемая группа существует именно потому, что существует представитель, и потому, что он ее порождает... Если я — человек, ставший коллективом, человек, ставший группой, и если эта группа есть группа, часть которой вы составляете и которая вас определяет и придает вам идентичность, что, собственно, и делает вас преподавателем, протестантом, католиком и т.п., то на самом деле остается только повиноваться².

Политический вывод, который делает из этого обобщения Бурдьё, так же радикален, как оно само:

Последнюю политическую революцию — ...против содержащейся в акте делегирования узурпации — еще только предстоит совершить³.

Эта «темная сторона» репрезентации заставила многих исследователей и политических активистов считать, что репрезентативный механизм является угнетающим по своей сути. Так, Антонио Негри и Пауло Вирно видят революционный потенциал протестных движений в отказе от представительства и замещения его практиками «прямой демократии», имманентными современной социально-производительной конфигурации «множества»⁴. Отказ от лидерства, анонимность, сетевая структура организаций стали основополагающими принципами многих

¹ Бурдьё П. Делегирование и политический фетишизм [Электронный ресурс] // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/delegirovanie-i-politicheskij-fetishizm>—0 (дата обращения: 28.03.2014).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.; Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge: Harvard University Press, 2001. 479 p.; Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. London: Penguin Books, 2005. 426 p.

современных общественных движений, впрочем, зачастую скрывающими авторитаризм их неформальных вожakov¹.

Квинтэссенцией дебата о политической функции репрезентации в XX веке стала полемика между Жилем Делезом, Мишелем Фуко и Гаятри Спивак. Если Делез, вдохновленный работой Фуко в Группе информации по тюрьмам, утверждает, что «массы сами достаточно хорошо, ясно *знают* [о своей ситуации]... они знают гораздо лучше интеллектуалов, и в действительности они вполне адекватно говорят об этом»², то Спивак последовательно показывает, что политическая автономия угнетенных — идеологическая мистификация, которая является следствием эссенциализации субъекта, с мифическим представлением о суверенности которого, казалось бы, боролись Фуко и Делез в рамках постструктуралистского движения. Ответ им Спивак давно стал крылатой фразой:

Угнетенные не могут говорить [сами за себя]. Бесполезны все длинные списки глобальных проблем, в которых непосредственно включена и «женщина» на правах с пиететом почитаемого пункта. Репрезентация не отмерла³.

Актуализация этой полемики произошла и в связи с российским движением «За честные выборы». Например, Александр Бикбов полагает, что несостоятельность проекта институционализации политического представительства в движении «За честные выборы» обусловила всплески нерепрезентативных форм демократии, с которыми автор связывает надежды на политический успех российских протестов. Он видит «революционность» «а-революционного» российского протеста в «регулярном отказе от гегемониального типа представительства»,

¹ Gerbaudo P. Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism. London: Pluto Press, 2004. 216 p.

² Foucault M. Language. Counter Memory, Practice: Selected Essays and Interviews. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1977. P. 206—207. Цит. по: Спивак Г. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия. СПб.: ХЦГИ, 2001. С. 655.

³ Спивак Г. Могут ли угнетенные говорить? С. 664.

подтверждением чему «может служить целый ряд наблюдаемых форм: от единичных ниспровергающих жестов в адрес кандидатов в постоянные политические делегаты, массового использования остроумия и самоуполномочения на обыденные действия в качестве протестных до процедурно устойчивых уличных ассамблей и сборки инициативных групп в городских клубах»¹. По его мнению, «переворот, произведенный в пространстве протеста по отношению к логике бюрократического представительства и лидерства, который получил форму анонимного и распределенного опыта участия, явился ключевым моментом, открывшим возможность для революционного разрыва»².

Разделяя критику авторитаризма не только в официозных организациях, но и в низовой политике, мы, тем не менее, считаем, что репрезентация, не сводимая к диктатуре узурпатора, но понимаемая как процедура оформления политического единства в сплывающих структурах и символах, является неустранимым и продуктивным механизмом политизации, поскольку производит и артикулирует специфические коллективные идентичности, являющиеся клеем протестного движения и, шире, коллективной жизни публичной сферы. Более того, репрезентация неизбежна, поскольку *конструирование коллективной идентичности само по себе является репрезентативным механизмом*. Иначе говоря, без репрезентации не может быть ни коллективной идентичности, ни общественных движений, ни публичной сферы как таковой. Критикуя «антирепрезентативную» позицию в движении «Occupy Wall Street», Джоди Дин утверждает, что необходимо «признать репрезентацию в качестве неустранимой характеристики языка и процесса формирования предпочтений»³, а значит, отказаться от взгляда на репрезентацию как на заведомо иерархизирующую и репрессивную. Критикуя идеал «прямой демократии», который часть движения стремилась навязать в качестве политического императива, например запрещая выступать от лица других или от имени движения в целом, Дин настаивает на аб-

¹ Бикбов А. Представительство и самоуполномочение [Электронный ресурс].

² Там же.

³ Dean J., Jones J. Occupy Wall Street and the Politics of Representation [Electronic recourse] // Chrtó Delat. In defense of representation. 2012. № 10 (34). URL: <http://chtodelat.org/b8-newspapers/12—38/jodi-dean-and-jason-jones-occupy-wall-street-and-the-politics-of-representation> (date of access: 28.03.2014).

судности подобных мер — ведь репрезентация располагается в самом сердце механизма субъективации:

Предполагая, что индивид может ясно осознавать, чего он хочет и в чем состоят его собственные интересы, мы игнорируем тот факт, что субъекты расколоты изнутри, что они не всегда осознают собственные желания и мотивы. ...Если репрезентация исключает, дискриминирует и иерархизирует, значит, эти же процессы происходят и внутри индивидов (об этом нам говорит не только психоанализ, но и бесконечные дискуссии о формировании субъективности, дисциплине и нормативности)¹.

Иными словами, запрет на говорение от имени другого, как и предоставление микрофона любому желающему для реализации процедуры самопредставительства, еще не гарантирует того, что вы не будете говорить чужими словами или думать чужими мыслями. Бурдье эффективно показывает, как ухищрения и уловки репрезентации, такие как дискурсивная игра, отождествляющая «я» и «мы» и выдающая потребности второго за интересы первого, или умение вызывать аплодисменты и контролировать голосование поднятием рук, создают избыток власти. Однако если процедурными манипуляциями действительно можно аккумулировать господство, избыточное по отношению к декларативным функциям политического представительства, то процедурными же правилами, такими как контроль над порядком выступлений и равным доступом к сцене, невозможно восполнить изначальную и непреодолимую неполноту индивидуального субъекта, который всегда фундаментально несамодостаточен без своего коллективного измерения.

Социология XX века показала, что формирование идентичности происходит в рамках рефлексивного процесса, в котором индивид становится самим собой только лишь потому, что соотносит себя с той или иной социальной ролью или «лицом», с которыми его связывают отношения представительства².

¹ Ibid.

² См., например: *Гофман И.* Представляя себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 304 с. Дж.Г. Мид напрямую задействует метафору политической

В нашей главе мы проанализируем динамику коллективной идентичности участников движения «За честные выборы» и попробуем ответить на вопрос, как она повлияла на судьбу российских протестов.

«Кто же мы?!»: протестные лозунги и конструирование коллективной идентичности

В этом разделе главы мы рассмотрим «работу идентичности» на примере создания лозунгов — этих инструментов представительства *par excellence*. Лозунги являются одним из важнейших инструментов конструирования, артикуляции и репрезентации коллективных идентичностей во время массовых демонстраций. Как отмечал Пьер Бурдьё,

в политике «говорить» значит «делать», т.е. убеждать, что можно сделать то, о чем говоришь, и, в частности, внушать знание и признание принципов видения деления социального мира: лозунги, которые производят собственную верификацию, создавая группы, создают тем самым некий социальный порядок².

В одной из глав настоящей монографии Олег Журавлев показывает, что значение движения «За честные выборы» состояло в возвращении в российское общество политики как самой формы коллективного единства: люди наслаждались опытом политической ассоциации и желали ее воспроизводить и репрезентировать, а также искали в практиках политической репрезентации новые способы самовыражения.

репрезентации в своем определении самосознания. Он пишет: «Лишь благодаря принятию индивидами установки или установок обобщенного другого по отношению к себе... мышление... может иметь место... Самосознательный человеческий индивид, далее, принимает или допускает организованные социальные установки данной социальной группы, к которой он принадлежит... и в качестве индивидуального участника этих социальных проектов... он соответствующим образом управляет своим поведением. В политике, например, индивид отождествляет себя с целой политической партией» (*Мид Дж.Г. Азия // Американская социологическая мысль*. М: МУБиУ, 1996. С. 228).

¹ Один из лозунгов, прозвучавших во время демонстраций ДЗЧВ.

² Бурдьё П. Делегирование и политический фетишизм. [Электронный ресурс].

Люди идентифицировали себя с коллективным телом публичной сферы и желали закрепить, обозначить и удостоверить эту идентификацию в различных символических формах и коллективных практиках. Каким образом лозунги движения «За честные выборы» были задействованы в конструировании идентичностей протеста? Какие субъекты и социальные группы лозунги обозначили в качестве его действующих лиц? Ниже мы покажем: хотя люди задействовали публичную среду митингов для артикуляции своих коллективных принадлежностей, тем не менее, вопреки тезису Бурдье об идентификации как *локализации в пространстве соотносительных социальных и идеологических позиций*¹, участники митингов, как правило, *репрезентировали себя в политических лозунгах не через спецификацию социальных субъектов протеста, но, парадоксальным образом, через избегание какого бы то ни было самоопределения в социально-политических или идеологических терминах.*

Можно выделить несколько способов артикуляции идентичностей через лозунги. Во-первых, в лозунгах может содержаться непосредственное указание на говорящего или группу, от лица которой он говорит («честные граждане», «обманутый дольщик» и т.д.) или к которой обращается («россияне» и т.д.). Во-вторых, лозунг, содержащий высказывание с обозначением лица («я», «мы», «безличное»), может указывать на индивидуальный или коллективный субъект, к которому относится высказывание, и на его атрибуты («против», «за» и др.)². В чем состояли особенности идентичностей, артикулированных с помощью лозунгов российского протестного движения?

Какие именно идентичности артикулируют и репрезентируют лозунги, выдвигаемые протестующими? Дэвид Сноу выделяет три взаимосвязанных типа идентичности: индивидуальную, социальную и коллективную. Социальная идентичность укоренена в закрепленных социальных ролях, таких как «учитель» или «мать», она приписывается и вменяется другим, чтобы расположить их в социальном пространстве.

¹ Бурдье П. Политическое представление. Элементы теории политического поля [Электронный ресурс].

² Подробнее описание классификации см. в главе 6 в настоящей монографии: Завадская М., Савельева Н. «А можно я как-нибудь сам выберу?»: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011—2012 годов.

Персональные идентичности, напротив, являются выражением того, как сам индивид видит и воспринимает себя, — это «самоназвания и самоприписывания». Наконец, коллективная идентичность складывается из двух элементов — чувства «коллективной деятельности» (agency) и «разделяемого чувства “мы”» — и возникает из самого опыта коллективного действия¹. Участники митингов принадлежали к самым разным социальным и профессиональным группам и, как мы покажем ниже, были обеспокоены разнообразными социальными проблемами. Однако в общем массиве лозунгов высказывания, артикулирующие социальные идентичности, крайне малочисленны. На протестных митингах очень редко лозунги, указывающие на определенные социальные роли и/или социальную и профессиональную принадлежность («антропологи», «молодые семьи», «обманутые дольщики», «пенсионеры» и т.д.) или озвученные от лица различных организаций и политических партий («КПРФ за честные выборы!», «МГУ за честные выборы!», «Автономное действие УФА — за прямую демократию!») и от лица жителей отдельных городов («Санкт-Петербург за честные выборы!», «Москва, Гамбург с вами!»)². Примечательно, что артикуляция социальных идентичностей в качестве субъекта или же объекта высказывания зависит от типа требований. В лозунгах, связанных с универсальными требованиями «честных выборов» и отставки действующей власти, они появляются как указание на определенное «мы» автора прокламации («Антропологи — за честные выборы!», «Креативный городской класс — это про нас!», «Дорогу молодым — мы здесь», «Ветераны Чернобыля. ЗА народ, Россию, Конституцию, ПРОТИВ Медведева, не обеспечивающего конституцию, Путина и преступной вертикали»). А в лозунгах, содержащих социальные требования или социальную критику, они превращаются в объект высказывания («Руки прочь от русской армии», «Русским бездомным — доходный дом, гастарбайтерам — ночлежку!», «Требуем увеличения пенсий, а не президентского срока!», «Привет от участников юмористической программы “Молодой

¹ *Snow D.* Collective Identity and Expressive Forms [Electronic resource].

² В целом число лозунгов, артикулирующих какую-либо социальную идентичность, не превышает 250, т.е. 4% от общего числа лозунгов.

семье — доступное жилье!»¹). Мы видим, что (в противовес тезису Нэнси Фрейзер о роли публичной сферы как механизма конструирования социальных различий за счет артикуляции специфических коллективных идентичностей¹) в пространстве российских протестных митингов обращение к специфическим социальным категориям парадоксальным образом становится инструментом их деспецификации, обезличивания. Лозунг «Антропологи — за честные выборы!» или «Санкт-Петербург за честные выборы!», как и остальные подобные лозунги, означает не утверждение специфической общности антропологов или жителей Петербурга, обладающих специфическими идентичностью и интересами, но указание на то, что антропологи и петербуржцы — как и все остальные — поддерживают общее требование и разделяют общую повестку, не претендуя на выдвижение своих собственных. В свою очередь, артикуляция социальных проблем, которые могли бы стать точкой референции для конструирования социальных общностей угнетенных и непривилегированных категорий населения, избегает утверждения «мы» субъекта высказывания.

Еще одну идентичность, которая непосредственно артикулируется участниками митингов, но которая также избегает своей социально-политической конкретизации, мы назвали «параидентичностью». Материал для ее конструирования был заимствован из сказок, кино- и мультфильмов (Чак Норрис, Чебурашка, Баба-Яга, Дед-Мороз и т.д.) или из комментариев СМИ и дискурса власти, обличавшего протестующих («бандерлоги», «сетевые хомячки» и т.д.). Помимо того, что плакаты, задействовавшие эти идентичности, отражали общее приподнятое настроение первых митингов, основной задачей использования имен собственных была нормализация протестного поведения через отсылку к очевидности требований протестующих². Так, музыкант и продюсер Олег Нестеров, рассказывая о своем опыте участия в митинге с плакатом, на котором был нарисован Чебурашка, сказал:

¹ *Frazer N. Rethinking the Public Sphere...* P. 55—80.

² Д. Волков также отмечает, что креативные формы репрезентации ДЗЧВ служат легитимации и нормализации протеста (*Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 году: истоки, динамика, результаты* [Электронный ресурс]).

Я с гордостью этот плакат носил (*смеется*): видите, даже Чебурашка за честные выборы, не говоря уже о серьезных фигурах типа Крокодила¹.

В случае, когда идентичности были заимствованы из дискурса власти или медиа, их задействовали или через отрицание с использованием личного местоимения («Мы — не бандерлоги!»), или через сублимацию, превращая негативный смысл в позитивный («Хомяк расправил плечи», «Привет от бандерлогов!»). Однако в ракурсе нашей проблематики важно, что во всех трех случаях обращение к «параидентичности» не только утверждает правоту «мы», но и избегает социальной спецификации этого «мы»: сила утверждения позиции растворяется в безличной и отстраненной констатации того факта, что движение имеет поддержку со стороны мифических существ и кинозвезд.

Следующий тип идентичности возникает в отрицательных грамматических конструкциях, использующих личные местоимения («Мы не оппозиция, мы ваши работодатели!», «Рабы нЕмы, рабы НЕ мы», «Мы не стадо!», «Я не макака», «Я не быдло» и др.). Источником номинации коллективного агента этих лозунгов стал официальный дискурс власти, обличающий протестующих («бандерлоги», «макаки», а также «оппозиция», «революционеры» и др.). Мы назвали эту идентичность «негативной», поскольку ее репрезентация строится через отрицание определений, навязанных извне, и, таким образом, точно так же выступает жестом «ухода» от позитивного самоопределения².

Наконец, для непосредственного обозначения субъекта действия участники митингов использовали такие расплывчатые и труд-

¹ Мажаяев А. «Больше нельзя терпеть вранье». Музыкант Олег Нестеров // Новые Известия, 20 апреля 2012. URL: <http://www.newizv.ru/culture/2012—04—20/162532-muzykant-oleg-nesterov.html> (дата обращения: 10.04.2014).

² В отличие от «параидентичностей», которые отсылают к воображаемым существам, сущности, задействованные в этом типе лозунгов, объединены не своей природой, а самим фактом их отрицания — поэтому революционеры оказываются в одном ряду с макаками и т.д. Частично «негативные идентичности» могут пересекаться с «параидентичностями», например в лозунге «Мы — не бандерлоги!».

но локализуемые в социальном пространстве категории, как «народ», «гражданин», «страна», «Россия», «146%»; мы объединили их под общим названием «абстрактная коллективная идентичность»¹. Их можно было бы отнести к социальным идентичностям, так как они отсылают к определенным группам, пусть и неопределенно широким, таким, например, как «жители одной страны». Но мы выделили эти идентичности в отдельную категорию, потому что они имеют своей целью не указание на *определенную* группу, а утверждение общности как таковой, осуществляемое за счет использования всеобъемлющих категорий, которые в пределе включают всех членов общества. Если обращение к «параидентичностям» мифических существ и киногероев представляет собой содержательно наполненный констатив без субъекта констатации, то высказывания, артикулирующие «абстрактные» идентичности, являются своеобразными перформативами коллективной идентичности, лишенными конкретного содержания. Такие лозунги, как «#простойнарод», «Россия, вставай!», «Мы граждане свободной страны!», не артикулируют новые или уже сложившиеся специфические идентичности. Скорее, они утверждают единство митингующих, потенциально включая в протест всех жителей страны. Эта абстрактная идентичность произведена эффектом самого события коллективной мобилизации и отсылает к ситуативному единству всех протестующих², для которых сам опыт коллективного действия

¹ Здесь мы находимся в полемике с Артемием Магуном, который в главе 9 настоящей монографии называет эту идентичность «популистской» (*Магун А.* Протестное движение 2011—2012 годов в России: новый популизм среднего класса). Как и Магун, мы считаем, что такие идентичности — следствие политизации в условиях классовой диффузии. Однако для нас важен тот факт, что эта идентичность не может обеспечить движению какую-либо конкретность, а значит, и потенцию к общественным переменам. Будучи единственным способом объединения людей в ситуации отсутствия сколько-нибудь ясных классовых и социальных ориентиров, она является также ахиллесовой пятой движения, поскольку в силу хрупкости и расплывчатости не может ни вывести движение за пределы политического события, которое его породило, ни сообщить ему прочность для столкновения с оппонентами.

² «Вовлеченность в коллективное действие, прямое... участие функционирует как... событие, порождающее ситуативно обусловленную коллективную идентичность» (*Snow D.* Collective Identity and Expressive Forms [Electronic resource]).

становится самостоятельным мотивом политического участия¹. Эта абстрактная идентичность напоминает символическую конструкцию, которую Сидней Тэрроу в своем анализе движения «Occupy Wall Street»² называет «мы-здесь-идентичностью» («We are here» identity). Он отмечает, что спецификой «we are here» identity является, с одной стороны, ее принципиальная неопределенность, а с другой — амбиция признания существования движения в целом, первостепенная по отношению к удовлетворению каких бы то ни было требований, исходящих от тех или иных социальных субъектов, это движение составляющих. Заполняя пространство лозунгов такими высказываниями, как «Вам там нас хорошо видно? Мы есть!» или «Мы существуем!», движение «За честные выборы» репрезентирует себя через указание на свою непосредственную явленность. Таким образом, доминирующая коллективная идентичность протеста, репрезентирующая движение в целом и его волю к субъектности, избегает какой бы то ни было спецификации субъекта.

Зеркальным отражением этой установки на избегание самоопределения является стратегия индивидуального самопредставительства. Отказ от спецификации коллективных субъектов, составляющих единое целое протеста, приводит к тому, что его базовым элементом становится индивидуальный атом. Парадоксальным образом избыток коллективности, ее всеохватная форма абстрактного «мы» всех протестующих приводит к недостатку коллективности, поскольку это «мы» моментально распадается на индивидуальные составляющие, не принадлежащие ни к каким специфическим общностям. Стратегия задействования практик политической репрезентации, в данном случае лозунгов, для предъявления персональных идентичностей в публичном пространстве митингов стала еще одной формой «ухода» от самоидентификации в социальных, политических или идеологических терминах. Если мы сравним высказывания, озвученные от первого лица единственного («я») и множественного («мы») числа, то заметим одно фундамен-

¹ О самореферентности события протестов подробнее см. главу 1 в настоящей монографии: Журавлев О. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов.

² Tarrow S. Why Occupy Wall Street is Not the Tea Party of the Left. The United States' Long History of Protest [Electronic recourse].

тальное сходство: и в первом, и во втором случае сам жест указания на «я» и «мы», то есть на субъект высказывания, оказывается важнее, чем субстанциональное определение репрезентируемого субъекта. Несмотря на то что общие для всего движения требования были задействованы в конструировании персональных идентичностей, содержащие их лозунги всегда подчеркивают индивидуальность озвучивающих их участников. Это выражается в частом использовании притяжательных («Мой голос украли» и т.п.) и возвратных («Хочу сам выбирать президента» и т.п.) местоимений, апелляцией к собственным желаниям («Не хочу 146%, хочу правду!»), чувствам («Я сильно разозлилась!!» и т.п.) и личному опыту («Я видел вброс»). Иными словами, множество участников протеста репрезентируют в лозунгах не свою групповую принадлежность, а свою индивидуальность, подчеркивая ее первичность в структуре своей идентичности через обращение к соответствующим грамматическим формам. В этом смысле, как и в случае репрезентации «абстрактной коллективной идентичности», идентичность персональная репрезентируется в отсылке к самоочевидности, однако уже не наличного единства всех митингующих, а каждого индивидуального «я»¹. Таким образом, стремление к всеохватному единству оборачивается радикальным индивидуализмом протестного движения.

Поэтому, на наш взгляд, движение «За честные выборы» можно назвать специфической, российской версией «персонализированного» протеста. Дебра Фридман и Дуг Мак-Адам показали, что в некоторых протестных движениях «коллективные идентичности могут служить “избирательными стимулами” для тех, кто желает выразить и утвердить свою персональную идентичность»², а Лэнс Беннет ввел в научный оборот понятие «индивидуализированного» политического участия,

¹ Сходным образом поэт Дмитрий Воденников в своем известном стихотворении подчеркивает самоотжественность индивидуального атома за счет повторения личного местоимения: «А дело в том, что с самого начала / и — обрати внимание — при мне / в тебе свершается такое злое дело, / единственное, может быть, большое, / и это дело — недоступно мне. / Но мне, какое дело мне, какое / мне дело — мне / какое дело мне?» (Воденников Д. Любовь бессмертная — любовь простая // Вавилон.ру, URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/avtornik1/vodennikov.html> (дата обращения: 10.04.2014).

² Friedman D., McAdam D. Identity Incentives and Activism: Networks, Choices and the Life of a Social Movement // *Frontiers in Social Movement Theory* / C. Mueller, A. Morris

имея в виду, что новейшие протестные движения Западной Европы и США обращаются в первую очередь к персональным идентичностям (потенциальных) участников, интегрируя их в идентичность всего движения напрямую, то есть без посредства специфических коллективных идентичностей, укорененных в партийных, профсоюзных или других социально-классовых представительствах. Лозунги, артикулирующие идентичности участников российских протестных митингов, прежде всего указывают на конкретных индивидов и их «личное» мнение или эмоции («Я против, а ты?», «Верните мой голос!», «Не верю!» и др.), а не на их коллективную идентичность, и в этом смысле, даже обращаясь к общим повесткам вроде критики власти или требования «честных выборов», они утверждают в первую очередь собственную индивидуальность, которая только и позволяет им включиться в коллективное тело протеста.

Таким образом, идентичность протеста, артикулированную через лозунги, можно описать с помощью двух основных характеристик: это отказ от спецификации коллективного субъекта и одновременно — его персонификация. Протест, репрезентируя себя через лозунги, создает «мы», которое требует, любит или ненавидит, заявляет о своем присутствии, но никогда не называет себя. Определяя свою принадлежность к коллективному телу протеста через общность требований, намерений и разделяемых чувств, участники митингов избегают артикуляции каких-либо субстанциональных определений для обозначения этой общности, за исключением тех, которые позволяют им утвердить свое актуальное и ситуативное единство («коллективные абстрактные идентичности»). В результате коллективная идентичность протеста наиболее отчетливым образом определяет себя через отказ от конкретизации — через отрицание определений, приписанных ей СМИ и властью («негативная идентичность»), отсылку к вымышленным сущностям («параидентичности») или максимально расплывчатым категориям («абстрактная коллективная идентичность») — и в конце концов замыкается на собственной самотождественности: мы — это мы и мы здесь («мы-

(Eds.). New Haven: Yale University Press, 1992; цит. по: *Snow D. Collective Identity and Expressive Forms* [Electronic resource].

здесь-идентичность»)¹. Противоположной абстрактной коллективности «мы» всех митингующих, но столь же неспецифицируемой идентичностью протеста выступает идентичность персональная, которая задействует лозунги для самопредставительства участников протеста как отдельных личностей. В результате в зазоре между расплывчато-коллективным и самоочевидно-персональным в лозунгах не находится места специфически коллективному — тому типу идентичности, который традиционно становился результатом политических протестов, восстаний и революций.

Идентичность и требования движения

Специфические коллективные идентичности могут быть артикулированы не только через номинацию коллективного субъекта, но и через спецификацию его атрибутов, одним из которых является социальный интерес, выражаемый в политическом требовании. Центральным — и образующим консенсус, особенно на первых этапах движения, — требованием митингов было требование «честных выборов». Не имея возможности наблюдать за процессом артикуляции других требований на уровне всего движения, мы тем не менее могли спровоцировать рефлексию о возможных требованиях в ходе социологического интервью. Помимо прочего, мы задавали участникам протестных акций три вопроса: какие проблемы, по их мнению, нужно решить в стране

¹ Джоди Дин писала о том, что, несмотря на отказ от выдвижения требований участниками «Occupy Wall Street», сам лозунг «Мы — 99%», который в разных формах повторяется участниками ДЗЧВ («мы-здесь-идентичность»), «репрезентирует людей и политическое послание движения», так как он утверждает размежевание между народом и 1% верхушки. Тем самым этот лозунг, не называя конкретной идентичности, все же артикулирует ее вместе с проблемой неравенства. В нашем случае лозунги и артикулированные ими идентичности также утверждают разделение «мы»/«власть», однако, в отличие от OWS, это разделение остается а-политичным и так и не реализует свой критический потенциал, не позволяя конфликту «честных граждан» и «нечестной власти» вырваться за рамки моральных определений и самotoждественных квалификаций. *Dean J., Jones J. Occupy Wall Street and the Politics of Representation [Electronic resource].*

в первую очередь; является ли требование «честных выборов» до сих пор актуальным; и, наконец, может ли движение включить в себя другие требования. В данном разделе главы мы ответим на вопрос, какие коллективные идентичности артикулировались в требованиях протестующих.

Разброс ответов на вопрос о наиболее неотложных политических повестках для российского общества был достаточно велик. Актуальными, требующими политического решения участники митингов называли самые разные проблемы: от коррупции, качества медицинского обслуживания и образования, засилья «приезжих» и несоблюдения законов до разобщенности людей, равнодушие которых и приводит к нарушениям и дисфункциям. Казалось бы, именно эти проблемы массовый политический протест должен был артикулировать в качестве политических требований. Вместе с тем на вопрос-предложение включить наиболее важные с точки зрения самих информантов проблемы в общую повестку протестного движения нам часто отвечали категорическим отказом¹. Как правило, отказ был мотивирован одной из двух установок, разделяемых протестующими.

С одной стороны, они выступали против включения не связанных с «честными выборами» требований — даже тех, которые обладали для них политической значимостью, — потому, что хотели сохранить индивидуальную автономию участников протестного движения. В этом смысле удовлетворяющее всех довольно абстрактное требование честных выборов гарантировало неприкосновенность персональной идентичности и принципа индивидуализма, согласно которому никто не вправе навязывать общие интересы, угрожающие индивидуальной свободе:

В: А что вам вот сегодня здесь на митинге нравится или не нравится?

О1: Не нравится? Действительно, что вроде как пришли все вместе, а здесь как-то выдвигаются свои партии и говорят что-то, что только мы правы и не слушайте других. Хотя вроде все едины.

¹ Светлана Ерпылева и Максим Кулаев (глава 7 в настоящей монографии) объясняют такую тенденцию несформированностью политического языка ДЗЧВ (*Ерпылева С., Кулаев М. Митинги в России 2011—2012 годов: Вернулась ли политика на улицу?*). Мы согласны с этим определением, однако рассматриваем его как часть более широкой тенденции — неспособности сформулировать какие-либо идентитарные содержания.

О2: Свою позицию говорим, если спрашивают. Не навязываем.

О1: Да, не люблю вот это навязывание. Сам я навязывать никому не собираюсь». (м., 1985 г.р., высшее образование, геодезист; м. (брат), 1987 г.р., высшее образование (доучивается последний год на заочном), моряк, 4 февраля 2012, Санкт-Петербург)

Однако чаще наши информанты отказывались превращать близкие им проблемы в общие политические требования, указывая на опасность раскола «единства» движения:

В: А как ты думаешь, это движение за честные выборы, оно могло бы включить в себя какие-то социальные требования или нет?

О: Движение «За честные выборы» хорошо тем, что оно объединяет много людей. А если оно будет как-то модифицироваться, выставлять какие-то социальные или политические требования, другие, отличные от честных выборов, это просто расколет людей. Какие-то социальные требования кто-то поддерживает, кто-то левый, кто-то правый, кто-то против частной собственности, кто-то еще за что-то там. Будет просто разделение людей, не будет такого мощного движения, и это все заглохнет там. (м., 1988 г.р., высшее образование, занимается программным обеспечением, 26 февраля 2012, Москва)

Таким образом, даже если те или иные социальные проблемы обладали политической значимостью, они воспринимались информантами как связанные с конкретными и потенциально конфликтующими группами и социальными акторами, в то время как требование «честных выборов», по их мнению, касалось «всех». Протестующие *сознательно отказывались от артикуляции требований, политически значимых для их социальной группы, ради сохранения сложившегося на митингах «единства»*. Иными словами, участники протестного движения избегали артикуляции специфических коллективных идентичностей в целях воспроизводства «абстрактной коллективной идентичности», репрезентирующей ситуативное «мы» всех митингующих.

Вместе с тем в некоторых случаях информанты высказывались за включение новых специфических требований в повестку протестного

движения. Однако, как и мотив исключения, согласие интегрировать новые требования управлялось той же логикой поддержания единства — «социальные требования» могли быть приняты, если допускалось, что они «касаются всех»:

В: А как вы считаете, а могли бы требования этого движения расширяться и включить в себя еще проблемы обездоленных слоев общества?

О: Я думаю, да. Движение это народное. И все народные проблемы касаются движения. (м., ок. 1990 г.р., студент исторического факультета, 4 февраля 2012, Санкт-Петербург)

На этот же вопрос другой информант отвечает:

Теперь да уже, теперь да. Другое дело, что никто эти требования выполнять не собирается. Но мне кажется, что если социальные требования, то это больше привлечет сторонников... (ж., 1943 г.р., высшее образование, врач, 26 февраля 2012, Москва)

И в случае, когда социальным требованиям отказывают в возможности стать частью повестки, и в случае, когда эта возможность допускается, первостепенными являются отнюдь не сами требования, а то, что они поддерживают или разрушают: внезапно возникшее движение «За честные выборы». Иными словами, социальные, как и любые другие специфические, требования могут быть включены в повестку протеста только в качестве продолжения универсального требования «честных выборов», фундирующего «абстрактную коллективную идентичность»; при этом выдвижение этих требований не должно стать механизмом конструирования или артикуляции специфических коллективных идентичностей, угрожающих ситуативному единству, произведенному внезапным событием коллективной мобилизации. Таким образом, отказ от социально-политического самоопределения блокировал формирование политической повестки и программы движения «За честные выборы», которое тем самым не смогло предложить своим участникам и сторонникам «ничего нового», помимо самого опыта мобилизации и абстрактного требования «честных выборов», так и не ставшего

предметом переговоров между властью и протестующими. Если ценность самой мобилизации сначала была самоочевидной и выступала аргументом против выдвижения конкретных требований, то в какой-то момент «бессодержательность» движения констатировала его кризис: оно так ни к чему и не пришло, потому что не смогло выработать собственную повестку.

Важно отметить, что в мировом опыте протестов сознательный отказ от конкретных требований еще не означает отказа от конструирования политических повесток вокруг специфических социальных проблем аргюти. Так, например, Джоди Дин писала, что, несмотря на отказ от выдвижения требований участниками «Occupy Wall Street», это движение «интегрирует проблему экономического неравенства в политическую дискуссию». Основной лозунг движения — «Мы — 99%», — подчеркивая антагонизм между народом и 1% верхушки, «озвучивает проблемы, против которых мобилизовано движение: неравенство, эксплуатация, бесчестность и коррумпированность властей»¹. Таким образом, несмотря на отказ от конструирования внятной коллективной идентичности и выдвижения конкретных требований, движение «Occupy Wall Street» запустило циркуляцию новой политической повестки вокруг проблемы социального неравенства, казалось бы, чуть ли не навсегда ушедшей из публичного дискурса Америки. Лэнс Беннет в своей статье, посвященной «Occupy Wall Street» и его расплывчатой идентичности, замечает, что, хотя протестующие отказались выдвигать социальные и политические требования, «они подняли вопрос социального неравенства и ложных обещаний дерегулированного рынка. Эти темы, лежавшие в основе движений “Occupy” и “Indignado”, зародившиеся там, стали циркулировать во многих обществах и привели к значительным переменам в политических дискуссиях и политических повестках разных стран»². Беннет делает акцент на том, что если «на раннем этапе протестов, в сентябре—октябре, тема неравенства была плотно прикреплена

¹ Dean J., Jones J. Occupy Wall Street and the Politics of Representation (Electronic recourse).

² Bennet L. The Logic of Connective Action // Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15. № 5. P. 21.

к этим протестам, то в ноябре она зажила своей жизнью»¹; тем самым он подчеркивает ключевое значение момента рождения нового «политического содержания» из опыта мобилизации. Таким образом, несмотря на отказ от выдвижения конкретных требований, американское движение артикулировало специфическую идентичность бедного и находящегося в зоне риска из-за экономического кризиса большинства, противостоящего 1% богачей и «сильных мира сего» с Wall Street.

Если «Оссуру Wall Street» выбрало предельно абстрактный лозунг «Мы — 99%» для обозначения инклюзивной, но при этом конкретной антикапиталистической повестки непривилегированного большинства, российское протестное движение сделало своим символом, казалось бы, предельно конкретное требование «честных выборов», которое в действительности не обозначало ничего конкретного. Единственная единогласно признаваемая повестка «честных выборов» заключала в себе гораздо больше, чем требование пересмотра результатов голосования. Несмотря на свою кажущуюся конкретность, требование «честных выборов» стало интуитивно понятной протестующим метафорой эффективно работающей общественной системы, в которой никто не ворует, не обманывает, не берет взятки и т.д. Поэтому многие протестующие настаивали на том, что сначала нужно решить проблему выборов, а остальное «заработает само»:

О: Я думаю, что требование честных выборов подразумевает под собой какие-то изменения, которые будут улучшать жизнь не только, например, хипстеров, но и пенсионеров и т.д. То есть это же глобальные изменения. Это не просто: «Давайте посадим человека, который сделал что-то одно». Опять же это система. То есть все взаимодействует и все находится в связи. (ж., ок. 1987 г.р., ведущая музыкальной программы на радио, 4 февраля 2012, Санкт-Петербург)

Таким образом, требование «честных выборов» стало объединяющим потому, что оно редуцировало любые общественные проблемы,

¹ Bennet L. The Logic of Connective Action. P. 33.

с которыми сталкивались граждане, как и любые возможные требования, до их порождающей причины: системной дисфункции. Однако такая редукция предполагала отказ от артикуляции специфических требований и проблем в пользу одного общего и объединяющего всех требования, реализация которого воспринималась и как путь к нормализации всей социальной системы (и, таким образом, к решению отдельных проблем), и как способ сохранить единство движения. В результате, несмотря на то что практически каждый протестующий полагал необходимым политическое решение остро стоящих перед российским обществом конкретных и насущных проблем, отказ от специфических требований привел к отказу от артикуляции каких бы то ни было политических пожеланий. Это обрекло движение на отсутствие собственной программы не только «здесь и теперь», но и в будущем.

Показательно, что, хотя протестующие считали, что выполнение требования «честных выборов» наладит механизм политической борьбы по справедливым правилам, эта борьба не мыслилась как инструмент утверждения специфических коллективных идентичностей, социальных интересов и идеологических позиций. Напротив, как отмечали участники протестов, результатом удовлетворения основного требования движения должно было стать не установление какого-либо политического порядка, но обеспечение самой возможности выбирать и тем самым — постоянной смены правителей и режимов, разнообразие которых, а не их идеологические или программные позиции представляет собой ценность *per se*:

...кто-то либерал, кто-то демократ, кто-то коммунист. Во всем этом есть что-то хорошее и что-то плохое. Поэтому важны просто честные выборы, чтобы большинство говорило: сейчас мы хотим коммунизм. Надоед нам коммунизм, стало больше либералов — либерализм. Взяли вот демократы проснулись — демократия. Чтобы просто не было застоя такого. (м., 1985 г.р., высшее образование, геодезист, 4 февраля 2012, Санкт-Петербург)

Следуя анализу Сергея Прозорова, который рассматривал постсоветское общество в терминах установления «мессианского времени» (он

утверждал, что политика Ельцина заключалась в постоянном отыгрывании исторического времени назад к ситуации начала безвременья 1991 и 1993 годов, а политика Путина — в закреплении этого безвременья, итогом чего стало отмирание коллективных идентичностей, идеологий и каких-либо «политических содержаний» эпохи, придающих обществу направление развития), можно было бы сказать, что требование «честных выборов» так и не принесло предчувствия рождения, оформления и триумфа нового коллективного субъекта или новой идеологии. Проект будущего, который стоял за этим требованием, в воображении участников протеста был лишен какого-либо конкретного наполнения: они видели ценность не в установлении того или иного социально-политического порядка, а в обеспечении возможности для установления *любого* порядка, не в конкретной программе решения социальных проблем, а в обеспечении возможности для того, чтобы они решились «сами».

Вместе с тем в эволюции российского протестного движения был момент, когда «выборы» не просто служили метафорой здорового общества, но на время стали реальным механизмом политической конкуренции; этот момент — праймериз в Координационный совет оппозиции. Проблеме артикуляции специфических коллективных идентичностей через механизм идеологического противостояния посвящен последний раздел нашей главы.

Голосование и коллективная идентичность в движении «За честные выборы»

Чтобы продемонстрировать «работу идентичности» на примере политических дебатов и процедуры выборов, мы остановимся на одном из эпизодов движения «За честные выборы» — создании Координационного совета оппозиции (далее — КСО). Впервые о его создании было объявлено на «Марше миллионов» 12 июня 2012 года, выборы же состоялись 20 и 21 октября. Орган был сформирован посредством выборов депутатов из разных блоков — левого, либерального, националистического и общегражданского, в итоге в совет вошло 45 депутатов. Голо-

сование на выборах началось 20 октября: в этот день 50 избирательных участков открылось в России, а также в других странах, включая США, Великобританию, Германию — всего на сайте было зарегистрировано 140 857 человек, 82 153 из них опустили свои электронные бюллетени в электронные урны. Лидеры протеста утверждали, что главные задачи КСО — это, во-первых, добиться перевыборов президента и депутатов Государственной думы и, во-вторых, требовать реализации ряда конкретных реформ — избирательной, судебной и т.д. Организаторы митинга, проводившегося в поддержку КСО, назвали выборы в него *«первыми честными выборами в России»*¹.

Несмотря на все те функции, которые лидеры ДЗЧВ приписывали КСО, само его появление скорее играло роль оживления затухающего на тот момент движения, нежели способствовало возникновению новых форм политической активности: по сути, выборы в КСО стали последним событием в рамках ДЗЧВ, которое привлекло внимание большого количества людей. Однако, как бы то ни было, критерии, на которые участники ДЗЧВ ориентировались при выборе представителей, могут многое сказать о самом движении.

Анализ стратегий голосования привел нас к следующему выводу: как и в случае с выдвижением требований и лозунгов, механизм репрезентации в данном случае задействовал две контрастные логики: с одной стороны, предельно персонализированную, а с другой — нацеленную на воспроизводство абстрактного единства движения и репрезентацию его как целого.

Первую стратегию голосования можно назвать индивидуализированной: ее основной принцип состоял в том, что при выборе в пользу конкретных кандидатов участники движения опирались не на оценку программы последних, а на персональные предпочтения. Стимулом для выбора в пользу тех или иных представителей могли стать личные симпатии и простой факт осведомленности об их деятельности:

¹ Thousands of Russians vote on Opposition Coordination Council // Russia Today, October 21, 2013. URL: <http://rt.com/news/russia-opposition-council-election—865/> (date of access: 30.06.2013). Осенью 2013 года КСО прекратил свое существование, и, поскольку новые выборы так и не были объявлены, судьба этого органа остается неопределенной.

В: А за кого вы собираетесь голосовать?

О1: Я собираюсь голосовать за тех, кто на слуху. Потому что остальных я не знаю...

О1: Ну, короче говоря, за отдельных людей мы с удовольствием.

О2: Не за взгляды, а за людей.

О1: А взгляды они скорректируют в этой тусовке. Если не скорректируют, мы им поможем (*смеется*). (О1: ж. (мать), ок. 1960 г.р., высшее образование, инженер-синоптик; О2: ж. (дочь), ок. 1980 г.р., высшее образование, журналист, 20 октября 2012, Москва)

В этом случае будущие члены КСО должны были репрезентировать участников движения как индивидов, обладающих определенными личными качествами и предпочтениями, а не как обладателей тех или иных социальных интересов или коллективных идентичностей. При том что в некоторых случаях среди стратегий голосования в КСО можно было обнаружить и явно идеологические («Я поддерживаю левый блок, и все» — м., около семидесяти лет, высшее образование, пенсионер, 21 октября 2012, Москва), большое количество наших информантов «персонализировали» политику, рассматривая кандидата не в качестве представителя социальных групп или идеологических фракций, а в качестве индивида, обладающего уникальными персональными особенностями, на оценку которых они и опирались, совершая свой выбор.

Другая стратегия голосования склоняла его участников к выбору тех, кто был способен сплотить движение и привлечь в него новых членов¹. Важно, что здесь, как и в случае первой стратегии, политические взгляды кандидатов отходили на второй план:

О: Я делал пометки каждый раз после дебатов. Ну, я отмечал тех людей, которые способны рассказать о своих идеях красиво, складно, повести за собой толпу, чьи точки зрения... С ними я согласен... и даже те, с которыми я не согласен, например националистические, но те,

¹ О консолидирующей роли КСО подробнее см.: Савельева Н. «Единство разных»: представительство и популизм в движении «За честные выборы!» // Социология власти. 2013. № 4. С. 39—56.

которые способны объединить протест¹. ...Наверное, он [КС] должен заниматься организацией протестных митингов и делать так, чтобы люди разных взглядов не ссорились друг с другом, а выходили и проводили свою повестку дня. (м., ок. 1980 г.р., высшее образование, врач, бухгалтер, 20 октября 2012, Санкт-Петербург)

Если первая стратегия была манифестацией неополитических предпочтений участников движения, благодаря которой в КСО должны были попасть лично симпатичные им люди, то вторая подразумевала, что КСО станет «ядром будущей партии», представляющей не только участников движения, но и тех, кто пока еще не интегрирован в него. Как отметил один из наших информантов, необходимо, «чтобы как-то он выражал интересы всего общества» (м., ок. 1975 г.р., высшее образование, фотограф, преподаватель английского языка, 20 октября 2012, Санкт-Петербург). По мнению участников митингов, возможность такого широкого представительства обеспечивалась в первую очередь максимально разнообразным составом КСО²: «Чем более разношерстным будет КС, тем лучше».

Таким образом, если, согласно первой стратегии голосования, КСО должен был репрезентировать отдельных индивидов — участников движения, то вторая стратегия делала его репрезентантом не столько тех или иных позиций или групп, сколько — определенного метаполитического принципа. Этот принцип заключался в том, что КСО должен представлять всех участников протеста и потенциально — все общество, отражая их внутреннюю разнородность и одновременно — единство. Следуя этой логике, противоречия, будь то противоречия между рядовы-

¹ Дальше этот же информант объясняет (не затрагивая при этом вопроса политических предпочтений), почему ему, например, понравилась Изабель Магкоева и почему он будет за нее голосовать: «...Мне понравилось, во-первых, как она выступала на митинге, как заводила людей, очень экспрессивно. Мне кажется, если она будет представлять тех, кто на нее ходит... И я уверен, что она может повести за собой большую часть».

² Это зафиксировано и в самой процедуре голосования, где участникам предлагалось выбрать не просто одного или нескольких кандидатов из списка, но определенное количество кандидатов из четырех списков, которое никоим образом не соотносится с числом левых, либералов или националистов, представленных в движении.

ми участниками, выходящими на митинг в разных колоннах, или между лидерами движения, должны быть представлены, но в то же время — сняты, поскольку они оказывались второстепенными, а задача объединения и расширения протеста (в тот конкретный момент) — основополагающей. Принцип репрезентации «единства разных» предполагал и даже требовал того, что люди, придерживающиеся разных взглядов, став частью движения или частью КСО, не откажутся от них. Левые не станут правыми, националисты — либералами, социалисты — либертарианцами и т.д. Возможность их совместного действия опиралась на допущение, что они *уже* объединены общими целями, очевидными для всех¹, несмотря на разнообразие их взглядов и политических позиций, и поэтому не предполагала *выработки* общей программы — то есть буквально *создания* чего-то нового. Напротив, все, что требовалось от будущих членов КС, — это способность договариваться друг с другом, чтобы облечь всем и без того очевидные претензии и требования в подходящую форму².

Итак, пример КСО возвращает нас к тому же принципу репрезентации, который мы зафиксировали в случае лозунгов и требований протестного движения. С одной стороны, участники движения, выбирая представителей в соответствии со своими личными предпочтениями, выступили в своем персональном качестве. С другой — принцип «единства разных», нашедший свое отражение во второй стратегии голосования, служил воспроизводству «абстрактной коллективной идентичности» движения, объединяющей всех его реальных и потенциальных участ-

¹ Как отметила одна из информанток: «Я понимаю, что на митинг приходят разные люди и что они будут вести себя по-разному, — я в этом смысле толерантна. Но мне нравится, что люди объединены общей необходимостью почему-то выйти на улицу» (ж., 1957 г.р., высшее образование, журналист, 4 февраля 2012, Париж).

² Как показывает Анкерсмит, идея представленности всех не является чем-то новым. Она берет свое начало в идее компромисса, которая рождается вместе с представительной демократией как таковой. Однако если в XIX веке она была обусловлена реальной необходимостью избежать погружения мира в череду гражданских войн и революций, то в современной России, где подобный накал политических страстей отсутствует, а речь идет к тому же о таком иллюзорном органе, как КСО, она кажется абсурдным политическим рудиментом. Анкерсмит Ф.Р. Репрезентативная демократия: эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. 2004. № 2 (42). С. 17—18.

ников. Однако парадоксальным образом эти противоположные логики являются двумя сторонами одной медали: если в первом случае КСО виделся как набор кандидатов, выбранных по индивидуальным, лично значимым для отдельных избирателей критериям, то во втором случае он репрезентировал движение как целое, составленное из одинаково значимых индивидуальных элементов. Между этими полярными и отражающимися друг в друге принципами репрезентации не нашлось места для представительства специфических коллективных идентичностей, которые могли бы придать движению определенный вектор развития.

Деполитизация и отказ от артикуляции коллективных идентичностей

Будучи участницей движения «Occupy Wall Street», Джоди Дин в то же время критиковала его, называя «фантастическим» лежавший в его основе посыл, согласно которому протестующие должны заботиться, с одной стороны, о неприкосновенности индивидуальной автономии отдельных участников, а с другой — о единстве протестующих, которому угрожает раскол. Для нее подобная политика представлялась абсурдной, поскольку она игнорирует фундаментальную неполноту индивидуальной субъективности и объективные различия между фракциями и группами внутри движения. Иными словами, Дин критиковала идеологию, благодаря которой в зазоре между суверенностью индивидуального атома и монолитом политического единства не оказалось места специфике коллективного. Этот же принцип мы выявили в российском движении «За честные выборы», участники которого сознательно отказывались от артикуляции специфических коллективных идентичностей в пользу, с одной стороны, идентичностей персональных, а с другой — «абстрактной коллективной идентичности», объединяющей ситуативно обусловленное «мы» всех митингующих. Однако если в американском движении этот отказ был продиктован «антирепрезентативной» идеологией, нивелирующей различия политических позиций, «надстроенных» над социальными и культурными группами с присущими им специфическими коллективными идентичностями, то специфика

российского протестного движения состояла в том, что его участники, социализировавшиеся в деполитизированном обществе, испытывали нехватку каких бы то ни было объединяющих принадлежностей, на фоне которой ситуативное единство всех митингующих выступило своеобразным заменителем традиционной политической ассоциации. В американском случае, как показала та же Дин, отказ от артикуляции специфических коллективных идентичностей был следствием *знания собственных социальных и культурных различий и опасения, что их артикуляция приведет к реализации привычного сценария, в рамках которого отдельные группы будут репрезентированы политически и, в итоге, организационно*, что приведет к расколу движения. Поэтому «Оссуру Wall Street» заявило о себе как о движении «антирепрезентативном». Выбор в пользу анонимного единства и индивидуальной свободы в движении «Оссуру» был стратегическим шагом, результатом коллективной рефлексии в условиях кризиса и дискредитации привычных форм политического. В движении «За честные выборы», напротив, отказ от конструирования и артикуляции специфических коллективных идентичностей был следствием деполитизации, происходившей в России в последние десятилетия. Как она повлияла на отказ от самоопределения в социально-политических терминах? Во-первых, стигматизация «политики» вне зависимости от «продвинутости» и демократичности ее форм, сопровождавшаяся инфляцией идеологического дискурса как такового, обусловила не просто нечувствительность к «программным» различиям, но отказ от идеологических дискуссий и их замещение принципами личной симпатии, моральной оценки и «единства разных». Во-вторых, хоть и являясь продуктом появления в российском обществе новых социальных позиций и культурных паттернов, протест не смог, тем не менее, произвести и институционализировать механизмы политической репрезентации, которые были бы основаны на социальных идентичностях, поскольку обратной стороной продолжающейся трансформации социальной структуры является ее незавершенность и, как следствие, неоформленность паттернов самовосприятия в терминах групповой принадлежности. Как верно заключает Александр Бикбов,

мерцающий характер политического и отказ от социального представительства... объективировали коллективное основание [протеста]: зыбкое

чувство социальной принадлежности у самих демонстрантов... предпочитаемое мобилизованным большинством состояние незавершенности/отсрочки делегирования, как и неопределенность чувства социальной принадлежности... превращали демонстрантов в людей без определенных политических и социальных свойств, которые могли быть признаны ими самими настолько, чтобы стать основой для убежденного делегирования и столь же убедительного представительства традиционного толка¹.

Однако какой вывод можно сделать из этого наблюдения? Если Бикбов приветствует эксперименты с нерепрезентативными формами участия, видя в них будущее революционной политики, то мы считаем, что у российских протестов нет никакого будущего без успешной «работы идентичности», которая должна завершиться оформлением чувства принадлежности к специфическому коллективному целому. Поэтому до тех пор, пока российские протесты, явившиеся плодом трансформаций социальных структур и культурных паттернов, не станут механизмом дальнейшего оформления коллективных единиц, предполагающего вызревание специфических коллективных идентичностей, движение будет обречено на перманентный кризис.

Заключение: топтание на месте

Мы начали нашу главу с замечания о том, что протестное движение приводит в движение самое себя и общество в целом за счет производства новых идей, ценностей и идентичностей — того, что Сергей Прозоров назвал «политическим содержанием» начинающегося исторического периода². Именно новизна «политического содержания», поиск и артикуляция новых идентичностей сообщает обществу и общественным движениям определенное видение будущего, тем самым устремляя их вперед. Напротив, деполитизация представляет собой исчезновение из общества «политического содержания», приводящее

¹ Бикбов А. Представительство и самоуполномочение [Электронный ресурс].

² Прозоров С. Второй конец истории: политика бездеятельности от перестройки до Путина [Электронный ресурс].

к обездвиживанию. Прозоров утверждает, что в 1970-е годы и — в особенности — после распада СССР произошел «исход» общества из «сферы политики, основанной на ценностях антагонизма», который «оставил российскую политику с ее собственными делами» и погрузил людей в частную жизнь. Он пишет о «бездеятельном» состоянии общества, обрекшем людей на существование, в котором каждый был редуцирован до «человека вообще»¹. Государство, мобилизуя человека в рамках производства, сообщает ему определенные идентичности, например социoproфессиональные, а антагонистическая политика, поддерживаемая универсалистским историческим проектом, наделяет людей политическими идентичностями, разделяя их на правых и левых, умеренных и радикалов. Иными словами, труд и борьба сообщают человеку идентичности, избыточные по отношению к его изначальному существованию. По мнению Прозорова, деполитизация сделала жизнь людей бездеятельной, лишив их специфических идентичностей, и бесцельной в том смысле, что она утратила горизонт исторического будущего. Он отождествляет испарение из посткоммунистического общества «политического содержания» и его неподвижность: человечность деполитизированных людей состоит уже не в «производстве нового содержания, а в формализованных ритуалах», которые они «неустанно воспроизводят без какого-либо развития или движения вперед»².

Инерция постсоветской деполитизации существенно повлияла на эволюцию российского протестного движения, ослабив его способность к производству коллективной идентичности. Мы увидели дефицит отношения коллективной принадлежности на примере трех репрезентативных форм — лозунгов, требований и стратегий выбора кандидатов в КСО. Лозунги движения представляли разные стратегии саморепрезентации — с их помощью формировались «параидентичности», «негативные идентичности», «мы-здесь-идентичности» и персональные идентичности протеста. Однако в зазоре между двумя доминирующими типами идентификации — персональной и «абстрактной» — так и не появилось специфических коллективных идентичностей, выражающих

¹ Прозоров С. Второй конец истории: политика бездеятельности от перестройки до Путина.

² Там же.

социальные принадлежности или идеологические позиции. Ту же закономерность мы наблюдали в выдвижении требований: участники движения опасались артикуляции конкретных политических и социальных повесток, поскольку последние, будучи, по их мнению, слишком партикулярными, угрожали ситуативно обусловленной «абстрактной коллективной идентичности». Наконец, эта же тенденция имела место в стратегиях голосования в Координационный совет оппозиции. Голосующие в КСО выбирали своих представителей, либо руководствуясь личными симпатиями, либо следуя принципу «единства разных», направленного на сохранение ситуативно обусловленной и абстрактно понимаемой целостности движения. Голосую даже за тех кандидатов, чьи политические предпочтения они не разделяли и не поддерживали, протестующие стремились обеспечить представленность всех лагерей и фракций в репрезентирующем движение органе. Эта репрезентация самого принципа репрезентации вместо специфических интересов и идентичностей стала квинтэссенцией тавтологии политического содержания движения, замещаемого воспроизводством его формы — внезапной солидарности митингующих. В конечном итоге абстрактная общность протестного движения оказалась столь же эффективной в смысле всеохватности аудитории, сколь бессмысленной в плане долговечности движения и его способности к саморазвитию и борьбе за социальные перемены. Тавтологичность движения продемонстрировала его неспособность сдвинуться с места и придать импульс общественным изменениям. Как писал о кризисе движения Илья Бударайтскис, «объединяющее требование “честных выборов” потерпело фиаско, и на протяжении последних месяцев движение существует без всяких видимых ориентиров, а его растерянные лидеры просто плывут по течению»¹. Однако, будучи неспособным осуществить какие-либо институциональные изменения, движение оставило после себя след — политизированную среду и память о самом опыте политизации. Возможно, в будущем эта среда сможет стать плодородной почвой для нового витка политической

¹ Бударайтскис И. Pussy Riot: этика, политика и новые диссиденты? // Полит.ру, 27 августа 2012. URL: <http://polit.ru/article/2012/08/27/ilbdr270812/> (дата обращения 13.01.2014).

мобилизации и рождения нового политического субъекта, способного к последовательной борьбе за социальные и политические перемены.

Библиография

1. Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия: эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. 2004. № 2 (42). С. 15—40.
2. Бикбов А. Представительство и самоуполномочение [Электронный ресурс] // Логос. 2012. № 4. URL: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1362604787331> (дата обращения: 28.01.2014).
3. Будрайтскис И. Pussy Riot: этика, политика и новые диссиденты? [Электронный ресурс] // Полит.ру, 27 августа 2012. URL: <http://polit.ru/article/2012/08/27/ilbdr270812/> (дата обращения 13.01.2014).
4. Бурдые П. Делегирование и политический фетишизм [Электронный ресурс] // Социологическое пространство Пьера Бурдые. URL: <http://bourdieu.name/content/delegirovanie-i-politicheskij-fetishizm—0> (дата обращения: 28.03.2014).
5. Бурдые П. Политическое представление. Элементы теории политического поля [Электронный ресурс] // Социологическое пространство Пьера Бурдые. URL: <http://bourdieu.name/content/politicheskoe-predstavlenie-elementy-teorii-politicheskogo-polja> (дата обращения: 28.03.2014).
6. Вебер В. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью, 2002. 353 с.
7. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.
8. Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 году: истоки, динамика, результаты [Электронный ресурс] // Левада-центр, сентябрь 2012. URL: <http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse—2011—2012-gg> (дата обращения: 10.04.2014).
9. Гофман И. Представляя себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 304 с.
10. Маркс К. 18 Брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1957. Т. 8. С. 115—217.
11. Мид Дж.Г. Азия // Американская социологическая мысль. М: МУБиУ, 1996. С. 225—234.

12. *Прозоров С.* Второй конец истории: политика бездеятельности от перестройки до Путина [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2012. № 2 (82). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/2/p12.html> (дата обращения: 27.02.2014).

13. *Савельева Н.* «Единство разных»: представительство и популизм в движении «За честные выборы!» // Социология власти. 2013. № 4. С. 39—56.

14. *Спивак Г.* Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия. СПб.: ХЦГИ, 2001. С. 649—670.

15. *Bennet L.* The Logic of Connective Action // Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15. № 5. P. 739—768.

16. *Dean J., Jones J.* Occupy Wall Street and the Politics of Representation [Electronic resource] // Chto Delat. In defense of representation. 2012. № 10 (34). URL: <http://chtdelat.org/b8-newspapers/12—38/jodi-dean-and-jason-jones-occupy-wall-street-and-the-politics-of-representation/> (date of access: 28.03.2014).

17. *Frazer N.* Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Social Text. 1990. № 25/26. P. 55—80.

18. *Gerbaudo P.* Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism. London: Pluto Press, 2004. 216 p.

19. *Hardt M., Negri A.* Empire. Cambridge: Harvard University Press, 2001. 479 p.

20. *Hardt M., Negri A.* Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. London: Penguin Books, 2005. 426 p.

21. *Hunt S., Benford R.* Collective Identity, Solidarity, and Commitment // The Blackwell Companion to Social Movements / D. Snow, S. Soule, H. Kriesi (Eds.). Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2004. P. 433—457.

22. *Klandermans B.* The Demand and Supply of Participation: Social-Psychological Correlates of Participation in Social Movements // The Blackwell Companion to Social Movements / D. Snow, S. Soule, H. Kriesi (Eds.). Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2004. P. 360—379.

23. *Melucci A.* The Symbolic Challenge of Contemporary Movements // Social Research. 1985. Vol. 52. № 4. P. 789—815.

24. *Michels R.* Political Parties. New York: Free Press, 1968. 380 p.

25. *Pitkin H.* The Concept of Representation. Oakland, California: University of California Press. 1972. 330 p.

26. *Sewell W.* Historical events as transformations of structures: Inventing revolution at the Bastille // *Theory and Society*. 1996. № 25. P. 841—881.

27. *Snow D.* Collective Identity and Expressive Forms [Electronic resource] // EScholarship, University of California, January, 1, 2004. URL: <https://escholarship.org/uc/item/2zn1t7bj> (date of access: 10.04.2014).

28. *Tarrow S.* Why Occupy Wall Street is Not the Tea Party of the Left. The United States' Long History of Protest [Electronic resource] // *Foreign Affairs*, October 10, 2011. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/136401/sidney-tarrow/why-occupy-wall-street-is-not-the-tea-party-of-the-left> (date of access: 10.04.2013).

29. *Zald M., Ash R.* Social movement organizations: Growth, decay and change // *Social Forces*. 1966. № 44. P. 327—341.

Источники

1. База данных PEPS [Электронный ресурс]. URL: <http://gabowitsch.net/peps-ru/> (дата обращения 10.04.2014).

2. *Воденников Д.* Любовь бессмертная — любовь простая [Электронный ресурс] // Вавилон.ру, URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/avtornik1/vodennikov.html> (дата обращения: 10.04.2014).

3. *Мажаев А.* «Больше нельзя терпеть вранье». Музыкант Олег Нестеров [Электронный ресурс] // Новые Известия, 20 апреля 2012. URL: <http://www.newizv.ru/culture/2012—04—20/162532-muzykant-oleg-nesterov.html> (дата обращения: 10.04.2014).

4. Thousands of Russians vote on Opposition Coordination Council [Electronic resource] // *Russia Today*, October 21, 2013. URL: <http://rt.com/news/russia-opposition-council-election—865/> (date of access: 30.06.2013).

Часть 4
ОТ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ
К АКТИВИСТАМ

Андрей Невский

КРЫМСК 2012: МОБИЛИЗАЦИЯ ВОЛОНТЕРОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТЕСТОВ

Введение

Начавшиеся в декабре 2011 года стихийные протесты не только повлекли за собой массовые выступления в крупных городах России, но и дали импульс развитию новых форм гражданской активности, таких как движение наблюдателей, Координационный совет оппозиции, стихийные протестные лагеря, построенные по аналогии с «Оссури Wall Street»¹. Особняком в этом списке стоит движение волонтеров, заявившее о себе после трагедии на юге Краснодарского края в июле 2012 года.

Включение движения помощи Крымску в исследование общественных инициатив, возникших на волне движения «За честные выборы», обусловлено двумя моментами. Во-первых, в организации сбора гуманитарной помощи и самой поездке в Крымск заметную роль сыграли участники протестного движения, для многих из которых участие в митингах «За честные выборы» было первым политическим опытом. Во-вторых, отличительной чертой этой трагедии стала ее широкая огласка в группах и на публичных страницах протестной направленности в социальных сетях, на ресурсах различных политических и общественных

¹ О некоторых из них, в частности о Координационном совете оппозиции и новых локальных гражданских инициативах, сложившихся на основе движения наблюдателей, можно прочесть в других главах настоящей монографии: Журавлев О., Савельева Н., Алюков М. Куда движется движение: идентичность российского протеста (глава 10); Журавлев О., Савельева Н., Ертылева С. Разобщенность и солидарность в новых российских гражданских движениях (глава 13).

объединений и, как следствие, конфликтный дискурс¹ в интерпретации событий. В этой главе я постараюсь показать, какое влияние общественный подъем 2011—2012 годов и, в частности, движение «За честные выборы» оказали на движение волонтеров в Крымске. Чтобы это понять, необходимо ответить по крайней мере на два вопроса: во-первых, каким образом подача и интерпретация информации о событиях в Крымске протестным сообществом и восприятие такой интерпретации рядовыми волонтерами повлияли на их мобилизацию, насколько важную роль сыграла «конфликтная» трактовка информации; во-вторых, как повлияло на характер волонтерской кампании в Крымске массовое участие в ней активистов движения «За честные выборы» и других общественных и политических инициатив, как ранее существовавших, так и возникших на волне протестов.

Необходимо еще раз уточнить, что далее речь пойдет не о волонтерском движении как таковом — последнее возникло вовсе не в Крымске и включает в себя гораздо более широкий спектр деятельности в различных сферах общественной жизни. В этой главе рассматриваются только причины мобилизации общества в ответ на природную катастрофу и бездействие государства в контексте массового общественного подъема 2011—2012 годов.

Я буду отвечать на поставленные выше вопросы, опираясь на результаты исследования волонтеров, участвовавших в помощи пострадавшим в городе Крымске и станции Нижнебаканской. Исследование включает в себя 20 глубинных биографических интервью, несколько письменных рассказов волонтеров о своем опыте, а также наблюдения самого автора, участвовавшего в ликвидации последствий стихийного бедствия в станции Нижнебаканской. Кроме того, в описании социального состава и политических представлений волонтеров использованы данные анкетного опроса 100 волонтеров, проведенного студентами НИУ-ВШЭ с 22 по

¹ Далее в статье употребляется понятие «конфликтный фрейм». Под конфликтным фреймом я понимаю интерпретативную схему, используемую протестным движением для определения того или иного явления или события как проблемного, нежелательного, несправедливого и помещение этого явления в контекст общественного противостояния.

28 июля в Крымске и Нижнебаканской под руководством Владимира Костюшева¹.

В соответствии с целями исследования я постарался выбирать информантов среди тех, для кого поездка в Крымск стала первым волонтерским опытом или, по крайней мере, не является обычным занятием. Работники различных поисково-спасательных организаций, то есть те, для кого выезд в зоны ЧС является частью профессии, в исследовании не участвовали. Моими информантами стали как полностью «аполитичные» волонтеры, не участвовавшие в протестах или предпочитающие не говорить о своих политических взглядах, так и «протестные активисты» — те, кто принимал участие в движении «За честные выборы» и возникших на его волне общественных инициативах. Кроме того, поскольку данное исследование изначально велось в контексте изучения политизации российского общества после выборов в Государственную думу 2011 года, за рамками опроса остались многие волонтеры, ранее участвовавшие в политических движениях. В случае с Крымском речь идет прежде всего о солидном количестве участников ультраправых, националистических организаций. Особенности их рекрутирования в состав волонтеров, а также их оценка своего пребывания в регионе, где значительную часть населения составляют мусульмане, безусловно, интересны, однако большинство националистов, скорее всего, были политически активны задолго до начала общественных протестов 2011—2012 годов. Их массовое включение в волонтерскую деятельность объясняется, вероятно, трендом на участие националистов в благотворительности, наметившимся несколько лет назад. Здесь можно лишь упомянуть, что только националисты использовали в зоне ЧС политическую символику и, по крайней мере внешне, представляли собой сплоченную политическую силу.

Итак, участниками исследования стали волонтеры, либо совсем не занимавшиеся политической и общественной деятельностью, либо на-

¹ Данные о волонтерах представлены в дипломной работе: *Неверова М.* Политические ориентации членов добровольческих сообществ как участников поля политики РФ. Выпускная квалификационная работа. СПб.: НИУ-ВШЭ, 2013. Рукопись, предоставленная автором.

чавшие заниматься ею в ходе общественных протестов 2011—2012 годов. Ниже я подробно опишу фактологическую составляющую мобилизации волонтеров помощи Крымску: хронологию событий, организацию помощи, социальный состав волонтеров. Затем я рассмотрю влияние информационного фактора на мобилизацию волонтеров с точки зрения теории фреймов в социальных движениях, а также роль протестных активистов в движении помощи Крымску.

Хронология событий и портрет волонтера

Летом 2012 года, когда после двух «Маршей миллионов» в митинговой активности наступило временное затишье, всеобщее внимание переключилось на новое событие — стихийное бедствие обрушилось на Кубань. С 4 июля в регионе начались проливные дожди и в результате выпадения пятимесячной нормы осадков в ночь с 6 на 7 июля вышли из берегов реки Адагум и Баканка на юго-западе Краснодарского края. Были затоплены несколько городов и станиц, жертвами трагедии стали в общей сложности 35 тыс. человек, из них 172, по официальным данным, погибли. Больше всего от наводнения пострадал Крымский район: сам город Крымск, станицы Нижнебаканская, Новомихайловская, Неберджаевская, хутора Армянский и Новоукраинский¹. Официально причинами затопления были названы небывало высокий уровень осадков и низкая водопропускная способность искусственных насыпей и мостов на реке Адагум. Наводнение стало одной из самых популярных тем как в СМИ, так и в социальных сетях. Появилось множество групп для сбора гуманитарной помощи и отправки волонтеров: «Помощь Кубани. Крымск. Новороссийск», «Поможем Кубани», «Правые в помощь Крымску» и др. Как уже говорилось ранее, ни одно стихийное бедствие ни до, ни после Крымска (судя по общественной реакции на наводнение в Амурской области в августе 2013 года) не получало такой огласки.

¹ Подробнее см.: Катастрофический паводок в бассейне р. Адагум 6—7 июля 2012 г. и его причины // Meteoweb.ru, 11 июля 2012. URL: <http://meteoweb.ru/biblio/27.pdf> (дата обращения: 12.11.2013).

Пункты сбора помощи были открыты в Москве практически сразу, уже 7 июля. Через день такой пункт открылся в Санкт-Петербурге в штабе «Наблюдателей Петербурга» по адресу Литейный проспект, 31, а еще через день частный предприниматель предоставил первый транспорт для отправки гуманитарной помощи в район бедствия.

Через несколько дней после начала сбора помощи в зону ЧС отправились первые автобусы с волонтерами (первый автобус из Санкт-Петербурга ушел 13 июля). Всего на месте было организовано несколько лагерей волонтеров, в том числе «Добрый» лагерь и лагерь «Волонтер» в Крымске, «Лагерь свободных волонтеров» в Нижнебаканской. Общепринятое представление о том, что лагеря были поделены между оппозиционерами и активистами прокремлевских движений, скорее не соответствует действительности. В Нижнебаканской основная работа велась по следующим направлениям: сортировка и раздача гуманитарной помощи, расчистка затопленных территорий и домов, поиск мертвых домашних животных по берегам реки Баканки, организация быта волонтеров в лагере, психологическая помощь пострадавшим и разведка. Позднее к этим работам добавились строительство моста через реку, организация лагеря для детей пострадавших и другая деятельность. Всего здесь в течение нескольких недель работали до 250 волонтеров. Результаты исследования НИУ-ВШЭ показывают, что именно волонтеров местные жители называют главным источником помощи в устранении последствий наводнения¹. Последние волонтеры вернулись из Крымска и станицы Новомихайловской в начале сентября 2012 года.

На основании этого же исследования можно определить социальный состав участников волонтерской помощи. Так, распределение между мужчинами и женщинами составило 62 и 38% соответственно. География участников достаточно широка, но сильнее всего оказался представлен Санкт-Петербург — до 45% всех волонтеров приехали в Нижнебаканскую именно оттуда. Можно предположить, что сверхпредставленность жителей Петербурга в лагере волонтеров связана с технически более успешной организацией помощи или с предоставлением бесплатного

¹ Костюшев В. Социология бедствия // Новая газета, 20 августа 2012. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/54030.html> (дата обращения 14.11.2013).

транспорта для всех желающих поехать к месту бедствия. Впрочем, для более полного объяснения этой цифры необходимы дополнительные данные из других городов. Среди волонтеров оказалось много молодежи: 44% составили люди в возрасте от 18 до 25 лет. Что касается занятости волонтеров, 43% из них работали, 41% — учились или совмещали работу с учебой. Стоит отметить, что участники значительно «молодеют» по мере приближения их места жительства к Краснодарскому краю — из близлежащих регионов в зону ЧС приехали в основном студенты. В ответ на вопрос об образовании 34,5% волонтеров указали неоконченное высшее, 34,5% — высшее, 10,3% — среднее.

Серия вопросов в интервью была направлена на то, чтобы выяснить, обладают ли информанты иным опытом волонтерской или благотворительной деятельности. Для всех опрошенных мной волонтеров, кроме одного, поездка в Крымск стала не только первым опытом выезда в зону бедствия, но и первым опытом участия в активистской или благотворительной деятельности как таковой.

Влияние информационного фактора

При анализе того, как была представлена в СМИ и социальных сетях информация о катастрофе и обо всех последовавших за ней событиях, меня интересовало, каким образом различные общественные силы, в первую очередь активисты, интерпретируют данное событие в мобилизованном протестами обществе. Само по себе наводнение не является ни политической, ни социальной проблемой — определяющую роль в его осмыслении играет интерпретативная схема, фрейм, в который помещает его та или иная сторона. Чтобы конституировать проблему как социальную, необходимо, как пишет Виктор Вахштайн, перевести событие на язык существующего социального порядка¹.

В рамках исследования НИУ-ВШЭ собраны данные о степени информированности волонтеров о ходе событий в Крымске и о причинах

¹ Вахштайн В. Фрейм-анализ как политическая теория // Социология власти. 2013. № 4. С. 20.

трагедии. Большинство опрошенных (69%) подтвердили, что достаточно осведомлены о произошедших событиях; при этом 85% назвали антропогенный фактор основной причиной затопления: 54% объяснили произошедшее халатностью местных властей, 31% настаивали на версии, связанной с умышленным спуском воды.

В интервью большинство волонтеров сообщили, что впервые узнали о трагедии из интернета и впоследствии следили за новостями на новостных сайтах и в социальных сетях. На следующее утро после трагедии в блогах появились свидетельства о возможном умышленном сбросе воды из Неберджаевского водохранилища с целью спасти от затопления Новороссийск¹. Эти свидетельства всколыхнули общественность и долгое время являлись основной неофициальной версией произошедшего. Вслед за этим в социальных сетях появилось множество видеозаписей с места событий. На фоне разногласий между МЧС и Следственным комитетом в оценке количества жертв назывались и неофициальные цифры — до 7 тыс. погибших. По мере развития ситуации стали появляться настойчивые свидетельства о давлении на журналистов², желании властей ограничить доступ прессе и волонтерам в район бедствия и заработать на трагедии политический капитал (например, в сети распространялись слухи о том, что грузовики с гуманитарной помощью останавливают под Краснодаром, обклеивают груз наклейками с символикой «Единой России» и пропускают дальше).

Подобные сюжеты возникали и ранее. Многочисленные свидетельства о халатности или злом умысле властей, о преследовании журналистов и возмутительном пиаре партии власти на чужой беде неоднократно становились объектами критики в обществе в прошлом (достаточно вспомнить частые репрессии против гражданских активистов или скандальную постановочную фотосессию руководства «Молодой Гвардии

¹ См., напр.: Пост о причинах трагедии в Крымске (удален автором якобы по причине давления на него) // Эхо Москвы, 8 июля 2012. URL: <http://www.echomsk.spb.ru/blogs/EchoSPB/7075.php> (дата обращения 13.03.2014).

² См., напр.: Крымск: полиция арестовывает волонтеров, неизвестные угрожают журналистке за публикацию информации о трагедии // Автономное действие, 18 июля 2012. URL: <http://avtonom.org/news/krymsk-politsiya-arestovyyet-volonterov-neizvestnye-ugrozhayut-zhurnalistke-za-publikatsiyu-in> (дата обращения 01.03.2014).

Единой России» во время лесных пожаров 2011 года¹). Таким образом, в данном случае мы можем наблюдать помещение нового события (наводнения) в уже существующий повествовательный фрейм, конструируемый протестным движением. Ряд интервью и беседы с волонтерами в ходе поездки подтверждают влияние такой интерпретации событий на решение участвовать в помощи:

Вот когда я прочитала про эти фуры «магнитовские»² — это мне просто мозг взорвало. Я тогда поняла, что как все на самом деле есть — из Питера не узнаешь и по телику не услышишь. Вот поэтому, наверное... (ж., 1976 г.р., высшее образование, безработная, 20 октября 2013, Санкт-Петербург)

И вот там было это видео страшное... Было понятно, что... (*с нажимом*) НЕТ ПОМОЩИ... Что нужна помощь... (ж., 1982 г.р., высшее образование, актриса, фотохудожник, 14 декабря 2013, Санкт-Петербург)

Но, тем не менее, по моему мнению, все, что говорилось по телевизору о количествах жертв, — это ложь! Их не около двухсот человек, а больше тысячи. (ж., ок. 1990 г.р., студентка, 5 марта 2014, Санкт-Петербург)

Произошедшая катастрофа дала старт быстрому формированию мобилизационного фрейма³, компонентами которого стали желание «узнать правду из первых рук», недоверие к официальным властям и запрос на «реальные дела»⁴:

¹ См., напр.: Как «Молодая Гвардия» пожары тушила // Newsland.com. 11 июля 2011. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/736294/> (дата обращения 06.04.2013).

² Имеется в виду слух о том, что большое количество тел погибших в Крыму было вывезено на грузовиках торговой сети «Магнит».

³ Snow D., Benford R. Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. P. 611—639.

⁴ О значении риторики «малых дел» и «реальных дел» для участников ДЗЧВ и гражданских активистов подробнее см. главу 13 в настоящей монографии: Журавлев О., Савельева Н., Ерпылева С. Разобщенность и солидарность в новых российских гражданских движениях.

Многие люди постоянно меня спрашивали, почему я должен быть на стороне оппозиции. Что вы такое сделали? И просто хотелось взять и начать с себя. (ж., ок. 1985 г.р., высшее образование, 23 ноября 2013, Санкт-Петербург)

Общение с волонтерами, как в интервью, так и в ходе наблюдения на месте, показало, что они склонны не доверять официальным властям, причем ни федеральным, ни местным. Чаще всего мне приходилось слышать два типа объяснений подобного недоверия. Во-первых, многие информанты указывали на свое желание увидеть все собственными глазами, проявляя таким образом недоверие как к информации из официальных источников, так и к слухам. Второе объяснение может быть сведено к расхожей фразе «кто, если не мы?», подразумевающей бессилие официальных властей в ликвидации последствий ЧС. Вообще, неверие в способность государства самостоятельно справиться с возникающими проблемами многие социологи считают одной из основных причин возникновения волонтерства. Так, например, американский исследователь Лестер Саламон¹ называет недоверие к государственным структурам одной из причин возникновения «глобальной организационной революции» — бурного роста «третьего сектора» в странах Запада во второй половине XX века. Олег Яницкий также указывает на недоверие как на один из основных факторов в формировании мобилизационного фрейма².

В условиях чрезвычайной ситуации и взаимодействия с представителями местной администрации, силовиками и МЧС сообщество волонтеров показало способность как к сотрудничеству, так и к быстрой мобилизации в конфликтных ситуациях. Причем в последнем случае волонтеры с самыми разными политическими взглядами и опытом продемонстрировали тенденцию к открытому противостоянию с властью

¹ *Salamon L.* The Rise of the Nonprofit Sector // *Foreign Affairs*. 1994. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/50105/lester-m-salamon/the-rise-of-the-nonprofit-sector> (date of access: 10.04.2014).

² *Яницкий О.* Социальные движения и теория фрейминга // *Российское общество социологов*. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=464 (дата обращения 15.11.2013).

и быстрое воспроизводство «конфликтного» фрейма. Так, в станице Нижнебаканской произошел инцидент, вызванный попытками новой временной администрации взять под свой контроль склады с гуманитарной помощью. Среди волонтеров сразу утвердилось мнение, что эти попытки вызваны желанием местных чиновников отчитаться перед губернатором Краснодарского края А. Ткачевым, а гуманитарную помощь будут раздавать под символикой «Единой России». В результате волонтеры установили около главного склада круглосуточное дежурство — до тех пор, пока опасность захвата, по их мнению, не миновала.

Безусловно, влияние «конфликтного» фрейма в интерпретации событий можно рассматривать лишь как один из факторов мобилизации волонтеров. Например, многие информанты, не участвовавшие ранее в волонтерской деятельности, заявили, что не проявляли интереса к политическим новостям вообще и, более того, имели слабое представление о том, что на самом деле произошло в Крыму. Однако «конфликтный» фрейм характерен не только для оппозиционных источников информации — значение в данном случае имеет скорее многократно возросшая готовность общества принять такую интерпретацию.

Вклад «протестных активистов»

Еще один интересующий меня сюжет, связанный с волонтерским движением в Крыму, — участие в организации помощи активистов различных общественных инициатив. Впрочем, любое разделение волонтеров на «политизированных» и «аполитичных» условно: слишком разнятся сами формы вовлечения граждан в политические протесты 2011—2012 годов — от молчаливого одобрения до активного участия в создании и работе протестных инициатив. И все же общий тон волонтерскому движению, по крайней мере на первом этапе, задавали люди, так или иначе вовлеченные в протестную активность. В интервью и письменных отчетах волонтеров часто встречаются утверждения, что основа волонтерского движения — это «вчерашие участники оппозиционных митингов на Болотной и Сахарова, “Окунай Абай”»

и кампании поддержки арестованных участниц «Pussy Riot»»¹. Согласно исследованию, проведенному НИУ-ВШЭ, 14% опрошенных волонтеров участвовали в работе «Наблюдателей Петербурга» и организации «Голос». В интервью многие информанты также подтверждают, что организация помощи пострадавшим с самого начала была тесно связана с группами активистов движения «За честные выборы», даже если сами организаторы не были политически ангажированы:

Очень большое количество координаторов и волонтеров — это «белые ленты». (м., 1983 г.р., высшее образование, политический активист, 3 октября 2013, Воронеж)

Исаакиевская поехала в Крымск, ну и я поехала с ними². Очень многие люди с Исаакиевской поехали... Там весь народ в какой-то степени поддерживал, все эти движения протестные... (ж., 1982 г.р., высшее образование, фотограф, 2 февраля 2013, Санкт-Петербург)

В Санкт-Петербурге сбор гуманитарной помощи был организован в помещении и при участии «Наблюдателей Петербурга» на Литейном проспекте. В Москве одним из организаторов сбора помощи стала Мария Баронова, проходящая обвиняемой по делу «о массовых беспорядках» 6 мая 2012 года. В Воронеже местными активистами, в том числе участниками движения «В защиту Хопра»³, проводилась отправка и координация волонтеров и грузов из этого и других городов. Информация о сборе помощи появилась в нескольких крупных оппозиционных группах в социальных сетях, в первую очередь в сообществе «ВКонтакте» «Помощь Кубани. Крымск. Новороссийск»⁴ — там

¹ Крылов М. Москва—Крымск—Москва: репортаж волонтера // Ньютаймс.ру, 20 июля 2012. URL: <http://www.newtimes.ru/articles/detail/54551> (дата обращения 13.04.2014).

² Имеется в виду протестный лагерь, организованный 8 мая 2012 года на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге.

³ Подробнее об этом движении см. главу 12 в настоящей монографии: Туровец М. Противостояние деполитизации: протест против добычи никеля в Воронежской области.

⁴ Помощь Кубани: Крымск, Новороссийск // ВКонтакте. URL: http://vk.com/krymsk_pomoshch (дата обращения 17.11.2013).

проходила координация сбора помощи, поиск транспорта и набор волонтеров. Сообщения из нее дублировались в другие локальные группы, а информация из них, в свою очередь, размещалась в основной группе. Следует отметить, что эта основная группа, как и некоторые другие, была создана при непосредственном участии активистов движения «За честные выборы». Активисты протестного движения координировали также доставку грузов:

Администраторы координировали связь с Баканкой, Крымском, Геленджиком, выясняли, что нужно везти, находили потерявшихся, помогали собраться вместе волонтерам из разных городов, я с двух телефонных номеров около десяти дней отвечал на звонки и помогал найти водителям фур и встречающим их волонтерам. Были случаи, когда мы просили полицию провести фуру через затор на трассе. (м., 1983 г.р., высшее образование, политический активист, 3 октября 2013, Воронеж)

Кроме того, участие большого количества людей с опытом работы в протестных инициативах предопределило стиль работы волонтерского сообщества, основанный на самоорганизации, самостоятельной постановке целей и принятии решений:

У Исаакиевской же была идеология самоорганизации... Они там придумывали всякие информационные плакаты, как это должно циркулировать. Это все было придумано на Исаакиевской, и все это очень органично вошло в жизнь Литейного. То есть не нужны были люди, которые должны были координировать, кто куда идет и кто чего делает, там все это висело плакатами: хочешь сортировать — сюда, вот список того, что нужно... (ж., 1979 г.р., высшее образование, индивидуальный предприниматель, 15 ноября 2013 года, Санкт-Петербург)

Эта логика продолжала работать и в самой зоне ЧС, где волонтеры в первые две недели полностью перехватили инициативу у местных властей (по крайней мере в станице Нижнебаканской) и работали без оглядки на действия (или бездействие) любых государственных структур во всем, что касалось помощи пострадавшим и организации собственного проживания в зоне ЧС.

Влияние протестных активистов на характер волонтерского сообщества этим не ограничивается. Более полную картину дает анализ непосредственного участия протестных активистов в работе в зоне ЧС и их взаимодействие с другими волонтерами. Определяющую роль в данном случае сыграл их вклад в общий труд и отношение к действовавшим для всех требованиям по распространению информации из зоны ЧС. Прибывшие в зону затопления волонтеры сразу же были предупреждены: вся исходящая информация жестко контролируется, не нужно обсуждать ситуацию с незнакомыми людьми и распространять в интернете неподтвержденные слухи. Координаторы лагеря негативно отзывались об участии волонтеров в митинге оппозиции, намеченном на 15 июля в Крымске. Именно нарушение этих правил, а также демонстративное нежелание работать явилось основной причиной конфликтов между волонтерами:

В один прекрасный день из лагеря выгнали пару блогеров, которые пытались писать по ночам в палатке «скандальные» новости, хотя заранее были предупреждены, что этого делать нельзя. К слову о журналистах, их было много, причем как из крупных изданий, так и типа «гражданский журналист» — последние, кстати, не особо утруждали себя работой. (м., ок. 1982 г.р., высшее образование, спортивный врач, 15 сентября 2012, Санкт-Петербург)

Если судить по ситуации в Нижнебаканской, большинство волонтеров, в том числе оппозиционно настроенных, все же были ориентированы на работу по ликвидации последствий наводнения, а не на участие в местных акциях. Они также не предпринимали попыток какой-либо политической агитации или организации местных жителей для защиты своих интересов, несмотря на бюрократические задержки при выдаче компенсаций и откровенные нарушения в ходе оценки властями ущерба частным домохозяйствам¹.

¹ К похожему выводу приходит автор главы 8 в настоящей монографии: *Матвеев И.* «Две России»: культурная война и конструирование «народа» в ходе протестов 2011—2013 годов.

Часто волонтеры положительно оценивали тот факт, что оппозиционеры работают бок о бок с представителями провластных молодежных организаций. В этом смысле движение помощи Крымску в общих чертах воспроизводит основные тенденции, которые мы могли наблюдать на примере широкого протестного движения зимы—весны 2011/12 года. Его участники также стремятся ограничить влияние политизированных групп на движение и сглаживать противоречия между представителями различных политических течений¹:

У нас был такой момент, что в команде работала девушка-путинистка, парень-националист, имперец и мальчишка-антифашист... Надо было работать, а не выяснять, кто там чего. Символика была запрещена любая в лагере. (ж., 1982 г.р., высшее образование, фотограф, 2 февраля 2013, Санкт-Петербург)

Ну и что, что у него эта татуировка [с военной символикой нацистской Германии]? Я с ним вместе работал, нормальный он парень. (м., ок. 1990 г.р., среднее образование, студент, 18 сентября 2012, Санкт-Петербург)

Итак, организационные возможности широкого протестного движения оказали значительное влияние на масштаб волонтерской помощи Крымску (площадка для сбора гуманитарной помощи, координация, отправка волонтеров). Логика самоорганизации во время сбора гуманитарной помощи и работа протестных активистов, раньше всех приехавших в зону ЧС, определили характер волонтерского сообщества: независимость от местных властей, высокая степень самоорганизации и самостоятельное принятие решений. Тем не менее волонтерское сообщество в целом дистанцировалось и от оппозиционной риторики отдельных протестных активистов, и от политических противоречий, выдвигая на передний план взаимопомощь и необходимость «реальных

¹ Об отсутствии внутренних противоречий и неприязни к политическим движениям участников ДЗЧВ подробнее см.: *Ертылева С., Кулаев М.* Митинги в России 2011—2012 годов: Вернулась ли политика на улицу? (глава 7 настоящей монографии).

дел». Последнее, однако, не мешало волонтерам в ряде случаев оценивать ситуацию и выстраивать свои действия в рамках «конфликтного» фрейма.

Заключение

Мобилизация волонтеров для ликвидации последствий наводнения на Кубани — не первый подобный случай в России. Похожая ситуация складывалась и в 1995 году после землетрясения в Нефтегорске, и в 2010 году в ходе природных пожаров в центральной части России. В последнем случае события также сопровождалось сильным недоверием к действиям официальных властей и ростом оппозиционных настроений. Но в Крымске мобилизация, вызванная природной катастрофой, впервые совпала с политической мобилизацией значительной части российского общества. Точки соприкосновения этих двух явлений я показал в данной главе. Во-первых, мобилизационный фрейм как «нормальная» реакция общества на катастрофу был изначально создан (или вовремя подхвачен) протестным сообществом, что, с одной стороны, сформировало конфликтную интерпретацию событий, а с другой — мобилизовало массу протестных активистов на волонтерскую помощь. Во-вторых, ресурсы (организационные возможности, связи, опыт) протестных активистов сыграли ключевую роль в организации этой помощи. Все это позволило стихийному волонтерскому сообществу на время перехватить инициативу у органов власти. Это сообщество, как пример ситуативной солидарности¹, просуществовало ровно столько, сколько была актуальна проблема затопления.

Тем не менее Крымск — это, несомненно, важный этап в развитии гражданского движения. Активисты ищут способы реализации себя там, где государство перестает работать в силу собственной инертности или

¹ О ситуативной солидарности подробнее см.: *Филиппов А.* Полиция и политика: Гражданское общество и неолиберальное государство [Видеозапись] // Доклад на конференции «ВДНХ-7», Европейский университет в Санкт-Петербурге. СПб., 2013. URL: <http://www.lektorium.tv/lecture/14899> (дата обращения 10.04.2014).

каких-либо структурных причин. Многие люди, ставшие активистами на волне протестов, почти сразу начали искать свое место в гражданском движении — именно это послужило толчком к возникновению движения наблюдателей, «Красивого Петербурга», обучения детей-мигрантов русскому языку и другим инициативам¹. Крымск находится в этом же списке.

Библиография

1. *Вахштайн В.* Фрейм-анализ как политическая теория // Социология власти. 2013. № 4. С. 13—44.
2. *Костюшев В.* Социология бедствия [Электронный ресурс] // Новая Газета, 20 августа 2012. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/54030.html> (дата обращения 14.11.2013).
3. *Неверова М.* Политические ориентации членов добровольческих сообществ как участников поля политики РФ. Выпускная квалификационная работа. СПб.: НИУ-ВШЭ, 2013. Рукопись, предоставленная автором.
4. *Филиппов А.* Полиция и политика: Гражданское общество и неолиберальное государство [Видеозапись] // Доклад на конференции «ВДНХ-7», Европейский университет в Санкт-Петербурге. СПб., 2013. URL: <http://www.lektorium.tv/lecture/14899> (дата обращения 10.04.2014).
5. *Яницкий О.* Социальные движения и теория фрейминга [Электронный ресурс] // Российское общество социологов. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&cid=464 (дата обращения 15.11.2013).
6. *Salamon L.* The Rise of the Nonprofit Sector [Electronic resource] // Foreign Affairs, 1994. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/50105/lester-m-salamon/the-rise-of-the-nonprofit-sector> (date of access: 10.04.2014).
7. *Snow D., Benford R.* Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. P. 611—639.

¹ Подобным инициативам — новым локальным гражданским движениям, сформированным бывшими наблюдателями на выборах в Москве и Санкт-Петербурге, — посвящена 13 глава настоящей монографии: *Журавлев О., Савельева Н., Ерпылева С.* Разобщенность и солидарность в новых российских гражданских движениях.

Источники

1. Как «Молодая Гвардия» пожары тушила [Электронный ресурс] // Newsland.com, 11 июля 2011. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/736294/> (дата обращения 06.04.2013).

2. Катастрофический паводок в бассейне р. Адагум 6—7 июля 2012 года и его причины [Электронный ресурс] // Meteoweb.ru, 11 июля 2012. URL: <http://meteoweb.ru/biblio/27.pdf> (дата обращения: 12.11.2013).

3. Крылов М. Москва — Крымск — Москва: репортаж волонтера [Электронный ресурс] // Ньютаймс.ру, 20 июля 2012. URL: <http://www.newtimes.ru/articles/detail/54551/> (дата обращения 13.04.2014).

4. Крымск: полиция арестовывает волонтеров, неизвестные угрожают журналистке за публикацию информации о трагедии [Электронный ресурс] // Автономное Действие, 18 июля 2012. URL: <http://avtonom.org/news/krymsk-politsiya-arostovyvaet-volonterov-neizvestnye-ugrozhayut-zhurnalistke-za-publikatsiyu-in> (дата обращения 01.03.2014).

5. Помощь Кубани: Крымск, Новороссийск [Электронный ресурс] // Вконтакте. URL: http://vk.com/krymsk_pomoshch (дата обращения 17.11.2013).

6. Пост о причинах трагедии в Крымске (удален автором якобы по причине давления на него) [Электронный ресурс] // Эхо Москвы, 8 июля 2012. URL: <http://www.echomsk.spb.ru/blogs/EchoSPB/7075.php> (дата обращения 13.03.2014).

Мария Туровец

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДЕПОЛИТИЗАЦИИ: ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ ДОБЫЧИ НИКЕЛЯ В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В 2012 году, одновременно с общероссийским протестным движением, развивалось локальное, но во многом более эффективное социально-экологическое движение против медно-никелевых разработок в Воронежской области. Одним из главных показателей его эффективности стала продолжительная мобилизация в российской провинции, которая традиционно считается особенно деполитизированной и апатичной. Митинги против добычи никеля активисты движения организуют¹ в Воронеже, Борисоглебске, Урюпинске, Новохоперске, а также в небольших городах и поселках, таких как Анна, Елань-Колено, Поворино, Михайловская. Для населенных пунктов численностью не больше 70 тыс. человек митинги против добычи никеля собирают беспрецедентно большое количество участников — от 2 до 10 тыс. Кроме того, в то время как общероссийское протестное движение, начиная со своего пика в начале 2012 года, постепенно угасало, антиникелевое сохранило стабильный мобилизационный потенциал. Если совокупность участников митингов за честные выборы можно описать скорее как агрегацию², то антиникелевое движение формирует и мобилизует местное

¹ Протесты против добычи никеля, в отличие от движения «За честные выборы», активно продолжаются, поэтому в отличие от авторов большей части глав данной книги я использую для описания этих протестов настоящее время.

² В соответствии с классификацией Мелуччи признаками агрегации являются ориентация на внешнее, а не на группу, возможность разбить объединение на отдельных индивидов без потери его морфологических свойств. Агрегация выражает только пространственно-временное примыкание. Как правило, такие объединения являются ответом на кризис (*Melucci A. Challenging codes. Collective action in the information age*).

сообщество. Существование высокого уровня солидарности в движении было доказано на практике: так, без внутренней солидарности была бы невозможна спонтанная акция прямого действия 22 июня, в которой приняли участие около 3 тыс. демонстрантов¹.

Если движение «За честные выборы» противостояло явлениям, выраженным в таких абстрактных понятиях, как «коррупция», «нечестность», «произвол властей», то социально-экологическое движение в Воронежской области защищало образ жизни, устоявшийся уклад и, в конечном счете, безопасность местного сообщества². Протест против добычи никеля развивался параллельно с общероссийским протестным движением, в схожем политическом контексте, что определило многие схожие черты двух движений. Так, хотя движение против медно-никелевых разработок по повестке напоминает классическое экологическое движение, в ходе развития оно было дополнено демократическими требованиями³. Основное требование антиникелевого движения — про-

Объединения в состоянии агрегации на митингах за честные выборы наблюдали многие исследователи и публицисты. Это положение доказано также на основе сетевого анализа одной из крупнейших встреч в социальных сетях, посвященной митингу за честные выборы в Москве. Из проанализированной группы численностью 20 тыс. человек 8 тыс. не добавили в друзья ни одного участника того же митинга, что указывает на отсутствие даже интернет-знакомств среди многих протестующих. *Суворов Г.* Общество анонимных революционеров [Электронный ресурс].

¹ Непосредственные участники спонтанной акции говорят о приблизительно 3 тыс. человек. СМИ оценивают количество демонстрантов в диапазоне от нескольких сотен до 3 тыс. человек, ГУ МВД Воронежской области говорят о девятистах собравшихся. Важно, что такое количество демонстрантов на митинге, посвященном локальной проблеме, не может состоять только из «профессиональных» активистов. Под Воронежем прошел митинг против добычи никеля // Русская служба BBC, 27 июля 2013. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2013/07/130721_ru_voronezh_nickel_demo.shtml (дата обращения: 16.11.2013).

² В данном тексте термин «местное сообщество» используется в качестве аналога «community». Как показывают результаты исследования, местное сообщество данного региона как сообщество, объединенное общими знаниями, ценностями и предпочтениями и способное взаимодействовать, формируется благодаря движению против медно-никелевых разработок в Воронежской области.

³ Аналогичные по структуре, составу участников и большей части требований движения развиваются также в Европе. В частности, в Италии были описаны движения, требования которых начались с экологической повестки, а впоследствии переросли

ведение референдума о медно-никелевых разработках среди жителей Воронежской области. Однако, даже если не учитывать требований референдума и адекватного демократического представительства, цель этого протестного движения состоит в возвращении местному сообществу возможности влиять на проекты развития их территорий. По сути, общероссийское движение «За честные выборы» ставило перед собой схожие задачи — возвращения подконтрольности политических процессов гражданам, — но в более широких масштабах.

Движение против добычи никеля в Воронежской области отличается от общероссийского протестного движения недоверием по отношению к формально-демократическим процедурам представительства и требованием защитить будущее людей. По оценкам экспертов, медно-никелевые разработки могут серьезно подорвать экологию региона¹. Это неизбежно разрушит рекреационные ресурсы и сельскохозяйственный потенциал Черноземной зоны, благодаря которому местное население выживало в 1990-х годах, когда государство перестало выполнять многие свои функции. Сельское хозяйство играет большую роль в жизни сообщества до сих пор: при низком уровне зарплат и экономического развития местное население во многом живет за счет подсобного хозяйства. Можно предположить, что относительная успешность движения против добычи никеля определена тем, что оно берется решать «жизненно важный вопрос»². Однако мне это объяснение не кажется достаточным, так как на многих других территориях,

в требования социальной справедливости. Кроме того, участники движения пришли к выработке альтернативных взглядов на прогресс и развитие территорий. *Della Porta D., Gianni P. Voices of the Valley, Voices of the Straits: How Protest Creates Communities. Oxford, New York: Berghahn Books, 2003. 190 p.*

¹ Рубахин К. Ученые выступили против добычи никеля на Хопре // Эхо Москвы, 5 ноября 2013. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/mnog/1191756-echo/> (дата обращения: 16.11.2013).

² Так, рефреном на протяжении всей книги «От обывателей к активистам...» идет утверждение о том, что локальные социальные движения в современной России создают люди, озабоченные «реальными» проблемами. Однако авторы книги упускают из виду процесс наделяния проблемы статусом «реальной» (Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России).

где сравним потенциальный ущерб экологии и образу жизни местного населения (например, в Сочи перед Олимпиадой в 2014 году), протестные движения не складываются. Вот почему, рассмотрев случай движения против добычи никеля, мы можем приблизиться к ответу на вопрос о причинах и условиях возникновения устойчивых протестных движений в контексте деполитизации.

Исследование антиникелевого движения¹ прошло три этапа. Первый этап (вхождение в поле) состоялся через сбор информации о движении, знакомство с ключевыми активистами и последующий анализ полученного материала. В его рамках были взяты пять интервью с ключевыми активистами движения и сделано этнографическое описание антиникелевого митинга. Также был записан митинг, собранный администрацией Новохоперска («За развитие региона», но фактически — за добычу никеля), и краткий опрос четырех участников этого митинга. В ходе второго этапа было взято еще семь полуструктурированных интервью с ключевыми активистами движения, проведено включенное наблюдение антиникелевого митинга и подготовки к нему. Исследование сопровождалось мониторингом публикаций о движении против добычи никеля в общероссийских средствах массовой информации. Третий этап наблюдения и сбора интервью прошел в феврале 2014 года и затронул активистов периферийных инициативных групп — из сел и небольших поселков Воронежской области.

Приоритетными в процессе анализа считались наименее структурированные записи с непосредственного места событий, сделанные с наименьшим вмешательством исследователей. Так, подразумевается, что вес информации в записях митингов больше, чем в дневниках наблюдения; в неструктурированных интервью — больше, чем в полуструктурированных; в неформализованных наблюдениях — больше, чем в формализованных. Все это позволило создать плотное описание конкретного случая успешной самоорганизации гражданского протестного движения.

¹ Исследование протеста против добычи никеля в Воронежской области проводят Инна Силова и Мария Туровец. На данный момент (май 2014 года) исследование продолжается.

Становление движения: условия гражданской солидарности

По свидетельствам респондентов, информация о вреде добычи никеля в Воронежской области распространялась через казачьи группы и форумы еще в 2011 году, после обращенной к президенту просьбы представителя «Норильского никеля» провести конкурс на разработку Еланского и Елкинского месторождений.

Первые пикеты в защиту Хоперского заповедника прошли в Воронеже уже в конце марта 2012 года. В начале апреля сформировавшееся движение «В защиту Хопра» пригласило в Воронеж экоактивистку Евгению Чирикову, чтобы вывести проблему добычи никеля в регионе на федеральный уровень. Весной 2012 года тема добычи никеля звучала также в нескольких резолюциях политических митингов КПРФ и движения «За честные выборы», а за это время, через участие в самых разных по политическим направлениям митингах, успела сформироваться группа гражданских активистов. Эта группа провела первый митинг против добычи никеля 13 мая 2012 года в Борисоглебске; 15 мая митинг против добычи никеля прошел и в Воронеже. Если на митинге в Борисоглебске присутствовало порядка 2—3 тыс. человек, то в Воронеже — порядка 300—400 участников. Впоследствии это соотношение сохранится — небольшие города и поселки, находящиеся в относительной близости к месторождениям (до 120 км), мобилизуются гораздо активнее. Именно за счет жителей глубинки за три весенних месяца группа против добычи никеля в социальной сети «Одноклассники» набрала порядка 50 тыс. участников.

Полноценное развитие движение получило летом того же года. Анти-никелевый митинг в самом начале июня собрал около 5 тыс. участников в Новохоперске (в городе зарегистрировано 6,6 тыс. жителей) и около 10 тыс. в Борисоглебске (население — 63 тыс. человек). На первом массовом антиникелевом митинге лидер движения Валентина Боброва объявила о создании общественного движения «Зеленая лента», которое она и возглавила. Низовое движение нарастало, и перед проведением второго митинга появились стихийные группы, независимые от ядра ключевых активистов, — они по собственной инициативе распростра-

няли информацию о митинге. Однако через некоторое время лидер «Зеленой ленты» своими действиями и заявлениями (все информанты оценивают их как непрофессиональные и резкие) оттолкнула от себя большую часть активистов. Наиболее мотивированные из них стали уделять больше внимания построению горизонтальных связей между инициативными группами в населенных пунктах, где от добычи никеля могло пострадать сельское хозяйство. Митинг против добычи никеля, организованный Валентиной Бобровой в ноябре 2012 года, собрал лишь 400 человек, что создавало у активистов и прессы ощущение упадка движения. Тогда возникла идея создания «гражданской коалиции» — организации, которая будет координировать протестные действия. Предыдущие попытки создать коалицию, в том числе на базе урюпинских гражданских и казачьих организаций, не получили гражданской поддержки, так как, по мнению активистов, сводились к стремлению «возглавить протест». 1 декабря 2012 года в Новохоперске состоялся общий сбор активистов региона; там было решено держать друг с другом постоянную связь посредством рассылок и координировать свои действия. В Борисоглебске гражданскими активистами было создано движение «Стоп Никель», в Новохоперске осталась работать ранее созданная «Инициативная группа жителей Новохоперска против добычи никеля», Урюпинск был представлен двумя казачьими организациями и рядом гражданских активистов; также были представлены другие города и поселки Воронежской, Волгоградской и Тамбовской областей. Движение «В защиту Хопра» занималось координацией информационного освещения деятельности всех групп, научным сопровождением (была проведена предварительная научная оценка целесообразности разработки Еланского и Елkinsкого месторождений) и взаимодействием с природоохранными организациями, органами власти, Общественной палатой РФ. Позднее борисоглебские гражданские активисты перформировали для демократической координации движение «Стоп Никель», куда вошли активисты самой разной направленности. В 2013 году митинги снова стали насчитывать по несколько тысяч участников.

Руководство в движении «Стоп Никель» осуществляется учредительным и координационным органами. В первый входят ключевые

активисты движения против добычи никеля, которые коллегиально принимают основные решения о развитии движения, например о проведении митингов. Все учредители знакомы между собой, хотя принадлежат к разным социальным группам и слоям, причем связи между многими из них появились только благодаря активизму в антиникелевом движении, еще до реорганизации «Стоп Никель». В интервью активисты противопоставляют протестное движение, основанное на дружеских связях, партиям и властям и описывают связи в движении как более гибкие и эффективные.

Координационный орган является исполнительным, то есть там дорабатываются детали уже принятых решений.

В координационный совет входят общественные организации города, обычные граждане, уличкомы, то есть любой человек может войти. Сейчас мы уже насчитываем более 50 человек и несколько общественных организаций. А с присоединением урюпинских общественных организаций и общественников, я даже не знаю, это более ста, наверное. (м., 1963 г.р., высшее образование, фермер, активист «Стоп Никель», 11 марта 2013, Борисоглебск)

Совет учредителей выбирает председателя движения, который выполняет представительские функции и может говорить от лица движения. Председатель же занимает свой пост не более трех месяцев. Необходимость частой ротации председателя активисты движения объясняют потребностью в сотрудничестве самых разных «харизматичных личностей». Выборная должность председателя движения позволяет преодолеть амбиции отдельных людей и направить их энергию на достижение общих целей, а значит, позволяет более эффективно координировать движение.

Если не брать Валентину Боброву, то все остальные, например, от своего кресла лидера отказывались самостоятельно. Просили того человека. То есть не было у нас этого: «Да не, я буду возглавлять, я буду возглавлять». Был когда-то этот человек, был когда-то этот человек, был

когда-то этот человек. (м., 1967 г.р., высшее образование, журналист, активист «Стоп Никель», 11 марта 2013 года, Борисоглебск-Прихоперск)

Председатель выбирается в соответствии с текущими задачами движения. Например, когда был установлен пост охраны на месте предполагаемого месторождения и активисты оценивали развитие ситуации как близкое к силовому столкновению с дежурившими там охранниками, председателем выбрали казачьего атамана.

Кроме того, постоянная смена лидера обусловлена практическими организационными соображениями:

Председателя назначать или выбирать (опять же, учредители выбирают) не более чем на три месяца. Во-первых, это дает возможность человеку с новыми силами приступить к работе, полностью выложиться, затем эстафету перенимает другой человек, который привносит что-то новое. И постоянно такое движение, новая кровь. Это дало довольно-таки хороший результат. (м., 1963 г.р., высшее образование, фермер, активист «Стоп Никель», 11 марта 2013, Борисоглебск)

Координационный совет движения состоит из активистов любых организаций, которые пожелают вступить в движение «Стоп Никель». Как правило, одно объединение (зарегистрированное или незарегистрированное) представляет его лидер.

В марте 2013 года координационный совет насчитывал более 50 человек. Для принятия важных решений, таких, например, как выбор резолюции митинга, собирается конференция, состоящая из всех участников координационного совета и активистов других объединений протестного движения. Решение о проведении митингов в Борисоглебске принимается советом учредителей «Стоп Никель», демонстрации в других городах и поселках организуются местными инициативными группами. На конференциях распределяется организационная работа по подготовке митингов или других мероприятий протестного движения и ведется протокол, куда вносятся принятые решения.

Таким образом, протестное движение по принципу грибницы объединяет множество организаций, как с развитой формальной структу-

рой, так и руководимые одним лидером; как относительно многочисленные, так и небольшие деревенские инициативные группы. Все группы контактируют друг с другом посредством социальных сетей, рассылки, а также поддерживают эмоциональную связь через личные встречи. Активисты декларируют, что протестное движение децентрализовано, лишено внутренних иерархий, основано на взаимопомощи и личных связях. Эти качества движения указываются как преимущества перед партийными организациями и «Зеленой лентой», а само движение информанты называют «федерацией» или «гражданской коалицией». Тем не менее у такого способа самоорганизации отмечаются и недостатки:

У нас совершенно нецентрализованное движение. Мы пытаемся как-то. У нас постоянно проблемы из-за того, что мы децентрализованы. И бывает, что и заявления делаем, потом отзываем их из-за того, что там каких-то подписей нет. (м., 1969 г.р., электрик, блогер, активист движения «Стоп Никель», 11 марта 2013, Борисоглебск)

Параллельно с движением «Стоп Никель» функционируют другие большие группы, которые могут принимать участие в совещаниях «Стоп Никель», но могут проводить и свои мероприятия, куда также приглашаются представители других групп и движений. На сегодня действует самостоятельная группа в Урюпинске (наряду с входящими в «Стоп Никель» казаками и гражданскими активистами Урюпинска), инициативная группа жителей Новохоперска, большая Воронежская группа.

Координация осуществляется через рассылку по электронной почте, а также на местных форумах. Информирование активистов и всех интересующихся антиникелевым движением происходит через социальные сети (в посвященной проблеме группе в «Одноклассниках» состоит более 60 тыс. человек, в группе «ВКонтакте» — более 15 тыс. человек), а также через портал «Борисоглебск-онлайн».

Низовые антиникелевые инициативы не всегда координируются организацией «Стоп Никель». Так, активисты организации ничего не знали об антиникелевых лозунгах на «Марше миллионов» в Москве. С инициативой представить антиникелевую тематику на московских митингах выступили жители Елань-Колено.

Идентичности участников движения:
территориальная идентичность, архаичная утопия
и постколониальный национализм

Поддержание непрерывности протестного движения невозможно без объединения частных идентичностей через символы протеста. Учитывая то, что идентичности каждой отдельной группы сами являются сложносоставными и относительными, требуется сформировать сложный механизм их согласования.

Основной идентичностью участников движения, связывающей все остальные, можно назвать *территориальную* идентичность. Вынужденно или добровольно, участники движения в наибольшей степени определяют себя как жителей определенной территории. При этом вынужденная идентичность («мы не можем отсюда уехать», «нам некуда больше бежать», «мы не можем оставить свою землю») соседствует с гордостью за «свой край», «чернозем», Борисоглебск (он определяется как «активный город», как исторический казачий центр, где «особый менталитет»). Закономерно, что к вынужденной идентификации с территорией прибегают активисты, обладающие небольшим финансовым и социальным капиталом, а о гордости за свой край говорят обеспеченные активисты и носители казачьей идентичности. Активисты с казачьей идентичностью подчеркивают, что протестное движение выявляет «настоящих» казаков (тех, которые «за народ», «вступятся за братьев») и «ненастоящих», стремящихся в первую очередь выслужиться («лишь бы патриарха охранять»).

Кроме того, у активистов движения наметилась более широкая идентичность, основанная на колониальной метафоре:

Это проблема довольно-таки глубокая. И перво-наперво вопрос надо такой ставить: зачем здесь добывать никель, если еще в Норильске можно добывать несколько десятков лет? Это раз. Знаете о том, что в Канаде тоже?.. И один процент населения составляют индейцы. Вот индейцы сказали «Нет», один процент сказал «нет». И никакой добычи там нет и не будет. (ж., 1975 г.р., частный предприниматель,

активист «Стоп Никель», ответственная за связи с общественностью в движении, 10 марта 2013, Борисоглебск)

... На самом деле, я потом изучал этот вопрос, дело в том, что в конституциях цивилизованных стран везде есть такое — аборигены решают, разрабатывать или не разрабатывать. Все решает местное население, аборигены, в общем. Как вот мы здесь живем, мы считаем себя аборигенами. Как там — индейцы. (м., высшее образование, юрист, активист движения «Стоп Никель», член казачьей организации, 22 июля 2013 года, Борисоглебск)

С одной стороны, многие протестующие с казачьей идентичностью проводят параллели между своим положением и положением колонизированных народов. Они также воспроизводят основные черты националистического дискурса, пусть и с некоторыми оговорками. Так, казачество определяется ими как отдельная нация или, в компромиссной форме, «субэтнос», идентичность строится на родословной («крови»), декларируется приверженность земле, на которой жили предки. Некоторые протестующие допускают ксенофобские высказывания относительно «других» (как правило, соседних наций с преимущественно исламским вероисповеданием). С другой стороны, государство-«колонизатор» негласно определяется ими как «нецивилизованное» и противопоставляется «цивилизованному» государствам Запада. При этом «цивилизованность» западных стран в дискурсе участников протеста становится сущностной чертой, а история борьбы коренных народов за свои права не учитывается или игнорируется. Подобные сожжения о «плохом колонизаторе» характерны также для постсоветских государств Средней Азии¹.

¹ «Эта двойственность ярко прослеживается в общении профессора Дэв (она индийского происхождения) с одним из казахских собеседников. В ответ на ее рассуждения о том, как индийская националистическая элита использовала свое британское образование для критики англичан, казах воскликнул: "Да, вам, индийцам, выпала удача быть колонизируемыми англичанами, но посмотрите, кто колонизировал нас!" Дэв продолжает: "Красноречивая тирада этого человека сводилась не к осуждению колониального гнета как такового, но к выражению горького разочарования в том, что советское государство

В то время как активисты мыслят колониальными метафорами, в общероссийских СМИ описания движения не слишком далеки от ориентализма.

Жители, готовые ложиться под технику, чтобы защитить Прихоперье, уверены: компания их поселения уничтожит. Находящийся в больнице Игорь Житнев убежден, что от родного Новохоперска ничего не останется, его поглотит промышленная добыча никеля. Впрочем, *чем сейчас богат маленький уютный город, Житнев объяснить не смог.* Женщина, пришедшая навестить Житнева, сказала, что люди в Новохоперске живут огородами, пасут коз, вяжут пуховые платки. *И менять этот образ жизни не желают*¹.

Референдум рассматривается как наиболее цивилизованный способ разрешить конфликт, что сложился между экологами и компанией УГМК [предприятием, выигравшим тендер на разработку]. С другой стороны, эта форма принятия решения как раз предусматривает, что *победит та сторона, которая будет громче всех агитировать, а не та, что будет располагать разумными аргументами*².

Жители Прихоперья изображаются иррациональными людьми, склонными к противодействию инициативам со стороны власти, но не вполне представляющими свои собственные интересы, то есть *не совсем разумными*. В интерпретации большей части общероссийских изданий³

так и не выполнило взятых на себя обещаний. Вся ответственность за провал чаяний и упований, связанных с современностью и прогрессом, возлагалась на империю" (цит. по: *Адамс Л.* Применима ли постколониальная теория к центральной Азии? // Неприкосновенный запас. 2009. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/am5-pr.html> (дата обращения 16.11.2013)).

¹ *Никольская П.* Рыцари в никелевых доспехах // Лента.ру, 7 мая 2013. URL: <http://lenta.ru/articles/2013/05/17/hoper> (дата обращения 16.11.2013).

² *Борисов Н.* Примут с сохой, оставят с ГОКом. Ч. 2. // Русская планета, 5 апреля 2013. URL: <http://rusplt.ru/articles/region/protivninki-dobichi-nikela-trebuut-referendum.html> (дата обращения 16.11.2013).

³ Нейтральной можно назвать статью о событиях 22 июня в газете «Аргументы и факты»: *Озин И.* Народный бунт. Противники добычи никеля сожгли лагерь геологов

жители Воронежской области недостаточно компетентны для вынесения рациональных суждений о своей жизни, а следовательно, ими легко манипулировать на референдуме. По сути, такие публикации ставят под сомнение возможность реальной, а не формальной демократии в «архаичной» провинции. Наиболее ярко такая логика была продемонстрирована в статье Юлии Латыниной, где, так же как и в большинстве других статей, не рассмотрены аргументы самих протестующих. Для последних компоненты натурального хозяйства в их жизни и наличие продуктов сельского хозяйства являются показателем качества жизни:

O1: Буквально, ребят, я немножко в другое русло. Буквально реплика. У нас все тут говорят, что «вы тут нищета, голь перекатная, вы тут не хотите никеля». А я им всегда говорю: «Ребята, я еще не знаю, кто из нас богаче. Вы имеете...»

O2: ...Вы имеете бабло, но что вы едите! А мы чистый огурец со своего огорода, липовый мед за сто рублей за пол-литровую банку...

O1: ...Малинку со своей грядки.

O2: Малинку с грядки. Так что кто из нас еще богаче, это вопрос.

O1: Может, это смешно, конечно. И мы, может, не хотим современности, но нам так нравится. ...Еще большой вопрос, кто из нас богаче, кто беднее. (O2 — один из председателей движения «Стоп Никель», O1 — активист движения, казак)

Многие активисты в качестве своих увлечений называют рыбалку, которая будет невозможна в случае загрязнения рек. У большей части опрошенных с сельским хозяйством связан основной источник заработка. Кроме того, для активистов движения, как и для сообщества, которое их поддерживает, сельское хозяйство означает безопасность и относительную независимость от государства.

Определение ситуации как «захват земель» провоцирует усиление восприятия себя в качестве «защитников родной земли» у активистов с казачьей идентичностью. Особенность этой идентичности заключа-

под Воронежем // Аргументы и факты, 23 июня 2013. URL: <http://www.aif.ru/crime/44544> (дата обращения 16.11.2013). Протесты освещаются с точки зрения самих протестующих только одной журналисткой из «Новой газеты».

ется в декларируемой независимости от «крепостнических» практик государства, в основанной на военной подготовке солидарности, готовности к боевым действиям. Как заметил один из ключевых гражданских активистов, казацки объединения, благодаря своему архаизирующему характеру, как нельзя лучше подходят для акций прямого действия.

В стремлении создать непротиворечивую идентичность, сочетая антигосударственную направленность казачества и невозможность действовать вне государства, активисты-казаки наделяют УГМК чертами захватчика, «государства в государстве», а свою деятельность связывают с сетью патриотических символов. Так, эти активисты проводят параллели с началом Второй мировой войны и акцией прямого действия 22 июня 2013 года, а поле, где была проведена акция, называют Куликовым (в честь начальника полиции)¹. Хотя патриотический дискурс более выражен у активистов с казацкой идентичностью, риторику защиты родной земли поддерживает большая часть опрошенных активистов движения.

Деполитизация как часть системы российской власти

Далеко не все теории политизации пригодны для описания данного протестного движения. Так, описание деполитизации как предпочтения индивидуальной свободы коллективным обязательствам² имеет определенные ограничения для ряда случаев, в том числе для описания мобилизации в небольших городах и сельской местности. Трудно заподозрить жителей сел и недавних колхозников в неолиберальном индивидуализме, однако, по свидетельствам информантов, традиционные для сел коллективные установки также не сыграли роли в политизации сообщества. Скорее можно говорить о том, что в данном случае при принятии решения об участии в движении в меньшей степени учитывались ценности и в большей — несколько более грубые стимулы. Так, все без исключения информанты говорят о практиках, называемых

¹ Della Porta D., Gianni P. *Voices of the Valley, Voices of the Straits: How Protest Creates Communities*.

² Журавлев О., Савельева Н., Ерылева С. Разобщенность и солидарность в новых российских гражданских движениях (глава 13 настоящей монографии).

«административным давлением» или использованием «административного ресурса». При этом «административное давление» далеко не ограничивается пределами местных администраций. Как о части их жизни с начала протеста активисты говорят о провокациях с целью возбуждения уголовных дел, об открытых и завуалированных угрозах, о шантаже или клевете по телефону, о попытках лишить их работы даже вне государственного сектора. Таким образом, при мобилизующей угрозе потери основного источника благосостояния — плодородной земли — неучастие в движении становится рациональным выбором для большинства жителей небольших городов и сел Воронежской области.

Вот почему в данном случае деполитизация, следствием которой становится аполитичность населения, скорее подходит под описание теории сословной социальной структуры России¹. Эта теория предполагает, что «население России можно представить в виде официально закреплённого набора групп-сословий»; принадлежность гражданина к каждому из них определяется государством, то есть внешним образом. На этом основании сочетания типа дохода и его источника выделяются такие сословия, как «власть» (государственные служащие и служивые сословия — армия, полиция и проч.), «народ» (обслуживающие сословия, включая бюджетников, пенсионеров, работающих по найму), «активные граждане» (предприниматели и творческие работники), «маргиналы» (мигранты, солдаты-срочники, лица без определенного места жительства и др.). «Народ» в данном случае не является субъектом, выбирающим политическую или правовую систему страны, но существует скорее в качестве объекта контроля и управления со стороны «власти», которая купирует «зачатки самостоятельности, до предела сужая возможности нестандартного выбора»².

На мой взгляд, данная теория достаточно адекватно описывает общую структуру деполитизации, воспроизводящей, во-первых, навязанную государством сословную социальную структуру общества, а во-вторых, пассивную и регламентированную роль «народа». «Власть»

¹ Дехант Д., Моляренко О., Кондорский С. Сословные компоненты социальной структуры России // Отечественные записки. 2012. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/soslovnye-komponenty-socialnoy-struktury-rossii> (дата обращения: 16.11.2013).

² Там же.

соребнуется за внимание «народа» на выборах, последний же рассматривается как инструмент легитимации власти. Эту социальную теорию с некоторыми дополнениями вполне можно экстраполировать на микрофизику политики. Так, множество фактически не действующих политических институтов устанавливают рутину избирательных процессов, однако их административная рутина вместе с неформальной системой клик направлена на то, чтобы исключить возможность появления новых политических сил и любого нестандартного политического выбора¹. В свете этой теории тезис Михаила Восленского: советское общество сходно по структуре с архаичным обществом Древнего Египта — выглядит свежим и актуальным. Ведь истоки социального устройства современного российского общества (а значит, и механизмов гегемонии) лежат еще в социальной структуре Советского Союза.

Однако недостаток теории сословной социальной структуры российского общества состоит в эссенциализации «народа»:

Народ рассматривается как инструмент легитимации власти. Для такого народа естественно стремление к рутинизации жизни, превращению ее в последовательность нерелексируемых стереотипов. ...При любом варианте такого выбора воплощаются чаяния народа, его стремление избавиться от свободы, самостоятельных решений и страха перед не вошедшими в традицию процедурами².

В какой-то момент социальная группа «народ», которую выделяют авторы, теряет даже воображаемые кавычки и сливается с застарелыми стереотипами, много раз воспроизведенными «либеральной интеллигенцией». Чтобы избежать такой исследовательской ловушки, следует помнить, насколько условной, вынужденной и разнородной является эта категория угнетенных. Невозможно в такой большой социальной группе выделить только один «характер». Гораздо более вероятно, что среди выделенного по типу и источникам дохода «народа» есть активные

¹ Кынев А. «Партия власти» как партия // Неприкосновенный запас. 2013. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/1/k6.html> (дата обращения: 16.11.2013).

² Дехант Д., Моляренко О., Кордонский С. Сословные компоненты социальной структуры России [Электронный ресурс].

и инициативные люди, которым, как правило, не хватает ресурсов для преодоления административных препятствий и проявления инициативы, из-за чего механизм вынужденной деполитизации не получает от угнетенных отпора.

Подобные механизмы деполитизации вне указанной теории описывались в материалах группы исследователей ИС РАН¹. По мнению авторов, в российских условиях недостаток доверия сочетается с дефицитом легитимности институционального порядка. В то время как не удовлетворяется потребность в самостоятельно организованной институциональной среде, регулируемой недвусмысленными правилами, общество находится в зависимости от произвольной интерпретации гражданских прав со стороны властных институтов. Для функционирования индивидов и общества в условиях непрозрачных и слабых институтов создаются неформальные сети клик². Однако клики, компенсирующие неэффективность институтов, заинтересованы в наличии этих институтов и их слабости ради собственного существования в виде своеобразной «институциональной подпорки». Но подчинение институциональных отношений неформальным связям приводит к увеличению замкнутости сетей, а значит, препятствует установлению прозрачных и универсальных правил. Например, клики в органах власти поддерживают социальную структуру, подобную «кастовому обществу»³. При такой социальной структуре партийные и формально демократические институты утрачивают свои непосредственные функции регулярного обновления политического курса, хотя и продолжают функционировать. Такие формальные политические институты создаются директивными методами и препятствуют возникновению и развитию реально действующих институтов «снизу»⁴. Кроме того, в приведенной теории не учитывается

¹ Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2007. Вып. 6. С. 301—318.

² Патрушев С.В. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // Полис. 2011. № 6. С. 120—132.

³ Леденева А. Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост)советская корпоративность? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/resc/1997/4/ProEtContra_1997_4_07.htm (дата обращения: 16.11.2013).

⁴ Кынев А. «Партия власти» как партия [Электронный ресурс].

влияние «активных граждан» на «народ», хотя это влияние вполне может существовать.

Таким образом, под *деполитизацией* в данном исследовании понимается сочетание дискурсивных приемов и административных мер, приводящих к *аполитичности* граждан, то есть к их пассивности и конформизму, вынужденным или принятым за норму. Деполитизация поддерживается гегемонным дискурсом, а ее проведение в жизнь — различными неформальными управленческими методами, от мер «административного давления» и разных степеней принуждения до незаконных действий в ходе избирательных, следственных и других процессов.

Противостояние дискурсу и практикам деполитизации

Движение против добычи никеля в Воронежской области возникло в контексте патрон-клиентских отношений, хотя было от них относительно свободно. Для противостояния им движение само в некотором роде стало политическим институтом, преодолевая взаимозависимые отношения клик в местной власти и населения, которые информанты обозначают терминами «административный ресурс», «крепостное право», «развитой феодализм». Когда такие отношения на низовом уровне заменяют формальные демократические процедуры (например, голосование за нужного местным властям кандидата проходит с привлечением «административного ресурса» в виде коррумпированных избирательных комиссий или принуждения к голосованию), тем самым создаются и поддерживаются пассивность и аполитичность населения. Ведь если потенциальные избиратели уверены, что нужный кандидат будет выбран с помощью «административного ресурса», у них нет причин изучать политические программы партий, формировать свои взгляды или голосовать. Таким образом, деполитизация приводит к аполитичному, то есть пассивному и конформному сознанию и поведению граждан.

Вы понимаете, на выборах почему так происходит? Потому что есть пассивность народа. Люди пассивны. Некоторые говорят: «Что туда ходить? Все равно выберут того, кого они решили». Нет, это немножко

другая ситуация. Сейчас немножко другая. (м., 1963 г.р., высшее образование, фермер, активист «Стоп Никель», 11 марта 2013, Борисоглебск)

Да, действительно, это очень нужное движение [«За честные выборы»]. И на самом деле становление гражданского общества. Но, наверное, сейчас оно как раз и есть становление гражданского общества. Люди наконец-то почувствовали, что крепостное право все-таки отменено. (м., 1963 г.р., высшее образование, фермер, активист «Стоп Никель», 22 июля 2013, Борисоглебск)

В результате даже в случае появления ответственных политиков, стремящихся решить насущные вопросы местного сообщества, апатичность не исчезает в одночасье. По словам активистов, требуется трудная и упорная работа по преодолению инерции и пассивности, иначе деполитизирующая структура полностью подчиняет действия отдельных акторов. Так как влияние неформальных связей, на которых основаны патрон-клиентские отношения, ограничено определенной территорией, для их преодоления создается географическое «разделение труда». Обладающие необходимым опытом и навыками активисты из более крупных населенных пунктов организуют протестную деятельность в небольших городах и поселках.

Потому что понимаете как, Новохоперск без нашей поддержки, без более или менее крупного города... тяжело им там, тяжело. Феодализм он есть феодализм, что там говорить. ...Суть в чем, в Новохоперске есть значительное число людей, которые активно выступают. Но, к сожалению, у этих людей нет опыта организационного никакого. ...Все медийные проблемы лежат на Борисоглебске однозначно. То есть снять, показать, написать, выложить в «Одноклассниках» и так далее — это лежит на Борисоглебске. Да и финансово мы, что уж там темнить, имеем возможность где-то подпереть их там. Ну и людьми, естественно, и так далее.... Они там рядом живут, где-то в передних окопах сидят, а мы там артиллерию собой изображаем, связь там. То есть разделение какое-то. (м., 1968 г.р., высшее образование, бывший депутат городской Думы

Борисоглебска, директор предприятия, активист «Стоп Никель»,
9 марта 2013, Борисоглебск)

Среди более образованных активистов распространена метафора «развитого феодализма», указывающая на патрон-клиентские отношения, сложившиеся и продолжающие существовать после распада Советского Союза. Благодаря действию активистов протестного движения разрывается «порочный круг», в котором у жителей небольших населенных пунктов нет ресурсов и опыта для общественной и политической деятельности (ведь такому опыту неоткуда взяться). Кроме того, давление местных властей и «теневых сетей» зачастую вынуждает деревенских активистов оставлять активизм¹, однако в ситуации, когда активистские сети протестного движения поддерживают деревенских активистов в Воронежской области, последние получают возможность оставаться активными, не меняя места жительства. Так формируются самостоятельные местные сообщества, внутри них увеличивается взаимное доверие, а значит, усиливается потенциал их действия. Формальная организация протестного движения, легальные действия, поддержка в местных и центральных СМИ также действуют на увеличение доверия в атмосфере привычной гражданской и политической апатии за пределами крупных населенных пунктов.

Деполитизация также поддерживается дискурсивным механизмом, который более или менее подробно описан во множестве исследований². Так, на основе политической теории Рансьера³ можно разделить деполитизацию в российском политическом дискурсе на приемы архи-, пара- и метаполитики. Метаполитика означает сведение политической

¹ Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя // Центр ГРАНИ. URL: <http://grany-center.org/content/nonpolitic> (дата обращения: 26.10.2013).

² Одно из самых интересных исследований, описывающих структуру российского гегемонного дискурса с точки зрения теории политики Рансьера: Casula P. Sovereign Democracy, Populism, and Depoliticization in Russia Power and Discourse During Putin's First Presidency // Problems of Post-Communism. 2013. Vol. 60. № 3. P. 6—10.

³ Подробнее о данной интерпретации Рансьера см.: Девятков А.В., Макарычев А.С. Деполитизированная Россия: внутренние и внешние грани трансформации власти // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 1. С. 5—19.

логики к внешнеполитической, например когда государство пытается легитимировать политические действия в экономических терминах. Так, российские запреты на ввоз грузинского вина, польской говядины и др. не раз оказывались ответами на политические действия, хотя описывались исключительно как санитарные или экономические меры. Парapolитика стремится деантагонизировать политику как набор оппозиционных требований и сообщество инакомыслящих, приравняв политические категории к объективным, социально-политическим («полицейским», по Рансьеру). Рансьер определяет парapolитику как задачу «превратить действующих лиц и формы действия политического спора в части и формы распределения полицейского механизма... Демос тогда... становится одной из сторон политического конфликта, отождествляемого с конфликтом по поводу занятия командных постов в государстве»¹.

На примере российского политического режима деантагонизация может проявляться в стремлении включить в правящий класс видных лидеров оппозиции ценой отказа от их антагонистических требований. Точно так же в программы российских партий включаются и правые, и левые требования, которые в развитых политических системах должны противопоставляться. Это вредит не только основополагающему политическому антагонизму, но и логике программных документов. Другой прием деполитизации, описанный у Славоя Жижека, был назван ультраполитикой. Ультраполитика — возведение в крайность оппозиции «друг/враг», когда политические оппоненты, готовые к мирному взаимодействию с властью, не признаются в качестве полноправных субъектов диалога, но переводятся в разряд врагов или внешних сил. К ультраполитике можно отнести такие факты, когда представители власти относят российскую оппозицию к «пятой колонне», «иностранным агентам», представляющим интересы других стран. Пара-, мета- и ультраполитика обычно действуют вместе с археapolитикой, тенденцией конструировать традиционную, закрытую органическую общность без разногласий, разрывов и трещин. Иными словами, археapolитика — это создание образа вечного, неизменного, солидарно мыслящего «воображаемого сообщества», которое не нуждается в политике в силу своей идеальной природы.

¹ Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. С. 109.

Механизмы российского гегемонного дискурса, как правило, исследуются на материале официальных выступлений президента России и политиков, документов партий. Однако те же самые механизмы деполитизации воспроизводятся на всех уровнях власти: на уровне региональных режимов, муниципальных руководителей и подчиненных.

Политическая система, основанная на неформальных связях, непрозрачных правилах и негласных запретах, поддерживается репрессиями.

Мы никогда не знали. А в Елань-Колено, а в селе Красное вот Любава Константиновна, она (точно не помню имя)... Ее ведь уволили с работы. Она директор клуба. Когда она начала против говорить все это, ее выгнали просто с работы. Она восстанавливалась по суду и продолжает, представляете?! (м., 1963 г.р., высшее образование, фермер, активист «Стоп Никель», 10 марта 2013, Борисоглебск)

Активисты движения, работающие журналистами, говорят о негласном запрете на освещение темы на федеральных телеканалах и об угрозах увольнением за съемку антиникелевых митингов. Также активисты предполагают, что священника, освятившего охранный крест около медно-никелевых месторождений без санкции епархии, перевели из Борисоглебска в село. Таким образом, по версии активистов, центр власти поддерживает свой священный статус, а церковь выстраивает свою «властную вертикаль».

Некоторые виды того же деполитизирующего дискурса, что и в «высокой» политике, можно выделить в выступлениях и репликах на организованном администрацией Новохоперска митинге «за развитие региона» (то есть за разработку медно-никелевых месторождений). Самым распространенным приемом выступающих и собеседников из районной администрации стало не проговариваемое прямо отнесение антиникелевых активистов к «чужой команде». Так, женщина — координатор группы пришедших на митинг «бюджетников» несколько раз повторяет антиникелевым активистам: *«Борисоглебцам здесь вообще делать нечего»*. Эту дискурсивную тактику можно отнести к ультраполитике, так как устанавливается антагонизм с «внешним» сообществом «купленных», «московских пиарщиков» или даже «борисоглебцев»,

что в итоге означает принадлежность к «чужой команде». Кроме выступавших на митинге ораторов, эту тактику применяли многие журналисты, пристрастно освещавшие антиникелевое движение. По свидетельствам активистов, такой риторике придерживаются все слои региональной власти.

С политической точки зрения областную администрацию можно понять, поскольку все они назначаются президентом. И самое главное для любого главы — районного центра, сельской администрации, — чтобы на территории его деятельности было спокойно, что больше всего интересовало и интересует Кремль до сегодняшнего момента. Поэтому все, начиная от Петрова и заканчивая Гордеевым... почему эта тема эксплуатируется? Потому что хотят доказать, что у нас тихо, а все, что здесь происходит, — это разжигается волгоградцами, белоленточниками — кем угодно, только не местными жителями. У нас же тем более тут Брагин начал активно эксплуатировать тему, что «у нас здесь на Хопре никаких проблем с местным населением нет, и если есть, это подкупленные госдепом, “Норильским никелем”». То есть полтора года они утверждали, что нас кто-то подкупил, а до сих пор не могут все-таки определиться, кто же подкупил. (м., 1969 г.р., высшее образование, юрист, активист «Стоп Никель» и казачьего объединения, 22 июля 2013, Борисоглебск)

К парapolитике можно отнести и требование «нормального диалога» от представителей районной администрации, когда те сталкиваются с активистами лицом к лицу. К «нормальному диалогу» в интерпретации местных властей не относятся митинги и демонстрации. Это требование звучит с заведомо выигрышных властных позиций, но в нем имплицитно заложено обвинение протестующих в неоправданной ангажированности.

Как и в случаях мобилизации «административного ресурса», о целях провластных митингов зачастую не говорится открыто. В соответствии с неформальными «правилами игры» цели митинга интуитивно понятны его организаторам и многим участникам, но политический смысл без знания контекста часто неясен. Так, жители Новохоперска советовались с антиникелевыми активистами о том, нужно ли ходить на

провластный митинг за социальное и экономическое развитие региона, не понимая актуального смысла этого митинга. В таких случаях антиникелевые активисты выступают в качестве экспертов-«толкователей», разъясняющих политический смысл мероприятий администрации.

Нередко так же дело обстоит и с содержанием плакатов на провластных митингах. Смысл надписей не всегда могут объяснить те, кто их держит, еще меньше он ясен наблюдателям со стороны. Понять смысл лозунгов и плакатов на провластных митингах можно только через их сопоставление с речами ораторов и текущей политической повесткой в данном регионе. Однако можно лишь догадываться о степени неосведомленности участников провластных митингов, так как внешнему наблюдателю трудно интерпретировать ответы участников и отличить в них незнание от сознательного умолчания.

В силу своего зависимого положения участники провластных митингов являются не столько политическими субъектами, сколько объектами политики. Так, опрошенные участники митинга за развитие региона не могли объяснить ни смысл принесенных с собой плакатов, ни речей выступавших. Использование работников государственных учреждений (учителей, журналистов) в интересах районных властей, в том числе для дискредитации оппозиционных политиков, отмечают и активисты «Стоп Никель».

Можно предположить, что подобная политическая объективация интериоризируется, и зависимые от местных властей группы ощущают себя только политическим ресурсом, не имеющим полномочий для вынесения суждений и самостоятельных политических действий. Такое положение дел антиникелевые активисты описывают через метафору «крепостного права» или «развитого феодализма»¹.

Под действием клиент-патронских отношений (мобилизации «административного ресурса») митинги становятся слабым институтом,

¹ То, что политические институты, основанные на неформальных связях, поддерживаются соответствующим уровнем знания населения, подтверждают опросы. Так, по результатам исследования ФОМ за 2005 год, больше половины населения России не знает основных положений Конституции. Например, 55% опрошенных назвали источником власти и суверенитета президента. *Патрушев С.В., Хлопин А.Д.* Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России.

который сохраняет свою форму, но наполняется совершенно другим содержанием, размытым неформальными связями и практиками. Ценности и ожидания, лежащие в основе тоже неформального, но публичного института митингов, разрушаются неформальными практиками клиентистского, приватного типа точно так же, как и другие политические институты, поэтому публичная политическая речь теряет здесь свою дискурсивную силу. Другими словами, когда исполнение политиком обещаний никто не контролирует, тот может обещать что угодно и даже «доказать» поддержку местного населения митингом подневольных бюджетников.

О1: Гордеев со своим легендарным (это наш губернатор)... со своим легендарным этим заявлением, что «я не допущу эти работы». Он до этого три или четыре месяца вообще игнорировал это движение, хотя уже направлялось к нему достаточно бумаги на тот момент. Он выступил с этим заявлением.

В: Что не допустит разработок?

О1: Да, без воли народа, без поддержки местного населения.

О2: Но впервые в его заявлении со стороны пресс-службы администрации Воронежской области была использована тема, что это пришлое, что политики раздувают здесь на Хопре про политическую нестабильность. (О1 — м., 1967 г.р., высшее образование, бывший госслужащий, активист «Стоп Никель»; О2 — м., 1969 г.р., высшее образование, юрист, активист «Стоп Никель» и казачьего объединения, 22 июля 2013, Борисоглебск)

Если политические деятели не несут никакой ответственности за содержание речи перед избирателями, но при этом важен сам факт наличия обращения, возможны (и ненаказуемы) случаи откровенного подлога, о которых говорят респонденты:

Я, конечно, понимаю, что скорее всего по просьбе области, но тем не менее депутаты Новохоперской местной Думы обратились к губернатору с просьбой рассмотреть вопрос. Народ офигел. Видишь, как красиво губернатор от себя отвел это подальше. Типа, ну вы там, на месте, обратитесь, что вы хотите разработки. (м., 1968 г.р., высшее образование,

бывший депутат городской Думы Борисоглебска, директор предприятия, активист «Стоп Никель», 9 марта 2013, Борисоглебск)

Хотя в личных беседах активисты признают, что протестное движение связано с «политикой», они играют на поле доминирующего дискурса по его правилам. Поэтому, если доминирующий дискурс (который поддерживают не только местные власти, но и местные жители) определяет «политику» как нечто принудительное, безответственное и манипулятивное, активисты не могут открыто декларировать противоположное мнение. В противном случае их неправильно поймет население, к которому они обращаются. «Политике», которую активисты связывают с принуждением и произвольным применением законов, противопоставляется добровольное участие в антиникелевом движении:

У нас же никакой — ни партийной дисциплины, у нас все правда, объединение на самом деле против никеля. И поэтому это движение очень серьезное. То есть любое предательство... как, знаешь, сейчас там собрали от администрации какой-то митинг, они голову нагнули и пришли, да. Здесь же никого не заставляют, ни одного. (м., 1972 г.р., высшее образование, журналист, активист «Стоп Никель», 10 марта 2013, Борисоглебск)

И дискурс деполитизации, и репрессивные практики, с которыми столкнулись активисты антиникелевого движения, довольно типичны и для других регионов. Однако по мере развития движения были найдены способы противостояния деполитизации и преодоления аполитичности, чем особенно ценно изучение данного случая.

Похожие по форме протестные движения в настоящее время распространены и в европейских странах. В политологии и политической социологии такие движения еще не описаны достаточно подробно, но они занимают промежуточное положение между такими широко известными формами, как социальное движение и группа влияния¹. В том числе из-за неустойчивого политического характера подобных движений

¹ Della Porta D., Gianni P. Voices of the Valley, Voices of the Straits: How Protest Creates Communities.

исследователи часто говорят о кризисе политического в Европе. Парадоксально, но, как показало движение против никеля в Воронежской области, в российском контексте такие движения могут содействовать возвращению настоящей, а не имитационной политики.

Хотя активисты избегают применять слово «политика» по отношению к протестному движению, это движение создает то «несогласие», которое Рансьер считает основой феномена политики¹. Однако важно то, что несогласие, создаваемое движением, поддержано также знанием и опытом, а значит, может конкурировать с властными экспертными знаниями. По свидетельствам активистов, движение «Стоп Никель» не могло быть эффективным без их организационного опыта и навыков в правозащите, работе некоммерческого сектора и вообще в политике.

С «рынком» [некоммерческой организацией, защищающей права работников Борисоглебского рынка] мы начали сотрудничать — это был 2008 или девятый. 2009 год, наверное, был. Сотрудничать начали по одной простой причине. Им там тарифы стали повышать, как, впрочем, и тарифы ЖКХ. А я в то время был в КПРФ руководителем штаба протестного движения. (м., 1968 г.р., высшее образование, бывший депутат городской Думы Борисоглебска, директор предприятия, активист «Стоп Никель», 9 марта 2013, Борисоглебск)

В некоторых случаях активисты подтверждают заключение о том, что протестные движения не только мобилизуют ресурсы, но и создают их. В первую очередь это касается ресурсов социального капитала. Так, многие активисты говорят о том, что до вовлечения в протестное движение не были знакомы друг с другом, а значит, не могли организовывать сети взаимопомощи и коммуникации. Если общение активистов друг с другом начиналось в интернете и социальных сетях, то к началу исследования социальные связи укрепились и стали более личными. Многие респонденты отмечали, что смогут взаимодействовать с другими активистами даже в случае отключения интернета. Связи активистов и сторонников движения, образованные в ходе протеста, создают со-

¹ Рансьер Ж. Несогласие. Политика и философия.

общество (community) как сплоченную группу, желающую и способную нести ответственность за определенную территорию.

Под влиянием протестного движения также создаются знания. Так, в сентябре 2013 года в Новохоперске участники протестного движения организовали форум, посвященный созданию гражданской стратегии устойчивого развития, — «Черноземье 21»¹. В ноябре такой же форум прошел в Воронеже. Семинары с правозащитниками и научные лекции постоянно иницируются наиболее образованными активистами. Создание и распространение экспертного знания среди участников протеста помогает преодолевать ощущение некомпетентности и неспособности формировать определенное мнение по жизненно важным для активистов вопросам.

Экспертное и обыденное знание в движении

Для установления взаимного доверия в движении общее знание так же важно, как и общие ценности. Однако научное знание и знание, на основании которого принимают решения, довольно сильно различаются. Как отметил Ульрих Бек, само по себе научно-техническое знание обладает существенными изъянами и малоприменимо для расчета рисков местного сообщества от того или иного производства:

Наука «фиксирует» риски, население их «воспринимает». Разница между тем и другим указывает на меру «иррационализма» и враждебности к технике. В делении мира на сведущих и невежественных отражается и образ общественности. «Иррационализм» «игнорирования» восприятия рисков обществом заключается в том, что в глазах технократов большинство населения ведет себя как студенты первого курса инженерного факультета или и того хуже. Они невежественны, но готовы к услугам, старательны, но ни о чем не подозревают. [С точки

¹ Форум устойчивого развития Прихоперья «Черноземье-21» состоялся в Новохоперске // Движение в защиту Хопра. URL: <http://savekhoper.ru/?p=2837> (дата обращения: 16.11.2013).

зрения технократов,] население сплошь состоит из тех, кто хотел бы стать инженером, но не обладает для этого достаточными знаниями. Остается напичкать его техническими подробностями, и оно (население) присоединится к точке зрения и оценкам экспертов о технической управляемости и безопасности рисков. Протесты, страхи, критика, сопротивление общественности — это всего лишь проблема недостаточной информированности¹.

Исследователь, рассчитывающий экологические риски на основе абстрактных теорий, как правило, не будет «воспринимать» их своим каждодневным существованием. Поэтому позиция такого ученого, а тем более спонсируемого капиталом эксперта по определению безответственна. В то же время местное сообщество не имеет права на ошибку, ведь ошибка в расчетах отразится на теле, доходах и образе жизни каждого жителя. Местное сообщество получает риски, тогда как «люди воздуха», ученые и владельцы предприятий, получают прибыль от этих рисков. В своих расчетах местные жители учитывают не только и не столько технические данные (выводы лабораторных экспериментов о вреде или пользе различных химических веществ, технологии их добычи и т.д.), сколько социальный контекст и подобные случаи. Например, если существуют способы относительно безопасной добычи полезных ископаемых, но эти методы обходятся дороже, добывающие компании редко их используют. Реакции представителей местного сообщества, особенно в отсутствие механизмов влияния на политику властей и добывающих компаний, часто воспринимаются как «иррациональные», хотя и основаны на более точных расчетах издержек.

Уже давно появились более современные социологические теории взаимодействия общества и технологий, однако теория Ульриха Бека все еще звучит как актуальная критика федеральных средств массовой информации, освещающих антиникелевое движение. Все основные федеральные СМИ (за исключением материалов одной журналистки из «Новой газеты») так или иначе противопоставляют «иррационализм»

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

и приверженность архаическому укладу местного сообщества «рациональности» местной власти и добывающего предприятия.

В СМИ проблема сопротивления местного сообщества политике наращивания инвестиций за счет качества жизни местного сообщества рассматривается как чисто информационная проблема местных жителей, выраженная в недопонимании стратегий власти или отрицании прогресса и промышленности. Сообщество показывается наивно-архаичным, упорствующим в своем устаревшем укладе только из-за незнания и приверженности консервативным ценностям. Некоторые репортажи об антиникелевом движении¹ даже содержат мнения о том, что экологические знания активистов антиникелевого движения ограничены предрассудками. В основе этого положения лежит имплицитное убеждение: «настоящее» знание есть только у экспертов и ученых, а антиникелевый протест вырос исключительно из игнорирования местной администрацией просвещенческой работы с населением. Однако опрошенные активисты непротиворечиво излагают научные теории, на которых основаны их расчеты экологических рисков. Более того, они рассказали о нескольких «низовых» источниках знания, на которые опираются протестные практики. Например, источником знания об опасностях разработки медно-никелевых месторождений стали рассказы людей, еще в СССР получивших квартиры в Борисоглебске за трудовой стаж в Норильске:

Вот есть у нас на рынке женщины, которые жили в Норильске. Они убежали оттуда от никеля, понимаете, они прибежали сюда — на Черноземье. Они никогда здесь не жили. Они просто уехали, им надоела красная вода, красное небо, красный воздух и пыль красная. Они приехали сюда и теперь говорят: «Ну что ж такое! От чего мы убежали, к тому мы и пришли». (м., 1968 г.р., высшее образование, бывший депутат городской Думы Борисоглебска, директор предприятия, активист «Стоп Никель», 9 марта 2013, Борисоглебск)

¹ Латынина Ю. Бунт // Новая газета, 8 июля 2013. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/58955.html> (дата обращения 16.11.2013).

Благодаря интернету активисты узнают о состоянии сообществ там, где УГМК ведет свою деятельность, и проецируют сложившуюся ситуацию на свои собственные сообщества:

Если придет сюда УГМК, это не только воздух и землю они заберут у нас, они будут здесь полноправными хозяевами. Если просто зайти на уральские форумы, в ту же Верхнюю Пышву, например, я заходил, посмотрел: у них все, что ни случилось бы в городе, они знают, какие группы там, типа чуть ли не бандитские, кто на кого работает, кто кого отмазал, кто за кого убил. То есть там смотришь — такое ощущение, девяностые годы. У нас такого нет, не было до сих пор. Вот сейчас мы чувствуем, что у нас уже все переворачивается. Администрация становится на их сторону жестко, в нашу сторону совершенно не смотрит — в сторону народа. И люди это почувствовали. (м., 1969 г.р., электрик, блогер, активист движения «Стоп Никель», 11 марта 2013, Борисоглебск)

Знание активистов не является только бытовым — оно опирается и на экспертные мнения. В декабре 2012 года движение «В защиту Хопра» на специальных слушаниях в Общественной палате РФ представило научную оценку проекта разработки медно-кобальтово-никелевых месторождений в Новохоперском районе¹, сделанную при участии ученых РАН, МГУ и других институций. А наиболее активно ссылаются на мнения директора Института водных проблем Российской академии наук Виктора Данилова-Данильяна и его коллег.

Таким образом, высказанные активистами аргументы против разработки медно-никелевых месторождений в Воронежской области опираются как на научные оценки предполагаемого вреда, так и на свидетельства очевидцев аналогичных разработок. Кроме мнений научных экспертов, приводятся продуманные аргументы из сферы экологии (неизбежное загрязнение рек, засоление почвы, опасность от сопутствующих добыче никеля веществ и металлов) и социальной политики (возможный наплыв мигрантов и неместных специалистов, тяжелая криминогенная ситуация в областях добычи ископаемых УГМК), цитируются свидетельства очевидцев из Норильска, наблюдав-

¹ См.: Научная оценка. http://savekhopor.ru/?page_id=1319 (дата обращения 20.04.14).

ших последствия добычи никеля. Кроме того, активисты опасаются, что разработка никеля и загрязнение почв приведет к уязвимости региона перед государством и корпорациями. Вненаучные аргументы против разработок, такие как объяснения уфологов или божественная воля, также встречаются в словах участников протеста, но не в речи ключевых активистов, принимающих решения в движении.

Гораздо более размыты и невняты мнения сторонников добычи никеля:

В: То есть вы за добычу никеля?

О: Ну за, против — мы прежде всего должны за экологическое развитие района.

В: А, так за экологическое или за добычу никеля?

О: Ну экологическое, за добычу никеля. Так вот, чтобы это не вредило, шло это на пользу, а не во вред людям. Разные точки зрения. Наверное, должны об этом не раз еще сказать специалисты в своей области, ученые. Ну как бы вот так (*пауза*). А уж если мы в области этой ничего не смыслим или едва ли знаем физику, да, то как говорить однозначно: мы за или против. Наверное, я не думаю, что и руководство района, и области, и страны. То есть именно да, если будет производиться добыча никеля, то, наверное, экологически чистым методом, чтобы не вредило ни людям, ни природе. Как бы такая точка зрения. (Участник митинга за развитие региона, организованного администрацией Новохоперска)

Мобилизованные при помощи «административного ресурса» опрошенные участники провластных митингов в ходе опроса ни разу не высказали своего мнения о проблеме добычи никеля — они скорее были склонны делегировать право на экспертное знание властям. Иными словами, как уже было сказано выше, они являлись скорее объектами, нежели субъектами политики.

Преодоление аполитичности в протестном движении

Благодаря движению против медно-никелевых разработок в регионе начало складываться местное сообщество (*community*), способное фор-

мировать независимое мнение о политике местных властей, а в случае необходимости политической мобилизации организовываться и солидарно действовать. Активистские сети, охватывающие множество небольших населенных пунктов, распространяют эффективный организационный опыт и информацию, защищая этим низовых активистов от репрессий местной власти, принуждения и «феодалных» патрон-клиентских отношений.

Создание и сохранение экспертного знания, подтверждающего эмпирические догадки сторонников движения, позволяет как активистам, так и сочувствующим протесту местным жителям отстаивать свою точку зрения и осознавать свои способности к суждению. Так как противостояние с добывающей компанией и администрацией сопровождается противостоянием ангажированному экспертному знанию, сохранение и формирование экспертного знания, поддерживающего аргументацию протестующих, важно для противодействия характерным для неолиберальной экономики взглядам на местных жителей как недостаточно компетентных, малоинформированных, введенных в заблуждение и неспособных к демократическому принятию решений.

Важную роль в противостоянии деполитизации и преодолении аполитичности играет территориальная идентичность участников протеста. Каждый из них идентифицирует себя с местной территорией, на которую рассчитывает в долгосрочных планах, которую планирует передать детям. Аргументы о защите окружающей среды у активистов соседствуют с патриотической риторикой, а у активистов с казачьей идентичностью — с идеализацией архаичных казачьих традиций. Однако «патриотизм места», который выражают активисты, в данном случае совпадает с «патриотизмом государства». Даже активисты, рассматривающие государство как высшую ценность, считают решение о добыче никеля в Черноземной зоне государственной изменой. Другими словами, нельзя сказать, что это протестное движение становится выражением местного консерватизма или синдрома «только не в моем дворе» (not in my backyard syndrome, NIMBY).

Гегемонный дискурс деполитизации, который с незначительными изменениями транслируется и на федеральном, и на региональных уровнях, в случае движения против добычи никеля во многом дошел

до абсурда, например маркируя активистов из соседнего города как «чужую команду». Поэтому активистам легче сформулировать ответы на вызовы местной власти. Хотя некоторые дискурсивные ловушки, такие как неприятие слова «политика» и институциональный популизм, все еще присутствуют в протестном движении, активисты видят неэффективность конвенциональных действий, предписываемых доминирующим дискурсом, и все чаще отказываются от них. За время наблюдения взгляды активистов заметно радикализировались, хотя они не отказываются от легальных действий.

Укорененность в местном сообществе является одновременно сильной и слабой стороной движения. Например, репрессии в отношении активистов этого движения, хотя и возможны, не могут существенно повлиять на непрерывность протеста, благодаря возможности заменять руководителей движения. Так как местное сообщество активно поддерживает движение, в акции 22 июня 2013 года участвовало около 3 тыс. человек, и несколько местных полицейских просто не имели возможности их задержать. Кроме того, репрессиям невозможно подвергнуть и отдельных активистов: требовать их освобождения будет значительное количество местных жителей. А значит, этот протест, основанный на подсчете вероятности рисков для местного населения в случае начала медно-никелевых разработок, неизбежно добьется уступок со стороны власти, хотя в случае разрушения движения из-за усиления репрессий эти уступки могут быть чисто декларативными.

И сила, и слабость этого движения в том, что узость требований и тесные связи с местным сообществом не дают возможности расширения требований до политических. По большому счету, причина протеста находится в системе «вертикали власти», то есть в устранении механизмов местного самоуправления и рычагов влияния гражданского общества на власть в 2000-х годах. Однако из неготовности большинства активистов и сторонников движения связывать его с «политикой» неизбежно вытекает ограниченность движения определенной территорией.

Хотя общероссийское движение за честные выборы и движение против добычи никеля в Воронежской области различаются по целям, географии и составу участников, можно предположить, что появление этих протестных движений является признаком формирования со-

циокультурного раскола в российском обществе. Оба движения, хотя и развивались совершенно разными путями, пришли к противостоянию системе патрон-клиентских отношений, ставших в обоих случаях основой для деполитизации и авторитарной мобилизации.

Библиография

1. *Адамс Л.* Применима ли постколониальная теория к центральной Азии? [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/am5-pr.html> (дата обращения 16.11.2013).
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. *Девятков А.В., Макарычев А.С.* Деполитизированная Россия: внутренние и внешние грани трансформации власти // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 1. С. 5—19.
4. *Дехант Д., Моляренко О., Кордонский С.* Сословные компоненты социальной структуры России [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2012. № 1. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/soslovnye-komponenty-socialnoy-struktury-rossii> (дата обращения: 16.11.2013).
5. *Клеман К., Демидов А., Мирясова О.* От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 680 с.
6. *Кынев А.* «Партия власти» как партия [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2013. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/1/k6.html> (дата обращения: 16.11.2013).
7. *Леденева А.* Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост-)советская корпоративность? [Электронный ресурс] // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_07.htm (дата обращения: 16.11.2013).
8. *Патрушев С.В.* Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // Полис. 2011. № 6. С. 120—132.
9. *Патрушев С.В., Хлопин А.Д.* Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2007. Вып. 6. С. 301—318.

10. *Рансвер Ж.* Несогласие. Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. 190 с.

11. Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя [Электронный ресурс] // Центр ГРАНИ. URL: <http://grany-center.org/content/nonpolitical> (дата обращения: 26.10.2013).

12. *Суворов Г.* Общество анонимных революционеров [Электронный ресурс] // Слон.ру, 20 марта 2012. URL: http://slon.ru/russia/obshchestvo_anonimnykh_revolyutsionerov-765700.xhtml (дата обращения: 16.11.2013).

13. *Casula P.* Sovereign Democracy, Populism, and Depoliticization in Russia Power and Discourse During Putin's First Presidency // Problems of Post-Communism. 2013. Vol. 60. № 3. P. 6—10.

14. *Della Porta D., Gianni P.* Voices of the Valley, Voices of the Straits: How Protest Creates Communities. Oxford, New York: Berghahn Books, 2003. 190 p.

15. *Melucci A.* Challenging codes. Collective action in the information age. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1996. 456 p.

Источники

1. *Борисов Н.* Примут с сохой, оставят с ГОКом. Ч. 2. [Электронный ресурс] // Русская планета, 5 апреля 2013. URL: <http://rusplt.ru/articles/region/protivniki-dobichi-nikela-trebuut-referendum.html> (дата обращения 16.11.2013).

2. *Латынина Ю.* Бунт [Электронный ресурс] // Новая газета, 8 июля 2013. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/58955.html> (дата обращения 16.11.2013).

3. *Никольская П.* Рыцари в никелевых доспехах [Электронный ресурс] // Лента.ру, 7 мая 2013. URL: <http://lenta.ru/articles/2013/05/17/hoper> (дата обращения 16.11.2013).

4. *Озин И.* Народный бунт. Противники добычи никеля сожгли лагерь геологов под Воронежем [Электронный ресурс] // Аргументы и факты, 23 июня 2013. URL: <http://www.aif.ru/crime/44544> (дата обращения 16.11.2013).

5. Под Воронежем прошел митинг против добычи никеля [Электронный ресурс] // Русская служба BBC, 27 июля 2013. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2013/07/130721_rn_voronezh_nickel_demo.shtml (дата обращения: 16.11.2013).

6. *Рубахин К.* Ученые выступили против добычи никеля на Хопре [Электронный ресурс] // Эхо Москвы, 5 ноября 2013. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/mnog/1191756-echo/> (дата обращения: 16.11.2013).

7. Форум устойчивого развития Прихоперья «Черноземье-21» состоялся в Новохоперске [Электронный ресурс] // Движение в защиту Хопра. URL: <http://savekhoper.ru/?p=2857> (дата обращения: 16.11.2013).

8. О местном форуме 14—15.09.2013 [Электронный ресурс] // Сайт «Черноземье 21». URL: <http://chernozem21.ru/festival> (дата обращения: 20.04.2014).

9. Материалы комплексной экспертной оценки целесообразности и возможных последствий планируемых разработок медно-никелевых месторождений в Воронежской области [Электронный ресурс] // http://savekhoper.ru/?page_id=1319 (дата обращения: 20.04.2014).

Олег Журавлев,
Наталья Савельева,
Светлана Ерпылева

РАЗОБЩЕННОСТЬ И СОЛИДАРНОСТЬ В НОВЫХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАНСКИХ ДВИЖЕНИЯХ¹

Ульрих Бек в книге «Индивидуализация»² и Ханна Арендт в работе «Что такое свобода»³ поднимают проблему политической свободы в контексте приватной и публичной сфер общества, индивидуального и коллективного измерений человеческого опыта. И Бек, и Арендт утверждают, что индивидуализм и индивидуальная свобода, которые позже стали считаться основой демократии и вместе с тем потенциальной угрозой солидарности, возникли вовсе не с приходом либерализма, капитализма или общества потребления, а в поздней Античности и раннем христианстве — с открытием «жизни разума» в античной философии и «внутреннего мира», где, согласно религиозной доктрине, должна происходить борьба с собственными страстями. Совпадая в постановке вопроса, формулировке проблемы и утверждении хронологической рамки, Арендт и Бек расходятся в оценке политического значения индивидуальной свободы. Если для Арендт ее появление знаменует конец подлинной публичной политики раннего древнегреческого полиса, то для Бека индивидуальная свобода являет собой новый образ демократии. Арендт утверждает, что «внутренняя свобода» — это вытеснение политической свободы, понимаемой как совместное публичное действие, в пространство «внутреннего мира» или частной жизни: когда у людей больше нет

¹ Авторы признательны Алисе Клотц за ценные замечания, критику и советы.

Другая версия данной статьи ранее была опубликована в «Журнале исследований социальной политики» (2014, № 2).

² Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences.

³ Arendt H. Between Past and Future. Six Exercises in Political Thought. New York: Penguin Classics, 2006. 320 p.

возможности и места для политики (например, при «тоталитарных» режимах), им остается держаться за «внутреннюю свободу» («ее никто не отнимет») или укрываться в анклавах приватной жизни, защищаясь от вмешательства государства. Для Бека же индивидуальная свобода и индивидуализация как новый тип социальной структуры «второго» модерна, характеризующегося распадом социальных классов, — это новый лик политической свободы, продукт развития демократии и плод борьбы с тоталитаризмом, а коммуникация в рамках приватной сферы о правилах совместной жизни — политический навык, необходимый для построения гражданского общества. Этот заочный теоретический дебат более чем актуален для российской ситуации, поскольку и Арендт, и Бек создавали свои теории политической свободы под впечатлением от драматического опыта «коммунистической» политики — опыта, который до сих пор присутствует в нашей реальности¹.

Авторы аналитических статей, опубликованных в первые месяцы существования движения «За честные выборы», пытались определить, какое значение внезапно вспыхнувшие протесты имели для российского общества в целом. В этой связи интересно, что одним из вопросов, по поводу которого высказанные суждения оказались контрастными и даже полярными, стал вопрос о роли отдельной личности и коллективного субъекта в протестном движении. Так, например, Илья Кувакин утверждал, что движение продемонстрировало окончательное поражение в правах на политику больших коллективных агентов:

Сейчас происходит смена субъекта политической нации. Во времена СССР им был советский народ, а коммунистическая партия — «концентрированным выражением» его суверенитета и интересов. ...В наши дни возникает новый субъект нации — им становится политическая личность².

¹ Применение этого дебата к области политической социализации молодых людей см. в главе 3 настоящей монографии: *Ерпылева С.* «На митинги я не ходил, меня родители не отпускали»: взросление, зависимость и самостоятельность в деполитизированном контексте».

² *Кувакин И.* Рождение политической личности из духа неизбежности // Русский журнал. 3 февраля 2012. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Rozhdenie-politicheskoy-lichnosti-iz-duha-neizbezhnosti> (дата обращения 10.04.2014).

В противовес этому Григорий Юдин увидел в российских митингах «За честные выборы» преодоление индивидуализма и утверждение субъектности коллективного единства:

Содержание революции определяется ее субъектом, становление которого происходит сегодня... движение как раз и несет в себе протест против политики сегрегации и сегментации, которая признает лишь частные и узкогрупповые интересы, протест против индивидуального шантажа. Революция направлена против диссоциации, создающей удушливую атмосферу враждебности, подозрительности и безразличия... В конечном счете движение стало реакцией на уверенность в том, что никакое движение невозможно, и объединилось против убежденности в том, что невозможно никакое единство¹.

Как объяснить эту противоположность оценок? На наш взгляд, она выражает политическую амбивалентность, две разнонаправленные социальные тенденции: стремление к социальной солидарности и тяготение к индивидуальной автономии. Опыт демократического движения 1980-х и его итоги продемонстрировали фундаментальную неоднозначность (и даже противоречивость) этих базовых социальных процессов для протестной политики. С одной стороны, перестроечное восстание против «тоталитарного» государства-партии сделало идеал индивидуальной независимости движущей силой освободительной борьбы. С другой стороны, этот идеал очень быстро показал свою «земную» сторону: сопротивление власти коллективного авторитета, вдохновлявшее антикоммунистическую «революцию», обернулось отказом от солидарности и социальным эгоизмом, подорвавшими дальнейшую демократизацию. Более того, вся политическая история XX века, начавшаяся коммунистическими и консервативными революциями с их партийной этикой «единства», прошедшая через «тоталитарный» опыт (который превратил трансцендентную власть общности в машины подавления) и завершившаяся бунтом против «принудиловки» (который привел к тотальной разобщенности граждан в посткоммунистических обще-

¹ Юдин Г. Ловушка нелегитимности. От фрагментации общества к фрагментации режима // Русский журнал, 10 января 2012. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Lovushka-nelegitimnosti> (дата обращения: 10.04.2014).

ствах), высвечивает двусмысленность идеалов политического единства и индивидуальной автономии с точки зрения политической свободы. Каково значение конфликта между стремлением к индивидуальной независимости, чреватой «перерождением» в инерцию разобщенности, и установлением солидарности, рискующей обернуться диктатом коллективного авторитета над личностью, для современной российской политики? Мы попытаемся ответить на этот вопрос на примере исследования опыта самоорганизации в движении «За честные выборы». Под самоорганизацией в данном тексте мы понимаем не протестное движение в целом, а один из его важнейших результатов, фактически не замеченный социологами и политологами: локальные активистские группы, созданные в районах крупных российских городов участниками митингов «За честные выборы» и движения наблюдателей. Будучи, с одной стороны, институционализированными, а с другой — малочисленными, эти мини-движения позволяют исследовать микродинамику отношения индивидуальной принадлежности к коллективному целому, которая, как мы увидим, высвечивает всю амбивалентность стремления к индивидуальной автономии с точки зрения проблемы политической свободы.

Деполитизация в России как отторжение коллективности

Протестное движение 2011—2012 годов вспыхнуло на фоне деполитизации, поглотившей российское общество последних двадцати лет, и поэтому не могло не испытывать воздействия ее инерции. Под деполитизацией¹ мы понимаем совокупность берущих начало в советской эпохе исторических тенденций, обусловивших массовый отказ от политического участия в постсоветской России. На наш взгляд, эта аполитичность объясняется погружением российских граждан в приватную сферу, не позволившим им создать после распада Советского Союза новую, противостоящую и отстающую от официозной публичность. Важнейшей тенденцией деполитизации был индивидуальный отказ от

¹ Анализ посткоммунистической деполитизации подробнее см. в главе 1 настоящей монографии: Журавлев О. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов.

участия в коллективной жизни публичной сферы. Стигматизация грязной, лицемерной и продажной «политики», происходившая в рамках процесса постсоветской деполитизации, была неотделима от противопоставления индивида коллективу, поскольку «добровольно-принудительное» участие в официальной советской публичности строилось по модели коллективного членства.

В своем исследовании советской субъективности Олег Хархордин на примере кейса «молодежных жилищных кооперативов» показывает, каким образом в позднесоветском обществе формировалось отторжение коллективности. Он утверждает, что после окончательного развенчания авторитета официальных «объединяющих» организаций, то есть партийных и комсомольских ячеек, профсоюзов и т.д., брежневский режим осуществил «последнюю попытку воскресить коммунистический идеал. Молодые энтузиасты-организаторы движения МЖК разделяли надежду на то, что “истинный коллективизм” станет спасением в удушающей атмосфере официального “коллектива”»¹. По словам Хархордина, активисты верили, что смогут построить не только дома для своих семей, но и сообщества, которые оздоровят гражданскую жизнь в стране. Однако столкновение с советской бюрократией на различных уровнях привело к окончательному разочарованию в любых коллективных инициативах: «мы стали индивидуалистами, стали оппортунистами» — были вынуждены признать бывшие лидеры МЖК².

Случай, исследованный Хархordiным, — часть общего процесса разочарования в коллективистских идеалах, происходившего в 1980-х в масштабах всего советского общества, процесса, инерция которого не ослабевает до сих пор. Действительно, как показал американский политолог Марк Ховард в своем исследовании гражданского общества (точнее, его фактического отсутствия) в посткоммунистических странах, граждане этих стран не участвуют в добровольных объединениях из-за скепсиса в отношении коллективных инициатив, ассоциируемых с официальной советской публичностью, и благодаря распространению личной дружбы, которая, удовлетворяя «спрос» на социальную принад-

¹ *Kharkhordin O. The Corporate Ethic, the Ethic of Samostoyatel'nost and the Spirit of Capitalism: Reflections on Market-Building in Post-Soviet Russia. P. 425.*

² *Ibid.*

лежность в приватной сфере, делает участие в публичной коллективной жизни избыточным¹. Впрочем, отказ от коллективности неверно было бы отождествлять и с феноменом «индивидуализма», который в западных обществах, противостоя коллективистской идеологии, является, тем не менее, политическим, а не приватным институтом. Хархордин утверждает, что «этика самостоятельности», ставшая результатом отторжения публичной коллективности, «напоминает то, что Вебер пытался найти в доктринах мировых религий. Однако в российском случае эти предпосылки едва ли вытекают из артикулированной доктрины, скорее, они служат базовым бэкграундом объяснения»². Хархордин подчеркивает, что самостоятельность, сформировавшаяся в позднесоветском обществе, — это не вера и не убеждение, а желание быть независимым от воли кого-то еще. Эта «бессознательность» позднесоветской индивидуализации и не позволяет назвать ее «индивидуализмом» в полном смысле слова. В отличие от индивидуализма, присущего западной политической культуре, а также раннесоветскому гражданскому обществу, деполитизированное отторжение коллективности неразрывно связано с опытом приватного. Сергей Прозоров считает, что постсоветская деполитизация характеризовалась «исходом» в приватную сферу, где люди, лишённые специфических идентичностей вследствие исчезновения универсалистского коммунистического проекта, начали жить «бездеятельной жизнью» (в смысле Дж. Агамбена), заключающейся в «простом употреблении способностей без какой-либо цели»³, — таким образом, люди не стали «индивидуалистами», скорее, их жизнь была лишена исторического горизонта и какого-либо рационального проекта будущего, которые прежде были гарантированы коллективными инстанциями, направлявшими индивидуальные жизни в соответствии с «общими» ценностями и идеалами. Одновременно механизмом и результатом погружения в бездеятельную жизнь, по мнению Прозорова, стала «этика неучастия»: своеобразный моральный кодекс позднесоветского и постсоветского

¹ Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе.

² Kharkhordin O. The Corporate Ethic, the Ethic of Samostoyatel'nost and the Spirit of Capitalism: Reflections on Market-Building in Post-Soviet Russia. P. 425.

³ Прозоров С. Второй конец истории: политика бездеятельности от перестройки до Путина [Электронный ресурс].

гражданина, предписывающий относиться к «политике», идеологической борьбе и публичности в целом с презрением и демонстративно не участвовать в коллективной жизни публичной сферы.

Таким образом, стигматизация «политики» и отторжение коллективности оказались двумя аспектами одного и того же процесса деполитизации; вместе с тем в советском и постсоветском обществе официальной и подавляющей личностью коллективности был противопоставлен не столько «индивидуализм», сколько приватность, которая очень быстро стала своеобразной новой диктатурой, утвердившей власть частной рациональности и ценностей и господство «этики неучастия». И в то же время очевидно, что освобождение от гнета власти государства-партии и взросление нового поколения в условиях атмосферы свободы (пусть даже и редуцированной до экономически мотивированной свободы выбора) принесли свои политические плоды: без идеала независимости (пусть и понимаемой как независимость *от* коллектива) и минимальных условий индивидуальной свободы движение «За честные выборы» никогда не возникло бы — или было бы совсем другим. Повлияла ли антиколлективистская этика на новейшее протестное движение в России? Эмпирическое исследование локальных активистских групп позволило нам «заземлить» проблематику индивидуальной независимости и политической свободы, выявив роль отторжения коллективного в эволюции движения «За честные выборы». В данной главе мы выхватим и проанализируем одну из траекторий этой эволюции, направляемой конфликтом между стремлением к солидарности и утверждением индивидуальной автономии, а именно возникновение из опыта митингов 2011—2012 годов локальных активистских движений. Мы увидим, что одиночество разобщения в приватной сфере наделило внезапный опыт публичной коллективности на митингах самостоятельной ценностью и заставило участников протеста стремиться к его продлению в форме локальной самоорганизации. Вместе с тем инерция отторжения коллективности способствовала становлению индивидуализированных форм политического активизма в самоорганизованных движениях: их деятельность строилась на принципе добровольного участия и личной ответственности в публичной сфере. Однако в итоге артикуляция и принятие этики индивидуализма в качестве регулятора групповой

активности привели к страху растворения личной свободы в коллективном действии и тем самым форсировали отказ от публичного участия и демобилизацию. Таким образом, на примере возникновения в рамках движения «За честные выборы» локальных активистских движений, их дальнейшего развития и кризиса мы продемонстрируем, как обратной стороной «этики самостоятельности» становится «этика неучастия».

Поле и метод

Локальные движения, которым посвящена эта статья, впервые заявили о себе весной 2012 года. В этот момент бывшие наблюдатели решили продолжить протестную активность на локальном уровне и создали небольшие активистские группы. В дальнейшем к ним присоединились рядовые участники митингов и сочувствующие. Показательно, что такие локальные движения появились в разных районах крупных российских городов независимо друг от друга. Так, по крайней мере в семнадцати из ста двадцати пяти районов Москвы существуют (или существовали до недавнего времени) подобные группы. В Московской области нам удалось обнаружить девять таких инициатив, в Санкт-Петербурге — четыре, а в Ленинградской области — шесть. Можно выделить три основные сферы деятельности этих гражданских объединений: наблюдение за муниципальной властью (посещение муниципальных собраний, отслеживание различных инициатив администрации), информирование жителей (выпуск информационных листовок или газеты, посвященных проблемам района, деятельности администрации и текущим политическим событиям) и благоустройство города и окружающей среды (проведение инициативных проектов через администрацию, защита скверов и парков, борьба против расширения дорог).

В основу этой статьи легли 36 глубинных полуструктурированных интервью с участниками четырех таких групп, две из которых находятся в Москве, одна — в Подмосковье, и одна — в Санкт-Петербурге. Интервью проводились несколько раз; первую серию мы провели в 2012-м — начале 2013 года, вторую — в конце 2013-го. Прежде всего статья посвящена двум московским группам («Штаб» и «Группа

наблюдателей» — ГН), а также одной петербургской («Гражданское объединение» — ГО).

От общероссийского митинга к локальным движениям

В статье, посвященной американскому движению «Occupy Wall Street», антрополог Джеффри Джурис прослеживает эволюцию формы коллективного действия: от «скопления индивидов» к «рабочим группам»¹. Анализируя, как мобилизация в форме собрания множества людей в одном месте по мере ее угасания сменяется созданием «рабочих групп», ставящих перед собой конкретные социальные и политические задачи, Джурис бегло замечает, что две эти формы связаны между собой отношением преемственности: активисты создают локальные группы, чтобы продлить протестное движение в новых условиях. Эту эволюцию политических форм, как и лежащую в ее основе мотивацию воспроизводства опыта движения, мы наблюдали в России в 2011—2012 годах, когда после массовых митингов их участники создали локальные активистские группы.

Траектория «от митингов — к локальным группам» скорее нетипична для России. Как показывают социологи Карин Клеман и Борис Гладарев, доминирующим паттерном мобилизации в российском обществе является движение от локальной борьбы к более «обобщенной» политике. Клеман пишет, что деятельность большинства российских общественных движений предельно прагматична: она привязана к конкретным проблемам и отвергает абстракции. По ее наблюдениям, переход от борьбы за «кровные» интересы, такие, например, как зарплаты или льготы, к более идеологизированным повесткам происходит далеко не всегда². Гладарев, изучавший градозащитное движение и кампании в защиту зданий, которым угрожал снос, обозначил типичную для рос-

¹ *Juris J.* Reflections on #Occupy Everywhere: Social Media, Public Spaces, and Emerging Logics of Aggregation // *American Ethnologist*. 2012. № 39 (2). P. 259—279.

² *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России.

сийского общества схему мобилизации как «общее через близкое»: по его мнению, индивиды объединяются в активистские движения в ответ на «вторжение» властей в «близкое» пространство¹. Так или иначе, оба автора сходятся в констатации одной тенденции: люди мобилизуются, сталкиваясь с проблемами, в решении которых они заинтересованы непосредственно.

В отличие от изученных Гладаревым и Клеман локальных движений «допротестного» периода, вызванных к жизни неотложными и близкими каждому из участников местными проблемами, деятельность групп, находящихся в фокусе нашего внимания, не мобилизована той или иной конкретной проблемой, требующей немедленных коллективных действий. Участники групп сначала решают объединиться для того, чтобы заниматься решением «конкретных проблем», и лишь затем выбирают ту проблему, с которой они будут работать. Вот типичный ответ на вопрос о том, как члены группы решают, чему посвятить свою деятельность:

...Что касается вопроса, возникающего перед нами, — чем заниматься — заниматься надо чем угодно. Потому что огромное количество каких-то занятий впереди. (ж., 1983 г.р., участница ГО, высшее юридическое образование, адвокат, 22 апреля 2012, Санкт-Петербург)

Исследователи из Центра ГРАНИ, ставя своей задачей описать портрет современного российского неполитического активиста, трансформировавшегося в том числе под влиянием протестов 2011—2012 годов, отмечают приход в активизм в начале 2012 года «новых людей, которые начали активность с высокополитизированных тем, а затем осознанно занялись низовыми общественными инициативами или традиционными общественными практиками»². Таким образом, новые локальные группы, с одной стороны, похожи на изученные указанными выше авторами социальные движения, потому что их проблемы и по-

¹ Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города.

² Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя [Электронный ресурс].

вестки могут совпадать буквально: защита сквера от вырубки, дома — от сноса и т.д. С другой стороны, генезис этих групп совершенно другой: они мобилизованы не «вторжением» властей в близкое пространство (снос дома или гаражей), не требующей срочного решения проблемой, но желанием продлить опыт коллективного действия, полученный на митингах или при наблюдении на выборах. Похожим образом контрастируют и последовательности этапов «активистской карьеры». Если в исследованиях Клеман мы видим «обывателя», который, столкнувшись с той или иной проблемой, пишет письма в муниципалитеты, присоединяется к локальной группе, становится наблюдателем на выборах, а после этого приходит на общеполитический протестный митинг и по мере прохождения этого пути превращается в «активиста», то в нашем случае некоторые участники локальных групп сначала приходили на митинги «За честные выборы», затем работали наблюдателями, потом присоединились к группам, а по мере уменьшения коллективной активности внезапно обнаруживали, что начинают решать свои, еще недавно воспринимаемые как «частные» проблемы активистскими методами.

Как можно объяснить обратную последовательность процесса политизации — от «общего к частному», в отличие от привычного «от частного к общему»? Ответ, на наш взгляд, кроется в той роли, которую для участников движения сыграли митинги и опыт наблюдательской деятельности на фоне предшествующего опыта деполитизации. Внезапно возникнув в разобщенном и аполитичном обществе, массовые митинги, утвердившие коллективное действие как нечто «нормальное» и даже привлекательное, переживались их участниками как событие, опыт которого не должен закончиться вместе с самими митингами.

В последнее десятилетие социологи и психологи, изучающие протест, пишут о том, что массовые мобилизации — это не только результат структурных условий, распределения ресурсов и доминирования тех или иных коллективных идентичностей, но также и субъективно значимые события, которые, вдохновляя участников на дальнейшую публичную активность, становятся самостоятельным фактором создания и закрепления новых условий, новых ресурсов и новых идентичностей¹. Как

¹ *Walgrave S., Klandermans B. Open and Closed Mobilization Patterns: The Role of Channels and Ties // Protest Politics: Demonstrations Against the War on Iraq in the US and*

замечает Донателла дела Порта, «коллективное действие как таковое позволяет вырваться из нищеты и одиночества повседневной жизни и объединиться в моменте коллективной экзистенции и солидарности, которые сами по себе являются захватывающим опытом», — именно поэтому политические события, вдохновляя их участников на то, чтобы продлить эту экзистенцию, «дают жизнь новым социальным движениям»¹. Участники митингов «За честные выборы» были воодушевлены самим опытом единства и действия, который они стремились «закрепить», продолжить и воспроизвести.

Преимственность и противопоставление

Локальные активистские группы стали одной из форм институционализации протестного движения, вдохновленной стремлением воспроизвести опыт политического события. Многие участники новых локальных инициатив рассматривали активистскую деятельность в своих районах не просто как следствие движения «За честные выборы», а как его часть. Переключение внимания на конкретные проблемы локального масштаба не являлось в этом смысле переменной характера деятельности активистов, а становилось своеобразным разделением труда в рамках масштабного общероссийского протеста:

Мы — просто частичка этого всего [ДЗЧВ]. Это все, эта масса, эти волны — и составляют наши капельки такие, по городам, по районам где-то. (м., 1995 г.р., участник ГО, неоконченное среднее образование, 21 мая 2012, Санкт-Петербург)

Иногда активисты рассматривали обращение к локальным проблемам как способ продления движения до следующих выборов:

Western Europe / S. Walgrave, D. Rucht (Eds.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010. P. 169—193; Della Porta D. Mobilizing for democracy. Oxford: Oxford University Press, 2014 (forthcoming).

¹ Della Porta D. Eventful Protests, Global Conflicts. P. 36.

...до межсезонья, до следующих каких-то выборов переориентироваться в такое некоторое гражданское объединение, то есть решать постепенно какие-то проблемы уже в самом районе. (м., 1990 г.р., участник ГО, незаконченное высшее образование, 22 апреля 2012, Санкт-Петербург)

Особенно важно в этой связи то, что новые локальные группы возникли из той же эмоции, которая запустила волну протестных акций 2011—2012 годов, когда, по словам Дениса Волкова, «неожиданно большое количество протестующих, множество новых молодых лиц на Чистых прудах создали, по словам опрошенных участников, атмосферу воодушевления. Это чувство стимулировало создавать новые, а также включаться в работу и менять формат существующих общественных объединений»¹. Это воодушевление было связано в первую очередь с чувством единства с другими участниками протеста². Многие активисты локальных групп подчеркивали эту преемственность с митингами и работой наблюдателями, которая объяснялась стремлением продлить опыт солидарности и коллективного действия как такового:

С самого начала об этом думали и, наверное, понимали, что так это не кончится, что нас все равно будет что-то связывать, потому что все-таки эти несколько суток вместе все сидели, книжки эти все изучали и как-то все сплотились. Поэтому как-то все сразу, даже мысли не возникало, все равно будем вместе что-то делать. (м., 1995 г.р., участник ГО, незаконченное среднее образование, 21 мая 2012, Санкт-Петербург)

С другой стороны, эти же гражданские активисты говорили о своей мотивации присоединиться к группе в терминах «реальных дел», которые противопоставлялись массовым митингам как тому, что слишком

¹ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 году: истоки, динамика, результаты [Электронный ресурс].

² Журавлев О., Магун А. Новый популизм: как протестному движению выжить в 2013 году и добиться успеха в 2014-м // Слон.ру, 27 декабря 2012. URL: http://slon.ru/russia/protestnomu_dvizheniyu_ne_khvataet_populizma—869844.xhtml (дата обращения: 10.04.2014); Преодолевая деполитизацию: диалог участников Коллектива исследователей политизации.

похоже на политику, слишком далеко отстоит от конкретных нужд людей и не приводит к практическим изменениям:

Я... начала понимать бессмысленность происходящего, в том виде, в котором есть, митинги бессмысленны. Ну, их нужно делать так, чтобы в них был смысл. А когда это просто делается, чтобы сделать... Ну, я уже дальше занялась «Штабом» и поняла, что это продуктивнее... Если выбирать между выйти на несанкционированный сомнительный митинг, непонятно о чем, выйти с красными флагами Удальцова, и между тем, чтобы реально попытаться что-то сделать в своем районе, я выберу попытаться что-то сделать в своем районе. (ж., 1995 г.р., участница «Штаба», незаконченное высшее образование, январь 2013, Москва)

Усталость от «митингов ради митингов» рождало у активистов понимание того, что каждый из них способен сделать нечто большее. Однако это «большее» выступало не столько альтернативой митингам, сколько их «другой формой»:

Волна протестов подугасла немножко. Об этом многие говорят сейчас. Просто она приняла какие-то другие формы. Ты понимаешь сейчас, что можешь делать большее. Я поэтому, наверное, занимаюсь общественной деятельностью. Я нашла для себя такой способ. Митинги для меня сейчас, как и, наверное, для многих, бессмысленны абсолютно, понятно почему. Требования, которые выдвигаются на митингах, не выполняются, чего туда вообще ходить. (ж., 1983 г.р., участница ГО, высшее юридическое образование, адвокат, 22 апреля 2012, Санкт-Петербург)

Деятельность активистов внутри новых локальных инициатив воплощала в себе два этих стремления: они хотели действовать так, чтобы видеть непосредственный результат своих усилий (которого они не видели на митингах) и одновременно продлить опыт объединения, полученный ими в ходе массовых демонстраций и работы наблюдателями.

Таким образом, если «официальная» миссия локальных активистских групп — «реальные дела», работа вокруг тех или иных конкретных проблем района, то дополнительный и, возможно, более фундаментальный мотив создателей движений, выявленный в их «анамнезе», — это

стремление воспроизвести саму событийность коллективного действия. Наш случай в этом отношении похож на эпизод из наблюдений американского социолога Нины Элиазоф, который она приводит в качестве примера работы деполитизации в Америке и называет «избеганием политики». Активистка, перед камерами на пресс-конференции декларирующая заботу о локальном сообществе и об имущественных интересах в качестве миссии волонтерского движения, после ухода журналистов восторгается лоббистом, борющимся за запрет на производство и коммерциализацию складирования токсичных отходов, и восклицает: «Мы должны бороться локально, зная, что вы делаете то же самое на национальном уровне!»¹

Однако почему наиболее приемлемой формой воспроизводства политической событийности протестных митингов оказывается «жанр» аполитичного активизма? В последние годы в крупных городах России можно было наблюдать зарождение традиции гражданской активности в русле доктрины «малых дел», которая получила свое продолжение в новых формах движения «За честные выборы». Дискурс «реальных дел», к которому обращаются активисты новых локальных движений в противовес «протестам ради протестов», во многом обязан своим появлением этой идеологии, чье распространение сопровождало подспудную политизацию в России до 2011 года. Так, например, на материалах интервью с молодыми людьми, взятыми осенью 2011-го, А. Желнина показывает, что модель активизма «начни с себя» являлась среди них одной из наиболее распространенных². А вот как иронично, но вместе с тем очень точно в одной из публицистических статей описан принцип идеологии «малых дел»:

Это ж теория твоих/моих малых дел. И практика твоих/моих малых дел. ЕГО малых дел. ЕЕ малых дел. Тут уж мы не ошибемся ни в стратегии, ни в тактике. ...Каждый из нас делает выбор. Крошечные выборы несколько раз на день... Без всяких лозунгов, редко особо задумываясь... Инстинктивно... руководствуясь... Чем, собственно?.. Слушаем или от-

¹ *Eliasoph N. Avoiding Politics.*

² *Желнина А. «Я в это не лезу»: восприятие «личного» и «общественного» среди российской молодежи накануне выборов (глава 4 в настоящей монографии).*

казываемся слышать, смотрим по сторонам, ориентируемся и делаем шаг направо или налево... Множество маленьких выборов прорисовывают характер, характер высекает судьбу. Ту или иную. Теория малых дел вроде бы страховка: ограничься тем, что подвластно тебе лично здесь и сейчас. Хоть чуточку измени климат вокруг себя¹.

Формат политического участия в русле доктрины «малых дел» позволял деполитизированным индивидам, не доверявшим коллективным формам и коллективному авторитету ввиду угрозы их «тоталитарного» и «обезличивающего» воздействия, удовлетворять постепенно возрастающую потребность в гражданском поступке. Это была форма вовлеченности в публичную сферу, позволявшая перенести привычные принципы частной жизни в практику гражданского общества — она не требовала объединения в социальные или политические движения.

Таким образом, помимо противоположения «политизированности» и «реалистичности», митинги и локальные группы, связанные отношением преемственности, имеют еще одно фундаментальное различие: если массовые демонстрации несли в себе захватывающий опыт единства, то формат участия в локальных группах, выстраивающих свою деятельность на основе идеологии «реальных дел», предполагал принцип личной ответственности индивидуального участника и дистанцию по отношению к любому коллективному авторитету («практика *ТВОИХ* малых дел»). Как мы покажем ниже, это различие сыграло важную роль в динамике развития новых локальных движений, обнажив политическое значение конфликта между стремлением к солидарности и утверждением индивидуальной независимости.

Коллективы индивидуалистов

Весной 2012 года, после президентских выборов, в самом начале формирования новых гражданских инициатив, активисты были полны оптимизма и воодушевления. Уже через полгода эти чувства сменились

¹ Вальпина Н. Теория малых дел // Сноб.ру, 19 февраля 2012. URL: <http://www.snob.ru/profile/21090/blog/54899> (дата обращения 10.04.2014).

разочарованием, а к зиме 2013-го можно было говорить о кризисе локальных движений. Он заключался как во все возрастающем скепсисе в отношении возможности и эффективности коллективных действий, так и в уменьшающейся активности самих групп: участники стали постепенно возвращаться к повседневным заботам и делам, все чаще предпочитая их активизму. Общие встречи проводились реже, а кампании, изначально задуманные как коллективные, превращались в индивидуальные проекты отдельных участников.

Деятельность нашей группы затухает. Каждый самостоятельно делает, что может: членство в УИК, акции протеста, борьба с местными жуликами от ЖКХ и прочее. (м., 1983 г.р., участник «Штаба», высшее образование, программист, 6 февраля 2013, Москва)

У описанного выше кризиса много причин: недостаток ресурсов и политического опыта, инертность среды, разобщенность отдельных групп и т.д. Однако помимо этих обстоятельств, которые отличают локальные движения друг от друга, есть общий для всех объединений механизм стагнации: противоречие между желанием продлить коллективное действие и инерцией отторжения коллективности, склоняющей к взгляду на любой коллектив или объединение как на потенциальную угрозу свободе личности. Изначально движимые стремлением к объединению и совместному действию, участники новых локальных объединений в то же время демонстративно настаивали на своем праве отказаться от участия в коллективных проектах движения, чтобы сохранить свою независимость перед лицом коллективного авторитета.

Основным условием взаимодействия в рамках локальных активистских групп с самого начала был отказ от какого-либо принуждения со стороны как отдельных индивидов, так и группы в целом:

На самом деле я не сторонник демократического централизма, когда все проголосовали, а потом все делают то, что большинство сказала, независимо от того, согласен или нет. В общем, мы — свободная организация. Значит, если кто-то что-то хочет делать, он это делает. Не хочет делать — он этого не делает. (м., 1983 г.р., участник «Штаба», высшее образование, программист, 6 февраля 2013, Москва)

Интересно, что в данном отрывке информант отождествляет коллективность как таковую с «демократическим централизмом» — эмблемой советской коллективной «принудилочки». Вместе с тем обратной стороной отказа от коллективного принуждения являлось ожидание от каждого отдельного участника инициативы и готовности взять на себя ответственность за организацию и успешную реализацию намеченных группой кампаний. Идеальная модель группы, какой ее представляли себе сами участники, — это объединение, состоящее из равных, связанных общими устремлениями индивидов, каждый из которых проявляет инициативу и готов прилагать усилия для реализации конкретных задач. Один из участников так объяснял, почему он более не пытается активно привлекать к осуществлению текущих кампаний других активистов группы:

Если я буду слишком настырно предлагать, это уже будет не их инициатива, а моя. Если у них не будет инициативы, то вообще ничего не будет. Никакого гражданского общества не будет, если инициатива будет моя. (м., 1981 г.р., участник ГО, высшее образование, частный предприниматель, 27 сентября 2013, Санкт-Петербург)

Таким образом, деятельность локальных групп можно назвать примером *индивидуализма*, утверждение которого поначалу стало не просто позой отвержения коллективного авторитета, но инновационной формой политического участия. Действительно, локальные движения, появившиеся в ходе эволюции российских протестов, можно назвать специфическим примером того, что Лэнс Беннет определяет как «индивидуализированный протест», адаптируя теорию «персонализированной политики» к исследованию общественных движений¹. Анализируя новейшие движения, Беннет говорит о наступлении эпохи «персонализированного протеста», в рамках которого индивиды мобилируются напрямую, а не опосредованно через партии, профсоюзы или любые другие коллективные структуры. Новейшие механизмы полити-

¹ *Bennet L.* The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation // *The Annals*. 2012. № 644 (1). P. 20—39.

ческой мобилизации, по его мнению, обращаются к индивидуальным, а не коллективным идентичностям, частным и локальным, а не общим и универсальным интересам. Более того, по мнению Беннета, индивид становится центром публичной политики:

Личные эмоции становятся автономным источником самоутверждения. Участники [протестов] могут теперь использовать самих себя в качестве основания и поводов для [политического] негодования — от расовых и сексуальных предпочтений до посягательств государства на личные свободы¹.

Вместе с тем индивидуализм новых протестных движений, как утверждает Беннет, не противоречит их коллективности. Более того, инклюзивные, нацеленные на объединение как можно большего числа людей организационные структуры, идеологии и лозунги, например «Мы — 99%», позволяют любому индивиду органично влиться в протестные организации². Иными словами, «персонализированная политика» в рамках новейших протестов стала формой лояльности активиста движению, позволяющая вместе с тем выступать от своего имени в режиме самопредставительства.

Новые локальные движения можно назвать своеобразной российской версией «персонализированной политики». Действительно, активисты локальных групп были объединены общим идеалом гражданственности и равнодушия и стремились *внести личный вклад* в реализацию этого идеала, воспринимая индивидуальное усилие и мобилизацию персональных способностей и качеств как базовую форму участия в общем деле. При этом исходная установка недоверия к групповому авторитету как социальному институту, наслаиваясь на стремление к воспроизводству опыта коллективного действия, интенсифицировала принцип индивидуализированного участия в общем деле, подготовленный доктриной «малых дел». Вот как одна из участниц локальной группы описывает свою деятельность:

¹ Ibid. P. 23.

² Ibid.

Я выступаю как координатор в данном случае, я конкретно координирую это направление. Кто-то занимается другим. Кто-то у нас там за выборы отвечает, активизирует всех — давайте записывайтесь в УИКИ, наблюдатели и т.д. Я отвечаю за это направление, и я ищу сторонние ресурсы сама уже и веду переговоры с местной властью. (ж., 1978 г.р., участница «Штаба», высшее образование, журналист, 7 февраля 2013, Москва)

Беннет называет этот принцип «сделай это сам» своеобразным «этосом», считая его основополагающим паттерном «индивидуализированного протеста». Неудивительно, что одной из доминирующих организационных моделей деятельности локальных групп стала проектная модель. Различные проекты координировались и привлекали разных участников: поддержка той или иной инициативы конкретным активистом была связана со сферой его личной компетенции (делать то, что я умею), с его персональными интересами (делать то, мне что интересно) и с его предпочтениями (делать то, что я считаю правильным). Однако в отличие от американской версии «индивидуализированной политики», в которой принцип персонального участия был своеобразной формой *commitment* — личной приверженности коллективу — и поэтому стал эффективным механизмом расширения и функционирования движений, в российском случае локальных активистских групп индивидуализированная этика участия вошла в конфликт с мотивами воспроизводства коллективного действия и солидарности. Этот конфликт и стал одним из рычагов кризиса новых локальных движений.

Кризис, с которым столкнулись новые локальные движения, — это усиление противоречия, изначально присутствовавшего в протестном движении. Стремление к сохранению единства, происходящее из опыта массовых акций, зачастую оказывалось скорее стремлением к сопresутствию, подобному сопresутствию одиночек на митингах, нежели к согласованному коллективному действию. В результате разделение обязанностей постепенно приводило к разобщенности: те, кто были включены в различные проекты, в какой-то момент переставали взаимодействовать друг с другом. Модель организации сообщества, первоначально подразумевавшая согласование, обсуждение и совместную

реализацию проектов, постепенно превращалась в набор индивидуальных инициатив, о части которых отдельные участники группы могли быть даже не осведомлены (как отмечал один из участников, «каждый ведет свою маленькую войну» — м., 1981 г.р., участник ГН, высшее образование, работник в сфере энергетики, 1 февраля 2013, Москва). Результатом неосведомленности становились фрустрация и ощущение недооцененности своего вклада со стороны других:

Довольно много времени [я тратил на деятельность в группе]. Это одна из причин, почему я прекратил этим заниматься. Если бы была какая-то мощная поддержка [со стороны других участников] и это показало, что мы развиваемся, развиваемся, то, может быть, меня на большее хватило. А вот просто понял, что трачу много времени, а отдача не самая большая. И в общем-то, у меня есть в жизни еще чем заняться... (м., 1987 г.р., участник «Штаба», высшее образование, книговед, работает в сфере книгоиздания, 5 февраля 2013, Москва)

Участники локальных движений придерживались разных политических взглядов и по-разному видели желаемые стратегии действия. Коллектив, понимаемый ими как объединение индивидов, которые вольны действовать так, как они считают необходимым, не предполагал выработки общей политической позиции или идеологии. Карин Клеман показывает, что в локальных движениях, мобилизованных неотложными проблемами, политические разногласия участников вытесняются, «гасятся» общей угрозой¹. В случае же наших постмитинговых движений, перед которыми не стоят неотложные и угрожающие всем проблемы, разногласия по поводу политических предпочтений или стратегических вопросов могли стать потенциальным источником мировоззренческого конфликта. Этот конфликт, когда он обнаруживается, приводит к артикуляции индивидуалистического этоса в его негативном модусе — этоса, воспринимающего любой коллектив как угрозу индивидуальной свободе:

¹ Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России.

Уже была такая проблема, когда я чуть не выпала из этой конкретной задачи, по поводу парка. Потому что пошли вразрез мои представления о том, что нужно, с мнением других людей, которые этим занимаются... Дело не в том, что я, да, там, решила... Вообще мне подстраиваться под общественное мнение очень сложно. Не под общественное мнение, а под мнение большинства. (ж., 1983 г.р., участница ГО, высшее образование, адвокат, 22 апреля 2012, Санкт-Петербург)

Таким образом, индивидуалистическая этика политического участия, поначалу вдохновлявшая активизм, в итоге стала тормозом деятельности новых локальных движений. Логика индивидуального действия, тяготевавшая к отрицанию формы коллективной работы, вытесняла стремление объединиться с «такими же, как я» и действовать с ними вместе. Слова нашего респондента «мы — свободная организация. Значит, если кто-то что-то хочет делать, он это делает. Не хочет делать — он этого не делает» точно демонстрируют тонкую грань между противоположными выражениями идеала независимости от коллективного авторитета. От «я свободен, хочу и поэтому делаю» до «я свободен, не хочу и поэтому не делаю» — один шаг. Однако этот шаг — роковой с точки зрения политического активизма, в котором «этика самостоятельности» может обернуться «этикой неучастия». На пике кризиса участники групп могли отрицать не просто возможность коллективного действия, но даже тот факт, что они когда-то сами принимали участие в деятельности какой-либо группы. Вот как в момент наибольшего разочарования осмысляет свою деятельность лидер одной из локальных групп:

Ну, я никогда не представлял себя частью какой-то группы... Я сейчас даже начинаю думать, может быть, раньше я считал себя частью какой-то группы. Не знаю. Я имею в виду, нет группы с какими-то правилами, каждый индивидуалист и каждый занимается чем хочет. Хочет разносить листовки — разносит, не хочет — не разносит, хочет — приходит на собрания, не хочет — не приходит. ...Лично моя цель какая была — чтобы люди начали более... становились более самостоятельными, как-то начали реагировать на внешние факторы, факторы воздействия со стороны правительства или других людей, как-то учились общаться, собирались

в группы... В группы? (удивленно смотрит, как будто не веря, что он это сказал. — *Прим. интервьюера*). Ну да, в группы. Но не в такие группы, как там нас учила советская власть, а в группы по интересам, по обсуждениям. Вот. Я лично в таких группах во многих участвую. Допустим... или не участвую? (м., 1981 г.р., участник ГО, высшее образование, частный предприниматель, 27 сентября 2013, Санкт-Петербург)

Олег Хархордин в своем исследовании понятия и практики самостоятельности в русской и советской политических культурах показывает эволюцию «этики самостоятельности» в течение последних двух столетий¹. Он утверждает, что если во второй половине XIX и первой половине XX века самостоятельность понималась как непреклонность индивида, вдохновленного религиозным, а затем коммунистическим идеалом и уполномоченного коллективной инстанцией, с которой он себя отождествлял (то есть сначала церковью, а потом компартией), на выполнение определенной миссии или исполнение долга, то после 1970-х, с разочарованием в коллективных инициативах, «самостоятельность» стала означать независимость личности от какого бы то ни было коллективного авторитета. И если в начале 1990-х, по мнению Хархордина, этика самостоятельности, пусть и став индивидуализированной, все еще вдохновляла «аскезу» молодых бизнесменов, верящих в идеал свободного рынка, то можно предположить, что на втором витке деполитизации, после 1993 года она лишилась своего идеологического наполнения, застыв в социальной установке индивидуального отказа от коллективности².

В каком-то смысле движение «За честные выборы» прошло ту же самую траекторию: вдохновленные участием в коллективном действии, посетители митингов создали локальные группы, как бы будучи уполномочены движением продолжать его деятельность и воспроизводить его опыт. Вместе с тем активизм локальных групп мыслился и практиковался как самостоятельная «аскеза» индивидов, противопоставленная «бес-

¹ Kharkhordin O. The Corporate Ethic, the Ethic of Samostoyatel'nost and the Spirit of Capitalism: Reflections on Market-Building in Post-Soviet Russia.

² Ibid.

смысленному» столпотворению митингов и избегающая власти коллективных инстанций. Но в момент кризиса инерция деполитизации вновь активировала установку на отказ от коллективности как таковой, что и привело к демобилизации активистов и распаду локальных движений.

Заключение

Конфликт между стремлением к солидарности и сверхценностью индивидуализма, который мы поместили в центр нашего внимания в данной статье, является важной особенностью всех изученных нами локальных движений. Вместе с тем необходимо сделать ряд серьезных оговорок. Во-первых, не во всех движениях этот конфликт проявляется одинаково остро и неизбежно приводит к кризису и распаду групп. Напротив, он может сглаживаться или вытесняться под воздействием самых разных обстоятельств. Во-вторых, могло сложиться впечатление, что все гражданские объединения похожи друг на друга, а их динамика задана исключительно этим конфликтом. Это, очевидно, не так: движения отличаются друг от друга по самым разным параметрам, а этот конфликт — лишь одна из «пружин» их развития. Однако в ситуации отсутствия у движений серьезных ресурсов и поддержки, неопытности активистов-новичков, неопределенности стратегий и тактик и невнятности реакции со стороны окружающей среды и государства очень многое зависит от того, что социологи называют агенту, то есть от поступков, креативности, личных качеств людей. Именно поэтому внутренний конфликт между конкурирующими ценностями, стремлениями и идеалами становится столь значимым для групповой динамики.

Конфликт между индивидуализмом и солидарностью вовсе не является неизбежным или непреодолимым. В американском движении «Occupy Wall Street» одной из задач, которую эксплицитно ставили перед собой активисты, было создание новых форм коллективности, противостоящих индивидуализму капиталистического субъекта и вместе с тем сохраняющих индивидуальную свободу активистов. Экспериментируя с различными способами организации коллективного действия, участники движения в разной степени преуспели в решении этой задачи. В ходе нашего исследования мы также обнаружили различные способы

организации движений, которые позволили избежать этого конфликта или сгладить его. Например, активисты одной из групп добровольно избрали совет, в задачи которого входила координация деятельности движения, согласование индивидуальных и групповых проектов. Таким образом, они создали организацию, заставляющую их жертвовать частичкой своей свободы и независимости, но — без принуждения «извне». Другой пример — инициативы А. Навального, участники которых, будучи связаны общей сетью, а также идеей или целью, действовали независимо друг от друга, внося, тем не менее, вклад в общее дело, важность которого ощущал каждый из них. Такая схема позволила активистам, чьей индивидуальной свободе ничто не угрожало, пережить опыт единства, схожий с тем, который пережили участники митингов: будучи объединенными через сопричастность одному и тому же делу, они были достаточно разобщены, чтобы избежать угрозы подчинения «общественному давлению», и достаточно связаны, чтобы ощутить присутствие других, «таких же, как они».

Возвращаясь к заочному дебату между Бекон и Арентс о политическом значении личной свободы и индивидуальной автономии, можно заключить, что российское протестное движение продемонстрировало всю важность поставленной ими проблемы и частичную, но от этого не менее фундаментальную и глубокую правоту каждого из них. Ценность личной свободы, интенсифицировав наряду с другими факторами чувство личной ответственности за происходящее, стала мобилизующей силой протестного движения 2011—2012 годов: вдохновляемые чувством «кто, если не я», участники митингов выходили на площади, а затем создавали движение наблюдателей и локальные гражданские инициативы. Однако инерция деполитизации, из-за которой в российском обществе вместо индивидуализма развивалась установка отторжения коллективности, выявила политическую неполноценность и демобилизующее воздействие тяготения к индивидуальной автономии. Страх коллективного авторитета, созданного самими участниками локальных активистских групп, во многом и определил их кризис. «Этика самостоятельности», манифестация энтузиазма и веры в собственные силы превратилась в «этику неучастия», закрепившую за каждым из членов локальных инициатив право на отказ от включения в коллективную деятельность и снимающую с них ответственность за ее результаты.

Библиография

1. *Волков Д.* Протестное движение в России в конце 2011 — 2012 году: истоки, динамика, результаты [Электронный ресурс] // Левада-центр, сентябрь 2012. URL: <http://www.levada.ru/books/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse—2011—2012-gg> (дата обращения: 10.04.2014).
2. *Вольпина Н.* Теория малых дел [Электронный ресурс] // Сноб.ру, 19 февраля 2012. URL: <http://www.snob.ru/profile/21090/blog/54899> (дата обращения: 10.04.2014).
3. *Гладарев Б.* Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общест-венности из духа города // От общественного к публичному / Под ред. О. Хар-хордина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 69—304.
4. *Журавлев О., Магун А.* Новый популизм: как протестному движению выжить в 2013 году и добиться успеха в 2014-м [Электронный ресурс] // Слон.ру, 27 декабря 2012. URL: http://slon.ru/russia/protestnomu_dvizheniyu_ne_khvataet_populizma—869844.xhtml (дата обращения: 10.04.2014).
5. *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. За-рождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 670 с.
6. *Кувакин И.* Рождение политической личности из духа неизбежности [Электронный ресурс] // Русский журнал, 3 февраля 2012. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Rozhdenie-politicheskoy-lichnosti-iz-duha-neizbezhnosti> (дата обращения: 10.04.2014).
7. Преодолевая деполитизацию: диалог участников Коллектива исследова-телей политизации // Политическая критика. 2013. № 1. С. 212—227.
8. *Прозоров С.* Второй конец истории: политика бездеятельности от Пере-стройки до Путина [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2012. № 2 (82). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/2/p12.html> (дата обращения: 10.04.2014).
9. Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя [Электронный ресурс] // Центр ГРАНИ. URL: <http://grany-center.org/content/nonpolitical> (дата обращения: 26.10.2013).
10. *Ховард М.* Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс, 2009. 192 с.

11. Юдин Г. Ловушка нелегитимности. От фрагментации общества к фрагментации режима [Электронный ресурс] // Русский журнал, 10 января 2012. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Lovushka-nelegitimnosti> (дата обращения: 10.04.2014).

12. Arendt H. Between Past and Future. Six Exercises in Political Thought. New York: Penguin Classics, 2006. 320 p.

13. Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. London: Sage, 2002. 221 p.

14. Bennet L. The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation // The Annals. 2012. № 644 (1). P. 20—39.

15. Della Porta D. Eventful Protests, Global Conflicts // Distinktion. Scandinavian journal of Social Theory. 2008. № 17. P. 27—56.

16. Della Porta D. Mobilizing for democracy. Oxford: Oxford University Press, 2014 (forthcoming).

17. Eliasoph N. Avoiding Politics: How Americans Produce Apathy in Everyday Life. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1998. 344 p.

18. Juris J. Reflections on #Occupy Everywhere: Social Media, Public Spaces, and Emerging Logics of Aggregation // American Ethnologist. 2012. № 39 (2). P. 259—279.

19. Kharkhordin O. The Corporate Ethic, the Ethic of Samostoyatel'nost and the Spirit of Capitalism: Reflections on Market-Building in Post-Soviet Russia // International Sociology. 1994. Vol. 9. № 4. P. 405—429.

20. Walgrave S., Klandermans B. Open and Closed Mobilization Patterns: The Role of Channels and Ties // Protest Politics: Demonstrations Against the War on Iraq in the US and Western Europe / S. Walgrave, D. Rucht (Eds.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010. P. 169—193.

Сведения об авторах

Максим Алюков, сотрудник Лаборатории публичной социологии, слушатель программы PhD Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Светлана Ерпылева, сотрудник Лаборатории публичной социологии, слушатель программы PhD Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Анна Желнина, к. соц. н., преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета.

Олег Журавлев, сотрудник Лаборатории публичной социологии, слушатель программы PhD Европейского университета-института во Флоренции.

Маргарита Завадская, слушатель программы PhD Европейского университета в Санкт-Петербурге и Европейского университета-института во Флоренции, научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований (Пермь).

Максим Кулаев, пресс-секретарь профсоюза «Новопроф».

Артеми́й Магун, Ph.D. (политология — Мичиганский университет), доктор философии (Университет Страсбурга), профессор политической теории демократии, декан Факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге и доцент Факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета.

Илья Матвеев, к. полит. н., сотрудник Лаборатории публичной социологии, слушатель программы PhD Европейского университета в Санкт-Петербурге,

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

старший преподаватель Факультета сравнительных политических исследований
СЗИУ РАНХиГС.

Андрей Невский, сотрудник Лаборатории публичной социологии, аспирант
Социологического института Российской академии наук.

Наталья Савельева, сотрудник Лаборатории публичной социологии, аспи-
рант Института социологии РАН. Стипендиат фонда «Ступени».

Мария Туровец, аспирант Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики».

ПОЛИТИКА АПОЛИТИЧНЫХ

Гражданские движения в России 2011—2013 годов

Дизайнер
Д. Черногаев
Редактор
Е. Мохова
Корректор
О. Семченко
Компьютерная верстка
С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90¹/₁₆
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 30. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
“Ульяновский Дом печати”»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Книги и журналы
«Нового литературного обозрения»
можно приобрести в интернет-магазине издательства
www.nlobooks.mags.ru
и в следующих книжных магазинах:

в МОСКВЕ:

- «Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, (495) 924-46-80
- Галерея книги «Нина» — ул. Волхонка, д. 18/2 (здание Института русского языка им. В.В. Виноградова), (495) 201-3645
- «Гараж» — ул. Крымский вал, 9 (Парк Горького, магазин в центре современной культуры «Гараж»), (495) 645-05-21
- «Медленные книги» — (495) 971-47-92
- «Книги в Билингве» — Кривоколенный пер., 10, стр. 5, (495) 623-66-83
- «Москва» — ул. Тверская, 8, (495) 629-64-83, (495) 797-87-17
- «Московский Дом Книги» — ул. Новый Арбат, 8, (495) 789-35-91
- «Мир Кино» — ул. Маросейка, 8, (495) 628-51-45
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — Петровка, 25 (в здании ММСИ)
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — Красная площадь, 3 (ГУМ), 8 (916) 979-54-64
- «ММОМА ART BOOK SHOP» — Берсеневская наб., 14, стр. 5 (Институт Стрелка)
- «Новое Искусство» — Цветной бульвар, 3, (495) 625-44-85
- «У Кентавра» — ул. Чаянова, д. 15 (магазин в РГГУ), (495) 250-65-46
- «Фаланстер» — Малый Гнезниковский пер., 12/27, (495) 629-88-21
- «Фаланстер» (На Винзаводе) — 4-й Сыромятнический пр., 1, стр. 6 (территория ЦСИ Винзавод), (495) 926-30-42
- «Циолковский» — ул. Большая Молчановка, 8, (495) 691-51-16, (495) 691-56-28
- «Додо» на Солянке — ул. Солянка, 1/2, стр. 1, 8 (926) 063-01-35
- «Додо» в ТЦ «Филион» — Багратионовский проезд, 5 (ТРЦ «Филион»), 8 (929) 579-53-22
- «Додо» в кинотеатре «Пионер» («Омнибус») — Кутузовский проспект, 21 (кинотеатр «Пионер»), 8 (915) 418-60-27
- «Додо» в КЦ Зил — ул. Восточная, 4, к. 1, (495) 675-16-36 (позовите Додо к телефону)
- Киоск в кафе «АртАкадемия» — Берсеневская набережная, 6, стр. 1

в САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

- На складе нашего издательства — Лиговский пр., 27/7, (812) 579-50-04, (952) 278-70-54
- «Академическая литература» — Менделеевская линия, 5 (в здании Истфака СПбГУ), (812) 328-96-91
- «Академкнига» — Литейный пр., 57, (812) 230-13-28
- «Все свободны» — наб. р. Мойки, 28 (второй двор, код 489), (911) 977-40-47
- Галерея «Новый музей современного искусства» — 6-я линия ВО, 29, (812) 323-50-90
- «Исткнига» — Кадетская линия ВО, 27/5, (812) 986-82-51
- Киоск в Библиотеке Академии наук — ВО, Биржевая линия, 1
- Киоск в фойе главного здания «Ленфильма» — Каменноостровский, 10
- «Классное чтение» — 6-я линия ВО, 15, (812) 328-62-13
- «Книжная лавка» — в фойе Академии художеств, Университетская наб., 17
- «Книжный салон» — Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), (812) 328-95-11
- «Книжная лавка писателей» — Невский, 66, (812) 314-47-59
- «Мы» — Невский, 20 (на третьем этаже проекта Biblioteka), (981) 168-68-85
- «Подписные издания» — Литейный пр., 57, (812) 273-50-53
- «Порядок слов» — Наб. реки Фонтанки, 15 (812) 310-50-36
- «Проектор» — Лиговский пр., 74 (Лофт-проект «Этажи», 4-й этаж), (911) 935-27-31
- «Росфото» (книжный магазин при выставочном зале) — ул. Большая Морская, 35, (812) 314-12-14
- «Санкт-Петербургский Дом Книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28, (812) 448-23-57
- «Свои книги» — 1-я линия ВО, 42, (812) 966-16-91
- «Университетская лавка» — 7-я линия ВО, 38 (во дворе), (812) 325-15-43
- «Фаренгейт 451» — ул. Маяковского, 25 (во дворе), (911) 136-05-66

в ЕКАТЕРИНБУРГЕ:

- «Дом книги» — ул. Антона Валека, 12, (343) 253-50-10

в ИРКУТСКЕ:

- Интернет-магазин «Лавка чудесных подарков» — ул. Свердлова, 36 (ТЦ Сезон, офис 514), (3952) 95-44-45, www.lavchu.ru

в КРАСНОДАРЕ:

- Специализированный магазин «Книжный Кабинет» — ул. Пашковская, 52 (2-й этаж), (861) 255-34-94, 8-918-191-27-53

в КРАСНОЯРСКЕ:

- «Русское слово» — ул. Ленина, 28, (3912) 27-13-60

в НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ:

- «Дирижабль» — ул. Б. Покровская, 46, (8312) 31-64-71

в НОВОСИБИРСКЕ:

- Литературный магазин «КапиталЪ» — ул. Горького, 78, (383) 223-69-73
- Магазин «ВООК-LOOK» — Красный пр., 29/1, 2-й этаж, (383) 362-18-24; — Ильича, 6 (у фонтана), (383) 217-44-30

в ПЕРМИ:

- «Пиотровский» — ул. Луначарского, 51а, (342) 243-03-51

в РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:

- «Деловая Литература» — ул. Серафимовича, 53Б, (863) 2-404-889, 282-63-63

в ЯРОСЛАВЛЕ:

- Книжная лавка гуманитарной литературы — ул. Свердлова, 9, (4852) 72-57-96

в МИНСКЕ:

- ИП Людоговский Александр Сергеевич — ул. Козлова, 3
- ООО «МЕТ» — ул. Киселева, 20, 1-й этаж, +375 (17) 284-36-21

В СТОКГОЛЬМЕ:

- Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32, Stockholm, 08-651-1147

В ХЕЛЬСИНКИ:

- «Ruslania Books Oy» — Bulevardi, 7, 00120, Helsinki, Finland, +358 9 272-70-70

В КИЕВЕ:

- ООО «АВР» — +38 (044) 273-64-07
- Книжный рынок «Петровка» — ул. Вербовая, 23, Павел Швед, +38 (068) 358-00-84
- Книжный интернет-магазин «ArtLover» (www.artlover.com.ua): +38 (067) 91-51-281, info@artlover.com.ua
- Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин» (<http://lavkababuin.com/>) — ул. Верхний Вал, 40 (оф. 7, код #423), +38 (044) 537-22-43; +38 (050) 444-84-02
- Магазин умной книги и хорошего винила «Хармс», ул. Михайловская 21б (www.har.ms)
- Интернет-магазин «Librabook» (<http://www.librabook.com.ua/>) (044) 383-20-95; (093) 204-33-66; icq 570-251-870, info@librabook.com.ua

В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНАХ:

- в разделе «Интернет-магазин издательства “Новое литературное обозрение” www.nlobooks.mags.ru
 - www.ozon.ru
 - www.artlover.com.ua
 - bestbooks.shop.by
 - www.bolero.ru
 - www.cafemart.ru
 - www.esterum.com
 - www.lavchu.ru
 - www.lavkababuin.com/shop
 - www.librabook.com.ua
 - www.libroroom.ru
 - www.mkniga.com
 - www.ruslania.com
 - www.shopgarage.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новое Литературное Обозрение

Интернет-магазин www.nlobooks.ru

Возможность купить книги НЛО по ценам издательства,
которые значительно ниже цен в книжных магазинах

Доставка в любой регион России

**Специальные сервисы
для покупателей интернет-магазина:**

Раздел «Раритеты»

Возможность оформить заказ на редкие книги
нашего издательства, тираж которых почти распродан.

Раздел «Print on demand»

Возможность купить книги «НЛО», которые уже давно
стали библиографической редкостью.

Мы специально издадим эти книги для Вас
по уникальной технологии «Print on Demand»,
которая позволяет напечатать любую книгу тиражом
всего в 1 экземпляре.

Раздел «Специальные предложения»

Возможность купить отдельные книги издательства
со значительными скидками